

Лауреат
Пулициеровской премии

Лауреат Национальной
книжной премии США

ДЖОН АПДАЙК

Иствикские ведьмы

18+

Annotation

В небольшом американском городке Иствик в конце шестидесятых годов проживают три ведьмы. Они умеют колдовать и посещают шабаши, а их личная жизнь складывается из рук вон плохо: неприятности на работе, разлад с детьми, разочарования в любви. Но все меняется с появлением неотразимого загадочного мужчины, который устраивает невероятный переполох в городе. Он богат, прекрасно разбирается в искусстве и, главное, знает, что нужно женщине. Обыкновенно проницательные ведьмы позволяют заморочить себе голову, даже не подозревая об истинной природе многоликого Даррила ван Хорна...

«Иствикские ведьмы», возможно, самый увлекательный роман американского писателя Джона Апдейка, завоевавший мировую известность благодаря фильму Джорджа Миллера, главную роль в котором исполнил неподражаемый Джек Николсон, а трех ведьм сыграли Шер, Сьюзен Сарандон и Мишель Пфайффер.

- [Джон Апдейк](#)
 -
 - [I. Ведьмовской союз](#)
 - [II. Порча](#)
 - [III. Вина](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
-

Джон Апдайк

Иствикские ведьмы

John Updike
THE WITCHES OF EASTWICK

© И. Доронина, перевод, 1998

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

I. Ведьмовской союз

И подобен был муж тот черной скале, хладной зело.

Изобел Гоуди, 1662 г.

И, изреча наставления свои, сошел Диавол с возвышения, и принудил человека лобызать уши его, бывшие, по словам их, хладными, как льдины, а тело было твердым, как железо, когда припадали к нему.

Агнес Сэмпсон, 1590 г.

– Ах да, – сказала Джейн Смарт в своей торопливой, однако решительной манере: каждое ее «с-с» производило эффект обугленного кончика только что погасшей спички, прижатого к коже. Так дети, шаля, прижигают друг друга. – С-сыюки сказала, что какой-то мужчина купил имение Ленокс-сов.

– Мужчина? – переспросила Александра Споффорд, испытав странное ощущение неустойчивости, – недвусмысленно произнесенное слово поколебало ее мирную в то утро ауру.

– Из Нью-Йорка, – поспешила добавить Джейн, почти пролаяв последний слог и по-массачусетски проглотив «р». – Судя по всему, у него – ни жены, ни родственников.

– Ах, один из этих.

Северный акцент Джейн напомнил Александре о ходивших слухах, будто с Манхэттена к ним нагрянул какой-то гомосексуалист, и она замерла на месте, словно рассеченная надвое, там, где стояла, – посреди таинственного, непостижимого штата Род-Айленд. Она родилась на западе, где белые и лиловые горы вздымаются в небо в вечной погоне за нежными высокими облаками, а шары перекати-поля несутся по равнине в вечной погоне за горизонтом.

– Сьюки в этом вовсе не уверена, – небрежно возразила Джейн, несколько приглушив свои «с». – На вид он весьма мужествен. Ее поразило, какие волосатые у него руки. В агентстве недвижимости Перли он заявил, что будет использовать всю площадь, поскольку является

изобретателем и нуждается в лаборатории. И у него несколько роялей.

Александра хмыкнула; ее голос, несколько изменившийся со временем колорадского детства, казалось, исходил из горла птички, привычно примостиившейся у нее на плече. Телефонная трубка до боли натерла ей ухо, а рука затекла и, казалось, вот-вот онемеет.

– Сколько же роялей может быть нужно мужчине?

Вопрос, похоже, обидел Джейн. Ее голос вздыбился, как шерсть на спине у разъяренного черного кота, и стал переливчатым.

– Ну, Сьюки передает лишь то, что рассказала ей Мардж Перли вчера вечером на заседании комитета лошадиной поилки, – ершисто пояснила она.

Этот комитет отвечал за сооружение и – после актов вандализма – восстановление огромной лошадиной поилки из голубого мрамора, которая исторически находилась в центре Иствика, где перекрещивались две главные улицы; план города напоминал букву «L», прилегающую коротким концом к заливу Наррагансет. На Док-стрит сосредоточивался городской бизнес, пересекающая ее под прямым углом Оук-стрит приютила очаровательные старинные жилые дома. Мардж Перли, чьи отвратительные канареечно-желтые таблички «Продается» скакали вверх-вниз по деревьям и заборам, словно по приливным волнам экономики и моды, в соответствии с наплывом и откатом жителей (уже несколько десятилетий Иствик слыл отчасти упадочным – отчасти модным городом), – была грузной предпримчивой женщиной и если являлась ведьмой, то работала совсем на иной частоте – не на той, на которую были настроены Джейн, Александра и Сьюки. У нее был муж, крохотный суеверный Хоумер Перли, вечно подстригавший их живую олеандровую изгородь чуть ли не до состояния стерни, а это уже совсем другое дело.

– Документы посланы в Провиденс, – объяснила Джейн, вонзив свое «нс» прямо в ухо Александре.

– Волосатые руки, – задумчиво повторила Александра. Перед глазами у нее маячила немного поцарапанная, испещренная пятнышками и неоднократно крашенная чернота деревянной дверцы кухонного шкафа. Александра знала, какое буйство атомов, скользящих и завихряющихся, напоминающих кружение бликов перед усталым взором, царит под такой поверхностью. Словно в хрустальном шаре, она прозрела будущее: ей предстоит познакомиться с этим мужчиной и влюбиться в него, но ничего хорошего из этого не выйдет. – А имя у него есть? – спросила Александра.

– Да в том-то и глупость, – ответила Джейн Смарт, – Мардж назвала его Сьюки, а та – мне, но что-то спугнуло его и стерло из моей памяти. У

него одна из тех фамилий, которые имеют приставку то ли «ван», то ли «фон», то ли «де».

— Как шикарно, — заметила Александра, уже начиная рasti и распространяться в ожидании предстоящего вторжения. Высокий смуглый европеец, лишенный своего древнего геральдического наследия, обреченный проклятием на скитания. — Когда он предполагает въехать?

— Она сказала, что скоро. Возможно, уже въехал! — В голосе Джейн послышалась тревога.

Александра представила, как слишком, пожалуй, густые для такого худого лица брови подруги выгибаются дугами над темными, обиженно глядящими глазами, коричневый цвет которых всегда оказывался на деле чуть светлее, чем помнилось. Если Александра являла собой тип крупной меланхоличной ведьмы, всегда растягивающейся в тонкую плоскость, чтобы создать нужное настроение и слиться с ландшафтом, в душе довольно ленивой и по сути холодной, то Джейн была горячей, быстрой, целенаправленной, как остро заточенный карандаш; сущность же Сьюки Ружмонт, вечно занятой, неустанно собирающей городские новости, направо и налево расточающей улыбки и приветствия, казалась неопределенной, переменчивой, непостоянной. Об этом думала Александра, кладя трубку на рычаг. Все распадается на триады. И чудеса случаются вокруг нас по мере того, как природа ищет и обретает неотвратимые формы; кристаллические и органические объекты совмещаются под углом в шестьдесят градусов, поскольку равнобедренный треугольник — отец любой структуры.

Она снова принялась расставлять банки майсоновского соуса для спагетти — для такого количества соуса спагетти понадобилось бы больше, чем она и ее дети могли бы съесть, даже окажись они заколдованны на сто лет пребывания в итальянской волшебной сказке: ряды дымящихся банок громоздились на дрожащей и поющей проволочной решетке над голубым в белую крапинку паровым котлом. Это было, как Александра смутно сознавала, своего рода забавной данью ее нынешнему любовнику — сантехнику итальянского происхождения. Рецепт исключал лук. Два зубочка измельченного чеснока следовало поджарить в течение трех минут (не более и не менее, в этом состояло таинство) в разогретом масле, добавить побольше сахара, чтобы нейтрализовать кислоту, одну натертую морковь, много перца, потом — соль; но что придавало соусу возбуждающую силу, так это чайная ложка истолченного базилика и щепотка белладонны, способствующей высвобождению энергии, без чего результатом концентрации мужской силы был бы просто убийственный

прилив крови. Все это следовало добавить к ее собственноручно выращенным томатам, которые заполонили все подоконники в доме, несмотря на то что за минувшие несколько недель Александра постоянно резала их и тушила для соуса. С тех пор как два года назад Джо Марино стал навещать ее ложе, какое-то абсурдное плодородие обуяло привязанные к колышкам растения, высаженные на прилегающем к дому сбоку огороде. В течение всего долгого дня огород освещало с юго-запада солнце, косые лучи которого проникали сквозь ровный ряд ив. Скрюченные маленькие помидорные веточки, мясистые и бледные, словно сделанные из дешевой зеленой бумаги, обламывались под тяжестью немыслимого количества плодов; в таком изобилии было некое безумие, истерики, подобная тем, что устраивают порой дети, капризно требующие лакомства. Сорванные плоды казались живыми существами: страстными, хрупкими и предрасположенными к гниению. Когда Александра брала в руки водянистые оранжево-красные шары, она представляла, что сжимает гигантскую мошонку своего любовника. Во всем этом, пока Александра трудилась на кухне, ей чудилось нечто печально-менструальное: кроваво-красный соус, предназначенный для белых спагетти. Толстые белые трубочки превращались в ее воображении в полоски собственного бледного жира. Ах, эта извечная женская борьба с весом: в своем тридцативосьмилетнем возрасте Александра находила ее все более неестественной. Неужели, чтобы приманить любовь, нужно умерщвлять собственную плоть, подобно древнему святому-неврастенику? Естественность есть показатель и контекст всего здорового, так что, если разыгрывается аппетит, его нужно удовлетворять, следуя законам космического порядка. Тем не менее иногда Александра презирала себя за леность, выразившуюся в том, что она завела любовника, принадлежащего к нации, известной своей терпимостью к полноте.

Любовниками Александры в последние годы, после развода, чаще всего были бездомные мужья, отбившиеся от жен, которым до того принадлежали. Ее собственный бывший муж, Освальд Споффорд, покоился высоко на кухонной полке, в банке с плотно завинченной крышкой, в виде многоцветного праха. В прах превратила его Александра, когда ее могущество развернулось в полную мощь после их переезда в Иствик из Нориджа, штат Коннектикут. Оззи знал все о хроме и перешел с завода сантехники, находившегося в этом холмистом городе с избытком островерхих белых церквей, к конкуренту своего хозяина, на завод шлакобетонных блоков, растянувшийся на полмили к югу от Провиденса посреди причудливых промышленных пустырей этого небольшого штата.

Переехали они семь лет назад. Здесь, в Род-Айленде, сила стала растя и заполнять Александру, словно газ – безвоздушное пространство, и, пока ее дорогой Оззи ежедневно мотался своим обычным маршрутом на работу и обратно по шоссе № 4, она сократила его сначала до размеров обычного мужчины, с которого тут же спала, растворившись в соленом воздухе иствикской матриархальной красоты, броня патриархального защитника, а потом – до размеров ребенка, чьи всегдашние нужды и такое же всегдашнее смирение перед лицом принимаемых Александрой решений сделали его жалким и безоговорочно управляемым. Он совершенно утратил контакт с ширящейся внутри ее вселенной, стал на равных с их сыновьями участвовать в деятельности лиги малышей и играть в кегли за команду сантехнической компании. По мере того как Александра заводила себе сначала одного, первого, потом других любовников, ее муж-рогоносец все больше скучоживался и ссыпался, превратившись наконец в куклу, по ночам лежавшую в ее широченной гостеприимной кровати, как раскрашенное бревно, подобранное в придорожной траве, или набитый опилками игрушечный крокодил. К моменту их официального развода ее бывший господин и повелитель превратился просто в прах – «материю не на своем месте», как давным-давно назвала это ее мать, – некую полихромную пудру, которую Александра смела в кучку, ссыпала в банку и хранила теперь в качестве сувенира.

Другие ведьмы тоже прошли в своих браках через сходную трансформацию; бывший муженек Джейн Смарт, Сэм, висел в погребе у нее на ранчо среди сушеных трав и прочих колдовских ингредиентов. От него иногда отщипывали самую малость – не более щепотки – и добавляли в приворотное зелье для пикантности; а Сьюки Ружмонт упокоила своего в пластике и использовала теперь в качестве настольной салфетки. Это последнее событие произошло не так давно; Александра еще живо представляла Монти на каком-нибудь званом коктейле – хлопчатобумажный пиджак в полоску и петрушечно-зеленые обтягивающие брюки – громко изрекающим глупости по поводу подробностей дневных партий в гольф и яростно поносящим медлительные женские пары, которые задерживали их весь день и не дали довести игру до конца. Он ненавидел «энергичных» женщин: губернаторов, истеричных демонстранток против войны, тех, кого он именовал леди-доктор, а также леди Берд Джонсон^[1] и даже Линду Берд и Люси Бейнз^[2]. Всех их Монти считал мужиками в юбках. Витийствуя, он обнажал прекрасные зубы – крупные и очень ровные, не искусственные, а когда раздевался, его ноги оказывались трогательно тонкими, синеватыми и гораздо менее

мускулистыми, чем его загорелые руки игрока в гольф. И сморщеные на границе с ягодицами бедра, напоминающие дряхлеющую плоть женщины средних лет. Он был одним из первых любовников Александры. Теперь, ставя чашку черного как смоль кофе Сьюки на блестящую пластиковую салфетку в пиджачную полоску и глядя на остающийся на ней отчетливый кружок, она ощущала странное чувство удовлетворения.

Иствикский воздух наделял женщин особой силой. Александра нигде еще такого не испытывала, если не считать уголка штата Вайоминг, через который проезжала с родителями, когда ей было лет одиннадцать. Ее выпустили из машины пописать возле придорожных зарослей полыни, и, глядя, как на торжественно-сухой земле вмиг образовалось неровное пятно темной влаги, она подумала: это ничего. Оно испарится. Природа поглотит его. То детское ощущение осталось с ней навсегда вместе со сладким привкусом тамошней придорожной полыни. Иствик, в свою очередь, беспрерывно осыпало поцелуями море. Док-стрит с ультрамодными магазинами, в которых курились ароматические свечи, с нацеленными в летних туристов козырьками из тонированного стекла, со старомодным алюминиевым вагончиком-закусочной, примыкающим к булочной, с цирюльней, расположенной рядом с мастерской по изготовлению рамок, с лязгающей печатным станком редакцией газеты, с длиннющим темным магазином скобяных товаров, принадлежащим армянам, была причудливо пронизана соленой водой, которая скользила, шлепалась и хлюпала в дренажных канавах и билась о сваи. На них частично опирались некоторые дома, а переменчивые, с прожилками водяные блики мерцали и подрагивали на лицах местных матрон, выносящих из магазина «Бей-Сьюперетт» сумки с апельсиновым соком, обезжиренным молоком, закусочным мясом, стопроцентно пшеничным хлебом и сигаретами с фильтром. Главный супермаркет, где закупали продукты на неделю, располагался в глубине, в той части города, которую населяли фермеры. Здесь в XVIII веке плантаторы-аристократы, богатые рабами и стадами, наносили друг другу визиты верхом, а впереди галопом мчался раб, который последовательно открывал перед хозяином ворота изгородей. Теперь витающие над заасфальтированными акрами автомобильной стоянки супермаркета выхлопные газы, окрашенные свинцовыми парами, вытеснили из памяти свежий воздух, озонированный капустными и картофельными полями. Там, где на протяжении жизни многих поколений пышно произрастал маис – выдающееся сельскохозяйственное изобретение индейцев, – маленькие фабрики с глухими стенами, называвшиеся как-нибудь вроде «Дейтапроб» или «Компьютек», выпускали теперь свою

продукцию, производившуюся из таких микроскопических составляющих, что рабочим приходилось носить шапочки, чтобы упавшая с головы перхоть не нарушила тончайших электромеханических процессов.

В Род-Айленде, известном как самый маленький из пятидесяти штатов, на удивление сохранились безбрежные американские просторы, почти неезженые дороги посреди протяженных индустриальных пейзажей, заброшенные усадьбы и покинутые дома, пустынные земли, поспешно пересекаемые ровными черными лентами шоссе, поросшие вереском болота и безлюдные пляжи по обе стороны залива, который ровным клином врезался в самое сердце штата, вершиной указывая на столицу, столь многозначительно нареченную^[3]. «Окурок творения» и «сточная труба Новой Англии» – так называл эти края Коттон Мэзер. Никогда не претендовавшая на суверенитет, основанная изгоями вроде недолго прожившей колдуны Анны Хатчинсон, эта земля испещрена морщинами и окутана покровом множества тайн. Самый распространенный здесь дорожный знак – две стрелы, направленные в противоположные стороны. Заболоченные и бедные районы чередуются с курортами для сверхбогатых. Являясь убежищем квакеров и составляющих сухой остаток пуританизма людей, не признающих социально обусловленной морали, этот штат управляет католиками, чьи краснокирпичные викторианские церкви, словно грузовые суда на рейде, вырисовываются на фоне местной ублюдоочной архитектуры. Здесь сохранился тот глубоко въевшийся в прибрежную гальку еще со времен Великой депрессии зеленовато-металлический флер, какого нет больше нигде. Стоит вам пересечь границу штата, не важно где – в Потакете или Уэстерли, – и вы мгновенно ощущаете едва заметную перемену: какую-то бесшабашную расхристанность, презрение к внешнему виду, фантастическую беззаботность. За деревянными трущобами нередко зияют лунные пейзажи, где разве что одинокий рекламный щит зеленщика, маячящий у дороги призраком минувшего лета, выдает тоскливо и разрушительное присутствие человека.

По одному из таких мест, прихватив своего черного лабрадора Коула^[4], и ехала сейчас Александра в тыквенного цвета фургоне «субару», чтобы тайком взглянуть на старинный дом Леноксов. Оставив последнюю порцию простилизованных банок с соусом остывать на кухонной стойке, она прикрепила к холодильнику магнитом в форме фигурки Снупи записку для своих четверых детей: «Молоко в хол-ке, ореос^[5] – в хлебнице, буду через час. Люблю».

Семейство Леноксов во времена, когда был еще жив Роджер Уильямс, обманув вождей наррагансетских племен, согнало их с участка земли, достаточно обширного, чтобы разместить на нем владения европейского барона, но, хотя некий майор Ленокс героически сражался в битве при Великой Топи в войне короля Филиппа, а его прапрапраправнук Эмори своим красноречием во время Хартфордской ассамблеи 1815 года убедил фракцию Новой Англии не вступать в Союз, семейство постепенно склонялось к упадку. Ко времени приезда в Иствик Александры в Южном округе не осталось ни одного Ленокса, кроме вдовы старухи Абигайль, проживавшей в умирающей странной деревушке Оулд-Вик. Она бродила по дорожкам, бормоча что-то себе под нос и ежась под градом голышей, которыми ее обстреливали дети. Когда местный констебль пытался призвать их к порядку, шалуны утверждали, что таким образом защищаются от ее дурного глаза. Обширные земельные владения Леноксов были давно заброшены. Последний из дееспособных мужчин в роду построил на все еще принадлежавшем семье участке земли, напоминавшем остров в окружении заболоченных солончаковых земель в глубине от восточного побережья, кирпичный дом, представлявший уменьшенную, но по местным масштабам впечатляющую имитацию великолепных «загородных особняков», какие возводили в Ньюпорте в «золотом веке». Хотя здесь была сооружена дамба, которую постоянно наращивали, добавляя гравия, дом страдал оттого, что во время высоких приливов оказывался отрезанным от мира. Начиная с 1920 года дом последовательно населяла череда разных владельцев, никогда его не ремонтировавших, так что теперь он пришел почти в полный упадок. Огромные пластины шифера, некоторые красноватого, другие – синевато-серого цвета, срывались с крыши во время зимних ураганов и лежали летом посреди высоких зарослей некошеной травы безымянными надгробиями; замысловатой формы медные водостоки и фонарные столбы позеленели и заржавели; декоративный восемиугольный купол с видом на все стороны света накренился к западу; массивные верхушки дымоходов, напоминавшие пучки то ли органных труб, то ли напряженных глоток, нуждались в укреплении: из них вываливались кирпичи. Тем не менее издали силуэт здания остается безупречно величественным, подумала Александра. Она припарковала машину на обочине дороги, ведущей к пляжу, чтобы посмотреть на дом издали, с расстояния около четверти мили.

Стоял сентябрь, пора высоких приливов; болото, простиравшееся отсюда вплоть до острова, в тот день представляло лазурную гладь воды, усеянную верхушками просоленных пучков увядшей травы, казавшихся

золотыми. Оставалось часа два до того времени, когда дамба становилась непроходимой в оба конца. Шел пятый час, все вокруг было неподвижно, солнце пряталось за парусиновым покровом облаков. Раньше дом скрывала аллея вязов, тянувшаяся вдоль дамбы и далее вплоть до главного входа, но они погибли от какой-то древесной болезни, остались лишь высокие стволы, очищенные от некогда раскидистых, смыкавшихся арками ветвей. Эти древесные остатки выглядели как завернутые в саваны покойники, склонившиеся друг к другу, или одинаковые безрукие роденовские статуи Бальзака. Дом имел неприветливый симметричный фасад со множеством ренессансных окон в стиле Палладио^[6], казавшихся маловатыми – особенно окна третьего этажа, сплошным однообразным рядом протянувшиеся под крышей: это был этаж, предназначенный для слуг. Александра побывала в этом доме несколько лет назад, тогда она пыталась еще быть хорошей женой, добросовестно исполняющей свои обязанности, и сопровождала Оззи на благотворительный концерт, устроенный в здешнем бальном зале. В памяти мало что осталось: только анфилады комнат, скучно обставленных и пахнущих морской солью, плесенью и давно забытыми удовольствиями. Потемневший шифер разрушающейся крыши сливался с чернотой, сгущавшейся на севере, но тревожность атмосфере придавали не только тучи. Из левого дымохода поднималась тонкая белая струйка дыма – внутри кто-то был.

Тот человек с волосатыми руками.

Будущий любовник Александры.

А еще более вероятно – рабочий или сторож, которого он нанял. От долгого и пристального взгляда в даль у Александры защищало глаза. Все внутри ее, так же как небо на севере, заволокло чернотой, и она почувствовала себя жалкой сторонней наблюдательницей. Острая женская тоска заполонила нынче все газеты и журналы; сексуальное равновесие было поколеблено, когда девочки из хороших семей помешались на чувственных рок-звездах, зеленых безусых гитаристах из ливерпульских или мемфисских трущоб, непостижимым образом обретших непристойное могущество. Какие-то темные светила обратили дочек, взращенных вдали от бед и тревог, в разнужденных молодых девиц с суицидальными наклонностями. Александра вспомнила свои помидоры: сок насилия под самодовольно гладкой кожей. Она подумала о старшей дочери, часами просиживающей в своей комнате наедине со всеми этими «Манкиз» и «Битлз»... Бродить вот так, будто во сне, напрягая зрение, для Марси – одно, для ее матери – другое.

Александра зажмурилась, чтобы прогнать видение, потом вернулась в

машину, где ее ждал Коул, и проехала с полмили по ровной черной дороге до берега.

Когда сезон заканчивался, собаку разрешалось спускать с поводка, если поблизости никого не было. Но тот день выдался теплым, и узкая полоска стоянки была забита старыми машинами и фургонами «фольксваген» с занавешенными окнами и психоделическими наклейками. Перед раздевалками и пляжной пиццерией множество молодых людей в купальниках лениво валялись на песке, врубив радиоприемники, словно лето и юность не собирались кончаться никогда. Из уважения к пляжным правилам Александра на полу под задним сиденьем положила длинный веревочный поводок. Коул задрожал от отвращения, когда она продела его через кольцо в украшенном металлическими заклепками ошейнике. Вмиг превратившись в сгусток мускулов и энергии, пес потащил Александру через вязкий песок. Она остановилась, чтобы скинуть свои бежевые сандалии на веревочной подошве, и собака стала давиться под натянутым ошейником; Александра оставила сандалии у кустика в конце пляжного променада. Шестифутовые сегменты этого дощатого настила разъехались во время последнего высокого прилива, который также оставил на песке у кромки моря кучу бутылок из-под дезинфицирующего средства «Хлорокс», трубочки из-под тампонов и пивные банки, которые болтались в воде так долго, что вода съела их этикетки. Лишенные их, банки выглядели устрашающе – слепые, как бомбы, которые террористы изготавливают и подкладывают в людных местах, чтобы подорвать существующую систему и якобы остановить войну.

Коул тащил хозяйку вперед, мимо нагромождения обросших ракушками каменных кубов, из которых раньше, когда этот берег был игровой площадкой для богатых, а не загаженным общественным пляжем, состоял пирс. Кубы были высечены из светлого с черными прожилками гранита, в одном, самом большом, еще сохранилась скрепленная болтами скоба, проржавевшая за минувшие годы до джакометтиевской хрупкости. Несущийся из молодежных радиоприемников рок легкомысленнейшего свойства волнами омывал ее со всех сторон, заставляя почувствовать собственную тяжеловесность, не давая забыть о ведьминской фигуре, которую приходилось маскировать босыми ногами, мешковатыми мужскими рубашками и поношенными зелеными парчовыми алжирскими жакетами из тех, что они с Оззи купили в Париже семнадцать лет назад во время медового месяца. Хотя летом ее кожа становилась по-цыгански оливковой, по крови Александра оставалась северянкой, девичья фамилия была Соренсен. От матери она знала о суеверии, связанном со сменой

инициала в замужестве, но смеялась над предрассудками и страстно желала поскорее завести детей. Марси была зачата в Париже, на железной кровати.

Александра заплетала волосы в толстую косу, лежавшую на спине, а иногда закалывала ее кверху, и тогда коса напоминала вышедший наружу на затылке позвоночник. Александра никогда не была блондинкой в истинном, викинговском стиле, ее волосы имели грязновато-пепельный оттенок, теперь еще больше замусоренный сединой. Особенно интенсивно седина пробивалась спереди, надо лбом; на затылке же волосы все еще оставались густыми и выюющимися, как у тех девушек, что лежали теперь на песке, наслаждаясь теплом. Гладкие молодые ноги, мимо которых она проходила, карамельно-загорелые, покрытые легким белым пушком, выстроились в ровную шеренгу, словно демонстрируя свою солидарность. Нижняя часть бикини на одной девушке блестела в тусклом свете, тугу натянутая и гладкая, как барабан.

Коул зарычал и рванулся вперед, учゅяв в океанском воздухе, пахнущем водяными, дух какого-то ошметка разлагающегося животного. Чем дальше, тем меньше становилось народу на берегу. Слившаяся в объятиях юная пара лежала в выемке, которую вырыла себе в песке; юноша мурлыкал что-то в ямочку на шее подруги, как в микрофон. Троє сверхмускулистых молодых людей с длинными развевающимися волосами, крякая, прыгали, перебрасываясь тарелочкой фрисби, и только когда Александра позволила сильному черному лабрадору протащить себя прямо через широкий треугольник, образованный игроками, те прекратили свое оскорбительное дрыганье и визжание. Ей показалось, что она рассыпалась слово – не то «карга», не то «баба», – брошенное ей в спину, но это мог быть просто обман слуха, всплеск волны, можно принятый за речь. Александра почти дошла до того места, где изъеденная влагой цементная стена, увенчанная спиралью из ржавой колючей проволоки, знаменовала конец общественного пляжа; тем не менее и здесь еще встречались клубки юнцов и охотники за юнцами, и Александра не решалась отпустить бедного Коула, хотя он беспрестанно дергался, натягивая поводок. От его нетерпеливого желания побегать веревка горела у нее в руке. Море казалось неестественно спокойным – словно впавшим в транс, лишь вдали, там, где одинокий маленький катерок жужжал, скользя по ровной поверхности неглубоко сидящим бортом, виднелись белые паруса. По другую сторону от Александры, совсем рядом, по дюнам ползли вниз песчаные бобовые выюнки и пушистые гудзонии. Здесь пляж сужался и становился укромным, как можно было понять по кучкам консервных банок, бутылок, обгоревших щепок, прибитых к берегу, разломанной пенопластовой упаковке и

использованным презервативам, похожим на высохшие трупики медуз. Цементная стена была исписана краской из баллончиков – в основном парами связанных между собой имен. Скверна повсюду оставила свой след, но океан смягчил ее.

В одном месте дюны были невысоки, так что поверх них дом Леноксов оказался виден под другим углом и с более дальнего расстояния; его симметрично расположенные по отношению к куполу дымоходы торчали, как крылья сарыча-горбuna. Александра ощущала раздражение и желание отомстить. Ей казалось, что у нее отбиты все внутренности; она чувствовала себя оскорблённой услышанным словечком «карга» и вообще поведением этой непочтительной молодежи, не позволяющей ей спустить с поводка собаку и дать побегать своему другу – домашнему любимцу. Александра решила очистить пляж для себя и Коула, вызвав грозу. Погода снаружи всегда взаимосвязана с погодой внутри; задача состоит лишь в том, чтобы развернуть течение вспять, что сделать вовсе не трудно, если сила изначально сконцентрирована на нужном полюсе. Сколько замечательных, выдающихся возможностей открыла в себе Александра благодаря лишь тому, что заново обрела свое исконное «я», пусть это и случилось только в середине жизни! Да, только к середине жизни она действительно поверила в то, что имеет право на существование и природа создала ее не как дополнение и спутницу – гнутое ребро, как сказано в скandalно известном *Malleus Maleficarum*^[7], – но как оплот продолжающегося Творения, как дщерь дщери и женщину, чьи дочери в свою очередь выносят дочерей. Александра закрыла глаза, чувствуя, как дрожит и поскуливает от страха Коул, и обратила силу внушения на безбрежную вселенную внутри себя – и эта бесконечность стала прорастать сквозь людские поколения и поколения прародителей-приматов вспять, потом еще дальше, в глубь веков, сквозь эру земноводных и рыб к эре водорослей, из которых состряпалась первая на пустынной тогда Земле ДНК, принявшая форму микроскопических тепловатых внутренностей. Другим концом эта бесконечность, минуя множество стадий, уперлась в исход жизни, пульсирующий, кровоточащий, постепенно приспосабливающийся к холodu, к ультрафиолетовому излучению, к вспухающему и слабеющему солнцу, – Александра повелела своим беременным глубинам потемнеть, сжаться и высечь молнию на границе между двумя высокими стенами воздуха. И небо вдали на севере действительно загромыхало, но так слабо, что только Коул мог услышать. Он навострил уши и стал водить ими из стороны в сторону, в собачьем черепе ожили их корни. Мерталия, Мусалия, Дофалия – громко зазвучали

внутри Александры мысленно произносимые запретные имена. Онемалия, Зитансейя, Голдафария, Дедульсейра. Невидимо для посторонних Александра начала расти и сделалась огромной, как воплощение вселенского материнского гнева, вовравшего в себя весь этот умирающий сентябрьский мир. Ее веки взметнулись как по команде. С севера налетел резкий порыв ветра, возвестивший приближение холодного фронта, и сорвал пестрые флаги с флагштоков, торчавших перед дальней раздевалкой. На том конце, где толпа полуголых юнцов была особенно густой, раздался всеобщий вздох изумления, и тут же послышалось возбужденное хихиканье – ветер крепчал, а небо над Провиденсом оставалось ясным, словно небесную твердь в этом месте подпирал прозрачный багровый утес. Гименейя, Гегрофейра, Седани, Гилтар, Годиб. Вокруг этого атмосферного утеса вскипали кучевые облака, еще несколько мгновений назад казавшиеся невинными, как цветы, плавающие на поверхности пруда. На фоне покривевшего неба их края сверкали, словно мрамор на солнце. Изменился окружающий пейзаж: прибрежные травы и ползущие солеросы под толстыми босыми пальцами Александры, обросшими мозолями и скрюченными от многолетнего ношения обуви, скроенной в угоду мужским вкусам и жестоким требованиям красоты, стали похожи на негатив, впечатанный в песок, чья испещренная следами рябая поверхность вдруг окрасилась в лавандовый цвет и вспутилась, как пузырь, раздувшийся под воздействием атмосферных перепадов. Непочтительные молодые люди, проводив взглядами свою тарелку, которую ветер вырвал у них из рук и нес теперь по небу, словно воздушного змея, бросились собирать радиоприемники, непочатые упаковки пивных банок, кроссовки, джинсы и майки-«варёнки». Девушка, нежившаяся со своим парнем в песчаной нише, никак не могла успокоиться и беспрерывно всхлипывала, пока ее кавалер неуклюже старался на ощупь застегнуть крючки на ее бюстгальтере. Коул, обезумевший от барометрического давления, терзавшего ему уши, лаял в пространство, кидаясь из стороны в сторону.

Теперь и бескрайний непроницаемый океан, только что невозмутимо простиравшийся вплоть до Блок-Айленда, ощутил перемену. Его поверхность там, где ее коснулась тень летящих облаков, покрылась рябью и сморщилась – вода в этих местах трепетала и корчилась, почти как пожираемая пламенем материя. Мотор на катере заработал натужнее. Паруса, маячившие в море, исчезли, и воздух завибрировал от совместного рева вспомогательных двигателей – лодки устремились в гавань. Из ветряного горла вырвался хриплый кашель, и дождь обрушился на землю

огромными ледяными каплями, бившими больно, как крупные градины. Громко топая, мимо Александры промчались к своим припаркованным возле раздевалок машинам медовокожие любовники. Загремел гром на вершине темного воздушного утеса, по поверхности которого быстро скользили чуть более светлые серые облака в форме гусей, жестикулирующих ораторов, разматывающихся мотков пряжи. Крупные, больно жалящие капли сменились сплошной стеной дождя, состоявшей из пенящихся белых струй, которые ветер перебирал невидимыми пальцами, словно арфист – струны своего инструмента. Александра стояла неподвижно, облитая холодной водяной глазурью, и безмолвно кричала в собственные недра: Эзоилл, Мьюзил, Пури, Тамен. Коул скулил, съежившись у ее ног и обмотав ее щиколотки своим поводком. Его тело с зализанной, облегавшей мускулатуру шерстью дрожало. Александра отвязала веревку и отпустила собаку на волю.

Но Коул продолжал бесформенной грудой лежать у ее ног; когда сверкнула молния – одна, потом еще одна, сдвоенная, – он тревожно вскинулся. Александра считала секунды – гром раздался через пять. Если громовые удары исходили из сердцевины, то по грубым прикидкам это означало, что вызванный ею ураган имеет десять миль в диаметре. Рваные раскаты грома обрушивались на землю трескучими проклятиями. Крохотные крапчатые песчаные крабы дюжинами вылезали из своих норок и спешили к пенящейся воде. Цвет их панцирей был таким песочно-зыбким, что казался прозрачным. В приливе жестокости Александра раздавила одного босой ступней. Жертва. Всегда необходима жертва. Таков закон природы. В подобии странной пляски она настигала и топтала крабов одного за другим. Все лицо Александры, от лба до подбородка, покрылось водяной пленкой. Пронизанная флюидами ее возбужденной ауры, эта пленка переливалась всеми цветами радуги. Беспрестанные вспышки молний кадр за кадром запечатлевали Александру на воображаемых фотоснимках. На подбородке у нее была ямочка; другая, едва заметная, – на кончике носа; привлекательность ее лицу придавали чистота широкого лба под посеребренными сединой крыльями волос, наискось симметрично зачесанными назад и собранными в косу, и проницательный взгляд глаз чуть-чуть навыкате; рисунок радужных оболочек цвета вороненой стали, казалось, стремительно разбегался к ободкам, как будто каждый из ее непроглядно-черных зрачков был антимагнитом. Изгиб печально-пушистых губ с глубоко прорезанными уголками напоминал подобие улыбки. Своего нынешнего роста – пять футов восемь дюймов – Александра достигла к четырнадцати годам, в двадцать лет она весила сто двадцать фунтов; сейчас

ее вес составлял около ста шестидесяти. Одним из преимуществ того, что она стала ведьмой, была возможность постоянно сдерживать свой вес.

Как крохотные песчаные крабики казались прозрачными на фоне крапчатого песка, так Александра, промокшая насеквоздь, чувствовала себя прозрачной в дождевых струях, слитой с ними воедино, температура дождя и ее крови сравнялась. Небо над морем покрылось расплывчатыми горизонтальными полосами, гром, удаляясь, сменился глухим бормотанием, дождь – теплой моросью. Пронесшемуся урагану не суждено было быть отмеченным на погодных картах. Краб, которого Александра раздавила первым, все еще шевелил лапками, напоминая бледное птичье перышко, потревоженное дуновением ветерка. Коул, освободившийся наконец от страха, носился кругами все более и более широкими, и на песке рядом с треугольными следами заячьих лапок, более изящными царапинками от лапок куликов и пунктирными линиями, прочерченными крабами, оставались квадратные отпечатки его когтей. А поверх всех этих ключиков к иным мирам бытия – миру крабов с глазами на макушке, ползающих боком на цыпочках, миру морских улиток, стоящих в своих домиках на голове и ножками пропихивающих в рот пищу, – повсюду виднелись маленькие кратеры, проделанные в песке дождовыми каплями. Песок так пропитался водой, что цветом стал похож на цемент. Одежда, включая белье, настолько плотно облепила тело Александры, что она чувствовала себя сигаловской гладко-белой скульптурой – хитросплетение сосудов и костей, окутанное призрачным молочным туманом. Александра прошла по опустевшему и омытому дождем общественному пляжу до увенчанной колючей проволокой стены и обратно. Потом – до автомобильной стоянки. По пути остановилась у кустиков, чтобы прихватить свои оставленные там и вымокшие теперь до нитки сандалии. Длинные стреловидные листья-лезвия растений блестели, расправившись под дождем.

Александра открыла дверцу своего «субару» и громко позвала Коула, носившегося в дюнах.

– Песик, сюда! – пропела величавая матрона. – Беги сюда, детка! Ко мне, ангелок!

Взору молодых людей, которые, укрывшись мокрыми, забитыми песком полотенцами и бесстыдно прижавшись друг к другу своими гусиными гузками, сбились в серой дощатой раздевалке и под навесом (в томатно-сырную полоску) пляжной пиццерии, Александра предстала чудом: совершенно сухая, ни один волосок не выбился из ее толстой косы, ни пятнышка влаги на парчовом зеленом жакете. Поскольку впечатление

это не поддавалось проверке, оно породило среди иствикцев слухи о черной магии.

Александра была художницей. Пользуясь почти исключительно зубочистками и ножом из нержавейки для масла, она вырезала и лепила маленькие лежащие или сидящие фигурки, всегда женские, в ярких одеяниях, которыми она разрисовывала их обнаженные формы. Фигурки продавались по пятнадцать – двадцать долларов в двух местных бутиках, один из которых назывался «Тявкающая лиса», другой – «Голодная овца». Александра слабо представляла, кто их покупает, почему и зачем вообще она их лепит, кто водит ее рукой. Дар ваяния снизошел на нее вместе с другими способностями как раз в тот период, когда Оззи предстояло обернуться многоцветной пылью. Александра почувствовала позыв однажды утром, сидя за кухонным столом, когда дети находились в школе, а посуда была уже вымыта. В то первое утро она воспользовалась пластилином одного из детей, но впоследствии работала только с чистейшей глиной, которую сама выкапывала из неглубокой ямы неподалеку от Ковентри, на осклизлом открытом уступе жирной белой земли на заднем дворе некоей старой вдовы, за поросшими мхом развалинами какой-то надворной постройки и ржавым остовом довоенного «быюика», по странной случайности точно такого же, на каком ее отец ездил в Солт-Лейк-Сити, Денвер, Альбукерк и маленькие городки, затерявшиеся между ними. Он торговал рабочей одеждой – комбинезонами и синими джинсами – еще до того, как те вошли в моду и стали популярной во всем мире одеждой, вызывающей воспоминания. Просто берешь холщовые сумки, отправляешься в Ковентри и платишь вдове двенадцать долларов за сумку. Если сумки оказывались слишком тяжелыми, вдова помогала ей дотащить их до машины; как и Александра, вдова была сильной. Ей было не меньше шестидесяти пяти, но она красила волосы в медный цвет и носила брючные костюмы бирюзового или пурпурного цвета, такие тесные, что плоть ниже пояса собиралась валиками наподобие колбасок. Это выглядело мило. Александра угадывала в этом послание себе: старость может быть симпатичной, если оставаться сильной. Вдова ржала, как лошадь, и носила огромные золотые серьги-обручи, зачесывая назад медные волосы, чтобы серьги были видны. Пара петухов-забияк гордо и неторопливо вышагивала в высокой траве запущенного двора; задняя стена покосившегося дощатого дома вдовы облупилась, обнажив серую древесину, однако фасад был аккуратно выкрашен белой краской. В своем «субару», проседающем под тяжестью вдовьей глины, Александра

всегда возвращалась из этих поездок в приподнятом настроении, оживленной и укрепившейся в уверенности, что мир держится на тайной женской солидарности.

В каком-то смысле ее скульптуры были примитивны. Сьюки – или то была Джейн? – окрестила их ее «малышками»: лежащие коренастые женские тела дюймов четырех-пяти в длину, зачастую без лиц и ног, скрюченные в причудливых позах и гораздо более тяжелые, чем можно предположить. Люди считали, что они действуют успокаивающе, и не слишком бурный, но ровный поток покупателей, уносивших их с собой, хоть и был более интенсивным летом, не иссякал даже и в январе. Александра ваяла обнаженные формы, зубочисткой продевала пупки и никогда не забывала легким намеком обозначить вагинальную щелочку в знак протesta против ханжеской гладкости, которую имели в этом месте те куклы, которыми она играла в детстве. Потом она пририсовывала им одежду – купальные костюмы пастельных тонов, иногда невозможно облегающие платья в горошек, в звездочку или в полоску, напоминавшую морские волны, как их изображают в мультфильмах. Ни одна фигурка не казалась точной копией другой, хотя все они были сестрами. Такой метод диктовало Александре ощущение, что так же как мы каждый день надеваем одежду поверх своей наготы, так и одежду для этих фигурок следует скорее накладывать сверху красками, чем вырезать в этих примитивных скругленных тельцах из мягкой глины. Потом она обжигала их по дюжине зараз в маленькой электрической шведской печке, которая стояла у нее в мастерской, примыкавшей к кухне. Мастерская была не закончена, но в ней имелся деревянный настил в отличие от смежного помещения – кладовки с земляным полом, где хранились старые глиняные горшки, грабли, мотыги, резиновые сапоги и садовые ножницы. Будучи самоучкой, Александра занималась ваянием уже пять лет – со времени, непосредственно предшествовавшего разводу, который способствовал расцвету ее личности, проявившемуся и во многом другом. Ее дети, особенно Марси, но Бен и маленький Эрик тоже, терпеть не могли ее «малышек», считая их непристойными, и однажды в порыве ненависти расколотили целый противень охлаждавшихся после обжига фигурок; но впоследствии смирились с ними, как с дефективными родственниками. Дети – это глина, которая до определенного предела остается податливой; хотя неистребимая гримаса отвращения по-прежнемуискажала лица ее отпрысков и они старались избегать взглядом ненавистных фигурок.

У Джейн Смарт тоже имелись артистические наклонности – музыкальные. Чтобы сводить концы с концами, она давала уроки музыки и

время от времени замещала капельмейстеров в местных церквях, но ее истинной любовью была виолончель. Вибрирующие меланхолические звуки, беременные печалью древесных волокон и тенистым величием крон, в причудливые теплые лунные ночи вольно лились из забранных ставнями окон ее маленького приземистого деревенского дома, затерявшегося между такими же домишками на кривых улочках в районе Пятидесятых, известных под названием Пещерные дома. Соседи Джейн – муж, жена, ребенок и собака, разбуженные, бродили, бывало, по своему участку в четверть акра, обсуждая вопрос: не вызвать ли полицию? Вызывали они ее редко, приведенные в замешательство и, вероятно, напуганные откровенностью и тоской, пронизывавшими блестящую игру Джейн. Проще, казалось, вернуться в постель и постараться снова уснуть под двойные ноты гамм, сначала в терцию, потом в сексту, под этюды Поппера или повторяющиеся четыре такта слигованных шестнадцатых (когда виолончель звучит почти соло) во втором анданте бетховенского ля-минорного квартета № 15.

Садовником Джейн была никудышным, и запущенные заросли рододендронов, гортензий, туй, барбарисов и самшиста вокруг дома скрадывали поток звуков, низвергавшийся из окон. То была эпоха утверждения во всевозможных правах и шумной музыки в общественных местах, когда в каждом супермаркете громко звучали «мьюзаковские»^[8] версии «Сатисфэкшн» и «Я поймал тебя, детка», а стоило двум-трем подросткам собраться вместе, как в воздухе сублинировался дух Вудстока. Однако внимание неотвязно привлекала не громкость, а тембр страсти Джейн, от которой у нее порой путались пальцы, тем не менее, сбившись, она неуклонно повторяла тот же самый пассаж, в той же заданной тональности. У Александры эти звуки ассоциировались с темными бровями подруги и с горячей напористостью ее голоса, безоговорочно требовавшей ответа, изложенного в виде четкой формулы, которая способна ввести жизнь в подобающее русло и ухватить ее тайну, вместо того чтобы, подобно Александре, плыть по течению в полной уверенности, что тайна вездесуща, пронизывает жизнь насквозь, витает в воздухе в качестве его составной, не имеющей запаха, и именно ею питаются птицы и растения.

Сьюки не обладала артистическим талантом, но обожала общественную жизнь и, побуждаемая стесненными обстоятельствами, всегда была готова написать об очередном разводе в местный еженедельник «Иствикское слово». Когда она ходила легкой грациозной походкой туда-сюда по Док-стрит, прислушиваясь к сплетням, роскошь магазинов, безобразные скульптуры Александры, выставленные в витрине

«Тявкающей лисы», или рекламный плакат в армянском магазине, оповещающий о концерте камерной музыки, который состоится в униатской церкви с участием Джейн Смарт (виолончель), возбуждали ее, словно внезапно сверкнувший в песке на берегу осколок стекла или четвертак, найденный в грязи на обочине, – чудом спасшийся обрывок кода, сгоревшего вместе с мусором повседневного опыта, внезапно сверкнувшая молния, соединившая внутренний и внешний миры. Сьюки любила своих подруг, а они ее. Сегодня, отступив на машинке отчет о вчерашних собраниях в ратуше совета экспертов по оценке имущества (тоска: все те же старые малоземельные вдовы, клянчивающие скидок) и комиссии по планированию (не оказалось кворума: Херби Принс на Бермудах), Сьюки стала с нетерпением ждать Александру и Джейн, которые должны были зайти к ней выпить. Обычно они собирались по очереди в одном из трех домов по четвергам.

Сьюки жила в центре города, это было удобно для работы, хотя ее нынешний дом – миниатюрная постройка 1760 года, двухэтажная с фасада, одноэтажная с тыла, расположенная на кривой улочке, носившей название Хемлок-лейн, в глубине от Оук-стрит, была шагом назад по сравнению с обширной фермерской усадьбой – шесть спален, тридцать акров земли, микроавтобус, спортивный автомобиль, джип, четыре собаки, – в которой они с Монти жили раньше. Но присутствие подруг преображало домишко, окружая аурой ожидания волшебства; для своих сборищ подруги обычно прибирали какую-нибудь необычную, яркую деталь костюма.

Александра появилась из боковой кухонной двери в шитой золотыми нитями парсийской^[9] шали; в руках, словно гимнастические гири или кровавые улики, она держала две банки острого, пахнущего базиликом томатного соуса.

Ведьмы расцеловались, прижимаясь друг к другу щеками.

– Вот, солнышко. Знаю, что ты больше любишь что-нибудь несладкое, пикантное, но... – сказала Александра тем волнующим гортанным контральто, каким русская женщина произносит слово «было». Сьюки приняла дары-близнецы в свои гораздо более тонкие руки; на бумажных наклейках были заметны выцветшие крапинки. – В этом году помидоры почему-то плодятся как сумасшедшие, – продолжала Александра. – Я уже приготовила около сотни таких банок. А однажды вечером даже вышла в огород и крикнула: «Пропади вы пропадом, пусть все остальное сгниет на корню к чертовой матери!»

– Помню, был год, когда такое же творилось с цукини, – подхватила Сьюки, уважительно ставя банки на полку буфета, где им предстояло

остаться навечно.

Как справедливо заметила Александра, Сьюки любила несладкие, пикантные лакомства, сельдерей, кешью, плов, соленые палочки – то, что можно грызть и клевать постоянно, как делали ее обезьяны предки, карабкаясь по деревьям. Одна она никогда не садилась за стол, а лишь прихлебывала какой-нибудь йогурт с пшеничными коржиками, стоя у кухонной мойки, или забивалась в свою телевизионную «пещеру» с семидесятидевятым пакетом волнистых картофельно-луковых чипсов и стаканом крепкого бурбона.

– Чего я только из них не делала, – говорила Сьюки, с явным удовольствием преувеличивая, ее подвижные руки мелькали где-то на периферии зрения. – Хлеб из цукини, суп из цукини, салат, оладьи, цукини, запеченные в гамбургерах, жареные ломтиками, нарезанные палочками, чтобы макать их в соус… Это была какая-то дикость. Я даже перемолола огромное количество цукини в миксере и сказала детям, чтобы они намазывали эту кашицу на хлеб вместо арахисового масла. Монти был в отчаянии. Он говорил, что даже его кал воняет цукини.

Хотя последняя фраза лишь косвенно, но не без приятности относилась к дням ее супружества и их изобилию, упоминание о бывшем муже было в некотором роде нарушением декорума и погасило готовую расцвести на лице Александры улыбку. Сьюки, самая молодая из трех, развелась последней. Она была стройна и рыжеволоса, прямые, ровно подстриженные волосы густой копной лежали на спине, а длинные руки были усеяны веснушками, цветом напоминавшими кедровую древесину, а формой – стружку, остающуюся после заточки карандашей. На запястьях Сьюки носила медные браслеты, на шее – пентаграмму на дешевой тонкой цепочке. Александре с ее тяжеловесными эллинистическими, симметрично расщепленными в двух местах чертами больше всего нравилась в облике Сьюки жизнерадостная обезьяня выпуклость черт: нижняя часть лица под коротким носом из-за крупных зубов выдавалась вперед, а особенно симпатичной казалась нависающая верхняя губа, более широкая и сложная по рисунку, чем нижняя, с припухостями по бокам, которые придавали ей шаловливое выражение, даже когда Сьюки не улыбалась, – словно ее обладательнице постоянно что-то забавляло. Глаза Сьюки были зеленовато-орехового цвета, круглые и довольно близко посаженные. Она проворно двигалась по своей жалкой крохотной кухоньке, где все громоздилось друг на друга и из-под миниатюрной заляпанной мойки шел запах бедности, оставшийся от многих поколений иствикцев, живших в этом доме и привносивших в обиход свои бессистемные новации в те времена, когда

такие вручную сработанные дома, как этот, никто не находил очаровательными.

Одной рукой Сьюки достала банку безбожно пересоленных орешков с буфетной полки, другой взяла сушки, сделанной из обтянутой резиной проволоки и висевшей над мойкой, маленькое блюдо, раскрашенное шотландской клеткой и окантованное медью; высыпала в него орешки. С треском разрывая пакеты, выложила крекеры по краю тарелки, в центре которой красовался солидный кусок сыра гауда в красной оболочке, и поставила на стол плоскую магазинную баночку паштета со смеющимся гусем на этикетке. Тарелка была сделана из грубой бурой глазурованной керамики, вылепленной в форме краба. Рак. Александра боялась этого знака и повсюду в природе находила его подобие: в кустиках черники, росшей в заброшенных местах среди скал и болот, в гроздьях винограда, зреющего на подгнившей и прогнувшейся арке-беседке напротив ее кухонного окна, в конусообразных гранулированных домах-холмиках, которые муравьи строили в расщелинах ее асфальтированной подъездной аллеи, – в любом неосмысленном, но неотразимо влекущем множестве.

– Тебе как обычно? – спросила Сьюки с оттенком нежного сочувствия, потому что Александра, словно была старше, чем на самом деле, со вздохом, не снимая шали, тяжело уронила свое тело в единственное на этой кухне гостеприимное углубление – старое удобное голубое кресло, слишком уродливое, чтобы держать его в каком-нибудь другом месте. Из него постепенно вылезали внутренности, и на подлокотниках образовались сальные серые пятна, оставленные множеством касавшихся их запястий.

– Да, мне все еще требуется что-нибудь тонизирующее, – решила Александра, поскольку холод, вошедший в нее несколько дней назад вместе с грозой, так и не выветрился. – Нет ли у тебя водки?

Кто-то когда-то сказал ей, что водка не только менее калорийна, но и меньше раздражает слизистую желудка, чем джин. А раздражение, как физическое, так и психологическое, провоцирует рак. Он случается у того, кто не защищен от самой идеи его возникновения; ведь для этого и нужно всего-навсего одна свихнувшаяся клетка. Природа всегда начеку, наблюдает за тобой, ждет, когда ты утратишь веру, чтобы вонзить в тебя свое смертоносное жало.

Сьюки улыбнулась шире:

– Я ведь знала, что ты придешь. – Она выставила непочатую бутылку джина «Гордонз» с традиционной свирепой головой борова, глядящей круглым оранжевым глазом и высунувшей красный язык между загнутыми клыками.

Александра улыбнулась, глядя на этого дружелюбного монстра.

– И п-больше тоника, п-жалста. Калории!

Бутылка с тоником шипела и пенилась в руке Сьюки, словно хотела напугать. «А может, раковые клетки больше похожи на пузырьки газировки, разносимые током крови?» – подумала Александра. Нужно перестать об этом думать.

– Где Джейн? – спросила она.

– Предупредила, что немного задержится. Репетирует перед концертом у униатов.

– С этим ужасным Неффом, – добавила Александра.

– С этим ужасным Неффом, – эхом отозвалась Сьюки, слизывая с пальцев тоник и шаря другой рукой в холодильнике в поисках лайма.

Реймонд Нефф, преподававший музыку в старших классах, был низеньким толстым изнеженным мужчиной, который, однако, наградил пятерыми детьми свою неопрятную жену-немку с землистой кожей, носившую очки в стальной оправе. Как и большинство хороших учителей, он был тираном, вкрадчивым и назойливым, и желал спать со всеми подряд. В настоящее время с ним спала Джейн. Александра в прошлом несколько раз поддалась ему, но событие это произвело на нее столь незначительное впечатление, что Сьюки, вероятно, даже не уловила ни вибрации, ни следа зрительного образа. Сама Сьюки в присутствии Неффа вела себя сдержанно, но и она свободна стала не так давно. Быть разведенной в маленьком городе – в некотором роде то же, что играть в «Монополию»: в конце концов последовательно оседаешь во всех владениях. Подруги не одобряли этой связи Джейн, которая всегда продавала себя с неприличной поспешностью. Но больше всего они не любили отвратительную жену Неффа с тусклыми соломенными волосами, коротко подстриженными как будто сенокосилкой, с тщательно выговариваемыми и комически неправильно употребляемыми словами, с привычкой напряженно вслушиваться в каждое слово собеседника, глядя на него в упор выпученными глазами. Когда спишь с женатым мужчиной, в определенном смысле спишь и с его женой, поэтому она не должна быть настолько отталкивающей.

– У Джейн такие восхитительные возможности, – автоматически отозвалась Сьюки, забравшись в холодильник и по-обезьяньи яростно стараясь высекрести еще несколько кубиков льда из формочки.

Ведьма может взглядом заморозить воду, но разморозка порой превращается в проблему. Из четырех собак, которых они с Монти держали в лучшую пору своего супружества, две были прыгучими серебристо-

коричневыми веймаранами – веймарскими пойнтерами. Одного, по имени Хэнк, Сьюки оставила у себя, и сейчас он жался к ее ноге в надежде, что она сражается с холодильником ради него.

– Но ее жертва напрасна, – завершила фразу за Сьюки Александра. – Это жертва в старомодном смысле слова, – добавила она, поскольку шла война во Вьетнаме, открывшая миру иной, опасный смысл этого слова. – Если Джейн серьезно относится к занятиям музыкой, то ей следовало бы переехать в какое-нибудь серьезное место, в большой город. Это же чудовищное растрачивание себя для выпускницы консерватории – пилять на струнах для сборища старых глухих куриц в полуразвалившейся церкви.

– Ей здесь спокойно, – объяснила Сьюки тоном, предполагавшим, что им-то – отнюдь нет.

– Она даже никогда не моется. Ты обратила внимание, какой дух от нее исходит? – спросила Александра, имея в виду не Джейн, а Грету Нефф, однако Сьюки не составило ни малейшего труда уловить ассоциацию – их сердца бились на одной волне.

– А эти старушечьи очки! Она в них похожа на Джона Леннона, – подхватила Сьюки и, поджав губы, изобразила печально-торжественную мину, став действительно похожей на Джона Леннона. – «Я тумаю, сто тиапер мы можем выпить сfoи – sprechen Sie wass?^[10] – напиат-тки». – Грета Нефф произносила вместо гласных какие-то немыслимые, совершенно не американские дифтонги, будто каталась по небу каждую гласную.

Продолжая хихикать, подруги понесли свои стаканы в «пещеру» – маленькую комнатушку со вспученными и выцветшими обоями, разрисованными корзинами фруктов и винограда, с облупившимся оштукатуренным потолком, имевшим странный угол наклона, поскольку комната наполовину уходила под лестницу, ведущую на второй этаж – в нечто вроде мезонина. Единственное окно, расположенное слишком высоко, чтобы женщина могла выглянуть в него, не встав на табурет, было застеклено ромбовидными панелями толстого, пузырчатого и деформированного стекла, какое бывает в донышках бутылок.

– Капустный запах, – продолжала развивать свою мысль Александра, ставя на подлокотник высокий серебристый стакан и опускаясь на двухместный диванчик, застеленный шерстяным покрывалом, расшитым обтрепавшимися вычурными завитками и стилизованными виноградными лозами, из которых во все стороны торчали нитки. – Он исходит даже от его одежды, – продолжала Александра, отметив про себя, что данное замечание отдаленно перекликается с рассказом о Монти и цукини и этой интимной

деталью она явно намекает Сьюки на то, что спала с Неффом.

Зачем? Здесь нечем хвастать. Нет, все же есть чем. Как он потел! Кстати, Александра спала и с Монти и никогда не чувствовала запаха цукини. Один из восхитительных моментов адюльтера с чужими мужьями заключается в том, что позволяет взглянуть на жен под иным углом зрения: мужья видят их так, как не видит никто другой. Нефф, например, представлял несчастную омерзительную Грету как по-своему изящную, всю в лентах Хайди, прелестный эдельвейс, сорванный им на романтически опасной высоте (они познакомились во Франкфурте, в пивной, когда он жил в Западной Германии, вместо того чтобы воевать в Корее), а Монти...

Александра покосилась на Сьюки, пытаясь припомнить, что говорил о ней Монти. Вообще-то, стараясь быть джентльменом, он говорил о ней мало. Но однажды, прия к Александре после какой-то дурацкой консультации в банке и все еще находясь под ее впечатлением, проговорился: «Она милая девочка, но несчастливая. Я имею в виду, что она приносит несчастье другим. Себе она явно приносит удачу». И это было правдой. Будучи женатым на Сьюки, Монти потерял большую часть своих семейных денег, в чем все винили его собственную глупость и неповоротливость. Он никогда не потел. Монти страдал гормональной недостаточностью родовитого человека и неспособностью полагаться на возможности, предоставляемые тяжким трудом. У него было почти безволосое тело и мягкие женские ягодицы.

– Грета, должно быть, хороша в койке, – говорила между тем Сьюки. – Все эти Kinder...^[11] Fünf^[12] штук, однако.

Нефф поведал Александре, что Грета была горяча, но требовала усилий, разогревалась медленно, но неотвратимо. Она могла бы стать безжалостной ведьмой: ох уж эти кровожадные немцы!

– Мы должны быть к ней добры, – сказала Александра, возвращаясь к Джейн. – Вчера, беседуя с ней по телефону, я была поражена тем, как сердито она говорила. Эта женщина сжигает себя.

Сьюки взглянула на подругу – последняя реплика показалась ей немного фальшивой. Для Александры начиналась новая интрига, замаячил новый мужчина. Воспользовавшись тем, что Сьюки на миг отвлеклась, Хэнк слипал свисающим серым веймаранским языком два пшеничных крекера с крабовой тарелки, которую она поставила на видавший виды сосновый матросский сундучок, заново отполированный неким древним перекупщиком, чтобы его можно было использовать в качестве кофейного столика. Сьюки обожала свои обшарпанные древности; в них было нечто геральдическое, как в костюме из лохмотьев, во втором акте оперы

принимающем округлые формы сопрано. Хэнк уже протянул язык к сыру, но Сьюки краем глаза уловила это движение и стукнула собаку по носу, который был резиновый, твердый, как автомобильная покрышка, и от удара больно стало, скорее, ее пальцам.

– Ах ты, паршивец, – сказала Сьюки псу, а потом, обращаясь к подруге, спросила: – Более сердито, чем остальные? – имея в виду их двоих, и шумно прихлебнула неразбавленного бурбона.

Она пила виски зимой и летом по причине, о которой уже забыла. Но причина состояла в том, что когда-то приятель по Корнеллу сказал ей, будто от виски в ее зеленых глазах начинают плясать золотые искорки. По той же тщеславной причине Сьюки любила одеваться во все оттенки коричневого и носить вещи из замши с ее звериным блеском.

– Ну конечно! Мы-то в превосходной форме, – ответила старшая и более крупная из подруг, мысленно дрейфуя от этого иронического замечания к предмету разговора с Джейн – новому мужчине, появившемуся в городе и поселившемуся в доме Леноксов. Но даже в процессе этого дрейфа ее мозг, подобно авиапассажиру, который, несмотря на ощущение смертельно опасной высоты, глядит вниз и любуется точностью эмалевого рисунка и величием Земли (трубы дымоходов на крышах домов такие острые, такие изящные, озера – словно настоящие зеркала, какие под Рождество, пока мы спали, наши родители устанавливали для нас во дворе; и все это настоящее, ведь даже географические карты – настоящие!), отмечал, как хороша была Сьюки – независимо от того, приносит или не приносит она несчастье, – с этими растрепавшимися блестящими волосами, даже с веками, чуть припухшими после тяжелого дня печатания на машинке при резком электрическом свете и поиском нужного слова, с фигурой, обласченной в бледно-зеленый свитер и темную замшевую юбку, – такой прямой и аккуратной, с плоским животом и дерзкой высокой грудью, с упругими ягодицами, – с украшенным крупным широкогубым ртом по-обезьяньи мильм лицом, лукавым, живо реагирующим и смелым.

– О, я столько узнала о нем! – воскликнула Сьюки, прочитав мысли Александры. – У меня тонны информации, но я хотела дождаться Джейн.

– Я могу и подождать, – неожиданно сказала Александра, словно ее вдруг обдало холодным сквозняком, почувствовав себя оскорблённой и этим мужчиной, и тем, какое место он занял в ее мыслях. – Это новая юбка? – Ей захотелось прикоснуться к юбке, погладить ткань, напоминающую нежную шерсть лани, и упругое стройное бедро под ней.

– Реанимированная к приходу осени, – ответила Сьюки. – Вообще-то, она длинновата по нынешней моде.

Колокольчик над кухонной дверью издал рваный, прыскающий звук.

– Когда-нибудь из-за этой проводки дом сгорит, – предрекла Сьюки, выбегая из «пещеры».

Но Джейн уже вошла сама. Она выглядела бледной, обвисший пушистый шотландский берет казался слишком большим для ее узкого, с горящими глазами лица; яркая клетка кричаще соответствовала такому же клетчатому шарфу. На ногах у нее были гольфы в рубчик. Физически Джейн не была такой лучезарно-привлекательной, как Сьюки, ее фигура страдала легкой асимметрией, тем не менее от нее, будто свет от накаленной спирали, исходило очарование. Волосы у нее были темными, рот – маленьким, поджатым и решительным. Родом Джейн происходила из Бостона, и в ее облике ощущалось нечто, безошибочно на это указывавшее.

– Этот Нефф такая сука! – произнесла она, словно выплюнула из горла лягушку. – Он сто раз заставил нас повторить Гайдна. Заявил, что у меня жеманная манера исполнения. Жеманная. Я разревелась и сказала ему, что он – мерзкий мужской шовинист. – И, не удержавшись от каламбура, добавила: – А следовало бы сказать, что он педераст.

– Они без этого не могут, – небрежно заметила Сьюки. – Просто это их способ выклянчить чуточку любви. Лекса пьет свой диетический напиток – водку с тоником. Моя^[13], я все глубже утопаю в бурбоне. Что будешь ты?

– Не надо бы этого делать, но я так чертовски оскорблена, что хочу хоть раз побыть плохой девочкой и попросить мартини.

– Ох, детка, боюсь, у меня нет сухого вермута.

– А сладкий я не пью, рыбка. Тогда налей мне неразбавленного джина со льдом в винный бокал. У тебя, случайно, не найдется дольки лимона?

Холодильник Сьюки был набит льдом, йогуртами и сельдереем, но больше в нем не было ничего. Обедала она в городе, в закусочной «Немо», в трех шагах от редакции, которую отделяли от закусочной лишь рамочная мастерская, парикмахерская и читальный зал «Крисчен сайенс». Вечерами Сьюки питалась там же, потому что в «Немо» можно было узнать все последние сплетни, там иствикская жизнь представляла как на ладони. В закусочной собирались старожилы, полицейские, дорожные рабочие, рыбаки – безработные вне сезона, и только что обанкротившиеся бизнесмены.

– Апельсинов, кажется, тоже нет, – сказала Сьюки, выдвигая два липких зеленых металлических овощных лотка. – Но помнится, я покупала груши в придорожной лавке на шоссе номер четыре.

– «Скушаю ли грушу? – процитировала Джейн. – Я в белых брюках

выйду к морю, я не трушу»^[14].

Сьюки поморщилась, глядя, как нервные кисти подруги – одна сухощавая и удлиненная от постоянного перебирания струн пальцами, другая ленивая и широковатая от постоянного вождения смычком – вдавливают в заржавевшую тупую морковную терку розовую часть – румяную щечку – желтой сочной груши. Джейн бросила в бокал ароматную стружку; священная тишина – таинство любого рецепта – усилила тихий бульк.

– Я еще слишком молода, чтобы начинать пить совсем неразбавленный джин, – объявила Джейн с пуританским притворством, хотя вид у нее был при этом измученный и нетерпеливый. После этого она направилась в «пещеру» своей знаменитой быстрой решительной походкой.

Александра с виноватым видом протянула руку и выключила телевизор, где президент, мужчина с серой щетиной на подбородке и страдальчески лживыми глазами, с похоронным видом произносил свое важное обращение к нации.

– Привет, великолепно выглядишь, – сказала Джейн слишком громко для такого маленького срезанного пространства. – Не вставай, вижу, что ты удобно устроилась. А скажи-ка мне, та гроза несколько дней назад – твоих рук дело?

Шкурка груши в перевернутом конусе ее бокала была похожа на кусочек болезненно-лихорадочной заспиртованной плоти.

– После разговора с тобой я поехала на пляж, – призналась Александра. – Хотела посмотреть, вселился ли уже тот человек в дом Леноксов.

– Так и знала, что растревожу тебя, бедный птенчик, – сказала Джейн. – Ну и что, он был там?

– Из трубы шел дым, но близко я не подъезжала.

– Нужно было подъехать и сказать, что ты из комиссии по заболоченным землям, – вставила Сьюки. – В городе говорят, что он хочет построить док, а дальнюю часть острова засыпать и устроить там теннисный корт.

– Ничего у него не выйдет, – лениво возразила Александра. – Это место, где гнездятся снежные цапли.

– Не будь так уверена! – воскликнула Сьюки. – От этого имения в городскую казну уже десять лет не поступали налоги. Для того, кто вернет его в списки налогоплательщиков, члены городской управы изведут сколько угодно снежных цапель.

– Ох, как же здесь уютно! – почти в отчаянии воскликнула Джейн,

чувствуя, что ее игнорируют. Поскольку две пары глаз вмиг уставились на нее, пришлось импровизировать. – Грета явилась в церковь, – сообщила она, – в тот самый момент, когда он назвал моего Гайдна жеманным, и начала смеяться.

Сьюки изобразила немецкий смех:

– Хё-хё-хё.

– Интересно, они все еще совокупляются? – безразлично спросила Александра. Чувствуя себя среди подруг непринужденно, она отпустила мысли на волю и черпала образы из самой природы. – Как он это выносит? Она же похожа на перебродившую квашеную капусту.

– Нет! – решительно возразила Джейн. – Она похожа на... как там у них называется это месиво? Жаркое из свинины.

– Они маринуют свинину, – подхватила Александра, – в уксусе, с чесноком, луком и лавровым листом. И еще, кажется, с горошками перца.

– Это он тебе рассказал? – лукаво спросила у Джейн Сьюки.

– Мы об этом никогда не говорим, даже в самые интимные моменты, – чопорно ответила Джейн. – Единственное, чем он поделился со мной: ей необходимо есть это блюдо хотя бы раз в неделю, иначе она начинает бросаться предметами.

– Полтергейст! – восхищенно воскликнула Сьюки. – Полтерфрау.

– Это точно, – согласилась Джейн, не замечая иронии, – ты права. Она невероятно гнусная женщина. Такая педантичная, самодовольная нацистка. Рей – единственный, кто этого не видит, бедняга.

– Интересно, она догадывается? – задумчиво спросила Александра.

– Она не хочет догадываться-ся, – заявила Джейн с таким нажимом, что последний слог прозвучал с присвистом. – Если бы она догадалась, нужно было бы что-то предпринимать.

– Например, отлучать его от постели, – предположила Сьюки.

– И тогда нам всем пришлось бы принять удар на себя, – подхватила Александра, представляя этого толстого мозгляка как торнадо или ненасытный естественный резервуар вожделения. Вожделение изливалось из него сверх всякой меры, заполняя все емкости.

– Ох, держи его покрепче, Грета! – вставила свое слово Джейн, до которой наконец дошел смысл шутки.

Все трое захохотали.

Боковая дверь торжественно хлопнула, и на лестнице раздались медленные шаги. Это был не полтергейст, а кто-то из детей Сьюки, вернувшийся из школы, где его или ее задержала внеклассная деятельность. Телевизор на верхнем этаже ожидал и громко забормотал

уютным гуманоидным голосом.

Сьюки жадно закинула в рот полную пригоршню соленых орешков и прижала ладонь к губам, но, поскольку она продолжала хохотать, крошки летели во все стороны.

– Кто-нибудь хочет послушать про этого нового мужчину?

– Не то чтобы очень, – ответила Александра. – Мужчины – не решение проблемы, разве мы об этом не договорились?

Сьюки часто замечала, что в присутствии Джейн подруга становилась немного другой, чуть скованной. Наедине со Сьюки она не пыталась скрывать свой интерес к этому мужчине. Общим для обеих женщин было то, что они умели ощущать радость телами, которые, кстати, многие считали красивыми. Александра, которая была значительно (на шесть лет) старше, с самого начала взяла манеру разговаривать с ней по-матерински: Сьюки была игривой болтушкой, Лекса – вальяжной сивиллой. Когда они собирались втроем, Александра обычно доминировала; будучи несколько мрачноватой и медлительной, она заставляла подруг подстраиваться под нее.

– Конечно, они – не решение проблемы, – соглашалась Джейн Смарт. – Но может, они – проблема?

Ее бокал опустел уже на две трети. Кусочек грушевой шкурки напоминал зародыш, которому предстояло превратиться в ребенка и быть выброшенным в сухой внешний мир. За сереющими ромбами стекла черные дрозды шумно упаковывали катящийся к закату день в дорожную сумку сумерек.

Сьюки встала, чтобы сделать сообщение.

– Он богат, – сказала она, – и ему сорок два года. Никогда не был женат, ньюйоркец, происходит из старинного голландского рода. Очевидно, в детстве демонстрировал большие музыкальные способности, а кроме того, был склонен к изобретательству. Огромная комната в восточном крыле дома, где все еще стоит бильярдный стол, и прачечная под ней предназначены им для лаборатории с какими-то мойками из нержавеющей стали, дистиллировочными трубками и всем таким прочим, а в западном крыле, там, где у Леноксов были – как там это называется – оранжереи-теплицы, он хочет устроить японскую баню с огромной утопленной ванной-бочкой, а в стенах сделать проводку для стерео. – Ее круглые глаза, в свете меркнувшего дня казавшиеся совершенно зелеными, сверкали сумасшедшими искорками от безумия подобного предприятия. – Джо Марино наняли производить там слесарно-водопроводные работы, и он все это рассказывал вчера вечером, когда им не удалось собрать кворум, потому

что Херби Принс уехал на Бермуды, не сказав никому ни слова. Джо был в полной эйфории: никакой предварительной оценки, все – только самое лучшее, цена значения не имеет. Японская бочка из тикового дерева будет восьми футов в диаметре, кроме того, этот человек терпеть не может кафель под ногами, поэтому весь пол будет вымощен какой-то особой мелкозернистой плиткой, которую нужно заказывать в Теннесси.

– Звучит помпезно, – заметила Джейн.

– А имя у этого мота есть? – спросила Александра, думая, как удивительно, что Сьюки одновременно и романтична, и идеально подходит для своей профессии – ведущей колонки сплетен, – а также не будет ли после второй порции водки с тоником у нее болеть голова потом, когда она останется одна в своем обширном фермерском доме, где будет слышно ровное дыхание спящих детей и беспокойный скрежет когтей Коула и лишь холодная луна, злобно пялящаяся в окно, составит компанию ее окоченевшему бессонному духу.

На западе в лиловой дали завывал бы койот, а где-то еще дальше трансконтинентальный поезд, глотая мили, тащил бы змею своих вагонов, и эти звуки вывели бы ее дух за окно, где его бессонница растворилась бы в нежной, выбеленной звездами ночи. А здесь, на этом сердитом, раскисшем от воды востоке, все так близко;очные звуки обступали ее дом, как колючие заросли. Даже здесь, в уютной норке Сьюки, эти смутно вырисовывающиеся в сумерках женские фигуры подступают так близко, что каждый темный волосок чуть заметных усиков Джейн и каждый поднявшийся дыбом янтарный, чувствительный к атмосферным переменам волосок на длинных предплечьях Сьюки вызывает зуд в глазах Александры. Она ревновала к этому мужчине, сама тень которого так возбуждала ее подруг, ведь прежде по четвергам возбуждала их она, ее царственно-ленивая власть, заполняющая все вокруг и напоминающая кошку, которая в любой момент может оборвать свое мурлыканье и убить.

Раньше подруги вызывали по четвергам фантомы иствикских людышек и заставляли их сновать и кружиться в смеркающемся воздухе. Находясь в соответствующем после третьего стаканчика настроении, они могли, словно купол, воздвигнуть над собой конус могущества к самому зениту и основанием живота почувствовать, кто болен, кто погряз в долгах, кто любим, кто на грани безумия, кого сжигают страсти, кто отходит во сне от нанесенного жизнью удара; но сегодня ничего такого не будет. Сегодня они неспокойны.

– Какая глупость с этим его именем, – говорила между тем Сьюки, глядя вверх на слабеющий дневной свет, льющийся через окно. Она не

могла ничего видеть сквозь расположенные слишком высоко да к тому же искажающие вид оконные ромбы, но перед ее мысленным взором стояло единственное на заднем дворе дерево, тонкая молоденькая груша, обремененная плодами — тяжелыми желтыми подвесками — и напоминающая ребенка, обвешанного маскарадными драгоценностями. Каждый день теперь благоухал сеном и спелостью, поздние бледные мелкие астры тлели вдоль дорог, как пальые листья. — Вчера все называли его имя, и еще раньше я слышала его от Мардж Перли, оно вертится на кончике языка...

— И у меня тоже, — подхватила Джейн. — Проклятие. Там еще есть одна из этих маленьких приставочек.

— Де, да, ду? — попыталась подсказать Александра.

И вдруг все три ведьмы разом умолкли, осознав, что языки им сковало заклятие более могущественной силы, под властью которой они оказались.

В воскресенье вечером Даррил ван Хорн появился на концерте камерной музыки в униатской церкви — похожий на медведя, темный облик мужчины с сальными выющимися волосами, наполовину скрывающими уши и собранными в хвостик на затылке так, что в профиль голова напоминала пивную кружку с непомерно толстой ручкой. На нем были серые фланелевые брюки, мешковато вытянувшиеся на коленях, пиджак из зелено-черного хэррисовского твида в елочку с кожаными заплатками на локтях и розовая оксфордская рубашка с воротничком на пуговках, какие были модны в пятидесятые годы. Завершали наряд несообразно маленькие и остроносые черные мокасины. Он явно приоделся с целью произвести впечатление.

— Значит, вы и есть наша местная скульпторша, — обратился он к Александре во время последовавшего за концертом приема, который был устроен для исполнителей и их друзей в церковном притворе и концентрировался вокруг чаши с безалкогольным пуншем цвета антифириза. Церковь представляла весьма симпатичное на вид строение в стиле греческого ренессанса с крыльцом, козырек которого поддерживали дорические колонны, и приземистой восьмиугольной башней. Находилась она на Кокумскассок-уэй, расположенной параллельно Оук-стрит, в глубине от Элм-стрит. Построили ее конгрегационалисты в 1823 году, но спустя поколение церковь перешла к униатам в результате событий 1840 года. В наш смутный век декадентских доктрин ее интерьер был тем не менее украшен традиционными крестами, но в притворе на стене висел картонный плакат, состряпанный учениками воскресной школы, на котором

были изображены египетский крест в виде греческой буквы тау и иероглиф, означающий «жизнь», в окружении четырех треугольных алхимических знаков природных стихий.

Категория «исполнителей и их друзей» включала всех, кроме ван Хорна, однако он сумел проникнуть в притвор. Все знали, кто он, и это придавало ситуации дополнительную интригу. Когда ван Хорн говорил, звук голоса не вполне совпадал с движением губ, и ощущение, будто где-то внутри его артикуляционного аппарата спрятан искусственный механизм, усиливавшийся странным, неопределенным, каким-то лоскутным впечатлением, которое производили его черты, а также усиленным слюноотделением, сопровождавшим его речь, так что ему приходилось время от времени делать паузы, чтобы провести рукавом по уголкам губ. Тем не менее он держался уверенно, как воспитанный и состоятельный человек, и, разговаривая с Александрой, близко склонялся к ней, чтобы добиться эффекта интимности.

— Ах, это всего лишь безделицы, — ответила Александра, вдруг почувствовав себя маленькой и смущенной перед этой нависающей над ней темной тушей.

Шел как раз тот период месяца, когда она была особенно чувствительна к аурам. Аура этого волнующего незнакомца представлялась ей сияющей, черно-коричневой, похожей на вылезшего из воды бобра, который, отряхиваясь, подпрыгнул и застыл у него за спиной.

— Подруги называют их моими «малышками», — добавила Александра, изо всех сил стараясь не покраснеть. От этих усилий и тесноты набитого людьми помещения она испытала некоторую слабость. Многолюдье и новые мужчины — не то, к чему она была привычна.

— Безделицы? — повторил ван Хорн. — Но когда берешь их в руки, чувствуешь в них столько потенции. — Он вытер губы. — Столько, знаете ли, жизненных соков. Они меня ошеломили. Я скупил все, какие были в... как называется этот магазин? «Крикливая овца»?

— «Тявкающая лиса», — подсказала Александра, — или «Голодная овца», они находятся по обе стороны от парикмахерской через две двери от нее — это если вам когда-нибудь понадобится подстричься.

— Если это будет зависеть от меня, то никогда. Стрижка истощает мою силу. Мама называла меня Самсоном. Да, я купил их в одном из этих магазинов. Купил все, что у них было, чтобы показать своему приятелю, вот уж действительно раскованному, потрясающему парню, который держит галерею в Нью-Йорке, прямо на Пятьдесят седьмой улице. Не могу вам ничего обещать, Александра, — вы не возражаете, можно мне так вас

называть? – но, если вы займетесь более крупными формами, уверен, мы сможем организовать вам выставку. Быть может, вы никогда не станете Марисоль^[15], но Ники де Сен-Фалль^[16] станете наверняка. Знаете, эти ее многочисленные «Нана»... в них есть масштаб. Я хочу сказать, что она действительно раскованна, а не просто валяет дурака.

С некоторым облегчением Александра отметила, что этот человек ей вовсе не нравится. Развязный, грубый трепач. То, что он скупил ее всю на корню в «Тявкающей лисе», напоминало грабеж. Теперь придется выпекать в печи новую партию фигурок раньше, чем она планировала. Воздействие, которое оказывала его личность, усилило спазмы, не дававшие Александре спать все утро и появившиеся за несколько дней до положенного срока; это было одним из предвестий рака – нарушение цикла. Кроме того, от жизни на западе она унаследовала достойное сожаления предубеждение против индейцев и чиканос^[17], а, на ее взгляд, Даррил ван Хорн выглядел нечистым. На его коже можно было разглядеть черные крапинки, словно он был полутоновой репродукцией.

Ван Хорн вытер губы волосатой тыльной стороной ладони; его рот кривился от нетерпения, пока Александра с трудом подыскивала честный, но вежливый ответ. Иметь дело с мужчинами было работой, тяжелой работой, выполнять которую она ленилась.

– Я не хочу быть второй Ники де Сен-Фалль, – сказала она наконец. – Я хочу оставаться собой. Их потенция, как вы выражились, происходит именно оттого, что они достаточно малы, чтобы поместиться в руке.

От ускоренного тока крови капилляры ее лица пылали; Александра мысленно улыбнулась: и чего это она так раз волновалась, ведь понимала умом, что этот мужчина – фальшивка, видимость. Если не принимать во внимание его деньги; они, судя по всему, реальны.

Глаза ван Хорна были маленькие и водянистые, веки казались воспаленными.

– Да, Александра, но вы-то! Мысля малым, вы и себя умаляете. С этой своей магазинно-подарочной ментальностью вы не даете себе шанса. Я поверить не мог, что они так дешевы – каких-то вшивых двадцать долларов, в то время как вам следовало бы оперировать пятизначными цифрами.

Он вульгарен, как все ньюйоркцы, мысленно заметила она, и ей стало жалко его, осевшего в этой утонченной провинции. Припомнилась струйка дыма, такая хрупкая и отважная.

– Как вам нравится ваш новый дом? – снисходительно спросила Александра. – Хорошо устроились?

– Это ад! – бурно отреагировал ван Хорн. – Я встаю поздно, потому что мысли посещают меня обычно по ночам, но каждое утро около четверти восьмого являются эти паскудные рабочие! Со своими паскудными радиоприемниками! Простите мне мой жаргон.

Казалось, он вполне отдает себе отчет в том, что нуждается в снисхождении; это понимание обволакивало его, сквозило в каждом неуклюжем, слишком настойчивом жесте.

– Вы должны навестить меня и осмотреть дом, – сказал ван Хорн. – Мне нужен совет по части устройства имения в целом. Всю жизнь я жил в апартаментах, где все заранее решено за тебя, а подрядчик, которого я нанял, – олух.

– Джо?

– Вы его знаете?

– Его все знают, – ответила Александра. Надо бы, чтобы кто-нибудь объяснил этому чужаку, что оскорблять местных – не лучший способ завести друзей в Иствике.

Но его болтливый язык не знал удержу.

– Тот, что постоянно ходит в смешной шляпе?

Александре пришлось утвердительно кивнуть, однако от улыбки она воздержалась. Иной раз ей тоже казалось, что Джо не снимает свою пресловутую шляпу, даже когда они предаются любви.

– Он постоянно отлучается поесть, – продолжал ван Хорн. – И единственное, о чем ему интересно говорить, так это о том, как «Красные носки» опять провалили все подачи, а «Ирландцы» до сих пор не сумели наладить защиту. Нельзя сказать, что и в плиточных работах парень маг и чародей. Эти плиты, практически мраморные, доставленные из Теннесси, бесценны, а он половину из них уложил нешлифованной стороной вверх, той, на которой видны следы карьерной пилы. На Манхэттене таких варваров, которых вы здесь называете рабочими, профсоюз не держал бы и дня. Не обижайтесь, вижу, вы думаете: «Какой сноб». Я понимаю, что этой деревенщине, которая только и знает, что курятники лепить, не хватает практики, однако неудивительно, что этот штат имеет такой потусторонний облик. Слушайте, Александра, между нами: я без ума от раздраженно-ледяного вида, который вы принимаете, когда обижаетесь, я просто теряю дар речи. И потом, у вас такой симпатичный кончик носа. – Неожиданно протянув руку, он притронулся к ее чуть раздвоенному кончику носа, в отношении которого Александра была особо чувствительна.

Прикосновение оказалось таким быстрым и неприличным, что она не поверила бы, что оно на самом деле имело место, если бы не морозное

покалывание, которое осталось после него.

Ван Хорн не просто не нравился ей, она его ненавидела и тем не менее стояла и улыбалась, чувствуя себя загнанной в западню, близкой к обмороку и стараясь уловить, что подсказывало ей ее нутро.

Подошла Джейн Смарт. По слухам выступления, во время которого ей приходилось широко расставлять ноги, она – единственная из присутствовавших женщин – была в длинном платье из блестящего мокрого шелка с кружевной отделкой, немного напоминающей свадебное.

– O, l’artiste!^[18] – воскликнул ван Хорн и схватил ее руку – не как для рукопожатия, а как маникюрша берет кисть клиента, чтобы получше ее рассмотреть: он распластал пальцы Джейн на своей широкой ладони, но тут же оттолкнул их – ему нужна ее левая рука с сухощавыми пальцами, подушечки которых от постоянного соприкосновения с виолончельными струнами словно покрылись глазурью. Он нежно зажал ее между своими волосатыми кистями наподобие сандвича. – Какая певучесть! – сказал он. – Какое вибрато, какое скольжение! Нет, правда. Вы, наверное, думаете, что я несносный придурок, но я действительно знаю толк в музыке. Это единственное, перед чем я благоговею.

Темные глаза Джейн просветлели и лучезарно засияли.

– А вы не находите мою музыку жеманной? – спросила она. – Наш руководитель утверждает, что моя манера исполнения жеманна.

– Какой турица! – бросил ван Хорн, вытирая слону, скопившуюся в уголках рта. – В вашем исполнении есть аккуратность, но это совсем не обязательно означает жеманность; аккуратность возникает там, где начинается страсть. А без аккуратности – beaucoup de rien^[19], так ведь? Ваш большой палец твердо прижимает струну даже в той позиции, в какой у большинства мужчин он начинает дрожать и соскальзывать, потому что это больно. – Он поднес поближе к глазам ее левую руку и погладил край большого пальца. – Видите это? – обратился он к Александре, протянув ей руку Джейн так, словно она была отдельным от тела предметом, достойным восхищения. – Какая прекрасная мозоль!

Джейн отдернула руку, почувствовав, что на них смотрят. Униатский священник Эд Парсли заметил эту сцену. Но ван Хорн, похоже, хотел привлечь внимание публики, потому что, отпустив безвольно упавшую левую руку Джейн, тут же схватил правую, без присмотра висевшую вдоль тела, и затряс ею перед изумленным лицом хозяйки.

– Вот эта! – почти прокричал он. – Именно эта рука подкладывает ложку дегтя в бочку меда. Как вы работаете смычком! О боже! Ваши

спиккато звучат как маркато, ваши легато – как деташе^[20]. Солнышко, надо слитно исполнять фрагменты, вы же играете не отдельные ноты, одну за другой, пам-пам-пам, вы слагаете музыкальные фразы, вы извлекаете из инструмента крики человеческой души!

Тонкий рот Джейн открылся в немом вопле, и Александра увидела, как слезы собираются в оптические линзы на ее глазах, коричневый цвет которых – цвет черепашьего панциря – всегда оказывался чуть светлее, чем помнилось.

Подошел преподобный Парсли. Это был моложавый мужчина, в чьем облике смутно угадывалась печать рока. Его лицо выглядело как красивое, но чуть искаженное кривым зеркалом, – расстояние между короткими бачками и ноздрями казалось слишком длинным, словно кто-то вытягивал лицо в этом направлении, на полных выразительных губах навечно застыла улыбка человека, понимающего, что он попал не туда, стоит не на той автобусной остановке, в стране, где говорят на никому неведомом языке. Хотя Парсли едва перевалило за тридцать, он был слишком стар, чтобы стать солдатом движения погромщиков витрин и курильщиков ЛСД, и это усугубляло его ощущение неприкаянности и неадекватности, хотя он исправно организовывал марши мира, служил всенощные, читал догматы веры и призывал паству, состоявшую из унылых, покорных душ, превратить свою старую милую церковь в приют для уклоняющихся от службы в армии молодых людей – с койками, горячей пищей и биотуалетами. Однако вместо этого в церкви, где по случайности оказалась великолепная акустика – эти былые строители, видимо, знали какой-то секрет, – устраивались изысканные культурные мероприятия. Но Александра, выросшая в пустынном краю, ставшем местом действия тысяч ковбойских фильмов, была склонна думать, что прошлое часто излишне романтизируют и, когда оно было настоящим, в нем ощущалась та же утонченная пустота, какую мы чувствуем теперь.

Эд поднял голову – он был невысок ростом, что составляло еще один источник его огорчений, – и насмешливо посмотрел на Даррила ван Хорна. Потом обратился к Джейн Смарт с решительно отвергающей его суждения интонацией:

– Прекрасно, Джейн. Вы все четверо играли просто чертовски здорово. Как я только что сказал Клайду Гейбриелу, жаль, что мы не смогли лучше организовать рекламу, собрать больше слушателей из Ньюпорта; хотя я знаю, что его газета сделала все, что могла, он воспринял это как критику. Вообще, он в последнее время похож на человека, пребывающего на грани срыва.

Александра знала, что Сьюки спала с Эдом, а Джейн, возможно, спала с ним раньше. У мужчин, с которыми женщина когда-либо, пусть и давно, спала, голос в их присутствии приобретает особое качество: в нем, как в некрашеной деревяшке, оставленной под дождем, проявляется структура. Аура Эда – Александра невольно продолжала замечать ауры, это видение всегда сопровождало ее менструальные циклы – испускала нездоровые зеленовато-желтые волны беспокойства и самовлюбленности, которые шли от его волос, зачесанных на строгий пробор и выглядевших бесцветными, хотя седины в них не было. Джейн продолжала бороться со слезами, так что в сложившейся неловкой ситуации Александре пришлось взять на себя роль поручителя этого странного чужака и представлять мужчин друг другу.

– Преподобный Парсли...

– Бросьте, Александра. Мы же друзья. Зовите меня Эдом, пожалуйста.

Сьюки наверняка рассказывала подругам о недолгом периоде их интимной близости, поэтому Парсли считал себя близким знакомым. Постоянно сталкиваешься с людьми, которые знают тебя лучше, чем ты их; люди любят все разнюхивать. Александра не могла заставить себя произнести «Эд», ее отталкивала аура обреченности, витавшая вокруг него.

– ...А это мистер ван Хорн, который только что поселился в доме Леноксов, вы, вероятно, слышали.

– Да, слышал и приятно удивлен вашим появлением здесь, сэр. Никто не говорил, что вы – любитель музыки.

– И это еще слабо сказано, сэр. Очень рад, преподобный. – Он протянул священнику руку, и тот вздрогнул, отвечая на рукопожатие.

– Никаких «преподобных», прошу вас. Все, друзья и враги, называют меня Эдом.

– Эд, у вас шикарная старинная церковь. Вам, должно быть, стоит кучу денег страховывать ее от пожара.

– Господь – наш страхователь, – пошутил Парсли, и его болезненная аура расширилась от удовольствия при подобном богохульстве. – Но если говорить серьезно, такое строение невозможно переделать, а пожилые прихожане жалуются на большое количество ступенек. Есть люди, которые не могут петь в церкви только потому, что не в состоянии подняться на хоры. Кроме того, на мой взгляд, такая роскошь, пробуждающая все эти традиционные ассоциации, мешает восприятию послания, которое современная униатско-универсалистская церковь пытается донести до паствы. Чего бы я хотел, так это открыть церковь в торговом центре города, прямо на Док-стрит. Именно там собирается молодежь, а бизнес и

коммерция делают свое грязное дело.

– А что в нем грязного?

– Простите, я не расслышал вашего имени.

– Даррил.

– Даррил, вижу, вы любитель подначивать. Вы человек искушенный и знаете не хуже меня, что связь между зверствами, которые творятся сейчас в Юго-Восточной Азии, и этим новым отделением для автомобилистов, которое «Оулд-Стоун бэнк» открыл рядом с магазином «Бей-Сьюперетт», прямая и непосредственная; зачем же мне зря сотрясать воздух?

– Вы правы, приятель, незачем, – ответил ван Хорн.

– Когда говорит Мамона, дядя Сэм пляшет от радости.

– Аминь, – заключил ван Хорн.

Как приятно, подумала Александра, когда мужчины разговаривают друг с другом. Какая агрессивность: один на другого – грудью. Она испытывала такое же возбуждение, как однажды во время прогулки по лесу, когда набрела на следы мечущихся когтей в песчаной пещере и нашла несколько вырванных перьев, свидетельствовавших о состоявшейся там смертельной схватке. Эд Парсли видел в ван Хорне тип банкира, орудие системы, и яростно сражался с замеченным в глазах более крупного самца пренебрежением к нему как к визгливому и никчемному либералу, беспомощному посреднику несуществующего Бога. Эд хотел быть представителем другой системы, не менее свирепой и широко разветвленной. Словно бы для того, чтобы терзать себя, он носил воротничок священника, в котором его шея выглядела тощей и какой-то детской. Для его конфессии такой воротник был настолько необычен, что по-своему знаменовал вызов.

– Я не ослышался? – продолжал Парсли высокопарно, голосом, исполненным мрачной подозрительности. – Вы выступили здесь с критикой игры Джейн на виолончели?

– Только по части владения смычком, – ответил ван Хорн неожиданно робко, как побежденный, а его челюсть отвисла и по-фиглярски задергалась. – Я сказал, что в остальном исполнение было великолепным, просто движению ее смычки не хватает плавности. Господи, здесь нужно постоянно следить за собой, чтобы не наступить кому-нибудь на любимую мозоль! Я в разговоре с милейшей Александрой упомянул, что мой подрядчик-олух недостаточно расторопен, так выяснилось, что он – ее лучший друг.

– Не лучший, а просто друг, – посчитала необходимым внести поправку Александра.

Даже во время замешательства, вызванного перепалкой, она отметила, что этот мужчина владел даром вывести женщину из себя, заставить ее сказать больше, чем она намеревалась. Вот обидел Джейн, а та смотрит на него влажными от слез глазами с обожанием, как выпоротая собака.

– Бетховен прозвучал особенно восхитительно, вы не согласны? – Парсли продолжал наступать на ван Хорна, чтобы заставить его так или иначе уступить и тем самым подготовить почву для соглашения, на основе которого они могли бы встретиться в следующий раз.

– Бетховен, – промолвил здоровяк с усталой снисходительностью, – продал душу за то, чтобы написать эти последние квартеты. Он был глух как пень. Все эти типы из девятнадцатого века продавали свои души. Лист. Паганини. То, что они делали, – это нечто нечеловеческое.

К Джейн вернулся дар речи.

– Я репетировала до крови в пальцах, – сказала она, не отводя взгляда от губ ван Хорна, которые он только что снова вытер рукавом. – Все эти ужасные шестнадцатые во втором анданте...

– Продолжайте тренироваться, Джейни. Как вы знаете, на пять шестых весь фокус в памяти мышц. Только когда память мышц вступает в права, сердце может начинать свою песню. До того вы загнаны в угол. Просто повторяйте движения снова и снова. Послушайте, почему бы вам как-нибудь не заглянуть ко мне? Мы бы позабавились немного этими вещичками старины Людвига для фортепиано и виолончели. Ля-мажорная соната – прелесть, если вас не пугают легато. Или ми-минорная Брамса: *fabuloso*^[21]. *Quel schmalz!*^[22] Думаю, он еще сохранился в этих старых пальцах. – Он помахал пальцами перед их лицами. Руки у ван Хорна под волосяным покровом были на удивление белыми, словно обтянутыми плотными хирургическими перчатками.

Желая справиться с неловкостью, Эд Парсли обернулся к Александре и с наигранно-заговорщическим видом произнес:

– Кажется, ваш друг знает все на свете.

– На меня не смотрите – я познакомилась с этим джентльменом только что, – ответила Александра.

– В детстве он был вундеркиндом, – вставила Джейн Смарт почему-то сердито и обиженно.

Ее обычно весьма унылая грязновато-розовая аура претерпела решительную перемену, покрывшись светло-лиловыми полосами, предвещавшими возбуждение, хотя было неясно, кто именно из мужчин стал его причиной. В глазах Александры весь притвор клубился перемешивающимися и пульсирующими аурами, от которых ее тошило,

как от сигаретного дыма. У нее кружилась голова, она чувствовала себя разочарованной. Ей захотелось очутиться дома, с Коулом, возле своей тихо тикающей печки, ощутить привычную прохладу и влажную эластичность глины в холщовых сумках, которые она приволокла из Ковентри. Александра закрыла глаза, мечтая, чтобы эта специфическая окружающая ее атмосфера возбуждения, неприязни, крайней уязвимости и злой воли, которая исходила отнюдь не только от темного незнакомца, рассосалась.

Несколько престарелых прихожан притиснулись вперед, чтобы получить свою долю внимания преподобного Парсли, и, дабы сделать им приятное, он повернулся к ним лицом. Седые перманенты женщин в глубине завитков отливали нежнейшим золотом и голубизной. Реймонд Нефф, обильно потея и сияя от успеха, подошел к ним и, молча насладившись хором восторженных комплиментов, весело уволок в сторонку Джейн, свою любовницу и соратницу по музыкальным баталиям. У нее после изматывающего концерта плечи и шея тоже блестели от пота. Это показалось Александре трогательным. И что Джейн нашла в Реймонде Неffe? Да, кстати, и Сьюки – что она нашла в Эде Парсли? Когда эти двое мужчин находились рядом с Александрой, ее ноздри улавливали зловонный запах, в то время как кожа Джо Марино пахла чем-то кисловато-сладким вроде прокисшего молока. Так пахнет детское темечко, когда прижимаешься щекой к его покрытому пушком костиистому теплу.

Внезапно они с ван Хорном снова оказались одни, и Александра испугалась, что придется опять испытать жалостную смутную тяжесть в груди от разговора с ним; но Сьюки, которая не боялась ничего, такая розовато-коричневая, хрустящая и тускло мерцающая в своей коронной роли репортера, пробившись сквозь толпу гостей, без промедления приступила к интервью.

– Что привело вас на этот концерт, мистер ван Хорн? – с ходу спросила она после того, как Александра, смущаясь, представила их друг другу.

Последовал угрюмый ответ:

– У меня не работает телевизор.

Александра сообразила: он предпочитает, чтобы инициатива исходила от него, но Сьюки была неудержима, когда входила в репортерский раж и ее нахальное обезьянье лицо, как сейчас, сияло, словно новенький пенни.

– А что привело вас в этот уголок земли? – прозвучал следующий вопрос.

– Похоже, для меня наступило время покинуть Готам^[23], – ответил он. – Слишком уж часто там грабят на улицах, и арендная плата скачет до небес. Здесь же цены вполне разумные. Вы собираетесь напечатать это в

какой-то газете?

Облизнув губы, Сьюки призналась:

– Вероятно, упомяну в колонке, которую веду в газете «Слово», ее здесь называют «Глазами и ушами Иствика».

– Господи Иисусе! Не делайте этого! – воскликнул здоровяк в мешковатом твидовом пиджаке. – Я и приехал-то сюда для того, чтобы укрыться от публичности.

– Можно поинтересоваться: публичности какого рода?

– Если я вам скажу, это еще больше будет способствовать публичности, не так ли?

– Возможно.

Александра восхищалась веселой смелостью подруги. Медно-рыжая аура Сьюки сливалась с сиянием ее волос. Поскольку ван Хорн, казалось, собирался уже отвернуться, она спросила:

– Говорят, вы изобретатель. Что вы изобретаете?

– Вещества. В основном это имеет отношение к химикалиям. Даже если я потрачу целый вечер на то, чтобы объяснить вам это, вы все равно не поймете.

– А вы попробуйте, – подзадорила его Сьюки. – Посмотрим, может, и пойму.

– И напечатаете в своих «Глазах и ушах»? С таким же успехом я мог бы сочинить рекламный проспект.

– «Слово» не читают нигде за пределами Иствика, ручаюсь. Да и в Иствике его никто не читает – просматривают лишь рекламу и ищут упоминания о себе.

– Послушайте, мисс...

– Ружмонт. Миссис – я была замужем.

– И кто это был – канадец французского происхождения?

– Монти утверждал, что его предки – швейцарцы. Он и вел себя как швейцарец. Кстати, у швейцарцев действительно квадратные головы?

– Вы меня озадачили. Я всегда думал, что такие головы у маньчжур. У них черепа как цементные блоки, вот почему Чингисхану удалось так аккуратненько сложить их в штабеля.

– Вам не кажется, что мы слишком далеко отклонились от темы?

– Об изобретениях? Послушайте, я не могу говорить. За мной наблюдают.

– Как завлекательно! – воскликнула Сьюки, очаровательно вытянув в улыбке верхнюю губу так, что обнажилась полоска яркой, здоровой десны и сморщился носик. – Ну а если не для всех, а только для моих глаз и

ушей? И Лексы, конечно. Вы не находите, что она великолепна?

Ван Хорн чопорно повернул свою большую голову, будто желая проверить; Александра увидела себя его налитыми кровью, моргающими глазами, словно в другой конец телескопа: пугающе крохотная фигурка, там и сям рассеченная надвое, с седыми космами. Он предпочел ответить на предыдущий вопрос Сьюки:

— В последнее время я много занимался предохранительными покрытиями — лаком для полов, на котором, когда он застывает, не остается царапин даже от остро заточенного мясницкого ножа. Покрытием, которое можно распылять на поверхность докрасна раскаленной стали для ее охлаждения. Оно соединяется с молекулами углерода и предохраняет корпус вашего автомобиля от окисления: прежде наступит усталость металла, чем ваша машина проржавеет. Синтетические полимеры — имя вашего прекрасного нового мира, душечка, и он уже катится на нас. Бакелит изобрели в тысяча девятьсот седьмом году, синтетический каучук — в десятом, нейлон — около тридцатого. Обратите внимание на даты, если вы пользуетесь этими материалами. Нынешний век — лишь младенчество; синтетические полимеры будут сопровождать нас до наступления миллионного года или, по крайней мере, до тех пор, пока мы не взорвем себя, — в зависимости от того, что случится раньше. Их прелест заключается в том, что сырье для них можно выращивать, а когда не останется свободной земли, ею можно будет выращивать в океане. Вот так, мать-природа, мы победили тебя. Работаю я также и над великим сопряжением.

— Что такое великое сопряжение? — не постеснялась спросить Сьюки.

Александра лишь кивнула, будто ей это было известно. Ей еще многому предстояло научиться по части преодоления искусственно навязанных женщине культурой условностей поведения.

— Это сопряжение солнечной и электрической энергий, — пояснил ван Хорн для Сьюки. — Должна существовать формула такого взаимодействия, и когда-нибудь мы найдем ее, а это позволит управлять всеми бытовыми приборами в вашем доме прямо с крыши, и останется еще достаточно энергии для того, чтобы ночью заряжать ваш электромобиль. Чистая, неисчерпаемая и даровая энергия. Она уже на подходе, душечка, уже на подходе!

— Эти солнечные панели так уродливы, — сказала Сьюки. — Здесь есть один хиппи, который установил такую у себя над гаражом, чтобы греть воду. Понятия не имею зачем, он никогда не моется.

— Я говорю не о солнечных коллекторах, — уточнил ван Хорн, — не об

этой ерунде модели «Т». – Он огляделся вокруг, его голова вращалась, как бочонок, перекатываемый на ободе. – Я говорю о краске.

– О краске? – переспросила Александра, чувствуя, что и ей пора внести свою лепту. По крайней мере, этот мужчина давал ей новую пищу для ума, не все же о томатном соусе думать.

– О краске, – серьезно подтвердил он. – О простой краске, которую наносят кистью и которая превращает весь эпидермис вашего очаровательного дома в огромную низковольтную батарею.

– Это можно назвать лишь одним словом, – сказала Сьюки.

– Да? Каким?

– Электрификация.

Ван Хорн притворился оскорбленным.

– Знал бы, что вы способны из кокетства говорить лишь такие глупости, не стал бы тратить время и выворачиваться наизнанку! Вы играете в теннис?

Сьюки вытянулась и стала чуть выше. Александре захотелось погладить плоскость, начинавшуюся из-под груди и спускающуюся ниже талии подруги, так иногда непреодолимо хочется протянуть руку и погладить живот лежащей на спине и потягивающейся кошки, у которой от мышечного экстаза подрагивают задние лапки. Сьюки была так чудесно слеплена.

– Немного, – ответила Сьюки, чуть высунув в улыбке язычок, который на миг прилип к ее верхней губе.

– Тогда заезжайте ко мне недельки через две. Я строю корт.

Александра словно очнулась.

– Топь засыпать нельзя, – сказала она.

Медведеподобный чужак вытер губы и неприязненно уставился на нее.

– Когда топь засыпана, она уже не топь, – невнятно проартикулировал он.

– Там, в мертвых вязах на задах имения, гнездятся снежные цапли.

– ПО ФИГУ, – отчеканил ван Хорн. – Мне это по фигу.

Заметив неожиданный блеск в его глазах, Александра подумала: не носит ли он контактные линзы? Казалось, в процессе разговора его постоянно отвлекали невольные усилия, которые приходилось прилагать, чтобы держать себя в собранном состоянии.

– О! – воскликнула Александра, у которой и без того чуть кружилась голова, а то, что она заметила, добавило ощущение, будто она смотрит в глубокий колодец.

Окружавшая ван Хорна аура исчезла. Теперь вокруг головы с сальными волосами ничего не было, как у мертвеца или деревянного идола.

Сьюки звонко рассмеялась. Ее изящный круглый животик вздувался под корсажем замшевой юбки синхронно колебаниям диафрагмы.

– Какая прелесть! Можно мне вас процитировать, мистер ван Хорн? «Засыпанная топь уже не топь», – утверждает загадочный новый горожанин.

Александра с неприязнью отвернулась от этого танца. Ауры остальных присутствующих стали размытыми, как свет придорожных фонарей в залитом дождем лобовом стекле. Какая глупость: Александра ощущала внутри дурацкое влажное облако назревающей помимо ее воли страстной влюбленности. Этот здоровяк был средоточием желаний, воронкой, высасывающей сердце из ее груди.

Старая миссис Лавкрафт, окутанная кричаще-пурпурной аурой человека, безоговорочно довольного жизнью и полностью готового отбыть на небеса, подошла к Александре и проблеяла:

– Сэнди, дорогая, мы в клубе садоводов соскучились по вас. Вы не должны избегать общества.

– А разве я избегаю? Просто я была занята – варила томатный соус. Невероятно, с какой силой нынешней осенью плодятся помидоры!

– Я знаю, какая вы садовница. Мы с Хорасом восхищаемся вашим домом каждый раз, когда проезжаем по Орчад-роуд: у вас такая ладненькая клумбочка перед входом, вся усыпанная бутонами карликовых хризантем... Несколько раз я даже говорила ему: «Давай зайдем», но потом понимала – нет, нельзя, у вас могли быть свои дела, и мы не хотели нарушать вашего вдохновения.

«Мол, лепит свои фигурки или занимается любовью с Джо Марино – вот что имеет в виду Фрэнни Лавкрафт», – подумала Александра. В таком городке, как Иствик, секретов не бывает – только островки, признаваемые неприкасаемыми. Когда они с Озом были еще вместе и только что поселились здесь, то проводили немало вечеров в компании таких старых зануд, как Лавкрафты. Теперь Александра чувствовала себя напрочь выпавшей из мирка добропорядочных и отчаянно скучных развлечений, которые они олицетворяли.

– Я непременно буду ходить на собрания зимой, когда больше нечего будет делать, – милостиво промолвила Александра. – Когда мне опостылит природа, – добавила она, отдавая себе отчет в том, что не пойдет туда никогда, поскольку бесконечно далека от подобного рода пресных удовольствий. – Мне очень нравится смотреть слайды английских парков.

Вы все еще их показываете?

— О, вы должны прийти в следующий четверг! — настойчиво сказала Фрэнни Лавкрафт, преувеличенно жестикулируя, как люди, имеющие хоть малейший вес в обществе, — вице-президенты сберегательных банков, внучки капитанов океанских лайнеров. — Сын Дейзи Робертсон, Уорвик, только что вернулся после трех лет пребывания в Иране, где они с его прелестным семейством так чудесно проводили время. Он работал там советником — что-то связанное с нефтью. Говорят, что шах творит чудеса, в самом центре их столицы построены восхитительные дома современной архитектуры — ах, как же она называется, их столица, чуть не сказала «Нью-Дели»...

Александра не стала ей помогать, хотя знала название — Тегеран, в нее будто вселился дьявол.

— Впрочем, не важно, в любом случае Вики собирается устроить показ слайдов, и все будут сидеть на восточных коврах. Видите ли, милая Сэнди, по арабским представлениям ковер — это сад, сад внутри дома, внутри шатров и дворцов, затерянных в пустыне, и на этих коврах вытканы узоры из настоящих цветов, хотя стороннему взгляду они могут показаться абстрактными. Ну не очаровательно ли это?

— Очаровательно, — подтвердила Александра.

Миссис Лавкрафт украсила свою дряблую шею, изборожденную складками и канавками, как размытое дорожное покрытие, ниткой искусственного жемчуга, в центре которой красовалась подвеска: античное перламутровое яйцо с искусственной инкрустацией в форме креста. Почувствовав раздражение, Александра сконцентрировалась и усилием воли заставила потерпевшую стареньющую нитку лопнуть; фальшивые жемчужины посыпались на обвисшую грудь старухи, а оттуда каскадами низверглись на пол.

Пол в церковном притворе был затянут ковровым покрытием уныло-зеленого цвета гусиного поноса; он приглушил стук жемчужин. Не все присутствующие сразу обратили внимание на случившееся бедствие, поначалу только те, кто стоял поблизости, бросились собирать драгоценности. Сама миссис Лавкрафт с лицом, побелевшим от ужаса под пятнами румян, была слишком скована артритом и потрясением, чтобы наклониться. Александра, стоя на коленях у опухших от водянки ног старой дамы, злобно повелела туго застегнутым перепонкам ее некогда модных туфель из крокодиловой кожи расстегнуться. Злобные проделки были для нее как еда: начав, ей было трудно остановиться, ее нутро раздавалось вширь, требуя все больше и больше пищи. Распрямившись,

Александра вложила полдюжины собранных жемчужин в дрожащие, с посиневшими костяшками, жадно протянутые ковшиками ладони своей жертвы, после чего повернулась и пошла прочь сквозь расширявшийся круг присевших на корточки собирателей. Эти припавшие к полу фигуры напоминали гигантские, гротескные кочаны капусты, состоящие из мышц, одежды и алчности; их ауры смешались в единое серое пятно, словно растекшиеся акварельные краски. Путь к выходу Александре преграждал преподобный Парсли со своим красивым гуттаперчевым лицом Пера Гюнта, отмеченным печатью обреченности. Как у многих мужчин, которые бреются каждое утро, к вечеру у него на щеках проступила заметная щетина.

— Александра, — начал он, намеренно придав голосу как можно более глубокое, низкое звучание, — я так мечтал увидеть вас здесь сегодня вечером.

Он вожделел ее. Ему надоело трахать Сьюки. Нервничая от исполнения своей увертюры, Парсли поднял руку, чтобы поскрестить элегантно причесанную голову, и намеченная им жертва, не упустив случая, мысленно рванула дешевый ремешок его шикарной позолоченной «омеги». Он почувствовал, что часы соскальзывают с руки, и успел подхватить дорогой аксессуар, к счастью запутавшийся в шейном платке, не давшем ему упасть. Это позволило Александре выиграть время, и она прошмыгнула мимо преподобного, бросив мимолетный взгляд на смазанное пятно его удивленного лица — жалкого, как она вспоминала впоследствии не без чувства вины: будто, согласившись спать с ним, она могла спасти его. Потом выскоцила наружу, на свежий воздух, благословенный черный воздух.

Ночь была безлунной. Сверчки стрекотали бесконечную монотонную бессмысленную песню. Фары машин, мчащихся по Кокумскассок-уэй, скользили по острому частоколу сбросивших уже почти всю листву кустов, застывших у входа в церковь, в перемежающихся вспышках света те напоминали челюсти диковинных животных или увеличенные до неправдоподобных размеров сплетенные щупальца и ноги насекомых. В воздухе стоял легкий аромат сидра, забродившего под кожей не снятых вовремя и попадавших с деревьев яблок, гниющих теперь в заброшенных садах, подступавших сзади к церковной усадьбе, на пустующей земле, ждущей своих пользователей. Горбатыми панцирями чернели на гравиевой площадке ожидающие хозяев автомобили.

Собственный маленький «субару» представлялся Александре тоннелем тыквенного цвета, в дальнем конце которого маячили тишина ее

деревенской кухни, приветственная дробь хвоста Коула, дыхание спящих или притворяющихся спящими у себя в комнатах детей, которые выключили телевизор в тот момент, когда свет от фар ее машины скользнул по окнам. Она наведается к ним, к каждому в своей комнате и в своей постели, а потом достанет двадцать новоиспеченных «малышек», хитро составленных так, что никакие две из них не касаются друг друга и не обнаруживают никакой связи между собой, из шведской печки, все еще тикающей, остывая, и словно бы рассказывающей ей обо всем, что происходило в доме, пока ее не было, – потому что время течет везде, не только в том рукаве дельты, в котором дрейфуем мы. Затем, исполнив свой долг по отношению к «малышкам», к своему мочевому пузырю и зубам, она взойдет на простор своего, принадлежащего ей одной постельного королевства, королевства без короля. Александра читала нескончаемую книгу некоей дамы с тремя именами и аэrogрафической фотографией автора в блестящем жакете на обложке; несколько страничек этих нескончаемых приключений, происходящих среди утесов и замков, каждый вечер помогали ей преодолеть порог бессознательного. Во сне она простиралась вдаль и вширь, вырастала над крышами домов, видела себя в помещениях, смутно прступавших из вороха прошлого, но казавшихся такими же реальными, как ее собственное присутствие в них – существа, до краев наполненного неясной печалью. Вот она достает из маминой шкатулки для рукоделия игольник в форме сердечка или, глядя на снежные вершины гор, ждет звонка от давно покойного друга детства. В снах предзнаменования выделявали курбеты вокруг нее так же безвкусно-витиевато, как в парках с аттракционами рекламные фигуры в костюмах из папье-маше, кривляясь, приманивают простаков. Но мы никогда не предвкушаем снов – а если предвкушаем, то не более чем приключений в загробной жизни, обещанных нам сочинителями небылиц.

Гравий хрустнул у Александры за спиной. Темная мужская фигура тронула мягкую плоть ее предплечья; прикосновение было ледяным, а может, ее просто лихорадило. От испуга Александра подпрыгнула. Мужчина сдавленно хихикнул.

– Там, внутри, только что случилась дьявольская штука. Старушенция, у которой минуту назад рассыпалось жемчужное ожерелье, разволновавшись, упала, наступив на ремешок собственных туфель, и все испугались, что она сломала шейку бедра.

– Как печально, – ответила Александра искренне, но отвлеченно, ее дух витал далеко, а сердце колотилось от испуга, вызванного его внезапным прикосновением.

Даррил ван Хорн низко склонился к ней и впечатал слова прямо в самое ухо:

– Не забудьте, голубушка. Надо мыслить крупно. Я зайду в галерею и проверю. Будем поддерживать связь. Пока-пока.

– Ты пошла? – с хмурым удовольствием спросила у Джейн взволнованная Александра. Они говорили по телефону.

– Почему бы нет? – твердо ответила Джейн. – У него действительно оказались ноты ми-минорной сонаты Брамса, и он изумительно играет. Как Либерейс, только без всех этих ужимок. Никогда бы не подумала: когда смотришь на его руки, кажется, что они ничего не умеют делать, а вот поди ж ты.

– Вы были одни? У меня перед глазами так и стоит та реклама. – Она имела в виду рекламу какой-то парфюмерии, на которой молодой скрипач соблазнял свою аккомпаниаторшу в платье с глубоким декольте.

– Не будь вульгарной, Александра. Он не испытывает ко мне никакого сексуального влечения. К тому же в доме было столько рабочих, включая и твоего друга Джо Марино в своей неизменной клетчатой шляпе с пером. А с мыса позади дома непрерывно доносился грохот, оттуда убирают валуны. Судя по всему, там придется произвести немало взрывных работ.

– Как ему удалось все уладить, ведь это заповедная топь?

– Не знаю, дорогая, но у него есть разрешение. Оно приколото к стволу дерева на самом виду.

– Бедные цапли!

– О, Лекса, в их распоряжении весь остальной Род-Айленд, гнездись – не хочу. Для чего нужна природа, если она не может приспосабливаться?

– Она может приспосабливаться, но лишь до определенного предела. А потом начинает страдать.

Шелестящее золото октября заглядывало в ее кухонное окно; крупные резные листья винограда, обвивавшего арку, начинали ржаветь от краев к середине. Левее, в направлении болота, небольшая бересковая рощица под порывом ветра испустила пригоршню ярких острых стрелок, которые, кружась и мерцая, планировали на лужайку.

– Как долго ты у него была?

– О-о, – протянула Джейн, собираясь сорвать. – Около часа. Может, часа полтора. Он действительно чувствует музыку, и, когда остаешься с ним наедине, манера его поведения перестает быть такой клоунской, какой она могла показаться тогда, после концерта. Он сказал, что в церкви, даже в униатской, у него мурашки бегают по коже. Думаю, несмотря на

склонность к блефу, он весьма робок.

– Лапочка. Ты никогда не сдаешься, правда?

Александра представила, как губы Джейн Смарт в негодовании на дюйм отстранились от телефонной трубки. Бакелит – первый из синтетических полимеров, как сказал этот человек. Между тем Джейн продолжала с шипением в голосе:

– Вопрос не в том, сдаюсь я или нет, суть в том, чтобы делать свое дело. Ты делаешь свое дело в одиночестве, тоскливо слоняясь по саду в мужских брюках или стряпая свои маленькие безделушки, но чтобы заниматься музыкой, необходимы партнеры. Другие люди.

– Они не безделушки, и я не слоняюсь по саду.

Джейн продолжала:

– Вы со Сьюки всегда насмехаетесь над тем, что я общаюсь с Реем Неффом, но ведь, пока этот, другой мужчина не появился здесь, единственным человеком в городе, с которым я могла музенировать, был именно Рей.

Александра возразила:

– Это скульптуры, а ты только потому, что они не такие крупные, как у Колдера или Мура, позволяешь себе отзываться о них вульгарно и так же, как этот как-там-его, подразумеваешь, что мне следует делать вещи помасштабнее, чтобы какая-нибудь дорогая нью-йоркская галерея могла содрать с меня пятьдесят процентов, если они действительно будут продаваться, в чем я сильно сомневаюсь. Нынче все зависит от моды и грубого напора.

– Это он тебе сказал? Значит, тебе он тоже сделал предложение?

– Я бы не назвала это предложением – просто типично нью-йоркская предпримчивость и привычка совать свой нос куда не просят. Им там всем приходится быть заодно, во всем.

– Мы его очень заинтриговали: почему это все мы живем здесь, без толку растративая свои прелести и способности в здешнем бесплодном воздухе? – заключила Джейн Смарт.

– Скажи ему, что Наррагансетский залив всегда привлекал чудаков, к тому же – он сам-то что здесь делает?

– Это и мне интересно. – Как свойственно жителям берегов Массачусетского залива, Джейн проглатывала «р». – Создается впечатление, что там, где он раньше жил, стало слишком горячо для него. И ему очень нравится простор большого дома. У него три рояля, честное слово, хотя один из них не рояль, а пианино, он его держит в библиотеке; и еще у него столько чудесных старинных книг в кожаных переплетах с

латинскими названиями.

– Он тебя чем-нибудь поил?

– Только чаем. Его слуга, с которым он говорит по-испански, принес чай на огромном подносе, уставленном множеством ликеров в забавных старинных бутылках. Они выглядели так, словно их достали из погреба, оплетенного паутиной, – ну, ты знаешь.

– Кажется, ты сказала, что вы пили только чай?

– Ну, Лекса, брось, может, я и глотнула каплю ежевичного ликера или чего-то, что Фидель горячо рекомендовал, – кажется, это называется мескаль [\[24\]](#). Знала бы, что придется давать такой подробный отчет, записала бы название. Ты хуже ЦРУ.

– Извини, Джейн. Наверное, я просто ревную. И потом – мой цикл. Он длится уже пять дней, с того концерта, и у меня болит левый яичник. Как ты думаешь, может, это климакс?

– В тридцать восемь-то лет? Солнышко, ты что?!

– Тогда это, должно быть, рак.

– Это не может быть рак.

– Почему не может?

– Потому что ты – это ты. В тебе слишком много магии, чтобы болеть раком.

– Бывают дни, когда я не чувствую в себе никакой магии. К тому же у других она тоже есть.

Александра имела в виду Джину, жену Джо. Джина должна ее ненавидеть. По-итальянски это называется *strega*. Джо рассказывал ей, что на Сицилии все наводят друг на друга порчу.

– Иногда у меня бывает ощущение, будто все мои внутренности завязаны узлами.

– Сходи к доку Питу, если тебя это всерьез беспокоит, – предложила Джейн не без сочувствия.

Доктор Генри Питерсон – пухлый розовый мужчина их лет, с распахнутыми настежь обиженными водянистыми глазами. Когда он пальпирует, его сильные руки бывают так восхитительно нежны. Жена бросила его много лет назад. Он так и не понял почему – и больше не женился.

– Я странно чувствую себя у него на приеме, – призналась Александра. – То, как он накрывает тебя простыней, и все, что он делает под ней...

– Бедный, а что же ему еще делать?

– Оставить свое лукавство. У меня есть тело. Он это знает. Я это знаю.

К чему все эти уловки с простыней?

– Их преследуют в судебном порядке, – напомнила Джейн, – если во время приема в кабинете нет медсестры. – Ее голос двоился, как телевизионный сигнал, когда мимо дома проезжает тяжелый грузовик. Джейн позвонила не затем, чтобы обсуждать эти проблемы. Совсем другое было у нее на уме.

– Что еще ты узнала у ван Хорна? – спросила Александра.

– Ну-у... Пообещай, что никому не скажешь.

– Даже Сьюки?

– Особенno Сьюки. Потому что это касается ее. Даррил и впрямь очень наблюдательный, он все замечает. На том приеме после концерта он оставался дольше нас. Я пошла в «Бронзовую бочку» с участниками квартета выпить пива...

– И Гreta с вами?

– О господи, конечно. Она рассказала нам все о Гитлере, о том, как ее родители не выносили его, потому что он плохо говорил по-немецки. Даже во время выступлений по радио не всегда заканчивал фразу глаголом, как положено.

– Как это было для них ужасно!..

– А ты, как я понимаю, растворилась в ночи, сыграв злую шутку с жемчугами бедной Фрэнни Лавкрафт.

– С какими жемчугами?

– Не притворяйся, Лекса. Ты была в гадком настроении. Уж я-то тебя знаю. А потом еще туфли... Фрэнни с тех пор не встает с постели, хотя, слава богу, ничего не повредила. Все боялись, что она сломала шейку бедра. Ты знаешь, что у женщин к старости кости ссыхаются почти наполовину? Вот почему у них все и ломается. Ей повезло: она схлопотала всего лишь ушиб.

– Не знала. Глядя на нее, я всегда задаюсь вопросом: неужели и я буду такой же приторной, занудливой и настырной в ее возрасте, если я до него доживу, конечно, что сомнительно. Я чувствовала себя так, будто смотрю в зеркало на собственное ужасное будущее, и это взбесило меня, мне очень жаль.

– Ладно, лапушка, меня это ни с какого боку не касается. Так вот, как я уже сказала, Даррил помогал убирать после приема и заметил, что, пока Бренды Парсли в кухне собирали пластиковые стаканчики и бумажные тарелки в мешки для мусора, Эд и Сьюки исчезли вместе! Оставив несчастную Бренду делать хорошую мину при плохой игре. Представь, какое унижение!

– Им действительно следовало бы быть поскромнее.

Джейн выдержала паузу, ожидая, что Александра скажет что-нибудь еще. Наступал момент, за который та должна была бы зацепиться, но ее мысли витали далеко, занятые картиной рака, расползающегося внутри ее, как вихрящиеся туманности галактик, незаметно захватывающие черноту космоса и роняющие там и сям смертельную звезду...

– Он такой зануда, – запинаясь, подала наконец реплику Джейн, имея в виду Эда. – И почему Сьюки всегда пытается нас убедить, что она с ним покончила?

Теперь Александра мысленно преследовала любовников в ночи: стройное тело Сьюки, как прутик без коры, но с гибкими и мускулистыми выпуклостями. Сьюки была из тех женщин, которые рискованно балансируют на грани мальчишества, в них есть нечто мужское, но их женственность просачивается каким-то образом сквозь не ведающую вины энергию, коей обладают мужчины, чьи жизни сфокусированы, словно стрелы, летящие во врага через слабый ураган, мужчины, с жестокого своего мальчишеского детства на всю жизнь наученные умирать. Почему этому не учат женщин? Ведь неправда, будто, если у вас есть дочери, вы никогда не умрете...

– Может, обратиться в клинику, где меня никто не знает? – произнесла Александра, отвергая идею посещения дока Пита.

– Послушай, ты бы придумала что-нибудь получше, чем постоянно терзать себя, – ответила Джейн. – Должна тебе сказать, это довольно скучно.

– Я думаю, отчасти влечение Сьюки к Эду объясняется, – предположила Александра, стараясь вновь настроиться на волну Джейн, – ее профессиональной потребностью ощущать себя в гуще местных событий. В любом случае гораздо интереснее не то, что она все еще встречается с ним, а то, что ван Хорн успел заметить это, едва прибыв в город. Это лестно: судя по всему, нам предлагают задуматься.

– Дорогая Александра, в некотором смысле ты все еще ужасно несвободна. Знаешь, мужчина тоже может быть просто человеком.

– Да, в теории, но я ни разу не видела мужчину, который так бы о себе думал. Все они на поверку оказываются самцами, даже педерасты.

– Помнишь, мы интересовались, свободен ли он? Теперь он интересуется всеми нами!

– Мне послышалось, будто тобой он не интересуется, а просто вы оба интересуетесь Брамсом.

– Интересовались. И интересуемся. Слушай, Александра, расслабься.

Ты говоришь так, будто тебя терзают спазмы.

– Да, я в полном раздрызге, но завтра мне будет лучше. Ты помнишь, что в этот раз моя очередь?

– О господи, чуть не забыла! Вот почему я еще звоню. В этот раз я не смогу прийти.

– Не сможешь прийти на наш четверг? Что случилось?

– Ты будешь смеяться, но это опять связано с Даррилом. У него есть прелестные пьески Веберна, которые он хочет на мне проверить, но, когда я предложила пятницу, он сказал, что в пятницу к нему приедут какие-то разъездные японские инвесторы, которые хотят ознакомиться с его антикоррозийным покрытием для автомобилей. Я вот что подумала, – может, нам погулять сегодня днем по Орчад-роуд, если не возражаешь? Один из моих сыновей просил меня посмотреть, как он будет после уроков играть в футбол, но я могу лишь на минутку показаться на стадионе...

– Нет уж, спасибо, дорогая, – ответила Александра. – У меня сегодня гость.

– О-о!.. – В голосе Джейн зазвенел темный лед с вмерзшим в него пеплом, какой бывает зимой на подъездных аллеях.

– Впрочем, возможно, – попыталась смягчить отказ Александра. – Он или она не точно обещали прийти.

– Дорогая, я все прекрасно понимаю. Не нужно больше ничего говорить.

То, что пришлось самой сделать шаг навстречу, хотя именно она была обиженней стороной, разозлило Александру, и она сказала подруге:

– Я считала, что наши четверги – это святое.

– Да, как правило... – начала Джейн.

– Но полагаю, в мире, где ничего святого не осталось, нет причин соблюдать и наши четверги.

Почему она так обиделась? Ритм ее рутинной недели зависел от нерушимого треугольника, конуса силы. Но она не должна выдавать себя, позволив голосу жалко дрожать.

Джейн попробовала извиниться:

– Только в этот единственный раз...

– Все прекрасно, милая. Тем больше мне достанется яиц под пряным соусом.

Джейн Смарт обожала яйца под пряным соусом с большим количеством перца и щепоткой сухой горчицы, посыпанные нарезанными перышками молодого чеснока или украшенные анчоусами, торчащими из каждой фаршированной белой половинки, как змеиный язычок.

– Ты действительно собираешься взвалить на себя такую обузу и приготовить яйца под соусом? – жалобно спросила Джейн.

– Разумеется, нет, дорогая, – ответила Александра. – Будут заурядные непропеченные соленые крекеры и черствый сыр. Прости, мне пора.

Через час, когда Александра рассеянно глядела поверх голого волосатого плеча, доверчиво пахнувшего прокисшим молоком, как детское темечко, Джо Марино скорее с ленцой, чем с воодушевлением трудился над ней, заставляя кровать стонать и прогибаться под непривычной для нее двойной тяжестью. Неожиданно Александру посетило видение. Перед мысленным взором возник дом Леноксов, глянцевый, как страничка иллюстрированного календаря, с единственной спиралькой дыма, которую она видела тогда. Этот трогательный парок соединялся у нее в голове с пикантным описанием подругой ван Хорна как человека робкого и оттого паясничающего. А точнее, по наблюдениям самой Александры, – сбитого с толку: ей он напоминал человека, глядящего сквозь прорези в маске или слушающего, заткнув уши ватой.

– Ради бога, сосредоточься, – проворчал Джо прямо ей в ухо и, не встретив отклика, возбудился от собственного гнева.

Его голое волосатое тело – твердые от физической работы мышцы в силу благоприятных обстоятельств стали чуть рыхлее – вздыбилось раз, другой, третий и наконец мелко задрожало, как содрогается старенькая машина при включении зажигания. Александра попыталась подстроиться, но контакта не получилось.

– Прости! – прорычал он. – Я думал, все идет хорошо, но ты вдруг отключилась. – Он великодушно прощал партнершу за вялость, толкая ее как последствие завершающегося цикла, хотя никакой крови видно не было.

– Это моя вина, – ответила Александра. – Целиком и полностью. Ты был великолепен. А я – отвратительна. – Он чудесно играет, вспомнила она слова Джейн.

Освободившись от наваждения, Александра вдруг отчетливо и словно в первый раз увидела свой потолок: впечатляющее пространство мертвого квадрата с маленькими трещинками на поверхности, едва отличимыми от крапинок в стекловидном веществе ее собственного глаза, за тем исключением, что, когда она переводила взгляд, эти последние начинали плавать, наподобие микроскопических организмов в пруду или... раковых клеток в лимфе. Круглое плечо и боковая поверхность шеи Джо были бледны и бесстрастны, как потолок, и так же ровно испещрены

оптическими соринками, которые не всегда составляли неотъемлемую часть ее вселенной, но, уж если появлялись, их невозможно было не видеть и очень трудно прогнать. Признак старости. Как на снежный ком, катящийся с горы, на нас с годами тоже налипают песчинки.

Лоб, грудь и живот Александры плавали в поту Джо, и через эту плазму мозг постепенно возвращался к наслаждению его телом с губчатым строением, тяжестью, умиротворяющим мужским запахом и почти сверхъестественной в мире малых чудес нездешностью. Обычно он был не здесь. Обычно он был с Джиной. Джо скатился с Александры с обиженным вздохом. Она оскорбила его средиземноморскую гордость. Макушка у Джо была лысой и дубленой, полированный скальп казался покрытым рябью и напоминал листки книги, забытой в саду под росой. Именно из гордости первое, что он сделал, – это снова надел свою шляпу, заявив, что без нее у него мерзнет голова. Когда шляпа оказалась на месте, его профиль стал моложавым, с крючковатым носом, как на портретах Беллини, и глубокими впадинами под глазами, какие бывают у страдающих заболеваниями печени. Изначально Александру привлек его лениво-порочный вид, в нем был намек не то на барона, не то на дожа, не то на мафиозо, который играет жизнью и смертью, презрительно сплевывая сквозь зубы. Но на поверку Джо, которого Александра соблазнила, когда он пришел чинить бачок, журчавший по ночам, оказался в этом смысле беззубым – буржуа, честный до последней медной шайочки, без памяти обожающий своих пятерых детей, старшему из которых одиннадцать.

Родня Джини заполонила все побережье от Нью-Бедфорда до Бриджпорта. Джо был чудовищно любвеобилен и предан, его сердце принадлежало такому количеству спортивных команд – «Кельтам», «Мишкам», «Китобойцам», «Красным носкам», «Потакетским носкам», «Чечеточникам», «Торговцам чаев», «Лобстерам», «Минитменам»... – существования которого Александра даже не могла представить. С той же преданностью он приходил трудиться над Александрой раз в неделю. Адюльтер был для Джо ступенью к проклятию, и он свято чтил и эту свою обязанность, сатанинскую. Помимо того, это было своего рода противозачаточной мерой; его плодовитость начинала пугать его самого, и чем больше семени отбирала у него Александра, тем меньше оставалось осваивать Джине. Их связь длилась уже третий год, Александра давно бы уже прекратила ее, если бы ей так не нравился вкус Джо – солоновато-сладкий, как нуга, – и то, как мерцает воздух в дюйме над складками его скальпа. В окрасе его ауры не было ничего злобного или дурного; его мысли, как и руки слесаря, были вечно заняты поиском, что бы еще

починить. Судьба передала Александру из рук изготовителя хромированной сантехники в руки ее установщика.

Чтобы увидеть дом Леноксов таким, каким он предстал ей в видении, — с четкой, до последнего кирпичика различимой кладкой стены, гранитными наружными подоконниками и внешними углами, с окнами, напоминающими бойницы, — и в такой фронтальной проекции, нужно парить в воздухе над болотом. Видение стремительно уменьшалось, как будто отступало вглубь, маня ее за собой. Оно уже стало размером с почтовую марку и, не закрой Александра глаза, могло вовсе исчезнуть, как горошина, смытая в водослив. Так вот, когда она закрыла глаза, Джо кончил. Александра была так ошеломлена и пребывала в такой раскоряченной позе, что отчасти как бы и сама испытала оргазм.

— Может, мне расквитаться с Джиной и начать все заново с тобой? — размышлял между тем Джо.

— Не говори глупостей. Ничего подобного ты не хочешь, — ответила Александра. Где-то там, над крышей, высоко в небе, над этим ветреным днем, гуси невидимым клином пробивали себе путь на юг и перекликались, ободряя друг друга: «Я здесь. Ты здесь?» — Ты добрый католик, имеющий пять бамбини и процветающий бизнес.

— Да, но тогда что я здесь делаю?

— Ты околдован. Это очень просто. Я вырвала твой снимок, сделанный во время заседания комиссии по планированию, из «Иствицкого слова» и измазала его своей менструальной жидкостью.

— Господи Иисусе, иногда ты бываешь омерзительна!

— Но тебе это нравится, не так ли? Джина никогда не бывает омерзительна. Джина сладкая, как Богоматерь. Если бы ты был хоть немного джентльменом, то помог бы мне кончить языком. Крови уже почти нет — так, охвостье.

Джо состроил гримасу.

— Как насчет того, чтобы перенести приглашение на другой день? — ответил он, оглядываясь в поисках одежды, чтобы дополнить ею шляпу.

Его тело, хоть и начинало пухнуть, сохраняло аккуратность форм; в школе он был спортсменом, ловким, не пропускавшим ни одного мяча, но коротышкой, что помешало ему выбиться в звезды. Ягодицы у него и сейчас оставались упругими, даже притом что брюшко уже отвисло. На спине красовалась огромная бабочка из тонких черных волос, верхние края ее крыльев покоились вдоль линии плеч, нижние утопали в ямочках по обеим сторонам позвоночника в самом низу.

— Мне нужно отметиться на работе, у этого ван Хорна, — пояснил Джо,

пряча розовое яичко, выбившееся из-под трусов на резинке.

Это были трусы-бикини пурпурного цвета по новой гермафродитной моде. Среди любовей Джо числилась и любовь следить за новыми веяниями в мужской одежде. Он был одним из первых мужчин в округе, который стал носить джинсовый пиджак и почувствовал, что возвращается мода на шляпы.

– Кстати, как там идут дела? – лениво поинтересовалась Александра, не хотевшая, чтобы он уходил. С потолка на нее уже опускалась безысходность одиночества.

– Мы все еще ждем это посеребренное водопроводное оборудование, которое пришлось заказывать в Западной Германии, и я вынужден был посыпать к Крэнстону за медными листами нужного размера под ванну, чтобы обойтись без швов. Когда это кончится, я вздохну с облегчением. В этом доме есть что-то неправильное. Парень обычно встает после полудня, а иногда приходишь – а там вообще никого нет, только эта патлатая кошка трется вокруг. Ненавижу кошек.

– Они омерзительны, – согласилась Александра. – Как я.

– Нет, Ал, что ты! Ты – *mia vacca*. *Mia vacca bianca*^[25]. Ты – моя огромная вазочка мороженого. Что еще может сказать бедный парень вроде меня? Ведь каждый раз, когда я пытаюсь говорить серьезно, ты меня осаживаешь.

– Серьезность пугает меня, – объяснила Александра. – Во всяком случае, что касается тебя, то я знаю, что ты всего лишь дразнишь меня.

На самом деле это она дразнила его, заставляя шнурки на туфлях – темно-красных туфлях из кордовской кожи, какие носят мужчины с университетским образованием, – развязываться, как только он затягивал узелок. Наконец сдавшись, Джо вынужден был уходить, шаркая ногами и волоча за собой шнурки, отчего страдали его тщеславие и привычка к аккуратности. Каждый следующий его шаг по лестнице был все меньше и меньше, а хлопок двери напомнил маленький твердый комок, всего лишь чурочку из раскрашенной древесины, самую последнюю и маленькую из куколок в русской матрешке.

За окнами, выходившими во двор, скворец пиликал свою песню, дикая ежевика сотнями притягивала их на болото. Оказавшись одна посреди ставшей вдруг снова необозримой постели, покинутая и неудовлетворенная, Александра попыталась еще раз, уставившись в пустой потолок, поймать то странно отчетливое архитектурное видение усадьбы Леноксов, но перед глазами маячил лишь призрачный след образа, мертвенно-бледный прямоугольник, похожий на конверт, так долго

провалившийся на чердаке, что марка отвалилась.

Изобретатель, музыкант, поклонник искусства обновляет старинную усадьбу Леноксов

Обходительный, с глубоким голосом, на свой бродяжий, медвежий манер красивый, мистер Даррил ван Хорн, недавно прибывший к нам с Манхэттена и являющийся теперь добропорядочным иствикским налогоплательщиком, приветствовал появление вашего корреспондента на своем острове.

Да, на острове, ибо знаменитая усадьба Леноксов, которую купил новоприбывший, основана среди болот и во время высоких приливов бывает окружена сплошной водной гладью!

Дом, сооруженный из кирпича в 1895 году в английском стиле, с симметричным фасадом и массивными дымоходами на обоих концах, новый владелец собирается перестроить в соответствии со своими разнообразными потребностями. Здесь будут лаборатория для его невероятных химических экспериментов и опытов с солнечной энергией, концертный зал с тремя как минимум роялями (на которых он прекрасно, поверьте мне, играет) и большая галерея, на стенах которой уже висят потрясающие работы таких современных мастеров, как Роберт Раушенберг, Клаус Олденберг, Боб Индиана и Джеймс ван Дайн.

Продолжается сооружение тщательно продуманного солярия-оранжереи, японской бани с ванной из полированного тикового дерева и шикарной наружной сетью медных водопроводных труб, а также теннисного корта. Находящийся в частном владении остров постоянно оглашается стуком молотков и визжанием пил, так что прекрасные снежные цапли, традиционно гнездившиеся на защищенной домом заветренной стороне усадьбы, вынуждены искать себе временное убежище в других местах.

За прогресс приходится платить!

Будучи радушным хозяином, ван Хорн тем не менее весьма сдержанно рассказывает о своих многочисленных начинаниях и надеется в будущем наслаждаться уединением и возможностью в одиночестве предаваться размышлению в своей новой резиденции.

— Род-Айленд привлек меня, — ответил он на вопрос вашего корреспондента, — тем простором и красотой, какие редко встретишь на восточном побережье в наши тревожные и перенаселенные времена. Я уже

чувствую себя здесь как дома. Это чертовски много значит! – добавил он неофициально, стоя с вашим корреспондентом на развалинах бывшего леноксовского дока и глядя на открывающийся оттуда вид: болота, горную гряду, канал, поросшую кустарником низину; со второго этажа дома на горизонте просматривается даже океан.

В осенний день нашего визита в доме с полами, выстланными кленовым паркетом, и высокими потолками с лепными венчиками для люстровых гнезд, а также зубчатыми орнаментами по периметру было весьма прохладно. Большая часть оборудования нового «мастера» и мебель все еще не распакованы и находятся в плотных ящиках, но вашего корреспондента заверили, что предстоящая зима ничуть не пугает изобретательного хозяина.

Ван Хорн планирует вмонтировать множество солнечных панелей в черепицу огромной крыши, более того, он близок к завершению хранящегося пока в глубокой тайне открытия, которое в ближайшем будущем вообще сделает ненужным употребление допотопных видов топлива. Время, вперед!

Земли, ныне заросшие сумахом, китайским ясенем, виргинской черемухой и прочими сорными деревьями, новый хозяин мыслит в будущем как полутропический рай, наполненный экзотическими растениями, которые на зиму будут переносить в солярий-оранжерею. Статуи, некогда на версальский манер украшавшие мол, увы, так пострадали от долгих лет непогоды, что у многих отвалились носы и руки. Честолюбивый владелец намерен реставрировать их и установить в доме, а величественный мол (который местные старожилы еще помнят во всем его былом великолепии) украсить стеклопластиковыми копиями знаменитых кариатид греческого Пантеона в Афинах.

– Дорога, идущая по гребню плотины, – сказал ван Хорн с широким жестом, весьма характерным для него, – будет усовершенствована и в самых низких местах снабжена якорными алюминиевыми pontonами.

– Много радости доставит причал, – по собственной воле, вероятно с юмором, сообщил он. – В катере на воздушной подушке можно будет гонять в Ньюпорт и даже в Провиденс.

Свою обширную резиденцию ван Хорн делит всего лишь с одним помощником-дворецким, мистером Фиделем Малагуэром, и своей обожаемой пушистой ангорской кошкой, в шутку нареченной экстравагантным именем Тамбкин^[26], потому что у животного на каждой лапке есть лишний большой пальчик.

Ваш корреспондент приветствовал пришельца, человека со

впечатляющим воображением и запальчивостью, в этом сказочном уголке Южного округа, уверенный, что выражает мнение многих земляков.

Итак, усадьба Леноксов снова приковывает к себе взгляды!

Сьюзан Ружмонт

– Так ты ездила туда! – ревниво упрекнула Сьюки по телефону Александра, прочтя ее статью в «Слове».

– Голубушка, это было мое задание.

– А кому принадлежала идея такого задания?

– Мне, – призналась Сьюки. – Клайд не был уверен, что это важная новость. К тому же бывали случаи, когда после статьи о том, какой чудесный дом и прочее имеет некое лицо, его через неделю грабили, а газете предъявляли иск.

Клайд Гейбриел, усталый жилистый мужчина, женатый на противной филантропке, редактировал «Слово». Будто оправдываясь, Сьюки спросила:

– Как тебе статья?

– Ну что ж, душечка, живо, но немного затянуто, и, нужно честно сказать – только без обид, – ты должна следить за причастиями. Ими пестрит весь текст.

– Если в статье меньше пяти абзацев, ее дают без подписи. К тому же он напоил меня. Сначала чай с ромом, потом ром без чая. Этот вкрадчивый латино все таскал и таскал его на своем необъятном серебряном подносе. В жизни не видела такого огромного подноса; он был размером со столешницу, весь то ли гравированный, то ли чеканный, не знаю.

– А он? Как вел себя он? Даррил ван Хорн.

– Должна заметить, он тараторил без умолку. Половину проведенного там времени я купалась в его слюне. Не знаю, насколько серьезно можно относиться к некоторым его высказываниям – о понтонах, например. Он сказал, что подушки, если это так называется, выкрасят в зеленый цвет и они будут сливаться с болотной травой. Теннисный корт тоже будет зеленым, даже ограждение. Его уже почти закончили, и ван Хорн хочет, чтобы мы приехали к нему поиграть, пока погода совсем не испортилась.

– Мы – это кто?

– Все мы: ты, я и Джейн. Мы его, похоже, очень интересуем, и я ему кое-что рассказала, ну, только то, что известно всем, – о наших разводах, о том, как мы нашли друг друга, и так далее. И о том, какое это для нас утешение, особенно ты. Джейн я в последнее время не считаю таким уж

утешением, сдается мне, она у нас за спиной ищет мужа. При этом я вовсе не ужасного Неффа имею в виду. Господи, тебе дети не мешают? Я со своими постоянно веду тяжелые бои. Они жалуются, что меня никогда не бывает дома, а я пытаюсь объяснить гаденышам, что зарабатываю на жизнь.

Но Александру не так-то просто было отвлечь от свидания, которое она хотела представить, – свидания Сьюки с ван Хорном.

– Ты рассказала ему о нас что-нибудь грязное?

– А разве есть что-то грязное? Честно сказать, Лекса, я просто не слушаю этих сплетен. Держу голову высоко и думаю: «Да пошли вы все!..» – вот так и хожу каждый день по Док-стрит. Нет, разумеется, ничего такого я ему не рассказывала. Я, как всегда, была предельно скрытна. Да он, судя по всему, не слишком и любопытен. Мне кажется, что по-настоящему нравишься ему ты.

– Зато он мне не нравится. Ненавижу такие темные лица. И терпеть не могу нью-йоркской наглости. К тому же у него мимика не совпадает то ли с движением губ, то ли с голосом, то ли еще с чем-то.

– А мне это показалось весьма привлекательным, – заметила Сьюки. – Его неуклюжесть.

– И что же такого неуклюжего он сделал – пролил ром тебе на колени?

– А потом слизал его языком? Нет. Мне просто симпатична его манера перескакивать с одной темы на другую. То он показывает мне свои безумные картины – там на стенах висит, должно быть, целое состояние, – то лабораторию, то на рояле поиграет, – кажется, это был «Каприз в тонах индиго», в шутку переделанный в ритме вальса. Потом начал бегать вокруг дома, пока один из работавших на заднем дворе бульдозеров чуть не столкнул его в яму, и все спрашивал, не хочу ли я взглянуть на окрестности с купола.

– Надеюсь, ты не полезла с ним на купол! Во всяком случае, при первом свидании.

– Детка, ты все время заставляешь меня повторять: это было не свидание, а задание. Нет, я сочла это лишним, к тому же была пьяна, но приличия соблюдала.

Она помолчала. Прошлой ночью дул сильный ветер, и Александра видела сквозь кухонное окно: с берез и увитой виноградом арки слетело столько листьев, что свет снаружи стал совсем другим – голый, серый, недолговечный зимний свет, в котором четко проступает рельеф местности и видно, как близко расположены соседние дома.

– Мне показалось, – продолжала Сьюки, – не уверена, конечно, но мне

показалось, что он слишком жаждет публичности. Я хочу сказать, что наше «Слово» ведь всего лишь крохотная местная газетенка, а было такое впечатление, что... – Она запнулась.

– Продолжай, – подстегнула ее Александра, прислонившись лбом к холодному оконному стеклу, будто хотела дать своим иссущенным жаждой мозгам испить свежего просторного света.

– Просто мне интересно, действительно эти его опыты идут так успешно, или он только хорохорится? Если он и впрямь изобрел все эти чудеса, то не появится ли здесь вскоре завод?

– Хорошие вопросы. А какого рода вопросы задавал он про нас? Точнее, что ты сочла возможным ему поведать?

– Не понимаю, почему ты говоришь об этом так раздраженно.

– Я тоже. То есть я говорю ничуть не раздраженно.

– Я ведь вовсе не обязана все это тебе рассказывать.

– Ты права. Я веду себя отвратительно. Пожалуйста, продолжай. – Александра не хотела, чтобы из-за ее дурного настроения окно во внешний мир, которое открывали ей сплетни Сьюки, захлопнулось.

– Ну-у, – с мукой в голосе произнесла Сьюки, – о том, как нам уютно вместе. О том, что, как выяснилось, мы предпочитаем женское общество мужскому, ну и так далее.

– Это его обидело?

– Нет, он сказал, что тоже предпочитает женщин мужчинам. Они гораздо более совершенные механизмы.

– Он так и сказал – «механизмы»?

– Что-то в этом роде. Послушай, мой ангел, я должна бежать, честно. Мне нужно интервьюировать руководителей комитета по проведению праздника урожая.

– В какой церкви?

В наступившей паузе Александра закрыла глаза и увидела радужный зигзаг: будто бриллиант на чьей-то невидимой руке прорезал темноту электрической параллелью мечущимся мыслям Сьюки.

– Представь, в униатской. Все остальные отказались туда идти, они считают ее слишком языческой.

– Можно спросить: какие чувства ты испытываешь в последнее время к Эду Парсли?

– О, такие же, как и всегда. Нежные, но отстраненные. Бренда такая невыносимая надоеда!

– И чем же она так невыносимо ему надоедает, он не сказал?

Междуд ведьмами было принято проявлять сдержанность в вопросах,

касающихся конкретики сексуальных отношений, но Сьюки, чтобы смягчить наметившееся раздражение, нарушила запрет и пустилась в признания:

– Лекса, она ничего для него не делает. А он, прежде чем поступить в духовное училище, немало покуролесил, поэтому точно знает, чего лишен. Он мечтает сбежать и присоединиться к движению.

– Для этого он слишком стар. Ему же за тридцать. Движение его не примет.

– Это он понимает. И презирает себя. Ну не могу я все время его отвергать, он такой жалкий! – запальчиво выкрикнула Сьюки.

Врачевание было заложено в их природе, и если общество обвиняло их в том, что они становились между мужьями и женами, разрывали, казалось бы, нерушимые союзы, накидывали петельки, которые в недрах внешне благополучных семейных жизней, под сенью укромных крыш, за плотно задернутыми шторами затягивались в извращенные узелки импотенции и эмоциональной холодности, если оно не просто обвиняло их, но своим негодящим злозычием жгло заживо, то это была цена, которую приходилось платить. Желание полечить, приложить целебную примочку нехотя сдающейся плоти к ране мужского вожделения, дать заточенному духу мужчины испытать восторг при виде освободившейся от одежд нагой ведьмы, скользящей по безвкусно обставленной комнате мотеля, было основополагающим и инстинктивным, чисто женским свойством. И Александра отпустила Сьюки без дальнейших упреков в том, что молодая подруга продолжает обихаживать Эда Парсли.

В тишине дома, которому еще более двух часов предстояло отсутствие детей, Александра боролась с депрессией, дрейфуя под его гнетом, как снулая, уродливо деформированная рыба в придонных морских глубинах. Она задыхалась от собственной бесполезности и тягостной бесполезности этого деревенского дома середины девятнадцатого века с пропахшими плесенью и линолеумом комнатушками. Чтобы взбодриться, Александра решила поесть. Все, даже гигантские морские слизняки, питаются; смысл их существования и состоит в том, чтобы питаться. Зубы, копыта, крылья развились у живых тварей в результате маленьких кровавых битв, для которых уже миллионы лет. Александра сделала себе сандвич из ломтика индюшачьей грудки и салата на кусочке диетического зернового хлеба, все это она приволокла нынче утром из «Сьюперетта» вместе с «Кометом», «Кэлгонитом» и сегодняшним номером «Слова». Ее поразило, сколько утомительных действий требует приготовление ленча: достать мясо из холодильника, отлепить скотч, которым склеена бумажная обертка, найти

майонез на полке, где он прячется среди банок конфитюра и бутылок салатного масла, ногтями отодрать от кочана латука мнущуюся и слипающуюся упаковочную пленку, разложить все это на кухонной стойке, поставить тарелку, достать из ящика нож, чтобы намазать майонез, найти вилку, чтобы выудить длинный и тощий пикуль из широкой банки, где в зеленом рассоле плавают семена, потом сварить кофе, чтобы запить вкус индейки и пикуля. Каждый раз, когда Александра клала на место в ящик маленький пластмассовый измеритель уровня кофейной гущи в кофеварке, в его недоступных для очистки трещинках застревало еще несколько крупинок молотого кофе: если она будет жить вечно, этих крупинок накопится с гору размером в одну из темно-коричневых альпийских вершин.

Все вокруг в этом доме неотвратимо покрывалось грязью: она скапливалась под кроватями, за рядами книг на полках, между секциями батарей. Александра убрала ингредиенты своего обеда и инструменты, потребовавшиеся для утоления голода. Кое-как навела порядок в доме. Ну почему нужно обязательно спать на кроватях, которые приходится застилать, есть с тарелок, которые приходится мыть? Разве инсским женщинами жилось хуже? Прав ван Хорн – она действительно чувствовала себя механизмом, роботом, жестоко обреченным осознавать каждое свое рутинное движение.

Там, в высокогорном городке на западе, с его главной улицей, пыльной и широкой, как футбольное поле, с аптекой, скобяной лавкой, «Вулвортом»^[27] и парикмахерской, разбросанными по ней, как ядовитые креозотные кусты, отравляющие землю вокруг себя, там Александра была нежно лелеемой дочерью. В ней сосредоточивалась вся жизнь семьи. Чудо удивительной грации в обрамлении скучных братьев – впряженных в дребезжащую повозку возмужания мальчишек, которым предстоит жизнь в команде, то в одной, то в другой. Отец, коммивояжер, торговавший джинсами «Ливайс», возвращаясь после поездок, смотрел на взрослеющую Александру, как на растение, вытягивающееся короткими рывками, и при каждой следующей встрече замечал новые лепестки и побеги.

Год за годом маленькая Сэнди высасывала из увядающей матери здоровье и силу, как некогда – молоко из ее груди. Занимаясь верховой ездой, она порвала девственную плеву. Научилась ездить на длинных, имеющих форму седла мотоциклетных пассажирских сиденьях, так плотно прижимаясь к спинке мальчишеской куртки, что на щеке оставались отпечатки заклепок. Потом мама умерла, и отец отправил Александру в колледж на восток; ее куратор в старших классах настоял на некоем

заведении с безопасно звучащим названием «Коннектикутский женский колледж». Там, в Новом Лондоне, она в качестве капитана команды по травяному хоккею и студентки, специализирующейся в области изящных искусств, в течение четырех по-восточному открыточно-красивых учебных сезонов сменила множество красочных костюмов и на предпоследнем курсе, в июне, оказалась вся в белом, а вслед за этим в ее гардеробе вяло вытянулись в ряд разнообразные униформы жены. С Озом Александра познакомилась на кем-то организованной парусной прогулке на Лонг-Айленде; твердой рукой поднося к губам один за другим хрупкие пластиковые стаканчики, он не выказывал симптомов ни опьянения, ни страха, в то время как она испытывала и то и другое, и это произвело на нее впечатление. Оззи тоже восхитили ее полная фигура и мужская походка, свойственная женщинам с запада. Ветер изменил направление, парус затрепетал, захлопал, яхта начала рыскать, на его опаленном солнцем и выпитым джином красном лице сверкнула ободряющая улыбка; он улыбался одним уголком рта, застенчиво, как ее отец. И Александра упала прямо ему в руки, смутно ожидая от подобного падения последующего жизненного взлета: сила к силе. Она взвалила на свои плечи тяготы материнства, членства в клубе садоводов, совместного пользования автомобилями и званых коктейлей. По утрам пила кофе с приходящей домработницей, а вечерами – коньяк с мужем, принимая пьяную похоть за семейное благополучие. Мир вокруг Александры разрастался – дети один за другим высакивали у нее между ногами, пришлось надстраивать дом, Оз продвигался по службе в ногу с инфляцией, – и она продолжала как-то питать этот мир, но он больше не питал ее. У Александры участились депрессии. Врач прописал тофранил и визиты к психотерапевту и/или духовнику. Они с Озом жили тогда в Норидже, из их дома был слышен звон церковных колоколов, и в рано сгущающихся зимних сумерках, до того как школа возвращала ей детей, Александра, которую малейшее движение обессиливало и валило с ног, ложилась на кровать, ощущая себя бесформенной и дурно пахнущей массой – не то старой калошой, не то шкуркой белки, сбитой за несколько дней до того на шоссе.

В детстве, в их невинном горном городке, она, бывало, нежилась в постели, взволнованная ощущением собственного тела – пришельца, явившегося ниоткуда, чтобы заключить в себя ее дух. Она разглядывала себя в зеркале, видела ямочку на подбородке и странную расщелинку на кончике носа, отступала назад, чтобы оценить широкие покатые плечи, тыковки грудей, живот, похожий на пустую перевернутую чашу, мерцающую над скромным треугольным кустиком, упругие овальные

бедра, и решала дружить со своим телом; ведь могло достаться тело и похуже. Лежа на кровати, она могла в падающем из окна свете долго любоваться своей аккуратной щиколоткой, поворачивая ее туда-сюда, — перламутровым свечением костей и сухожилий, бледно-голубых вен, по которым осуществлялось магическое движение кислорода, — или гладить собственные руки, покрытые пушком, пухлые, сужающиеся к запястьям. Потом, в разгар замужней жизни, Александра испытала отвращение к своему телу, и супружеские пополнения Оззи казались ей жестокой насмешкой. Ее тело пребывало где-то вовне, за окнами, — засвеченная, как фотопленка, побитая дождем, обросшая листьями плоть иной ее сущности, к чьей красоте все еще жался мир; после развода она почувствовала себя так, словно выплыла-таки наружу через окно.

Наутро после решения суда Александра встала в четыре часа, выдергивала в огороде засохшие стебли гороха и пела при лунном свете, при свете белой каменной громады печально склоненного бесполого лица, пела в присутствии луны и зари, занимающейся на сером, как дымчатый кот, востоке. У этого, другого ее тела тоже имелась душа.

Теперь мир бесплодно проливался сквозь нее, утекая в водослив. «Женщина — это дыра», — однажды прочла Александра в воспоминаниях проститутки. На самом деле она не столько дыра, сколько губка, тяжелый хлюпающий предмет, лежащий на кровати и из воздуха впитывающий в себя всю тщету и муку, коими тот насыщен: войны, в которых не бывает победителей, болезни, распространявшиеся настолько, что все мы можем умереть от рака. Ее дети — крикливая стая, неуклюжая, требовательная, нахальная, прилипчивая, вечно требующая пропитания, они видят перед собой не мать, а всего лишь испуганного толстого ребенка, уже не складного, не привлекательного для их отца, чей прах два года назад был развеян с самолета-опылителя над любимым горным лугом, куда, бывало, они всей семьей ездили собирать дикие цветы — альпийские флоксы и парашютики с пахнущими скунсом листьями, акониты, напоминающие монашеские клубки, додекатеоны, похожие на падающие звезды, и ползучие лилии, растущие во влажных углублениях, оставшихся после таяния снегов.

Отец всегда брал с собой ботанический справочник, маленькая Сандра приносила ему только что сорванные дары — нежные соцветия с робкими лепестками и стебельками, замерзшими, как ей казалось, оттого, что они провели всю ночь на горном холоде, и отец объяснял ей, как они называются.

На ситцевых занавесках, которые Александра по совету Мейвис

Джессап, декораторши, уволившейся из «Тявкающей лисы», повесила на окнах спальни, был крупный рисунок из произвольно разбросанных розовых и белых пионов. В кольшущихся складках занавесок ей отчетливо почудилось клоунское лицо, злобная бело-розовая физиономия с маленькой щелочкой рта; чем дольше смотрела Александра, тем больше их там появлялось – целый сонм зловещих клоунских рож среди набивного рисунка из пионов. Это были дьяволы. Они поощряли ее депрессию. Александра вспомнила: «малышки» ждут, чтобы она своим колдовством высвободила их из глины и превратила в рукотворные фантазии – клёклые и аморфные. Стаканчик спиртного или таблетка могли бы поднять дух и взбодрить ее, но она знала, какую цену придется за это заплатить: через два часа ей станет еще хуже. Блуждающие мысли притягивали торжествующий грохот и синкопированный лязг механизмов, доносившийся в воображении Александры со старой усадьбы Леноксов, и ее обитатель, темный принц, забравший двух ее сестер, словно намеренно желал нанести ей оскорбление. Но даже в его оскорбительности и подлости было нечто, от чего можно оттолкнуться, чтобы обрести пищу для духовных упражнений. Она мечтала о дожде, о его утешительном шелесте в черноте над крышей, но, взглянув в окно, увидела, что в жестоко ослепительной погоде снаружи ничто не изменилось. Клен, росший напротив, накрывал оконные стекла золотом своих последних выживших листьев. Александра продолжала беспомощно лежать на кровати, придавленная бесконечной тщетой, царящей там, в мире.

Почувствовав печаль хозяйки, пришел добрый Коул. Его длинное тело в свободной оболочке блестящей собачьей шкуры размашисто перепрыгнуло через овальный половик, сплетенный из лоскутов, и без малейшего усилия плюхнулось на покачнувшуюся кровать. Он стал тревожно облизывать ей лицо, руки, обнюхивать ее в том месте, где она для облегчения расстегнула свои затвердевшие от грязи «Ливайсы». Александра поддернула блузку, чтобы побольше обнажить молочно-белый живот, и пес нашел на расстоянии ладони от ее пупка не предусмотренное природой уплотнение, маленький розовый бутончик, появившийся несколько лет назад, доброкачественный, не канцерогенный, по заверениям дока Пета. Он предлагал удалить его, но Александра боялась ножа. Уплотнение было нечувствительно, однако мышцы вокруг него зудели, когда Коул обнюхивал и облизывал его, как сосок. От собачьего тела исходили тепло и слабый запах гнили, но Александра не видела в этом ничего оскорбительного. Принимает ведь земля в себя продукты разложения и экскременты. Напротив, это казалось ей по-своему

прекрасным – плед разложения, ткущийся в недрах.

Коул вдруг устал облизывать хозяйку и рухнул в изгиб, который образовало на постели ее отравленное наркотиком тоски тело. Во сне крупный пес храл, издавая звуки, напоминавшие шелест дождя в стоге сена. Уставившись в потолок, Александра ждала, чтобы что-нибудь произошло. Веки внутри стали горячими и сухими, как кожица кактуса. Зрачки превратились в два черных шипа, обращенных внутрь.

Принеся свою статью о празднике урожая («...униаты планируют благотворительный базар, игру в „клоуна-ныряльщика“ и т. п.») Клайду Гейбриелу в его узкий, как пенал, кабинет, Сьюки, к собственному смущению, обнаружила его навалившимся грудью на стол и обхватившим голову руками. Услышав шелест листков, опускаемых в корзинку для текущих материалов, Клайд приподнял голову. Веки у него были воспалены, но являлось ли это следствием слез, похмелья или бессонной ночи, Сьюки сказать не могла. Она слышала, что ее редактор был не только пьяницей, но еще имел телескоп и порой просиживал ночи напролет на заднем крыльце, разглядывая звезды. Его светло-шатеновые волосы, поредевшие на макушке, взъерошились, под глазами набухли синие мешки, лицо было серым, как газетная бумага.

– Простите, – сказала Сьюки, – я думала, вы захотите глянуть на это.

Не поднимая головы выше, Клайд скосил взгляд на ее бумаги.

– Глянуть-млянуть, – пробормотал он, сконфуженный тем, что его застали в таком виде. – Этот предмет не заслуживает двухстрочного заголовка. Как насчет «Трепотни миротворца Парсона»?

– Я говорила не с Эдом, это был один из членов его комитета.

– О-опс, прошу прощения. Забыл, что вы считаете Парсона великим человеком.

– Дело вовсе не в том, что считаю я, – сказала Сьюки, демонстративно выпрямив спину.

Эти мужчины-неудачники, которых она имела несчастье притягивать, не гнушались тем, чтобы унизить человека, если он позволял им это, а не держал голову гордо поднятой. Несносную сардоническую манеру Клайда разговаривать с людьми, которая заставляла кое-кого из сотрудников ежиться от страха и портила ему репутацию в городе, Сьюки воспринимала как завуалированную самозащиту, вывернутую наизнанку мольбу о прощении. В молодости Клайд, должно быть, подавал большие надежды, но его красота – высокий квадратный лоб, широкий, предполагающий страстность рот и глаза цвета голубого льда с длинными ресницами,

расходящимися звездными лучами, — потускнела. Он приобрел вид беспробудного пьяницы, изнуренного голодом.

Клайду было чуть за пятьдесят. Позади стола, на доске с прикрепленными к ней образцами заголовков и взятыми в рамочки хвалебными отзывами о «Слове», выходившем при прежних руководствах, он прикрепил фотографии дочери и сына, но не жены, хотя разведен не был. Его дочь — тип хорошенькой невинной луноликой девушки — была не замужем и работала лаборантом-рентгенологом в чикагской больнице Майкла Риза, обещая стать тем, что Монти в шутку называл леди-доктор. Сын Гейбриела, исключенный из колледжа, интересовался театром, минувшим летом подвизался в какой-то сезонной коннектикутской труппе и обладал такими же, как у отца, бледно-голубыми глазами, пухлыми губами и классической фигурой древнегреческой статуи.

Фелисия Гейбриел, давно сброшенная со счетов жена, некогда, вероятно, была бойкой веселой бабенкой, доставлявшей кучу хлопот, но с годами превратилась в болтающую без умолку сухонькую маленькую женщину с заострившимся лицом. Все вокруг вызывало у нее злобу: правительство и движения протesta, война, наркотики, похабные песни, транслируемые местной радиостанцией, то, что «Плейбой» свободно продают в аптекарских магазинах, пребывающие в спячке власти города и толпы бездельников на улицах, отдыхающие обоих полов, одевающиеся и ведущие себя скандально, — словом, все было не так, как могло бы быть, имей она власть.

— Только что звонила Фелисия, — счел нужным сообщить Клайд, словно оправдываясь за позу, в которой застала его Сьюки. — Рвет и мечет по поводу надругательства, которое ван Хорн учинил над правилами пользования заболоченными землями. Кроме того, она считает вашу статью о нем слишком апологетичной; говорит, что до нее дошли весьма нелестные слухи о его нью-йоркском житье-бытье.

— От кого?

— Так она вам и сказала! Свято хранит в тайне свои источники информации. Не исключено, что она получает сведения непосредственно от самого Эдгара Гувера. — Такая антисупружеская ирония придала немного живости его лицу, он часто отпускал шуточки насчет Фелисии.

Что-то мертвенное таилось в глазах Клайда, затененных длинными ресницами. Сьюки всегда казалось, что и во взрослых детях, запечатленных на снимках у него за спиной, было нечто призрачное: круглое лицо дочери напоминало совершенный, но пустой абрис, а у юноши с пухлыми губами, выющими волосами и чистым удлиненным лицом было на

удивление бесстрастное выражение. Бесцветность самого Клайда слегка подкрашивалась коричневыми парами утреннего виски, сигаретным дымом и странным кислотным дуновением, исходившим от его затылка. Сьюки никогда не спала с Клайдом, но испытывала к нему материнское чувство, полагая, что могла бы исцелить его. Ей казалось, что он тонет и судорожно хватается за свой обитый жестью стол, как за перевернутую гребную шлюпку.

– У вас измученный вид, – сказала она, набравшись смелости.

– Я действительно измучен, Сюзан. Фелисия весь вечер не отлипает от телефона – болтает о своих «важных» делах и оставляет меня один на один с бутылкой. Я слишком много пью. Раньше я отвлекался телескопом, но мне нужен магнит посильнее; в конце концов, в телескоп можно увидеть лишь кольца Сатурна.

– Сводите ее в кино, – предложила Сьюки.

– Водил. На какой-то безобидный фильм с Барбрай Стрейзанд – господи, какой голос у этой женщины, пронзает, как нож! – так вот, она настолько рассвирепела из-за сцены насилия, показанной в рекламном ролике перед сеансом, что полфильма собачилась с администратором. Потом вернулась на свое место, посмотрела вторую половину картины и разозлилась, что там якобы слишком много сцен, где Стрейзанд в декольтированных платьях начала века наклоняется вперед и демонстрирует свои сиськи. Заметьте, это даже не был фильм «только для взрослых», на него допускались дети! Там пассажиры какого-то старого троллейбуса всего-навсего пели!

Клайд попытался рассмеяться, но его губы утратили привычку, и гримаса получилась жалкой. Сьюки захотелось немедленно стянуть с себя коричневый шерстяной свитер, расстегнуть лифчик и дать умирающему мужчине пососать свою пухлую грудь; но в ее жизни уже был Эд Парсли, а одного интеллигента с кислой миной вполне достаточно. Каждый вечер она мысленно скучковала Эда, чтобы, когда раздастся долгожданный звонок, иметь возможность со сравнительно легким сердцем отправиться через затопленное болото на остров Даррила ван Хорна. Вот где кипела жизнь! Не то что здесь, в городе, где в заливе вода с нефтяными разводами на поверхности плескалась о сваи и оставляла дрожащие отсветы на изможденных лицах иствикцев, волокущих на себе груз гражданского и христианского долга.

Тем не менее соски Сьюки затвердели под свитером, мобилизованные ее исцеляющей силой и способностью быть для любого мужчины цветущим уголком, усаженным растениями-противоядиями и

болеутоляющими. Кружки вокруг сосков стало покалывать, как раньше перед кормлением младенца или как тогда, когда они с Джейн и Александрой воздвигали над собой конус могущества. По костям, даже по фалангам пальцев рук и ног, словно от внезапного испуга, пробежала холодная дрожь, как будто ее кости стали тонкими трубками, по которым струилась ледяная вода. Клайд Гейбриел склонился над каким-то текстом; между длинными редеющими прядями светло-шатеновых волос трогательно просвечивал бесцветный скальп, под таким углом он себя никогда не видел.

Покинув помещение «Слова», Сьюки, прямая и натянутая как струна, вышла на Док-стрит и отправилась обедать в закусочную «Немо», намереваясь по дороге поглязеть на прохожих и магазинные витрины. Лес напоминавших стройные лаковые деревья мачт, поднимавшихся над стоявшими на якорях за сваями яхтами, поредел. В южном конце улицы, на Лэндинг-сквер, огромные старые березы, окружавшие гранитный мемориал жертв войны, образовали хрупкую крепостную стену, всю желтую, теряющую листву при каждом едва заметном дуновении ветра. Синий цвет воды в преддверии зимних холодов приобрел стальной оттенок, и на ее фоне светлая вагонка домов, расположившихся на обращенной к заливу стороне улицы, выглядела ослепительно-белой, а каждая шляпка гвоздя – живой. Какая красота, подумала Сьюки и тут же ощутила страх: ведь ее собственная красота и жизненная энергия не вечны и настанет день, когда они исчезнут, как причудливой формы фрагмент, выпавший из сердцевины мозаики и бесследно затерявшийся.

Джейн Смарт репетировала Вторую сюиту ре-диез Баха для виолончели без сопровождения. Маленькие черные шестнадцатые нотки вступления подпрыгивали вверх и соскакивали вниз, потом снова подпрыгивали, повинуясь значкам диезов и bemolей, как чуть повышенный во время эмоциональной речи человеческий голос. Старина Бах! Его безотказный тоновый генератор тревоги был снова в действии. И Джейн вдруг стало обидно: какой он мрачный, какой по-мужски самоуверенный. При каждом новом скользящем транспонировании темы аппликатура становилась все сложнее, а ему было все равно, этому старому мертвому лютеранину с квадратным лицом, в парике, с его Богом, с гениальностью, с двумя женами и семнадцатью отпрысками. Ему было безразлично, что у Джейн болели подушечки пальцев и ее послушный дух от этих воинственных нот метался вперед-назад, вверх-вниз только для того, чтобы он мог обрести голос после смерти, – ради бессмертия грубияна. И она

взбунтовалась, отложила смычок, налила себе немного сухого вермута и пошла к телефону. Сьюки должна уже вернуться с работы и наверняка на скорую руку нашлепывает на хлеб арахисовое масло и джем, варганя бутерброды для своих бедных детишек, чтобы побыстрее отправиться на эти идиотские вечерние общественные мероприятия.

— Мы должны что-то сделать, чтобы заманить Александру к Даррилу. — Такова была сверхзадача звонка Джейн. — В среду к концу дня я заскочила к ней, несмотря на все ее протесты, потому что она явно страдает оттого, что наши четверги расстроились. Она стала слишком зависима от них и показалась мне совершенно упавшей духом. Александра болезненно ревнует, прежде всего ко мне, потом к Брамсу, потом к твоей статье, которая, должна тебе сказать, сделала свое дело; я не могла выудить у нее ни слова на тему о том, почему ее не приглашают, а навязываться сама не решилась.

— Но, дорогая, ее приглашали, так же как тебя и меня. Демонстрируя мне для статьи свою коллекцию предметов искусства, он даже показал шикарный каталог парижской выставки этой Ники как-ее-там и сказал, что бережет его, чтобы показать Лексе.

— Тем не менее она не пойдет туда, пока не получит официального приглашения, и это, должна тебе сказать, гложет бедняжку изнутри. Я подумала, может, ты замолвишь за нее словечко?

— Голубушка, но почему я? Ты знаешь его лучше, ты со своей музыкой постоянно у него теперь пропадаешь.

— Я была там всего два раза! — парировала Джейн, с присвистом налегая на слово «всего». — Это уж, скорее, твоя прерогатива, ты у нас мастер разговаривать с мужчинами. Я для этого чересчур прямолинейна. У меня может получиться так, будто это слишком много для нее значит.

— Да я не уверена, что ему и статья-то понравилась, — возразила Сьюки. — Он даже не позвонил мне.

— А почему, собственно, она не должна ему понравиться? Статья вполне благожелательна, и он предстает в ней как романтичный, эффектный и производящий глубокое впечатление человек. Мардж Перли вырезала, повесила ее у себя на доске объявлений и хвастается всем своим перспективным клиентам, что эту сделку устроила она.

Со Сьюкиного конца провода до нее донесся детский плач: на фоне потрескивавшего, как статическое электричество, голоса Джейн девочка сквозь рыдания пыталась объяснить, что старший брат не дает ей посмотреть образовательную передачу про спаривание львов, потому что сам хочет смотреть повтор «Героев Хогана» и переключил телевизор на

другой канал. Губы девочки были измазаны арахисовым маслом и джемом, нечесаные тонкие волосики сбились колтуном. Сьюки так и хотелось съездить по омерзительно грязному детскому лицу, чтобы в этих одурманенных телевизором глазах появился хоть какой-то смысл. Алчность – единственное, чему учит телевидение, оно превращает наши мозги в сплошную кашу. Даррил ван Хорн объяснил ей, что за все беспорядки и антивоенное движение ответственность несет именно оно; реклама, без конца вклинивающаяся в передачи, и постоянное перескакивание с канала на канал нарушают в юных мозгах конъюгацию хромосом, устанавливающую логические связи, поэтому лозунг «Занимайтесь любовью, а не войной!» кажется им актуальной идеей.

– Я еще обдумаю это, – поспешила заключила Сьюки и повесила трубку.

Ей нужно было идти на внеочередное заседание департамента дорог; неожиданные февральские метели сожрали весь годовой лимит денег, выделяемых бюджетом на снегоуборку и посыпание дорог солью, и председатель департамента Айк Арсенолт грозил подать в отставку. Сьюки надеялась уйти пораньше, чтобы отправиться на свидание с Эдом Парсли в Пойнт-Юдит. Но прежде нужно было уладить разногласия по поводу телевизионной «пещеры». Наверху у каждого из детей был свой телевизор, но они упорно предпочитали ее ящик, в результате чего в маленьком доме некуда было деться от шума. На матрасском сундучке, приспособленном под кофейный столик, оставались круги от стаканов с молоком и кокаколой, а между подушками диванчика Сьюки находила заплесневевшие хлебные корки. Разъяренная, она бросилась на кухню и приказала несносным неряхам поставить грязные тарелки в мойку.

– И смотрите мне, если не вымоете нож после арахисового масла, не прополощете и не вытрете его насухо, если вы просто сунете его под горячую воду, арахисовое масло спечется так, что его никогда уже не отчистишь.

Прежде чем выйти, Сьюки вывалила в пластиковую собачью миску, на которой детская рука фломастером вывела печатными буквами имя «Хэнк», банку кроваво-красной конины «Элпо» для ненасытного обжоры-веймаранца. Себе в рот она закинула полпригоршни соленого испанского арахиса; коричневая шелуха налипла на ее роскошные губы.

Сьюки отправилась наверх. Чтобы попасть в свою спальню, ей нужно было подняться по узкой лестнице, свернуть налево, в такой же узкий холл с грубым дощатым полом, потом направо – к сохранившейся с восемнадцатого века двери, украшенной узором в форме двойной буквы

«Х» из гвоздей с квадратными шляпками. Войдя, Сьюки закрыла за собой эту дверь и заперла на кованый железный крюк в виде звериной лапы с когтями.

Комната была обклеена обоями со старомодным рисунком из виноградных лоз, растущих прямо вверх, как привязанные к жердям выюнки бобов, потолок провис, как гамак, и затянулся паутиной. Самые широкие трещины были прикрыты фанерками, чтобы не осыпалась штукатурка, и скреплены скобами. Одинокая герань тихо угасала на подоконнике единственного маленького окошка.

Сьюки спала на двуспальной, с расшатанной спинкой кровати, застеленной стареньkim кисейным покрывалом, усыпаным ткаными горошинами. Она помнила, что на тумбочке возле кровати должен лежать экземпляр «Слова» за прошлую неделю; изогнутыми маникюрными ножницами она аккуратно вырезала свою статью о «Музиканте, изобретателе, поклоннике искусств», нежно подула на нее и стала всматриваться, напрягая близорукие глаза так, чтобы ни единая буковка, не касающаяся Даррила ван Хорна, не попала в поле зрения. После этого Сьюки обернула вырезкой, статьей внутрь, одну из обнаженных «малышек» Александры – статуэтку женщины с тяжелыми бедрами и крохотными ступнями, которую та подарила ей на тридцатилетие два года назад и которая – что должно было способствовать достижению магического эффекта – представляла фигуру самой создательницы. Особой бечевкой, хранившейся в узком шкафу рядом с утопленным в стене камином, лохматой бледно-зеленой джутовой бечевкой, какой садовники в прежние времена подвязывали растения и которая, по поверью, помимо всего прочего, обладала свойством ускорять их рост, Сьюки крепко обмотала пакет так, чтобы не было видно ни кусочка хрустящей, покрытой буквками бумаги, завязала бечевку на один узел, потом на второй и третий – в соответствии с требованиями колдовского ритуала – и ощутила в руке приятную тяжесть фетиша, фаллически продолговатого, напоминающего на ощупь плотное плетение корзинки. Не уверенная в том, какое именно заклинание следует произнести, Сьюки приложила куколку ко лбу, потом поочередно к каждой груди, к пупку – единственному звену, соединяющему всех женщин в непрерывную цепь, – и, наконец, подняв юбку, но не снимая трусиков, – к своему лону. На всякий случай еще и поцеловала фигурку.

– Вы, двое, подарите друг другу радость! – воззвала она и, припомнив слово из школьного курса латыни, трижды добавила нараспев: – Copula, copula, copula^[28].

Потом, опустившись на колени, положила мохнатый зеленый талисман

под кровать, где заметила с дюжину запылившихся дохлых мышей и пару пропавших колготок, но доставать их оттуда было некогда. Ее соски затвердели в предвкушении свидания с Эдом Парсли, и Сьюки уже представляла его припаркованную темную машину, укоризненно шарящий луч Пойнт-Юдитского маяка, убогую сырую комнату в мотеле, за которую он заплатил восемнадцать долларов, и его бурный приступ раскаяния, который придется выдержать после того, как он будет сексуально удовлетворен.

Александра решила, что в такой холодный день, под этим низко нависающим серебряным небом, на восточном берегу может быть слишком ветрено и сыро, поэтому остановила свой «субару» на съезде с шоссе неподалеку от дамбы Леноксов. Трава на здешнем обширном заболоченном пространстве поблекла и полегла кустиками под набегами приливов, так что Коулу было где побегать. Между двумя крапчатыми валунами, служившими дамбе мощным костяком, море навалило мертвых чаек и пустых крабьих панцирей, в которых обожал копаться пес, обнюхивая их. Здесь находилось также то, что представляло останки въездных ворот: два кирпичных столба с полными фруктов цементными вазами наверху и проржавевшими петлями, на которых когда-то крепились ныне исчезнувшие створки. Пока Александра стояла, глядя в направлении мерцающего вдали симметричного дома, его хозяин тихо подъехал сзади на своем «мерседесе» того оттенка белого цвета, который кажется грязным. Одно крыло автомобиля было смято, другое после починки выкрашено краской цвета слоновой кости и явно отличалось от остальной поверхности корпуса. Из-за ветра Александра повязала голову банданой и, обернувшись, увидела свое отражение в смеющихся темных глазах мужчины как тревожный овал, обрамленный красным, на фоне серебристых бликов моря. С покрытой головой она напоминала монашку.

Стекло медленно опустилось.

— Наконец-то вы приехали, — сказал он без того назойливо любопытного паясничанья, с каким вел себя на приеме после концерта, а скорее с видом делового человека, констатирующего факт.

Его словно сшитое из лоскутов лицо улыбалось. Рядом с ним на переднем сиденье возвышалась конусообразная тень — колли, но не обычный, а один из тех немногих, у которых в тройном окрасе преобладает черный цвет. Это существо разразилось безжалостным лаем, когда дружелюбный Коул, примчавшись из своей дальней экспедиции по обнюхиванию падали, встал рядом с хозяйкой.

Александра взяла пса за ошейник, чтобы успокоить и заставить молчать, — шерсть у того уже поднялась дыбом, — и, стараясь перекричать собачий лай, громко ответила:

— Я просто остановилась здесь ненадолго, я вовсе не... — Голос прозвучал менее уверенно и более молодо, чем ее собственный; ее застигли врасплох.

— Знаю-знаю, — нетерпеливо перебил ван Хорн. — Но в любом случае зайдите что-нибудь выпить. Вы ведь еще у меня не бывали.

— Мне нужно возвращаться. Дети скоро придут из школы. — Даже произнося эти слова, Александра уже тянула к машине Коула, заподозрившего неладное и упиравшегося: он хотел сказать, что еще не набегался.

— Лучше ныряйте в мой драндулет! — прокричал мужчина. — Прилив не за горами, вы же не хотите оказаться в западне.

«Не хочу?» — усомнилась Александра, автоматически повинуясь и предательски запирая лучшего друга одного в «субару». Пес ожидал, что она тоже сядет в машину и они вместе поедут домой. Но Александра на дюйм приспустила переднее стекло, чтобы ему было чем дышать, и заперла все двери. Черная собачья морда сморщилась от такого неслыханного коварства. Его пушистые уши торчком вытянулись над головой настолько, насколько позволяли гофрированные внутренние складки кожи. Александра, сидя у камина, часто перебирала эти бархатистые розовые складки в поисках клещей. Она отвернулась.

— Ну разве что на минутку, — пробормотала Александра и заковыляла к ван Хорну угловато, неуверенно, словно годы, придававшие уравновешенность и силу, свалились с ее плеч.

Колли, не упомянутый в статье Сьюки, забыв всю свою свирепость, грациозно перебрался на заднее сиденье, как только Александра открыла дверцу «мерседеса». Салон машины был обит красной кожей; передние сиденья покрыты чехлами из овчины мехом наружу. Дверца захлопнулась с тихим щелчком, свойственным дорогим автомобилям.

— Скажи «здрас-сте», Носатый, — обратился к собаке ван Хорн, поворачивая назад большую голову так неловко, будто ее обременял плохо пригнанный шлем.

У собаки действительно был длинный заостренный нос, которым она ткнулась в протянутую ладонь Александры. Острый, влажный и твердый — как острие льдинки. Александра отдернула руку.

— До прилива еще несколько часов, — сказала она, стараясь придать голосу былую глубину и женственность.

Дамба была сухой и изобиловала рыхтинами. Видимо, ее усовершенствования еще не коснулись.

– Безобразник просто дурачит вас, – сказал ван Хорн, заметив ее реакцию на собаку. – Как вы, черт возьми, поживаете? Вы чем-то подавлены.

– В самом деле? Откуда вам знать?

– Уж я-то знаю. Некоторых людей угнетает осень, другие ненавидят весну. Сам я всегда был весноненавистником. Все начинает расти, и можно слышать, как стонет природа, старая сука; ей не хочется: «Нет, только не это, неужели опять...» Но приходится. Это же адская мука, будь оно проклято, все это цветение, рост, движение соков по древесным стволам, сорняки, насекомые, тужащиеся вылететь из коконов, семена, старающиеся вспомнить, как работает эта проклятая ДНК, вся эта борьба за глоток азота... Господи, какая жестокость! Может быть, я слишком чувствителен. Уверен, что вы-то всем этим наслаждаетесь. Женщины менее восприимчивы к таким вещам.

Александра кивнула, загипнотизированная ухабистой дорогой, убывающей под колесами и вытягивающейся позади. Кирпичные столбы, близнецы тех, что стояли в начале дамбы, показались при въезде на остров, но на этих сохранились ворота. Их ажурные кованые створки много лет стояли распахнутыми, и проржавевшие железные завитки превратились в решетку для дикого винограда и ядовитого плюща, сквозь них проросли даже молодые деревца, болотные клены с мелкими листьями, уже приобретшими нежнейший красный, а лучше сказать, розовый оттенок. Ваза с фальшивыми фруктами на одном из столбов обвалилась.

– Женщины зачастую перешагивают через боль одним махом, – продолжал ван Хорн. – Я же совершенно не переношу ее. Не могу заставить себя прихлопнуть даже муху. Бедолага и так умрет через пару дней.

Александра пожала плечами, припомнив, как мухи во сне садятся на губы: их крохотные мохнатые лапки, электрический разряд от их прикосновения, как к оголенному проводу утюга.

– Я люблю май, – запинаясь, призналась она. – Хотя с каждым годом, как вы справедливо заметили, требуется все больше сил. Во всяком случае, садам.

К ее радости, зеленого грузовичка Джо Марино перед домом не оказалось. Тяжкий труд строительства теннисного корта, судя по всему, был завершен; вместо бульдозеров, описанных у Сьюки, теперь здесь работали лишь несколько обнаженных по пояс молодых людей, которые, не

производя большого шума, крепили широкие щиты покрытого зеленым пластиком ограждения к вертикальным металлическим столбам вокруг того места, где раньше гнездились снежные цапли и которое с поворота к подъездной аллее, откуда она сейчас смотрела, казалось теперь похожим на большую игральную карту, окрашенную в два чистых цвета, имитирующих цвета травы и земли. Разметка из белых полос вырисовывалась с четкой определенностью, можно сказать – с навязчивой точностью магической диаграммы. Ван Хорн остановил машину, чтобы Александра смогла полюбоваться.

– Я увидел рекламу этого покрытия по телевизору. Даже если оставить в стороне изначальные затраты на строительство, поддержание любого земляного сооружения в хорошем состоянии – вечная головная боль. А с этим пластиком единственное, что приходится делать, – время от времени сметать листья, так что, если повезет с погодой, впору играть до середины декабря. Еще дня два – и можно освящать. Думаю, мы с вами и двумя вашими подругами могли бы сыграть пару на пару.

– Боже милостивый, неужели мы удостоимся такой чести? Признаться, я не в форме... – сказала Александра, имея в виду спортивную форму. Было время, когда они с Оззи часто играли с друзьями парные партии, но, хотя Сьюки раз-другой за лето и вытаскивала ее по субботам сыграть один на один на раздолбаных общественных кортах по дороге в Саутвик, в сущности, она почти не играла.

– Тогда набирайте форму! – воскликнул ван Хорн, неправильно истолковав ее слова и брызжа слюной от восторга. – Побольше двигайтесь и избавьтесь от своего предрассудка; черт возьми, тридцать восемь – это еще молодость.

«Он знает, сколько мне лет», – заметила Александра, скорее с облегчением, чем с обидой. Хорошо, когда мужчина уже тебя знает; неловкость возникает в процессе узнавания, когда приходится облекать в слова признание в том, что ты любишь выпить, а тела открывают свои тайные отметины и обвислоти, разочаровывая, как неуместные рождественские подарки. Но если задуматься, гораздо большее наслаждение испытываешь не от партнера, а от собственного обнаженного тела, увиденного его глазами: от возбуждения, чувства легкого подъема, сбрасывания одежд, от того, что наконец становишься собой. С этим странным властным человеком Александра чувствовала себя так, будто он, в сущности, уже хорошо ее знал. А то, что он внушал трепет, в некотором роде даже играло на руку.

Ван Хорн двинулся дальше, описал круг по шуршащей гравием под

колесами подъездной аллеи и остановился перед входом. Две ступеньки вели к выложенному мозаикой, обрамленному колоннами крытому крыльцу. В мозаичный рисунок из зеленого мрамора была вплетена буква «L». Дверь, свежевыкрашенная черной краской, была такой массивной, что, когда хозяин ее распахнул, Александра испугалась, как бы та не сорвалась с петель. В вестибюле ее встретил серный запах; ван Хорн, казалось, его не замечал – это была его стихия. Он пригласил ее пройти внутрь. Александра заметила полую слоновью ногу, набитую скомканными жестяными банками, посреди которых торчал зонт. Сегодня на хозяине был не мешковатый поношенный твидовый пиджак, а темный костюм-тройка, словно он возвращался с деловой встречи. Нервными, неуклюжими жестами он показывал направо, налево, потом его руки безжизненно опустились вдоль тела, как сломанные рычаги.

– Лаборатории – там, идите сюда, мимо роялей, раньше здесь был бальный зал, там пока ничего нет, кроме тонны оборудования, упакованного в ящики. Мы еще не развернулись, но когда развернемся, ох, тогда и динамит покажется детской хлопушкой. Здесь, с другой стороны... давайте назовем это кабинетом, половина моих книг в ящиках там, в подвале, некоторые старинные издания я не хочу выставлять до тех пор, пока не будет оборудована система регулирования температуры и влажности воздуха. В этих старых книгах, знаете ли, даже нитки для сшивания страниц рассыпаются, как мумии при снятии крышки с саркофага... А вообще, уютная комнатка, правда? Здесь висели оленьи рога и головы. Сам я не охотник. Вставать в четыре часа утра, куда-то ехать и стрелять в какую-нибудь большеглазую самку, которая никому на свете не причинила никакого вреда... Безумие. Поверьте мне, люди очень жестоки. Здесь столовая. Стол – из красного дерева, на случай банкета раздвигается вшестеро, но я предпочитаю званые вечера с небольшим количеством гостей, четыре – шесть человек, чтобы каждый мог блеснуть и покрасоваться. Если зовешь много, верх одерживает психология толпы – несколько вожаков и стадо овец. У меня еще не распакованы суперканделябры, восемнадцатый век, я точно знаю, что они изготовлены в мастерских Робера Жозефа Огюста, хотя на них и нет клейм, французы никогда не были так щепетильны насчет клейм, как англичане. Вы не поверите, но имитация виноградных гроздьев на канделябрах такая ювелирная, что видны малейшие завитки усиков, есть даже пара маленьких жучков, на листьях можно разглядеть следы от укусов насекомых, все сделано в масштабе две трети от натуральных размеров. И не подумаю тащить их сюда, пока не оборудую надежную систему сигнализации от

грабителей, хотя они, как правило, не любят забираться в такие места, как это. Здесь только один вход, он же выход, а им нужен запасной лаз, через который можно улизнуть. Но гарантии, конечно, дать нельзя, грабители наглеют, наркотики и общая утрата уважения к чему бы то ни было делают их безрассудными. Проклятие, я слышал, что людей грабили, когда они выходили из дома всего на полчаса. За вами наблюдают, изучают ваш распорядок, каждое ваше движение, да, детка, единственное, в чем можно быть уверенным в этом обществе, так это в том, что за тобой наблюдают.

На это словоизвержение Александра отвечала ничего не значащими замечаниями вроде «несомненно» или просто междометиями, стараясь держаться на расстоянии из опасения, что здоровяк, шарахаясь и размахивая руками, нечаянно заденет ее. Было ощущение, что за его возбужденной темной внешностью и безудержным хвастовством кроется пронзительная нагота, олицетворенная в обветшалости пустых углов и исцарапанных, не покрытых коврами полах, в потолках с сеточкой трещин и заплатками, к которым десятилетиями никто не притрагивался, в деревянных панелях, некогда белая краска которых пожелтела и потрескалась, в элегантных, ручной работы обоях с панорамным рисунком, отставших по углам и вдоль пересохших стыков; об исчезнувших картинах и зеркалах напоминали лишь квадратные и овальные призраки менее выцветших пятен.

Несмотря на все его рассказы о не распакованных пока богатствах, комнаты выглядели катастрофически пустынными; ван Хорн обладал мощным художественным инстинктом, но располагал, похоже, лишь половиной необходимых строительных материалов. Александре это показалось трогательным, она угадывала в нем что-то родственное своей монументальной фигуре, о таких говорят: есть что подержать в руках.

— А теперь, — прогудел ван Хорн, словно стараясь заглушить в ее голове подобные мысли, — вот комната, которую я хотел показать вам особо. *La chambre de resistance*^[29].

Это был длинный зал с удивительным камином, обрамленным колоннами, как фасад храма, — ионические колонны с лепными листьями наверху поддерживали каминную полку, над которой наклонно висело огромное зеркало, посылавшее обратно в комнату пятнистую версию ее барственного простора. Александра посмотрела на себя, сняла с головы бандану и тряхнула головой, отчего не убранные сегодня в косу, но хранящие следы плетения волосы рассыпались по плечам. Так же как недавно с ее испуганных губ сорвался голос, не соответствовавший возрасту, так сейчас, в этом старинном щадящем зеркале она увидела свое

более молодое отражение. Зеркало немного льстило; Александра с удовлетворением отметила, что второй подбородок не просматривался. Дома в зеркале ванной комнаты она выглядела ужасно: карга с потрескавшимися губами, раздвоенным носом, испещренным синими прожилками вен. А когда по дороге сюда Александра мельком взглянула на себя в зеркало заднего вида, перед ней предстала еще более мерзкая картина: лицо серое, как у покойника, дикий взгляд и редкие реснички, торчащие вдоль нижнего века, как ножки насекомого. Девочкой Александра представляла, что за каждым зеркалом скрывается человек, другая душа, ждущая момента, чтобы выглянуть навстречу смотрящемуся в него. Как и многое из того, чего мы боимся в детстве, это оказалось до некоторой степени правдой.

Вокруг камина ван Хорн поставил несколько приземистых современных мягких кресел и полукруглый четырехместный диван, вероятно прихваченные из нью-йоркской квартиры и весьма потертые. Но в основном комнату заполняли произведения искусства, некоторые стояли прямо посередине. Гигантский, вопиюще раскрашенный, полунарядуший гамбургер из винила. Белая гипсовая женщина за настоящей гладильной доской со свернувшимся у ее ног чучелом настоящего кота. Стопка сигаретных блоков «Брилло», которые при ближайшем рассмотрении оказались не изящно склеенными картонными коробками, а шелковыми лоскутами, тщательно натянутыми на большие прямоугольные каркасы, сделанные из чего-то основательного, неподвижного. Неоновая радуга, не включенная и запылившаяся.

Ван Хорн похлопал по особенно уродливой скульптурной композиции – обнаженная женщина, лежащая на спине с раздвинутыми ногами, – сооруженной из проволочной сетки, расплощенных пивных банок, старого фарфорового горшка, служившего животом, обрезков хромированного бампера и предметов белья, задубевших от лака и клея. Лицо, обращенное к небу, точнее, к потолку, было лицом пластмассовой куклы, с такими Александрой играла в детстве: ярко-синие глаза, розовые, как у херувима, щеки и вырезанные из дерева, раскрашенные пастелью волосы.

– Вот это главный гений среди тех, кто творит ради денег, – сказал ван Хорн, вытирая губы сложенными щепотью пальцами. – Кинхольц. Марисоль в мужской ипостаси. Посмотрите, какая фактура: никакого однообразия и заданности. Вот на что вы должны нацелиться. Изобилие, *Vielfaltigkeit*^[30], двусмысленность, понимаете? Не обижайтесь, Лекса, мой друг, но вы заладили со своими куклами и долбите одно и то же.

– Они не куколки, а скульптура груба, это выпад против женщин, –

вяло возразила Александра, в унисон моменту чувствуя себя расширяющейся и расфокусированной, испытывая скользящее ощущение, словно то ли мир проходит сквозь нее, то ли она плывет сквозь мир, – космическое смещение восприятия, как бывает, когда поезд тихо отходит от платформы, а кажется, что платформа отъезжает назад. – Мои «малышки» не шутка, они сделаны с любовью.

Рука Александры блуждала по скульптуре и находила в ней скрытую, но стойкую фактуру жизни. На стенах этого продолговатого зала раньше, наверное, красовались фамильные портреты Леноксов, написанные в восемнадцатом веке в Ньюпорте, теперь здесь висели, торчали, раскачивались безвкусные пародии на обыденность – гигантские телефонные автоматы под обвисшими покрывалами, бесконечно повторяющиеся изображения американских флагов, выполненные в технике густого наложения красок, несуразно огромные долларовые банкноты, воспроизведенные с бесстрастной достоверностью, пластмассовые очки, за стеклами которых вместо глаз виднелись разомкнутые губы, безжалостно увеличенные комиксы и логотипы, портреты кинозвезд и бутылочные пробки, наши привычные конфеты, газеты и дорожные знаки. Все, что мы используем и выбрасываем не глядя, здесь было раздуто и превознесено: нафабренный мусор.

Ван Хорн восхищался, брызгал слюной и беспрестанно вытирал губы, водя Александру по своему музею: вдоль одной стены, потом обратно, вдоль другой; следовало признать, что в рамках этого пародийного искусства он приобретал лучшие образцы. У него были деньги, но ему требовалась женщина, которая помогла бы их тратить. Из кармана его жилетки свисала золотая цепь старинных часов; он был наследником, не умеющим распорядиться полученным наследством. Жена могла научить его этому.

Подали чай с ромом, однако церемония чаепития оказалась более степенной, чем Александра ожидала по рассказам Сьюки. Фидель материализовался с незаметностью идеального слуги, маленький шрам у него под скулой выглядел так привлекательно, что казался специально наложенным на его кофейную кожу, – продуманное украшение к его мелким скошенным чертам. Длинношерстная кошка по имени Тамбкин с лишними пальчиками на лапках, о которой говорилось в «Слове», прыгнула Александре на колени как раз в тот момент, когда та поднесла чашку к губам; содержимое чашки почти не колыхнулось. Просматривавшийся с того места, где она сидела, через ренессансные окна морской горизонт тоже хранил неподвижность; ей пришло в голову, что отчасти мир является собой

незаметно перемешивающиеся жидкие горизонтали. Александра представила холодную морскую бездну, где в придонных глубинах движутся лишь безглазые гигантские слизняки, потом туман, облизывающий осеннюю поверхность лесного пруда, разреженные сферы, через которые наши астронавты пролетают, не продырявливая их, поэтому никуда и не утекает небесная синева. Вопреки ожиданиям ей было спокойно здесь, в этих комнатах, в сущности пустых, хотя и набитых предметами издевательского искусства, в комнатах, красноречиво свидетельствовавших о недостатках холостяцкой жизни. Хозяин тоже казался теперь более приятным.

Манера поведения мужчины, который хочет с тобой переспать, бывает агрессивной, испытующей, предвещающей злость, но сегодня в поведении ван Хорна ничего похожего не было. Он выглядел усталым и притихшим в общарпанном приземистом кресле, обитом рубчатым вельветом шампиньонного цвета. Александра предположила, что деловая встреча, ради которой он облачился в торжественную тройку, не дала желаемого результата: возможно, ему отказали в банковском кредите. Ван Хорну явно требовалось добавить в чай рома из бутылки «Маунт-Грей», которую дворецкий услужливо поставил рядом с ним на стол эпохи королевы Анны, напоминающий корочку пирога.

– Кто вас надоумил приобрести такую обширную и замечательную коллекцию? – спросила Александра.

Ответ ее разочаровал:

– Мой советник по инвестициям. С финансовой точки зрения самое умное, что можно сделать, – если, конечно, вы не ожидаете открыть нефть у себя на заднем дворе, – это приобрести работу знаменитого мастера прежде, чем он станет знаменит. Вспомните тех двух русских, которые по дешевке скупили в Париже работы Пикассо и Матисса накануне войны, теперь эти картины висят в Ленинграде, где никто не может и одним глазком на них взглянуть. Вспомните тех удачливых простаков, которые покупали раннего Поллока непосредственно у него самого по цене равной стоимости бутылки скотча. Даже успехи и провалы в этой сфере можно сбалансировать выгоднее, чем на бирже ценных бумаг. Один Джаспер Джонс способен заменить огромное количество героина. Тем не менее я обожаю героин.

– Догадываюсь, – сказала Александра, стараясь помочь ему.

Как же ей заставить этого тяжеловесного разбросанного мужчину влюбиться в нее? Он напоминал ей дом со множеством комнат, в каждой из которых слишком много дверей.

Резко наклонившись вперед, ван Хорн пролил чай. Видимо, это случалось с ним так часто, что он инстинктивно расставил ноги и коричневая жидкость выплеснулась на ковер.

— Самое замечательное в ориенталистах, — продолжал он, — что они не демонстрируют своих грехов. — Подошвой маленькой остроносой туфли — ноги у него были почти неправдоподобно малы по сравнению с туловищем — он затер чайное пятно. — Я ненавидел весь этот абстрактный вздор, который они пытались всучить нам в пятидесятые годы, — сообщил он. — Господи, мне это все напоминало Эйзенхауэра — пустой треп. А я хочу, чтобы искусство мне нечто показало, помогло понять, где я, даже если это будет преисподня, так ведь?

— Думаю, да. Но я — сущая дилетантка, — призналась Александра, чувствуя себя гораздо менее уютно теперь, когда ван Хорн начал возбуждаться. Какое на ней белье? Когда она в последний раз принимала ванну?

— Поэтому, когда появился Поп, я подумал: господи Иисусе, вот то, что мне нужно. Знаете, он такой обалденно бодрящий — катится в пропасть, но с улыбкой. В некотором смысле он напоминает поздних римлян. Вы читали Петрония? Забавно. Забавно, черт возьми, смотреть на этого козла Раушенберга, высывающегося из автомобильной покрышки и смеющегося с утра до вечера. Много лет я посещал галерею на Пятьдесят седьмой улице — вот куда вам следует пойти! Простите, что все время повторяю это, наверное, я вам уже надоел. Торговец картинами, гнусный педераст по имени Миша — они называли его Миша-шляпа, хотя он был очень знающим парнем, — показал мне там знаменитые две пивные банки Джонса — точнее, банки из-под эля «Баллентайн», — выполненные в бронзе, но раскрашенные так ярко, с такой фотографической точностью и при этом с неуловимой вольностью, что вообще свойственно манере Джонса. На одной банке там, где положено быть отверстию, красовался треугольник, вторая была девственно нетронута. Миша мне сказал: «Возьми ее в руки». — «Которую?» — спросил я. «Любую», — ответил он. Я взял девственную. Она была тяжелой. «Теперь возьми другую», — велел он. «Другую?» — удивился я. «Давай-давай, бери». Я взял. Она оказалась гораздо легче! Пиво из нее было выпито!!! В терминах искусства, как вы понимаете. Я чуть не кончил, таким это было потрясением — увидеть легкость.

Ван Хорн понял, что гостья не имеет ничего против похабщины. Александра же вынуждена была признать, что ей это даже нравится, в этом была некая тайная сладость, как в запахе гнили, исходящем от шерсти

Коула. Ей надо идти. Большое сердце пса разорвется в тесной закрытой машине.

– Я спросил, сколько стоят эти пивные банки, Миша назвал цену. «Нет, это слишком», – ответил я. Существуют же какие-то пределы. Сколько наличности можно запихать в две паршивые пивные банки? Ох, Александра, кроме шуток, если бы я тогда рискнул, то сейчас бы получил за них в пять раз больше, а ведь это было не так уж давно. Те банки стоят теперь дороже, чем слиток чистого золота, равный им по весу. Я искренне верю, что, когда грядущие века будут смотреть из будущего на нас, умерших, когда мы с вами превратимся в два скелета, лежащие в этих идиотских дорогущих ящиках, которые нас заставляют покупать, когда наши кости, волосы и ногти будут покоиться на всем этом дурацком шелке, на который нас выставляют жирные коты – хозяева ритуальных контор... Господи милосердный, куда это меня занесло? Не исключено, что они возьмут мое тело и просто выкинут на помойку – она прекрасно мне подойдет. Я ведь хотел всего-навсего сказать, что, когда мы с вами умрем, эти пивные банки, вернее, банки из-под эля станут нашей Моной Лизой. Вот мы говорили о Кинхольце; вы знаете, у него есть такая работа: распиленный на части «додж», в котором трахается парочка. Машина стоит на подстилке из искусственного дерна, а неподалеку он разместил еще одну небольшую циновку из этого астродерна, или что он там использовал, и на ней – одна-единственная пустая пивная бутылка! Чтобы показать, что они выпили пиво и выбросили ее. Чтобы передать уединенность любовников. Вот что значит гений. Крохотный лоскуток дерна, обособленность. Кто-нибудь другой поставил бы пивную бутылку на основную подстилку. Но именно то, что она стоит отдельно, и превращает композицию в искусство. Может быть, это и есть наша Мона Лиза, эта Кинхольцева пустота. Должен признаться, что, когда я в Лос-Анджелесе смотрел на этот распиленный «додж», у меня слезы наворачивались на глаза. Я не вру, Сэнди. Слезы! – И он поднес к глазам свои неестественно-белые, словно восковые, руки, будто желая вырвать из черепа эти водянистые покрасневшие сферы.

– Вы много путешествуете, – заметила Александра.

– Теперь меньше, чем прежде. Да оно и к лучшему. Хорошо ездить по разным местам, но ведь багаж приходится распаковывать самому. Все тот же багаж, все тот же ты сам. Вы, девочки, правильно поступили: нашли свой Нигде-город и обустроили себе собственное жизненное пространство. Впрочем, весь этот старый хлам – телевидение, мировая деревня и прочая-прочая – все равно тянетесь за вами.

Ван Хорн плюхнулся в свое шампиньонное кресло, вконец

опустошенный собственной речью. Носатый, топая, вбежал рысцой в комнату и свернулся клубком у ног хозяина, прикрыв хвостом свой длинный нос.

– Кстати, о путешествиях, – сказала Александра. – Мне нужно бежать. Я заперла свою бедную собаку в машине, и дети, должно быть, уже вернулись из школы.

Она поставила чашку, на которой красовалась монограмма «N», что было странно, поскольку не соответствовало ни одному из инициалов ван Хорна, – на поцарапанный, со щербатыми краями стеклянный столик и встала. На ней были парчовый алжирский жакет, надетый поверх серебристо-серого хлопчатобумажного свитера с воротом-хомутом, и обтягивающие брюки из саржи травянистого цвета. Ощущение послабления в районе талии напомнило о том, насколько тесны стали ей эти брюки. Александра поклялась себе сбросить вес, но зима – самое неподходящее для этого время: приходится постоянно что-нибудь жевать, чтобы не мерзнуть и не давать разгуляться черным мыслям. Впрочем, во взгляде здоровяка, явно восхищенного округлостями ее грудей, она не прочла пожелания уменьшить пышность форм. В моменты близости Джо называл ее своей коровушкой, своими полутора женщинами. Оззи, бывало, говорил, что ночью она греет лучше, чем два дополнительных одеяла. Сьюки и Джейн утверждали, что она выглядит грандиозно. Александра стряхнула с обтянутого саржей бедра несколько длинных белых волосков, оставленных кошкой Тамбкин, и взяла с подлокотника дивана свою огненно-красную бандану с искрой.

– Но вы еще не видели лабораторию! – запротестовал ван Хорн. – И японскую баню, которую мы наконец закончили, – осталось провести лишь несколько недостающих труб. И верхние этажи. Все мои крупные литографии Раушенберга там, наверху.

– Может быть, в другой раз, – произнесла Александра голосом, почти вернувшим себе женственно-контральтовое звучание. Она была рада, что уходит. Увидев, в каком он отчаянии, Александра снова поверила в свои силы.

– Ну, по крайней мере вы должны посмотреть мою спальню, – взмолился ван Хорн, вскакивая и ударяясь при этом голенью об угол стеклянного столика так, что лицо перекосило от боли и пришлось сесть снова. – Она вся черная, даже простыни, – сообщил он. – Чертовски трудно купить хорошие черные простыни те, что обычно называют черными, на самом деле цвета морской волны. А в холле у меня висит несколько только что приобретенных чуть-чуть скабрезных масел новомодного художника

Джона Уэстли. Он не имеет никакого отношения к безумному методисту, его картины на первый взгляд напоминают иллюстрации к детским книжкам про животных, пока вы не поймете, что они на самом деле изображают: трахающиеся белки и все такое прочее.

– Звучит забавно, – сказала Александра и враскачу, широким шагом бывшего хоккеиста бодро направилась к выходу. Ван Хорн не удалось быстро выбраться из кресла и удержать ее, поэтому оставалось лишь, громко топая и отдуваясь, последовать за ней из зала с его уродливым искусством, через библиотеку и музыкальную комнату в вестибюль со слоновьей ногой, где запах тухлых яиц ощущался сильнее всего, но чувствовалось и дуновение свежего воздуха снаружи. Изнутри черная дверь сохранила свою естественную окраску двух оттенков.

Из ниоткуда возник Фидель и положил руку на огромную медную задвижку. Александре показалось, что он смотрит мимо нее на хозяина: они хотят поймать ее в западню. Она мысленно начала считать до пяти и приготовилась кричать; но, должно быть, хозяин кивнул, потому что задвижка лязгнула на счете «три».

Стоя у нее за спиной, ван Хорн сказал:

– Я бы отвез вас обратно к дороге, но скоро начнется прилив. – Он говорил задыхаясь: вероятно, от эмфиземы, вызванной интенсивным курением или манхэттенскими выхлопными газами. Ему положительно требовалось женское попечение.

– Но вы же говорили, что прилив еще не скоро!

– Послушайте, откуда, черт побери, мне знать? Я ведь здесь еще больший новичок, чем вы. Давайте спустимся вниз и поглядим.

Если подъездная аллея, изгибаясь, шла в обход, то заросший травой мол в обрамлении известняковых статуй, лишившихся рук и носов в результате погодных воздействий и стараниями вандалов, вел напрямик к тому месту, где дамба упиралась в границу острова. За увитыми диким виноградом воротами простирался берег, замусоренный сорняками – в основном морским золотарником со свалявшимися колючками и неряшливо торчащими листьями, – щебенкой и обломками старого асфальта. Растения трепетали на холодном ветру над затопленным болотом. Небо, похожее на бекон, только с серыми прожилками, нависало низко над головой. Единственным светлым пятном казалась большая цапля, не снежная, бредущая в направлении дороги, ее желтый клюв был почти того же цвета, что и брошенный «субару» Александры. Тут и там тускло мерцающая вода уже захлестывала дамбу. У Александры перехватило дыхание, и слезы подступили к глазам.

– Как это могло случиться? Ведь мы пробыли в доме меньше часа!

– Когда испытываешь удовольствие... – проворковал ван Хорн.

– Не такое уж это было и удовольствие! Господи, неужели я не смогу вернуться?!

– Послушайте, – произнес ван Хорн прямо ей в ухо, чуть придерживая ее за плечо, сквозь ткань она ощущала лишь слабое прикосновение. – Давайте вернемся, вы позвоните своим детям, а Фидель приготовит нам легкий ужин. Он делает потрясающий чили.

– Дело не в детях, а в собаке! – выкрикнула она. – Коул сойдет с ума. Какая здесь глубина?

– Не знаю. Наверное, фут; ближе к середине, может быть, два. Я могу попробовать проехать на машине, но, боюсь, тогда мне придется расстощаться с этим превосходным немецким механизмом. Машина, в тормозную систему и цилиндры которой попала соленая вода, никогда уже не будет работать как прежде. Это как откупоренная бутылка шампанского.

– Я пойду вброд, – сказала Александра и попробовала стряхнуть его руку со своего плеча, но, будто прочитав ее мысли, он мгновением раньше изо всей силы сжал его.

– Вы намочите брюки, – сказал он. – А вода в это время года зверски холодная.

– Тогда я сниму брюки, – заявила она, опершись на него, чтобы стащить кроссовки и носки.

То место, где ван Хорн прихватил ее, горело, однако – после того, как он был так по-мальчишески непосредствен и восторжен, даже разлил чай, после его признаний в любви к искусству – Александра не склонна была расценивать это как преднамеренное причинение боли. Но вообще-то, он был чудовищем. Галька впивалась в босые ноги. Если она действительно собиралась это сделать, медлить не следовало.

– Ну, вперед, – произнесла она. – Не смотрите.

Александра расстегнула молнию на боку, спустила брюки, и ее бедра тут же составили компанию цапле как еще одно светлое пятно на общем ржаво-сером фоне. Опасаясь упасть на неустойчивых камнях, она наклонилась, спустила блестящую зеленую саржу к розовым щиколоткам и ступням с синими прожилками и перешагнула через нее. Встревоженный воздух лизнул ее голые ноги. Связав в узелок кроссовки и брюки, Александра пошла прочь от ван Хорна по направлению к дамбе. Не оглядываясь, она спиной ощущала его взгляд на своих беспомощно уязвимых тяжелых покачивающихся бедрах. Можно было не сомневаться, что, когда она наклонялась, он наблюдал за ней утомленными горячими

глазами. Александра не помнила, какие трусики надела сегодня утром, и испытала облегчение, увидев, что они оказались гладко-бежевыми, а не одними из тех, что приходится нынче покупать в магазинах: смехотворно цветастых и непристойно узких, предназначенных для стройных молодых хиппи или девушек-подростков, трусиков, обнажающих ползадницы и прикрывающих промежность лишь тонкой полоской ткани, не шире веревки. Голая кожа ощущала прикосновение студеного воздуха. Обычно Александре нравилась собственная нагота, особенно на открытом воздухе, когда после обеда она принимала солнечные ванны у себя на заднем дворе, лежа на одеяле в первые теплые дни апреля или мая, пока еще не проснулись букашки. Или ночью, при полной луне, когда, нагая ведьма, она собирала травы.

Дамба, которой редко пользовались с тех пор, как Леноксы оставили свое имение, заросла травой; Александра ступала босыми ногами по травяной гриве, как по гребню мягкой широкой стены. Стебельки выцвели, и простиравшееся по обе стороны болото приобрело увядший вид. Там, где вода начала заливать сушу, в верхнем прозрачном ее слое тихо качались спутанные травы. Нарастающий прилив захлебывался и шипел. Сзади что-то кричал Даррил ван Хорн – то ли подбадривал, то ли предостерегал, то ли извинялся, но Александра была слишком ошеломлена первым погружением пальцев в воду, чтобы прислушиваться. Какой суровой и неистовой была студеность этой воды! Иная стихия, для которой ее кровь оказалась чужеродной. Коричневые голыши смотрели на нее со дна, преломляясь в воде, бессмысленно четкие, как буквы никому неведомого алфавита. Болотная трава превратилась в водоросли, вяло струящиеся по течению прибывающей воды. Ступни Александры выглядели крохотными и, так же как голыши, преломлялись водой. Нужно перейти затопленный участок побыстрее, пока ноги не окоченели. Теперь приливная волна покрывала ей щиколотки, а до сухой дороги было еще далеко, дальше, чем она могла бы забросить голыш.

Еще десяток мучительных шагов – и вода дошла до колен, Александра чувствовала, как бездушно засасывает ее ноги боковое течение. Но самым леденящим было ощущение, что этот прилив не прекратит накатывать на дамбу, независимо от того, останется здесь она сама или нет. Эта вода плескалась тут до ее рождения и будет плескаться после ее смерти. Александра не думала, что прилив съест ее с ног, но чувствовала, как невольно гнется, уступая его силе. Щиколотки вопили от боли, начиная неметь изнутри, боль была бы невыносимой, если бы не жизненная необходимость вынести ее.

Теперь Александра уже не видела своих ступней, и кивающие верхушки травы больше не сопровождали ее в пути. Она попыталась бежать, разбрызгивая вокруг воду; плеск заглушил голос хозяина, все еще невнятно кричавшего что-то у нее за спиной. Напряженность взгляда укрупняла маячивший впереди «субару». Александра различила на водительском месте беспомощный силуэт Коула с ушами, предельно вытянутыми вверх: видимо, пес чувствовал, что близится спасение. Ледяная волна окатила ей бедра, замочив трусики. Глупо, как глупо, подевчачьи безрассудно она повела себя, и поделом ей за то, что оставила единственного друга, истинного и бескорыстного. Собаки наделены почти человеческой способностью понимания, в их блестящих глазах светится страстное желание понять; для них что час, что минута – все едино, они живут в мире без времени, никого не судя и не оправдывая, потому что не способны предвидеть.

Смертельная хватка воды доходила уже до промежности; из горла Александры вырвался крик, вспугнувший топтавшуюся поблизости цаплю; та неуверенно, как стариk, нерешительно обхвативший пальцами подлокотники кресла и подтягивающийся, чтобы встать, покачалась на месте, ударила по воздуху крыльями, напоминающими перевернутую букву «W», и взлетела, волоча за собой черные палочки ног. Взлетела? Взлетел? Повернув голову со всклокоченными, словно после сна, волосами к пепельным дюнам пляжа, Александра увидела в противоположной стороне еще одно белое пятно на сером фоне дня, еще одну гигантскую цаплю, напарницу первой, хотя их разделяли акры земли, простиравшиеся под небом в грязных разводах.

Со взлетом первой птицы мертвая хватка океана на ее бедрах чуть ослабела, вода по мере ее продвижения вперед стала медленно опускаться. Александра, задыхаясь и плача от потрясения и комичности происходящего, шла к машине по сухой оконечности дамбы. Ликующее бурление, наблюдавшееся в самом глубоком месте прилива, теперь почти улеглось. Александра дрожала, как собака, и смеялась над собственной глупостью: любви ей захотелось, вот и получай. Но дух нуждается в нелепых капризах так же, как тело – в пище; и теперь ей стало легче. То, что она уже прозревала мысленным взором: собственное утонувшее, подернутое тиной тело, скрюченное агонией, наподобие слившихся в объятиях женщин с причудливой картины Уинслоу Хомера «Отлив», – не состоялось. Подсыхающие ступни болели, словно искущенные сотней ос.

Хорошие манеры требовали, чтобы она обернулась и победно, с насмешливым кокетством помахала ван Хорну. Тот – маленькое черное «Y»

между осыпающимися кирпичными стойками ворот – помахал ей в ответ вытянутыми вверх руками. Он аплодировал, громко хлопая в ладоши, и звук доносился через разделявшую их водную гладь с секундным запозданием. Из того, что он прокричал, она разобрала лишь: «Вы можете летать!» Пока Александра обтирала красной банданой свои мокрые, покрывшиеся гусиной кожей ноги и втискивалась в узкие брюки, Коул лаял и отчаянно молотил хвостом по виниловой обшивке «субару». Радость его была заразительной. Александра улыбнулась, решая, кому в первую очередь позвонить, чтобы обо всем рассказать: Сьюки или Джейн. Наконец и она вступила в круг посвященных. В том месте, где ван Хорн схватил ее, плечо все еще горело.

Маленькие деревца – молодые сахарные клены и юная поросль красных дубов, – ближе привязанные к земле, стали желтеть первыми, словно зеленый цвет означал прилив силы и слабение начиналось с самых маленьких. С наступлением октября, налившись ализарином, виргинские вьюнки у Александры на заднем дворе, там, где начиналось болото, вмиг превратились в растрепанную пурпурную стену; потом красно-оранжевым ковром покрылся свисавший паралельными нитями сумах. Постепенно, как медленно распространяющийся звук большого гонга, на деревья стала наползать желтизна: мертвенно-бледная, тронутая легким рыжеватым загаром у берез, пестро-золотистая у цикория, гладко-сливочная у американского лавра, чьи листья формой напоминали рукавички – какие с одним, какие с двумя пальчиками, а какие и вовсе без них. Александра не раз замечала, что листья растущих рядом деревьев одного вида, проклюнувшихся из семян, одновременно упавших в землю в один и тот же ветреный день, тем не менее по-разному меняют цвет: на одном дереве они отбеливаются, становясь все тусклее и тусклее, в то время как на другом каждый листочек словно раскрашивается неизвестным фовистом наползающими друг на друга зелеными и красными мазками. Увядающие у их подножий папоротники демонстрируют экстравагантное разнообразие форм, и каждый из них вопиет: я есть, я был! Так из однообразия летней зелени каждую осень заново происходит рождение самобытности. Размах явления – от прибрежных слив и восковниц, растущих вдоль пролива, отделяющего Блок-Айленд, до платанов и конских каштанов, обрамляющих почтенные улицы (Бенефит-стрит, Беневолент-стрит) на Колледж-Хилл в Провиденсе, – находил неосознанный нежный отклик внутри Александры, обладавшей способностью сливаться с природой: пассивно созерцая дерево, ощущать себя негнущимся стволом со

множеством тянувшихся вверх и несущих жизненные соки рук-ветвей, мысленно превращаться в продолговатое облако, странно одинокое в чистом небе, или в жабу, спрыгивающую с луговой тропинки во влажные травяные заросли, — покачивающийся пузырь на кожистых длинных ножках, под бородавчатым широким лбом которого блеснет искорка страха. Она была этой жабой и одновременно безжалостными щербатыми черными лопастями, приделанными к изрыгающему ядовитые выхлопы мотору.

Александра воспаряла над панорамой хлорофиллового отлива от болот и холмов океанского штата, как струя дыма и око, с высоты зрящее географическую карту. Даже экзотические чужеземцы ньюпортского растительного изобилия — английский пекан, китайское дынное дерево — вовлекались в массовое движение капитуляции. Это была демонстрация закона природы, закона сброса. Чтобы выжить, нужно сделаться легче. Не следует цепляться. Спасение — в умалении, в том, чтобы стать отдельным и как можно более тонким, способным впустить в себя новизну. И только безрассудство позволяет сделать прыжок, сулящий продолжение жизни. Этот темный мужчина на своем острове давал такую возможность. Он был той новизной, обладал магнетизмом, и Александра снова и снова проживала их совместное неестественное чаепитие шаг за шагом, как геолог любовно, слой за слоем, крушит скалу.

Статные молодые клены, освещенные солнцем, превратились в пылающие факелы, контуры из теней в ореоле сияния. Серость оголившихся ветвей начинала все больше преобладать в цветовой гамме выстроившегося вдоль дороги леса. Упрямые конусы вечнозеленых деревьев тщеславно возвышались на месте прочих, уже растворившихся сущностей. Октябрь продолжал свою губительную работу день за днем, пока не настал его последний, все еще ясный день, достаточно ясный для партии в теннис на открытом корте.

Джейн Смарт в первозданно-белых одеждах подбросила мяч. В воздухе он превратился в летучую мышь, которая, несколько раз коротко взмахнув крыльями, вдруг распахнула их широко, будто зонт, и метнулась в сторону, на мгновение показав свою розовую слепую мордочку. Джейн вздрогнула, отшвырнула ракетку и крикнула через корт:

— Вовсе не смешно!

Две другие ведьмы расхохотались, а ван Хорн, их четвертый партнер, запоздало и без энтузиазма улыбнулся, давая понять, что оценил шутку. Удар у него был мощный и хорошо поставленный, но, похоже, здесь, на дальней оконечности своего острова, в косых лучах клонящегося к закату

солнца, пробивающихся сквозь защитный ряд лиственниц, он плохо видел мяч; лиственницы роняли хвою, которую приходилось сметать с корта. У Джейн зрение было прекрасным, сверхъестественно острым. Мордочки летучих мышей всегда напоминали ей детские лица в миниатюре, прижавшиеся носами к витрине кондитерского магазина; и в озадаченном, с остекленевшим взглядом лице ван Хорна, который играл в неуместных баскетбольных кроссовках, майке с портретом Малкольма Икса на груди и брюках от старого темного костюма, ей померещилось что-то сродни детской жадности. Он жаждет их чрев, решила Джейн.

Она подготовилась повторить подачу, но, взяв мяч в руку, ощутила его необычную тяжесть, словно он был заполнен жидкостью, и шершавость, будто был покрыт бородавками. Еще одно превращение. Театрально вздохнув, Джейн с показной терпимостью отошла к кроваво-красной каемке искусственного покрытия, окружавшей корт, посадила на него жабу и стала наблюдать, как та, расплющившись, выкарабкивается наружу. Придурковатый и кривошеий колли ван Хорна, по имени Носатый, помчался вдоль ограды, но потерял жабу среди беспорядочно наваленных куч земли, обломков камней и оставленных после землеройных работ бульдозеров.

– Еще одна такая шутка – и я ухожу! – крикнула Джейн. Они с Александрой играли против Сьюки и хозяина. – Можете тогда втроем играть в американку, – пригрозила она.

Впрочем, гримасничающее лицо в очках на груди ван Хорна создавало иллюзию присутствия на корте пятого человека. Следующий мяч претерпел в ее руке ряд стремительных фактурных превращений, сделавших сначала слизистым, как внутренность глотки, потом колючим, как морской еж, но Джейн упорно не смотрела на него, не желая поступаться реальностью, и, когда мяч взлетел над ее головой, на фоне синего неба увидела обычный пушистый желтый «Уилсон», который, следуя вычитанным в теннисных учебниках инструкциям, представила циферблатом и замахнулась в направлении стрелки, застывшей на цифре два. Приведя струны ракетки в энергичное соприкосновение с этим фантомом, Джейн по четкой траектории его полета поняла, что подача удалась. Мяч летел прямо в горло Сьюки, и та, уже замахнувшись для приема слева, успела лишь неуклюже прикрыть грудь ракеткой, струны которой обмякли, как лапша, мяч шлепнулся ей под ноги и откатился за боковую линию.

– Супер, – тихо похвалила ее Александра.

Джейн знала, что подруга по-разному с эротической точки зрения любила обоих противников и их нынешнее партнерство, которое Сьюки

явно подстроила посредством подозрительных манипуляций с ракеткой перед началом матча, вызывало у Александры болезненную ревность. Команда оппонентов производила гипнотизирующее воздействие: Сьюки с медной копной волос, стянутых в хвост на затылке, с изящными веснушчатыми ногами под короткой теннисной юбочкой и ван Хорн, двигающийся быстро, как автомат, и вдохновленный своим демоном, как при игре на рояле. Его эффективность на корте ограничивалась лишь моментами, когда из-за близорукости он терял координацию и вчистую пропускал мяч. Его демон был также склонен настраивать его на постоянное forte, вследствие чего некоторые мячи, будь они чуть-чуть подрезаны, наверняка победно приземлились бы навылет на неприкрытом участке противоположной половины корта, на самом деле вылетали за пределы площадки.

Приготовившись подавать на ван Хорна, Джейн услышала веселый голос Сьюки:

– Зашаг!

Она посмотрела себе под ноги: не заступила ли действительно носком кроссовки за линию, и увидела, что эта самая линия, казалось бы нарисованная на земле, перекинута через ее ступню и крепко, как медвежий капкан, удерживает на месте. Стряхнув видение, Джейн все же подала на ван Хорна, тот резко отразил удар справа, она в свою очередь послала мяч Сьюки в ноги; та умудрилась вытащить его и дать свечу с очень низкого отскока, на которую Джейн, успев выбежать к сетке, тоже ответила свечой. Мечущий взглядом молнии ван Хорн приготовился погасить ее сокрушительным смешем, обычно сопровождающимся громким стоном игрока, и наверняка это бы у него получилось, если бы вдруг не поднялся маленький волшебный сверкающий ураган, который кое-где называют «пыльным дьяволом», и не заставил его, изрыгая проклятия, стремительно прижать правую руку к глазам. Ван Хорн был левшой и носил контактные линзы. Пока он моргал, пытаясь унять боль в глазу, мяч висел на уровне его талии, потом он ударил по нему справа с такой силой, что желтый шарик, подобно хамелеону, сменил свой естественный цвет на изумрудный и Джейн едва различала его теперь на общем зеленом фоне корта и ограждения. Она метнулась туда, где, как ей казалось, мяч должен был опуститься, и мягко отразила удар; Сьюки пришлось извернуться, чтобы достать его, ответ получился слабым, и Александра с лета так бешено вколотила мяч в пространство сразу за сеткой, что он подскочил на невиданную высоту – выше заходящего солнца. Но ван Хорн отбежал назад быстрее, чем краб под водой, и забросил свою металлическую ракетку,

кружащуюся, серебристо сверкающую, прямо в стратосферу. Ракетка самостоятельно вернула мяч на землю, не сильно, но в пределах площадки, и розыгрыш продолжился.

Игроки поочередно наносили удары, менялись местами то по часовой стрелке, то против, они словно танцевали под обворожительную музыку, которая звучала у Джейн Смарт в голове: полифония четырех тел, восьми глаз и шестнадцати мелькающих конечностей записывалась на красном нотоносце почти горизонтальных теперь закатных лучей, проникающих сквозь кроны лиственниц; шуршание осыпающейся хвои напоминало отдаленную овацию. Когда обмен ударами, а вместе с ним и матч, завершился, Сьюки пожаловалась:

– Моя ракетка была совершенно мертвая.

– А ты натягивай не нейлоновые струны, а жилы, – снисходительно посоветовала Александра, поскольку ее команда победила.

– Она была будто свинцовая; каждый раз, поднимая ее, я чувствовала прострел в правой руке. Кому из вас, девочки, я этим обязана? Очень нечестно.

Ван Хорн тоже старался оправдать их поражение.

– Проклятые линзы! – воскликнул он. – Стоит малейшей пылинке попасть под них – и глаза начинает резать как лезвием.

– Мы чудесно поиграли, – подводя черту, миролюбиво заключила Джейн.

На ее долю, как ей казалось, слишком часто выпадала роль эдакой примиряющей всех мамочки или бесстрастной тетушки – старой девы, хотя на самом деле страсти кипели у нее внутри.

Декретное «летнее время» закончилось, и темнота наступила сразу же, как только они вступили на дорожку, ведущую к дому со множеством освещенных окон. Оказавшись в продолговатой, забитой произведениями искусства, однако казавшейся почему-то пустой гостиной ван Хорна, женщины рядом уселись на полукруглом диване, потягивая предложенные хозяином напитки. Он был мастером экзотических коктейлей, приготовленных путем алхимического смешивания текилы, гренадина, черносмородинного ликера, куантро, сельтерской воды, клюквенного сока, яблочного бренди и каких-то еще более колдовских добавок – все это хранилось у него в высоком голландском шкафу семнадцатого века, увенчанном головками двух испуганных ангелов, по чьим лицам, прямо через слепые глазницы, проходили щели растрескавшегося от старости дерева. Море, видневшееся сквозь ренессансные окна, приобрело винный цвет или цвет опадающих кизиловых листьев. Под массивной полкой

обрамленного ионическими колоннами камина простирался керамический фриз, на котором были изображены фавны и нимфы – белые обнаженные фигуры на голубом фоне.

Фидель принес закуски: пасты, соусы из моллюсков, блинчики с мясом, кальмары в собственном соку – все это было сметено с отвратительными вонями, пальцы у всех приобрели тот же цвет грязной сепии, что и кровь этих сочных головоногих младенцев. Время от времени одна из ведьм вспоминала о детях и восклицала, что нужно что-то делать: ехать домой готовить им ужин или, по крайней мере, позвонить и велеть старшей дочери позаботиться о младших. Впрочем, нынче вечером все равно обычный режим будет нарушен: наступала ночь Хеллоуина с традиционной игрой в «жизнь или кошелек»; некоторые дети скоро отправятся на вечеринки, другие – на промысел по кривым темным улицам центра Иствика. Нахальные ребячные стайки будут рыскать в поисках добычи вдоль заборов и изгородей в костюмах маленьких пиратов и Золушек, в масках с навсегда застывшими на них гримасами, сквозь отверстия которых будут стрелять живые влажные глазки; призраки в маскарадных костюмах, похожие на гигантские подушки, потащат сумки, набитые тарахтящей добычей: «Эм-энд-эмс» и «Херши киссиз». Повсюду будут звенеть дверные колокольчики.

Несколько дней назад Александра поехала в торговый центр со своей младшей, Линдой, они зашли в «Булворт», и под впечатлением убийственно-яркого по сравнению с темнотой улицы освещения этого дешевого рая с уставшими за день тучными пожилыми продавцами, лениво слоняющимися посреди всей искушательной для детей мишур, вдруг на миг испытала былую магию праздника. Широко открытыми глазами девятилетней девочки она увидела неотразимое волшебство уцененных фантомов и не подлежащую сомнению ценность «подарочных наборов»: пластиковых пакетов с надписью «Жизнь или кошелек», набитых масками и маскарадными костюмами, – все за три доллара девяносто восемь центов. Америка учит своих детей, что любое страстное желание может быть преобразовано в предмет покупки. На мгновение Александра поставила себя на место собственного ребенка, бродящего среди прилавков с чудесами, выставленными на продажу, маячащими прямо перед глазами и имеющими каждое собственную притягательную сущность – рисованную, резиновую или сахарную. Но с тех пор как она осознала себя великой и суровой полубогиней, что ставила выше любого другого своего предназначения, такие материнские чувства посещали ее все реже. Сидевшая рядом с ней Сьюки потянулась, выгнув спину, – при этом ее

скудно малая теннисная юбочка поддернулась так, что стали видны белые трусики с оборочками, – и, зевая, сказала:

– Мне действительно пора домой. Бедные малютки. Мой дом ведь находится в самом центре; должно быть, он уже в осаде.

Лоснившийся от пота ван Хорн, сидевший напротив нее в вельветовом кресле, поверх трафаретного образа гримасничающего Малкольма Икса с торчащими вперед зубами надел ирландский вязаный свитер из натуральной шерсти с еще не выветрившимся вязким овечьим запахом.

– Не уезжайте, мой друг, – попросил он. – Останьтесь и примите ванну. Именно это собираюсь сделать я сам. От меня воняет.

– Ванну? – переспросила Сьюки. – Я могу принять ее и дома.

– Но не в восьмифутовой тиковой бочке! – возразил ван Хорн, энергично вертя большой головой с таким откровенно озорным видом, что пушистая Тамбкин испуганно спрыгнула с его колен. – А пока мы все будем долго и с удовольствием отмокать, Фидель приготовит нам паэлью^[31], или тамаль^[32], или еще что-нибудь.

– Тамаль, тамаль и только тамаль! – не в состоянии противиться искушению, воскликнула Джейн Смарт. Она сидела на краю дивана, за Сьюки, и казалась Александре сердито-напряженной. Физически самая хлипкая из них, она выпила больше других и изо всех сил старалась держаться прямо. Догадавшись, что Александра думает о ней, Джейн пылающим взглядом уставилась ей прямо в глаза. – Ты как, Лекса? Что ты по этому поводу думаешь?

– Ну-у, – неопределенно протянула та, – я действительно чувствую себя грязной, и у меня все болит. Три сета для такой старухи, как я, многовато.

– Вы почувствуете себя на миллион долларов после японской бани, – заверил ее ван Хорн. – А вам я вот что скажу. – Он повернулся к Сьюки. – Быстроенько слетайтте домой, проверьте свой выводок и как можно скорее возвращайтесь сюда.

– Душенька, не можешь ли ты завернуть по дороге ко мне и взглянуть заодно на моих? – колокольчиком прозвенела Джейн Смарт.

– Постараюсь, – ответила Сьюки, снова потягиваясь. Ее длинные веснушчатые ноги, обнаженные до изящных ступней в вязанных носках с кисточками, напоминали кроличьи лапки. – Не знаю, но, вероятно, я не вернусь. Клайд хотел, чтобы я написала о Хеллоуине, – нужно пройтись по центру, поговорить с ряжеными на Оук-стрит, узнать в полиции, не было ли случаев порчи имущества, может, повстречаться со старожилами, ошивающими в «Немо». Наверное, они вспоминают там старые

недобрые времена, когда, детьми, в этот день разрисовывали чужие окна мылом, переворачивали повозки и вообще всячески хулиганили.

Ван Хорн взорвался:

– Почему вы вечно нянчитесь с этой тухлой задницей Клайдом Гейбриелом? Он меня пугает. По-моему, парень болен.

– Именно поэтому! – мгновенно выпалила Сьюки.

Александра поняла, что связи Сьюки с Эдом Парсли, слава богу, приходит конец.

Ван Хорн тоже, видно, кое о чем догадался и добавил:

– Может, мне и его как-нибудь сюда пригласить?

Сьюки встала и надменно откинула назад волосы.

– Если из-за меня, то не нужно, – сказала она. – Я дни напролет общаюсь с ним на работе.

По тому, как резко Сьюки встала, схватила ракетку и, накинув на спину, завязала рукавами на шее свитер, было совершенно ясно, что она не вернется. Они услышали, как завелась ее машина – светло-серый «корвейр» с откидным верхом, передним приводом и оставшимся от бывшего мужа престижным, сделанным по персональному заказу номерным знаком «Руж» на заднем бампере, – как она рванула с места и затарахтела по щебенке. Сегодня, в новолунье, отлив был низким настолько, что старинные якоря и проржавевшие ребра затонувших рыбачьих плоскодонок, каждый месяц выходившие на поверхность всего на несколько часов, тускло светились в звездном мерцании.

После отъезда Сьюки трое оставшихся почувствовали себя свободнее, собственные далекие от совершенства оболочки их больше не стесняли. В пропахших потом теннисных костюмах, с пальцами, перемазанными чернильной жидкостью головоногих, с глотками и животами, взбудораженными острыми соусами Фиделевых тамалей и блинчиков, держа в руках стаканы, они перешли в музыкальную комнату, где двое музыкантов продемонстрировали Александре свои успехи в исполнении ми-минорной сонаты Брамса. Как колотили все десять пальцев ван Хорна по беззащитным клавишам! Словно он играл не своими, а некими сверхчеловеческими руками, более сильными и широкими, похожими на грабли. Его пальцы пожирали клавиши, но ни разу не запнулись, трели и арпеджио слагались под ними в безупречную гармонию. И только в более медленных пассажах ему недоставало выразительности, как будто в его органической системе отсутствовал уровень, необходимый для нежных прикосновений. Милая коротышка Джейн, сурово сведя брови, изо всех сил старалась не отставать, от изнуряющей сосредоточенности ее лица

становилось более бледным, было видно, как болит ее смычковая рука, другая же металась вверх-вниз, прижимая струны так, словно они были слишком горячими, чтобы можно было задержаться где-нибудь хоть на миг. Когда выступление, выполненное возбуждения и напряженности, окончилось, Александра сочла своим материнским долгом поаплодировать.

— Конечно, это не мой инструмент, — смущенно оправдывалась Джейн, отирая от лба прилипшие волосы.

— Да, это всего лишь поддержаный Страдивари, как я всем вру, — пошутил ван Хорн, но, увидев, что Александра поверила ему — ибо в своем страдальческом от безнадежной любви состоянии она готова была поверить в любую небылицу, касающуюся его возможностей и имущества, — уточнил: — На самом деле это Черути. Он тоже жил в Кремоне, но позднее. Тем не менее был приличным мастером. — И вдруг заорал так громко, что зазвенели рояльные струны и жалобно задрожали тонкие оконные стекла. — Фидель! — разнеслось в пустоте безлюдного дома. — Неси «Маргариты»! Tres!^[33] Неси их в ванную комнату! Tráigalas al baño! — повторил он по-испански. — Rápidamente!^[34]

Итак, приблизился момент раздевания. Чтобы подбодрить подругу, Александра встала и не раздумывая последовала за ван Хорном; впрочем, вероятно, Джейн после своих приватных музыкальных сеансов в этом доме и не нуждалась в ободрении. Двусмысленность отношений Александры с Джейн и Сьюки заключалась в том, что она была лидером, самой полноправной из трех ведьм, но в то же время самой медлительной, немного блуждающей в потемках и в некотором роде — да! — невинной. Две другие были моложе и поэтому чуть более современны, менее склонны безоглядно поклоняться природе с ее огромной терпимостью, безмерной заботливостью и царственной жестокостью, с извечным, все перемалывающим антропоцентрическим законом.

Процессия из трех человек проследовала через длинный зал пыльного современного искусства, потом через маленькую комнату, беспорядочно заваленную садовой мебелью и нераспакованными картонными ящиками. Двойная дверь в конце комнаты, изнутри обитая черным стеганым винилом, не пропускала жар и сырость из помещений, пристроенных ван Хорном к тому, что прежде служило оранжереей, крытой медной крышей. Ванная комната была выстлана аспидным сланцем из Теннесси и освещалась светильниками, утопленными в потолке, сооруженном из какого-то неведомого пористого вещества.

— Реостаты, — пояснил ван Хорн гулким скрипучим голосом,

поворачивая блестящий набалдашник, расположенный между двойными дверьми.

Свет этих перевернутых ребристых чашечек постепенно усилился до такой степени, что в помещении стало можно фотографировать, потом хозяин снова уменьшил освещение до полумрака фотолаборатории. Светильники располагались на потолке не в определенном порядке, а хаотично, как звезды на небе. Он оставил свет тусклым, вероятно из уважения к их морщинистой коже, пигментным пятнам и двойным соскам, предательски выдававшим в них ведьм. Там, где кончался полумрак, за стеной из зеркального стекла виднелась растительность, подсвеченная снизу потайными зелеными светильниками, а сверху – фиолетовыми фонарями, лившими свет на колючие экзотические кустики, привезенные из дальних стран и собранные здесь в качестве коллекции ядовитых растений. Ряд кабинок для переодевания и две душевые, сплошь черные, как ящики в скульптурах Невельсона, тянулись вдоль другой стены; доминировала над всем пространством сама ванна, напоминавшая огромное, пахнущее мускусом спящее животное: водяной круг, обрамленный отполированной до блеска тиковой кромкой, стихия, противоположная тому ледяному приливу, в который Александра отважилась вступить несколько недель назад. Эта вода была настолько горячей, что пар конденсировался в воздухе и капельками оседал на лице. В небольшой приземистой консоли с горящими глазками, расположенной у ближнего края ванны, находилась, судя по всему, панель управления.

– Если вам кажется, что вы так грязны, примите сначала душ, – предложил ей ван Хорн, однако сам не сделал ни шагу в направлении кабинок.

Он направился к другой стене, напоминавшей картину Мондриана^[35], только лишенную красок, покопался за дверцами и панелями, каждая из которых наверняка таила какой-нибудь секрет, и достал белый предмет, оказавшийся продолговатым черепом то ли козла, то ли оленя с откидной серебряной крышкой. Из него ван Хорн извлек пакетик какой-то трухи, стопку старомодной сигаретной бумаги и принялся неуклюже возиться с ними, как медведь, терзающий кусок пчелиных сотов.

Глаза Александры начали привыкать к полутьме. Пройдя в кабинку, она сбросила одежду с набившимся в нее песком и, обернувшись заботливо приготовленным сиреневым полотенцем, прошмыгнула в душ. Потная грязь, чувство вины перед детьми, неуместная робость новобрачной – все враз схлынуло с нее. Она подставила лицо под струи воды, словно хотела смыть его, данное человеку от рождения, как отпечатки пальцев или

личный идентификационный номер социального обеспечения. По мере того как намокали волосы, голова становилась роскошно тяжелой. А сердце – легким, как маленький моторный глиссер, неотвратимо несущийся по алюминиевому треку навстречу странному, грубому хозяину дома. Вытираясь, Александра заметила, что монограмма, вышитая на ворсе полотенца, похожа на букву «М», но, вероятно, это было переплетение «V» и «Н». Обмотавшись полотенцем, она вышла в тускло освещенное пространство ванной. Ступни ощутили мелкую рептилью шершавость пола. Ноздри, как ласковый пушистый зверек, защекотал едкий каустический запах марихуаны. Ван Хорн и Джейн Смарт уже сидели в ванне, по очереди затягиваясь самокруткой, их плечи тускло мерцали над водой. Александра подошла к краю ванны, увидела, что глубина воды в ней около четырех футов, отпустила полотенце и скользнула в воду. Горячую. Обжигающую. В былье времена, прежде чем сжечь привязанную к столбу ведьму, из ее тела раскаленными щипцами вырывали куски плоти; ощущение, которое она сейчас испытывала, позволяло заглянуть в это горнило адских мук.

– Слишком горячо? – спросил ван Хорн. Его голос прозвучал еще более гулко и пародийно в этом замкнутом, наполненном паром акустическом пространстве.

– Я притерплюсь, – решительно ответила Александра, видя, что Джейн это удалось.

Похоже, Джейн бесило само присутствие Александры, тем более что та взбаламутила воду, однако она постаралась не выдать своего гнева, лишь плавно погрузилась еще глубже в нестерпимо горячую воду. Александра ощущала, как подпрыгнули и остались на плаву ее груди. Сидя в воде по шею, она не могла мокрыми руками взять косячок; ван Хорн поднес его к ее губам. Александра глубоко затянулась и задержала дым внутри. Погруженное в воду горло обожгло пламенем. Теперь, когда ее кожа разогрелась почти до температуры воды, глянув вниз, она увидела, как причудливо все сокращалось под водой: искаленное тело Джейн с клиньями волнообразно плавающих ног, пенис ван Хорна, дрейфующий наподобие бледной торпеды, необрезанный и на удивление гладкий, как один из тех бесцветных пластмассовых вибраторов, которые появились на прилавках городских аптечных магазинов теперь, когда революция достигла апогея и не осталось никаких ограничений – разве что небо.

Александра потянулась назад, нашупала полотенце, брошенное возле ванны, и вытерла руки, чтобы можно было, когда настанет ее черед, принять косячок, хрупкий, как куколка бабочки. Она пробовала марихуану

и прежде; ее бывший дружок Бен выращивал ее у них на заднем дворе, на грядке за помидорными кустами, которые та отдаленно напоминала. Но на своих четвергах они никогда ее не курили: для «улета» было вполне достаточно алкоголя, калорийных деликатесов и сплетен. После нескольких затяжек в наполненном паром помещении Александра ощущала в себе перемену: тело становилось невесомым в воде, в голове появилась приятная легкость. Вселенная казалась чем-то вроде вывернувшегося наизнанку во время стирки носка, в который быстро просовываешь руку, ухватываешь за кончик и вытягиваешь наружу, или обратной стороной ковра. Темное помещение с едва различимыми трубками и проводами тоже напоминало изнанку ковра, умиротворяющую оборотную сторону пронзительно солнечного полотна природы. Все заботы покинули Александру. А вот лицо Джейн все еще выражало тревогу, но ее мужские брови и отзвук напряженности в голосе больше не пугали Александру, потому что она видела теперь источник их происхождения: он таился в черном густом лобковом кустике, который колыхался под водой взад-вперед почти как пенис.

– Здорово! – громко провозгласил ван Хорн. – Я бы хотел быть женщиной.

– Господи, зачем? – благоразумно удивилась Джейн.

– Вы только подумайте, сколько всего может делать женское тело – родить ребенка, а потом вскормить его молоком.

– А вы вспомните о собственном теле, – заметила Джейн, – о том, как оно может превращать пищу в дермо.

– Джейн! – укоризненно воскликнула Александра, шокированная такой аналогией, показавшейся ей неуместной, хотя дермо, если подумать, тоже было в своем роде чудом. Обращаясь к ван Хорну, она подтвердила: – Да, это и впрямь чудесно. В момент родов женщина начисто лишается собственного «я» и превращается всего лишь в русло для той силы, что идет извне.

– Это должно быть фантастически возвыщенно, – предположил он, затягиваясь.

– В этот момент вас так накачивают обезболивающими, что вы ничего не чувствуете, – ехидно заметила другая женщина.

– Джейн, это неправда. Со мной все было не так. Мы с Оззи предпочитали естественный процесс деторождения, он присутствовал при родах, давал мне пососать лед – я была жутко обезвожена – и помогал дышать. Последних двоих я рожала даже без врача, у нас была только повитуха.

— А вы знаете, — произнес ван Хорн с педантичностью и серьезностью, которые интуитивно так нравились Александре, поскольку за ними она видела робкого неуклюжего мальчика, каким он, должно быть, когда-то был, — вы знаете, что все эти гонения на ведьм были попыткой мужчин — как выяснилось, удачной — отнять у повитух акушерский бизнес, поскольку с четырнадцатого века мужчины начинали доминировать в медицине? Ведь большинство сожженных ведьм и были повивальными бабками. Не имея понятия о стерильности, они, однако, использовали спорынью, атропин и, вероятно, опирались на множество здоровых человеческих инстинктов. Когда же дело перешло в руки мужчин, те работали вслепую, замотавшись чистыми простынями, и тем не менее передавали роженицам кучу болезней, принесенных от других пациентов. Бедные бабы мерли табунами.

— Очень типично! — резко выпалила Джейн. Видимо, она решила, что вызывающее поведение позволит ей завладеть вниманием ван Хорна. — Если и есть что-то, что бесит меня больше, чем мужской шовинизм, — теперь она обращалась непосредственно к нему, — так это подонки, которые подхватывают феминистские идеи только для того, чтобы залезть женщине в трусики.

Однако, по мере того как вода оказывала свое действие снаружи, а травка изнутри, ее речь, показалось Александре, становилась медленнее и мягче.

— Но, детка, ты ведь не носишь никаких трусиков, — напомнила ей Александра, судя по интонации, вполне одобрительно. Свет в комнате стал прибывать, хотя никто не прикасался к регулятору.

— Я не прикидываюсь, — искренне (близорукий мальчик все еще сидел в нем) заверил ван Хорн, стараясь убедить Джейн. Его лицо лежало на воде, будто на блюде, длинные, как у Иоанна Крестителя, волосы сплетались с выпрямившимися на плечах завитками. — Это идет из глубины души, поверьте, девочки. Я люблю женщин. Боже, моя мать была прелесть: умная и хорошенъкая. Я часто наблюдал, как она надрывалась, день напролет работая по дому, а около половины седьмого являлся этот коротышка в деловом костюме — мой старик-отец, трудяга и зануда, — и я думал про себя: «Чего ради этот слизняк сюда приперся?» Скажите честно, что вы ощущаете, когда из вас изливается молоко?

— А что вы ощущаете, — раздраженно огрызнулась Джейн, — когда у вас встает?

— Эй, не будьте грубой.

Александра увидела неподдельную тревогу в тяжелом, блестящем от

пота лице ван Хорна; по какой-то причине тема эротического возбуждения была для него болезненной.

– Не понимаю, что здесь грубого, – продолжала Джейн. – Вы хотели поговорить о физиологии, и я лишь упомянула физиологическое ощущение, недоступное женщине. То есть мы, конечно, тоже возбуждаемся, но иначе. Совершенно. Кстати, как вам нравится слово, которым определяют клитор: «гомологичный»?

Александра, возвращаясь к теме кормления грудью, предложила свое толкование ощущения:

– Это похоже на то, будто вы идете пописать, но не можете, а потом вдруг у вас получается.

– Вот за что я люблю женщин, – заметил ван Хорн. – У них такие домашние сравнения. В вашем словаре нет грубых слов. Мужчины же, господи Иисусе, они так чувствительны ко всему – к крови, паукам, ушибам. Вы знаете, что у многих видов животных сука, или свиноматка, или как там они еще называются, пожирает детское место?

– Думаю, вы не отдаете себе отчета в том, как шовинистически это звучит, – сказала Джейн, с трудом сохраняя сухость тона.

Однако сухость эта выглядела нелепой, потому что Джейн встала на цыпочки и ее серебристые груди выступили из воды, одна оказалась чуть выше и меньше, чем другая. Джейн сжала их ладонями и, обращаясь к некоей точке, расположенной между мужчиной и женщиной, как к невидимому свидетелю своей жизни, который всегда рядом, хотя мы почти никогда не разговариваем с ним вслух, сказала:

– Я всегда хотела, чтобы мои груди были больше. Как у Лексы. У нее очаровательные большие пузыри. Покажи-ка их, душенька.

– Джейн, умоляю тебя. Ты вгоняешь меня в краску. Не думаю, что для мужчины самое важное размер, самое важное... самое важное – сосок и соответствие фигуре. А также то, что ты сама о них думаешь. Если тебе они нравятся,понравятся и другим. Я не права? – обратилась она к ван Хорну.

Но он не желал выступать в роли представителя мужчин. Так же как Джейн, поднявшись, он накрыл ковшиками волосатых кистей мужскиеrudimentы сосков, крохотные бородавки, окруженные влажными черными змейками.

– Вы только представьте весь этот процесс, – умоляюще произнес он. – Весь этот механизм женского тела с его проводящими путями, вырабатывающий пищу, соответствующую потребностям ребенка лучше, чем любая формула, выведенная в лаборатории. Представьте ощущение

сексуального наслаждения. Интересно, головоногие его испытывают? А планктон? Правда, им-то думать не нужно, а мы... мы ведь думаем. Каких только уловок не приходится измышлять женщинам, чтобы не дать нам спасовать! Это почище, чем сконструировать один из тех самолетов-разведчиков, которые стоят налогоплательщикам тьму-тьмущую денег, пока их не сбьют. Вообразите, что женщины оставили свои усилия: никто больше никого не трахает, и род человеческий застыл в неподвижности – все наслаждаются лишь созерцанием солнечных закатов и теоремой Пифагора.

Александре нравился ход его мыслей, и было нетрудно следить за их развитием.

– Я в восторге от вашей бани, – мечтательно объявила она. – Никогда не думала, что она мне так понравится. Все черное, кроме этой прелестной медной проводки, которую соорудил Джо. Он бывает очень мил, когда снимает свою шляпу.

– Кто такой Джо? – спросил ван Хорн.

– Разговор, с-сдается мне, с-спускается на с-самый примитивный уровень, – прошипела Джейн, все «с» получились у нее слегка накаленными.

– Я могу включить музыку, – засуетился ван Хорн, трогательно заботясь о том, чтобы они не скучали. – У меня здесь вмонтирована четырехдорожечная стереосистема.

– Ш-ш... – Джейн приложила палец к губам. – Я слышу машину на подъездной аллее.

– Это ряженые, – сказал ван Хорн. – Фидель угостит их резаными яблоками, которые мы насытили.

– Может, это Сьюки вернулась? – предположила Александра. – Джейн, я тебя обожаю; у тебя такие прелестные уши.

– И правда, разве не хороши? – согласилась Джейн. – У меня действительно симпатичные ушки, даже мой отец всегда это говорил. Взгляните! – Она отвела назад волосы и показала сначала одно, потом другое ухо. – Единственная беда, что правое расположено чуть выше левого, поэтому, какие бы очки я ни надела, они сидят на носу криво.

– Они почти квадратные, – продолжала любоваться Александра.

Восприняв это как комплимент, Джейн добавила:

– Да, миленькие и плотно прилегают к голове. У Сьюки они торчат, как у обезьянки, ты никогда не замечала?

– А как же, конечно замечала.

– И глаза слишком близко посажены, и прикус ей следовало исправить

в детстве. И нос... Какая-то пуговка. Честно говоря, ума не приложу, как все это вместе может выглядеть так хорошо, как оно выглядит.

– Не думаю, что Сьюки вернется, – сказал ван Хорн. – Слишком уж она предана негодяям-неврастеникам, которые правят этим городом.

– И да, и нет, – отозвался кто-то; Александра подумала, что это Джейн, но голос напоминал ее собственный.

– Ну не славно ли здесь, и так уютно, – произнесла она, чтобы проверить свой голос. Он прозвучал низко, как мужской.

– Наш дом вдали от дома, – отозвалась Джейн саркастично, как предположила Александра. Для нее не составляло ни малейшего труда настроиться на бесплотную гармонию с Джейн.

Звук, который услышала Джейн, не имел отношения к Сьюки. Это был Фидель, он принес бокалы «Маргариты» на огромном чеканном серебряном подносе, о котором с таким восторгом рассказывала Александре Сьюки; кромку каждого из трех широких бокалов на тонкой ножке он предварительно обмакнул в толченую морскую соль. Александра уже так освоилась с наготой, что ей показалось странным, почему Фидель явился не голым, а в похожей на пижаму униформе цвета армейской спецовки.

– А теперь оцените это, дамы, – произнес ван Хорн.

Хвастливая интонация, равно как и вид белых ягодиц, представших во всей красе, когда он, выбравшись из ванны и перейдя к дальней черной стене, стал нажимать там какие-то кнопки, снова придали ему нечто мальчишеское. Раздался легкий шорох хорошо смазанных шарниров, и участок потолка над их головами, не пористый, а сделанный из тусклого гофрированного металла, из которого делают сараи для инструментов, отъехал, открыв чернильное небо с мелкой россыпью звезд. Александра разглядела зыбкую паутину Плеяд и гигантский красный Альдебаран. Эти опрокинутые далекие небесные миры, не по-осеннему теплый, но освежающий воздух, невельсоновские лабиринты углублений в черных стенах, сюрреалистические луковичные выпуклости собственного тела – все это идеально соответствовало ее чувственному восприятию, такому же осязаемому, как окутанная паром ванна и прохладная ножка бокала, зажатая между пальцами. У Александры было ощущение, будто она органически сращена со множеством неземных тел. Звездный туман, сгущаясь, превращался в жидкость, которая слезами оседала на ее горячих глазах. Невзначай она превратила ножку своего бокала в стебель пышной желтой розы и вдохнула аромат. Роза пахла лаймовым соком. Губы Александры, напоенные соляными кристаллами, тяжелыми, как капли

росы, разомкнулись. Шип на розовом стебле проколол подушечку пальца, и она увидела, как в центре папиллярного завитка расцвела одинокая капелька крови.

Даррил ван Хорн, наклонившись вперед, хлопотал над еще какими-то кнопками и рычажками, и его тускло светящиеся белые ягодицы казались единственной частью тела, не покрытой волосами и не представляющей обтянутый водонепроницаемой оболочкой костяк. Они являли свою подлинную сущность, так у большинства людей за проявление их достоверной сущности мы принимаем голову. Александре захотелось поцеловать их – его блестящие невинные незрячие ягодицы. Джейн передала ей что-то обжигающее горячее, и она послушно поднесла это к губам. Пламень, опаливший горло Александры, смешался с огненной яростью устремленного на нее взгляда Джейн, между тем как похожая под водой на рыбу рука подруги пощипывала и поглаживала ее живот и плавающие на поверхности груди, которым, по ее собственным словам, та завидовала.

– Эй, примите и меня, – взмолился ван Хорн и шумно плюхнулся обратно в воду, спугнув момент: маленькая ручка Джейн с мозолистыми подушечками, напоминавшими рыбьи зубки, покачиваясь, отплыла назад.

Разговор возобновился, но слова дрейфовали, лишенные смысла, реплики напоминали легкие касания, и время ленивыми петлями протягивалось сквозь пустоты сознания Александры в ожидании возвращения Сьюки, которая должна была привезти обратно реальное время.

Она ворвалась, неся с собой осень, заплутавшую в замшевой юбке с поясом из сыромятных косичек и застегнутом у талии твидовом жакете с расходящейся встречной складкой на спине, как у охотницы; теннисный костюм остался дома, в корзине для грязного белья.

– Твои дети в полном порядке, – сообщила она Джейн Смарт. Судя по всему, Сьюки ничуть не смущило то, что они сидели в одной ванне. Казалось, она хорошо ориентировалась в этой комнате с выложенным особой плиткой полом, змеиными клубками блестящих трубок, частоколом подсвеченных зеленых джунглей за стеклом и холодным прямоугольником звездного неба посередине потолка. С обычной восхитительной деловитостью Сьюки быстро поставила свою кожаную сумку, огромную, как седельный выюк, на прежде не замеченный Александрой стул – мебель, стулья и матрасы здесь были черными и растворялись во мраке – и начала раздеваться: скинула туфли на низком каблуке с квадратными мысами, потом охотничий жакет, затем стянула с бедер замшевую юбку с уже развязанным пояском, расстегнула бледно-бежевую шелковую блузку,

спустила нижнюю юбку цвета чайной розы вместе с белыми трусиками и, наконец, расстегнув лифчик, наклонилась вперед, подставив руки: две освободившиеся от своего груза чашечки легко упали ей прямо в ладони, и вслед им вырвались на свободу груди. Они были достаточно маленькими, чтобы сохранять форму и без лифчика, однако отнюдь не торчали вперед агрессивно, как цветочные бутоны: закругленные конусы с верхушками, которые кто-то словно бы обмакнул в густую розовую краску.

Ее тело представлялось Александре бледным белым пламенем; она наблюдала, как Сьюки спокойно наклонилась, подняла с пола белье, бросила его на материализовавшуюся тень стула, потом по-деловому порылась в своей огромной сумке с откинутым верхом, нашла там несколько шпилек и стала подкальывать волосы. Они были того светлого, но яркого окраса, который называют рыжим, но он на самом деле представляет нечто среднее между абрикосом и багрянцем густого тисового леса. Такими были ее волосы повсюду, и когда она подняла руки, под мышками открылись два пучка, абсолютно одинаковых, как два мотылька, разлетающихся в разные стороны. Сьюки шагала в ногу с прогрессом, Александра и Джейн еще не порвали с патриархальным требованием брить подмышки, внущенным им в молодости, когда их учили быть женщинами. В библейской пустыне женщин заставляли выскребать подмышки острыми камнями; эти волосы возбуждали мужчин, и Сьюки, как младшая из ведьм, менее других чувствовала себя обязанной стричь и смирять свою естественную растительность. Ее стройное тело с руками и ногами, усеянными веснушками, было, однако, весьма пышным, и его выпуклости приятно колыхались, когда она направлялась к кругу ванны, выхваченному желтоватым светом ламп из искусственно созданного мрака, напоминающего интерьер звукозаписывающей студии. В тишине абрис ее обнаженной красоты мигал, как в кино, когда быстрая смена неподвижных кадров создает у зрителя впечатление прерывистого, перемежающегося движения, тревожного и призрачного. Приблизившись к ним, фигура Сьюки вновь обрела трехмерность, ее прелестно продолговатое обнаженное бедро немилосердно портили розовая бородавка и желтовато-серый синяк (память о пароксизме радикальной вины Эда Парсли?), веснушками были усеяны не только конечности, но и лоб, и переносица, отчетливое созвездие крапинок четко выделялось даже на подбородке – аккуратном треугольнике, сморщившемся от решимости, когда она, присев на край ванны, сделав глубокий вдох, выгнув спину и напрягая ягодицы, подготовилась осторожно погрузиться в дымящуюся целебную воду.

– Пресвятая Дева! – воскликнула Сьюки.

— Ты привыкнешь, — подбодрила ее Александра. — А когда приспособишься, увидишь: это — рай.

— Девочки, вам горячо? — с чувством превосходства удивился Даррил ван Хорн. — Для себя лично я делаю воду на двадцать градусов горячее. Прекрасно помогает с похмелья. Все яды вмиг погибают.

— И что они делают? — поинтересовалась Джейн Смарт. Ее голова и шея, казалось, съежились оттого, что взгляд Александры неотрывно и любовно наблюдал за Сьюки.

— О, — ответила Сьюки, — то же, что и всегда: смотрят старые фильмы по пятьдесят шестому каналу и до тошноты обедаются конфетами, которые удалось настrelять.

— А ко мне ты, случайно, не заворачивала? — спросила Александра, испытывая странную робость. Сьюки, такая обворожительная, сидела теперь в воде рядом с ней; поднятые ею волны омывали кожу Александры.

— Детка, Марси уже семнадцать, — ответила Сьюки. — Она большая девочка и в состоянии со всем справиться сама. Проснись!

Она протянула руку и щутливо толкнула Александру в плечо; в этот момент одна ее грудь с розовой головкой показалась над водой; Александре захотелось пососать ее даже больше, чем незадолго до того хотелось поцеловать попку ван Хорна. Мысленно она прозрела мучительную картину: ее лицо погружено в воду одной щекой, распущеные волосы струятся, заплывая в рот, губы округлены навстречу им буквой «О». Левая щека у нее горела, Сьюки своим зеленым взором читала ее мысли. Ауры трех ведьм — розовая, фиолетовая и рыжевато-коричневая — сплетались под льющимся сверху звездным светом с жесткой коричневой штуковиной, маячившей над головой ван Хорна вроде нелепого деревянного нимба, лучами обрамляющего голову святого в обнищавшей мексиканской церкви.

Марси, девочка, о которой говорила Сьюки, родилась, когда Александре был двадцать один год и она бросила колледж, уступив мольбам Оззи выйти за него замуж. Александра вспоминала сейчас, как четверо ее детей один за другим появлялись на свет: мучительнее всего высасывало ее внутренности рождение девочек, а не мальчиков, те были в некотором роде мужчинами от рождения. Она ясно представила агрессивный вакуум, внезапную тянувшую боль, сияющие выбиться наружу продолговатые синюшные черепки с жутковато вздувшимися сморщенными мышцами над местом, где в свое время прорастут брови. Девочки были приятнее на вид, даже в первые дни: подающие столько надежд, жаждущие, голодные, сладко присасывающиеся к груди лапушки, обещающие превратиться в красавиц и рабынь. Дети: их милые,

подогнутые колечками ножки, словно во сне они скачут на крохотных лошадках, прелестные развиочки, перепеленатые подгузниками, гибкие фиолетовые ступни, кожа, тонкая и гладкая по всему тельцу, как на пенисе, неподвижный серьезный взгляд синих глаз, завитки натужно воркующих ротиков. Ты качаешь их, прижав к левому боку, а они нежно, как виноградная лоза к стене, льнут к тому боку, где находится сердце. Аммиачный запах пеленок. Александра заплакала, вспомнив о своих потерянных младенцах, поглощенных детьми, в которых они превратились, младенцах, расчлененных на куски и скормленных времени: дням, годам... Тepлые слезы выкатились у нее из глаз и прохладными по контрасту с разгоряченным лицом каплями стекали по складкам, утопающим в крыльях носа, оставляя соленый след в уголках губ, дальше они сползали по подбородку, образуя ручеек в его расщелине. Все это время Джейн не отнимала от нее рук; ее ласки стали настойчивее, она массировала затылок Александры, спускаясь по трапециевидной мышце к дельтовидной, потом – к грудным...

О как облегчала печаль сильная рука Джейн, которая мяла ее тело то над, то под водой, порой ниже талии. Красные огоньки температурного контроля зорко следили за пространством вокруг ванны, несущие освобождение отравы «Маргариты» и марихуаны смешивались, образуя под кожей алчное, чувственное черное царство; бедные брошенные дети были принесены в жертву, чтобы она смогла обрести могущество, свое дурацкое могущество; это понимает только Джейн, Джейн и Сьюки.

Сьюки, гибкая и молодая, сидит рядом, касается Александры, а та – ее, тело Сьюки извивается не от боли в мышцах, оно просто гнется, как ивовый прут, податливый, усеянный нежными крапинками; никогда не видящий солнца затылок под убранными сейчас в пучок волосами хранит девственную белизну – пластичный фрагмент алебастра, окаймленный янтарными локонами. То, что Джейн проделывала с Александрой, та проделывала со Сьюки – ласкала ее. Тело Сьюки казалось ей шелковистым, гладким, тяжелым плодом, Александра настолько растворилась в своей печально-торжественной любви, что не ощущала разницы между ласками, которые дарили ей, и теми, которые дарила она сама. Над водой возникали плечо, рука или грудь, три женщины смыкались все теснее, чтобы, наподобие граций с рисунка в книжке, образовать неделимый клубок, в то время как их волосатый смуглый хозяин, выбравшись из ванны, копался в своих черных ящиках. Сьюки странно практичным голосом, который, как казалось Александре, доносился сюда, в эту «звукозаписывающую студию», откуда-то издалека, обсуждала с этим мужчиной, с ван Хорном,

какой диск поставить на его дорогостоящую паронепроницаемую стереосистему. Он оставался голым, и его болтающиеся мертвенно-бледные гениталии казались такими же милыми, как собачий хвост, колечком свернувшийся над безобидной пуговкой ануса.

Этой зимой в Иствике будет о чем посудачить – потому что здесь, как в Вашингтоне или Сайгоне, существовало много каналов утечки информации; у Фиделя была в городе приятельница, официантка из «Немо», пронырливая чернокожая женщина с Антигуа, по имени Ребекка, – уж они-то порасскажут о мерзостях, которые творятся в старом поместье Леноксов. Александру поразило в первый вечер и поражало потом нескладное человеческое дружелюбие происходящего, определявшееся нескладным дружелюбием их страстного и немного чудаковатого хозяина. Он не только кормил их, предоставлял укрытие, возможность послушать музыку и понежиться на удобных темных матрасах, но также одарял благословением, без которого храбрость, доступная нашим временам, теряет силу и утекает в канавы, прорытые другими – всеми этими старыми священнослужителями, запретителями, поборниками героического воздержания, пославшими замечательную женщину Анну Хатчинсон, проповедовавшую среди женщин, в дикие джунгли. Они обрекли ее на то, чтобы с нее сняли скальп краснокожие, по-своему такие же фанатичные и неумолимые, как пуританские святые.

Как все мужчины, ван Хорн требовал, чтобы женщины считали его королем, но его система взимания дани, по крайней мере, касалась имущества, которым они реально располагали, – собственных тел и жизненной силы, – а не духовных предписаний, навязанных несуществующими Небесами. Проявлением доброты со стороны ван Хорна было то, что он включал их любовь друг к другу в своего рода любовь к нему самому. В его любви к ним было нечто отвлеченное и, следовательно, формальное, а в их реверансах и услугах, которые они ему оказывали, – просто дань учтивости. Они носили предметы туалета, которые он им дарил: перчатки из кошачьей шерсти и зеленые кожаные подвязки, или связывали его красно-шерстяным монашеским поясом длиной в девять футов. Как в тот первый вечер, он зачастую стоял над ними и чуть позади, настраивая свое замысловатое (этим он все же кичился) невосприимчивое к влаге оборудование.

Ван Хорн нажал кнопку, и гофрированная крыша сомкнулась, закрыв квадрат ночного неба. Потом поставил пластинку. Сначала это был голос радостного, вызывающего женского отчаяния – Джоплин, которая, исходя воплями и стенаниями, до хрипоты орала песни «Частичка моего сердца»,

«Возьми, пока можешь», «Летняя пора» и «На мне». Затем Тайни Тим, который, бродя на цыпочках среди тюльпанов, издавал такие волнующие гермафродитные трели, что ван Хорн снова и снова возвращал иглу на начало пластинки – никак не мог наслушаться, пока ведьмы шумно не потребовали опять поставить Джоплин. Акустическая система была устроена так, что музыка окружала их, лилась из всех четырех углов помещения. Они танцевали – четыре фигуры, окутанные лишь своими аурами и волосами, совершали несмелые, минимальные движения в ритме музыки, целиком отдаваясь во власть засасывающего, призрачно-титанического присутствия певцов. Когда Джоплин в рваном ритме выкаркивала слова «Летней поры», словно вспоминая их в промежутках между спазмами страсти или раз за разом поднимаясь с ковра после нокаута, полученного в боксерском поединке, происходившем в ее одурманенных наркотиками внутренностях, Сьюки и Александра раскачивались, держа друг друга в объятиях и не передвигая ног, пряди их распущеных, напоенных слезами волос сплетались, груди соприкасались, они обнюхивали и ощупывали друг друга, как во время вялой драки подушками, мокрыми от пота, бусинки которого блестели у них на груди, наподобие широких древнеегипетских ожерелий. А когда Джоплин во вступлении к «Я и Бобби Мак-Джи» обманчиво веселым голосом стала затягивать их в водоворот страсти, ван Хорн с покрасневшим пенисом, чудовищно восставшим благодаря манипуляциям, которые Джейн, встав на колени, производила над ним своими сверхъестественно преобразившимися руками – они оказались затянутыми в белые резиновые перчатки с приделанными к ним париками, а пальцы были широкими на концах, как у древесной жабы или лемура, – пантомимически исполнил в темноте над ее склонившейся головой бурное соло вдохновенного пианиста из оркестра, во всю мочь наяривающего буги-вуги.

Потом на обтянутом черным плюшем матрасе, принесенном хозяином, ведьмы предавались игре, пользуясь частями его тела как словарем, при помощи которого они изъяснялись друг с другом. Ван Хорн демонстрировал сверхъестественный самоконтроль, и когда семя все же изверглось, оно оказалось неправдоподобно холодным, как отметили впоследствии все три женщины.

Одеваясь после полуночи, в первый час ноября, Александра чувствовала себя так, словно наполняла одежду – в теннис она играла в обтягивающих брюках, немного скрадывавших полноту ног, – невесомым газом, настолько разреженной от долгого погружения в воду и вдыхания отравы стала ее плоть. По дороге домой в своем пропахшем собакой

«субару» она увидела в скошенном ветровом стекле пятнистый скорбный лик полной луны, и на мгновение ей представилась абсурдная картина: высадившиеся там астронавты в порыве царственной жестокости распылили зеленую краску по всей ее необозримой иссохшей поверхности.

II. Порча

Я не стану иной, чем я есть; мне слишком хорошо в моем естестве; я всегда ласкаема.

...молодая французская ведьма, 1660 г.

– Неужели он это сделал? – воскликнула Александра, прижимая трубку к уху. За ее кухонным окном преобладал пуританский колорит ноября: деревья, оплетенные голыми виноградными лозами, подвесная кормушка для птиц, теперь, когда ударили первые морозы, наполненная лесными и болотными ягодами.

– Так сказала Сьюки, – прожигая ей ухо своими раскаленными «с», ответила Джейн. – Она говорит, что давно этого ждала, но не хотела никому рассказывать, чтобы не оказаться предательницей по отношению к нему. Если хочешь знать мое мнение, я не считаю, что рассказать нам означало бы предать кого бы то ни было.

– А как долго Эд был знаком с этой девушкой? – Ряд чайных чашек, висевших на медных крючках под посудной полкой, качнулся, словно невидимая рука нежно провела по ним, как по струнам арфы.

– Несколько месяцев. Сьюки заметила, что он стал с ней другим. В основном хотел лишь разговаривать, использовал ее как резонатор. Она рада: страшно подумать, какие венерические болезни можно было подхватить. У всех этих «детей цветов», знаешь ли, водятся как минимум лобковые вши.

Суть состояла в том, что преподобный Эд Парсли сбежал с местной девчонкой-подростком.

– Я ее когда-нибудь видела? – спросила Александра.

– Ну разумеется, – ответила Джейн. – Она вечно ошивалась в компании, кучковавшейся перед «Сьюпереттом» после восьми вечера. Думаю, они там поджидали торговца наркотиками. Бледное смазанное лицо, в ширину больше, чем в высоту, грязные соломенные волосы, никогда не стриженные, и одета всегда, как какой-нибудь лесоруб.

– И никаких «бус братской любви»?

Джейн серьезно восприняла вопрос:

– Несомненно, они у нее были, но она их хранила до первого выхода в свет. Не припоминаешь ее? В марте прошлого года, во время городского

митинга, она участвовала в пикетировании и вместе с другими обливала военный мемориал овечьей кровью, которую они раздобыли на бойне.

– Нет, не припоминаю, дорогая, быть может, просто не хочу. Эти дети перед «Сьюпереттом» всегда пугают меня, я проскаакиваю сквозь их толпу, стараясь не глядеть по сторонам.

– Тебе нечего бояться, они тебя даже не видят. Для них ты – всего лишь деталь пейзажа вроде дерева.

– Бедный Эд. В последнее время он выглядел таким исстрадавшимся. Когда мы виделись на концерте, он клеился даже ко мне. Но я сочла, что это будет нечестно по отношению к Сьюки, и отшила его.

– Эта девчонка даже не из Иствика, она здесь постоянно околачивалась, но ее дом – если это можно назвать домом – находился на железнодорожном разъезде Коддингтон, в трейлере. Она сожительствовала с отчимом, потому что ее мать постоянно слонялась по ярмаркам, выступала с каким-то номером, у них это называется акробатикой.

Голос Джейн звучал очень строго, и, если не видеть, что она проделывала в этот момент с ван Хорном, ее можно было принять за непорочную старую деву.

– Ее зовут Заря Полански, – продолжала Джейн. – Не знаю, родители ей дали такое имя или она сама так себя называла. Эти люди обожают придумывать себе имена вроде Цветущего Лотоса или Божественной Аватары.

Ее твердые маленькие руки работали без устали, и когда холодное семя изверглось, большая его часть досталась именно Джейн. О стиле сексуального поведения иных женщин можно лишь догадываться, и, наверное, это к лучшему, потому что он может оказаться слишком уж дерзким. Постаравшись прогнать видение, Александра спросила:

– Но что они собираются делать?

– Смею предположить, они понятия не имеют, что делать после того, как проведут ночь в мотеле и наклюкаются до чертиков. Нет, правда, все это выглядит так жалко!

В тот раз именно Джейн первой погладила ее, не Сьюки. При воспоминании о Сьюки, какой она была тем вечером – нежное белое пламя, восходящее от сланцевого пола, – внизу живота у Александры, возле левого яичника, открылось небольшое полое пространство. Бедные ее внутренности: она была уверена, что когда-нибудь им все же предстоит операция и расползание черных раковых клеток обнаружится слишком поздно. Если, конечно, они действительно черные, а не ярко-красные и блестящие, как какой-нибудь кровавый сорт цветной капусты.

– После этого, полагаю, – говорила тем временем Джейн, – они направляются в какой-нибудь крупный город и постараются присоединиться к движению. Наверное, Эд представляет это как вступление в армию: находишь призывной пункт, тебя посылают на медосмотр и, если ты его проходишь, зачисляют.

– Господи, какое заблуждение, правда? Он слишком стар. Пока жил здесь, казался довольно молодым и эффектным, ну, по крайней мере интересным, к тому же у него была собственная церковь, являвшаяся своего рода форумом...

– Он ненавидел свою респектабельность! – резко перебила Джейн. – Считал ее ренегатством.

– Бог ты мой, что за мир! – вздохнула Александра, наблюдая за серой белкой, которая, останавливаясь и замирая, короткими рывками пробегала по осыпавшейся каменной стене, окружавшей двор. Новая партия «малышек» выпекалась в тикающей печи в комнате рядом с кухней; Александра попробовала сделать их покрупнее, но тут же обнаружилось несовершенство ее доморощенной техники и незнание анатомии. – А как Бренда все это восприняла?

– Приблизительно так, как можно было ожидать. Истерично. Она почти открыто оправдывала хождения Эда на сторону, но никогда не думала, что он ее бросит. Для церкви он тоже станет проблемой. У нее с детьми нет ничего, кроме служебного дома, но он им, разумеется, не принадлежит. В конце концов их оттуда вытурят. – Едва уловимый хруст злобы, послышавшийся в голосе Джейн, неприятно кольнул Александру. – Ей придется работать. Вот тогда она узнает, что значит рассчитывать только на себя.

– Может быть, нам... – «Следовало бы приголубить ее», – хотела сказать Александра, но фраза осталась незаконченной.

– Никогда, – телепатически уловив ее мысль, ответила Джейн. – Слишком уж омерзительно самодовольна она была в роли миссис Настоятельницы, вечно угождала всех кофеем, как Грир Гарсон^[36], и липла ко всем пожилым дамам. Ты бы видела, как она шастала туда-сюда во время наших репетиций в церкви! Я знаю, мне не следовало бы так радоваться тому, что женщина получила по заслугам, но я радуюсь. Ты, конечно, думаешь, что я не права и злобствую.

– О нет, – неискренно возразила Александра.

Впрочем, кто знает, что истинно есть зло? Бедная Фрэнни Лавкрафт могла в тот вечер сломать шейку бедра и до гробовой доски остаться калекой. Звонок застиг Александру с деревянной ложкой в руке, и теперь,

ожидая, когда Джейн изольет всю свою злобу, она мысленным усилием праздно загнула ее ручку наподобие собачьего хвоста и уложила это колечко в углубление ложки. Потом заставила свернувшуюся змейкой ручку медленно восстать и ползти по ее руке. От шершавого прикосновения дерева на зубах появилась оскомина.

– А как там Сьюки? – спросила Александра. – Она ведь тоже в некотором роде оказалась брошенной.

– Сьюки в полном восторге. По ее собственным словам, она даже подбивала его попробовать поискать счастья с этой Зарей. Думаю, ее маленькое приключение с Эдом закончилось гораздо раньше.

– Но не значит ли это, что теперь она переключится на Даррила?

Ложка обвилась вокруг шеи Александры и тыкалась острием ей в губы. Она ощущала вкус салатного масла, потерлась о дерево кончиком языка, и тот оказался вдруг раздвоенным и перистым. Коул топтался у ее ног, тревожно принюхиваясь. Он чуял магию, слегка пахшую гарью, как газовая горелка в момент включения.

– Осмелюсь высказать догадку, – продолжала Джейн, – что у нее другие планы. Ее не так влечет к Даррилу, как тебя. Или, должна признаться, меня. Сьюки любит мужчин, впавших в уныние. Если хочешь знать мое мнение, следи за Клайдом Гейбриелом.

– Ой, но у него же такая мерзкая жена! – воскликнула Александра. – Ее следовало бы убить из милосердия.

Александра едва отдавала себе отчет в том, что говорила, поскольку, желая подразнить Коула, положила извивающуюся ложку на пол. Шерсть у пса на загривке всталла дыбом; ложка подняла головку, Коул ощерился, в глазах загорелась готовность к атаке.

– А давай это сделаем, – небрежно предложила Джейн Смарт.

Огорченная этим новым проявлением злобы, немного даже испуганная, Александра позволила ложке распрямиться; та уронила головку и плашмя шлепнулась на линолеум.

– О, думаю, это не наше дело, – мягко возразила она.

– Я всегда его презирала и нисколько не удивлена! – объявила Фелисия Гейбриел в своей бесстрастно-самодовольной манере, словно адресуясь к компании друзей, единодушно восхищающихся ею, хотя на самом деле обращалась всего лишь к собственному мужу, Клайду.

Тот старался сквозь окутавший голову после ужина алкогольный туман прорваться к смыслу статьи из «Сайентифик американ» о новейших астрономических аномалиях. Фелисия с недовольно-напряженным видом

стояла в дверях застроенной книжными стеллажами комнаты, которую теперь, когда Джени и Крис больше не жили в доме и не отправляли его электронной какофонией, воплями Джоан Баэз и «Бич Бойз», Клайд пытался приспособить под свой кабинет.

Фелисия так и не переросла хорошенькую самонадеянную и очень активную старшеклассницу. Они с Клайдом параллельно учились в двух государственных средних школах Уорвика. Каким же очаровательным живчиком она была! Всегда первая во всех внеклассных мероприятиях – от школьного совета до волейбольной команды, – к тому же круглая отличница, не говоря уж о том, что она стала первой девочкой-капитаном команды «Дискуссионного клуба». Обладательница волнующего голоса, выделявшегося во время исполнения «Звездного знамени» как самое высокое сопрано: этот голос пронзал его насквозь. Поклонники толпами ходили за Фелисией по пятам: она была настоящей звездой. Клайд постоянно напоминал себе об этом. По ночам, когда она засыпала подле него с удручающей быстротой воплощенной добродетели и гиперактивности, предоставляя ему, залившему организм вечерней дозой спиртного, в одиночестве часами сражаться с демонами бессонницы, он вглядывался в ее неподвижные черты, освещенные лунным светом, в окруженные тенями опущенные веки, идеально пригнанные к глазницам, в сомкнутые губы, не дававшие вырваться невысказанной реплике в споре, который Фелисия вела с кем-то во сне, и видел былое совершенство изящно выточенных костей. Во сне жена казалась хрупкой. Он лежал, опершись на локоть, смотрел на нее, и перед ним возникал образ веселой девочки-подростка в пушистом свитере пастельных тонов и длинной клетчатой юбке, стремительно сбегающей по лестнице в раздевалку с узкими зелеными металлическими ящичками. Одновременно ему начинало казаться, что он снова стал долговязым «головастым» подростком; и тогда гигантский бесплотный столб ушедшего и растрченного времени восставал посреди спальни, и Клайд, словно глядя со стороны, видел на дне этой вентиляционной шахты их раздавленные тела. Но в настоящий момент Фелисия, прямая и требующая внимания, стояла перед ним в черной юбке и белом свитере, в которых обычно ходила на вечерние заседания комитета по надзору за использованием заболоченных земель. Там-то, от Мейвис Джессап, она и услышала новость об Эде Парсли.

– Он был слабым, – заявила Фелисия. – Безвольный мужчина, которому однажды сказали, что он красивый. Мне он никогда не казался красивым – этот псевдоаристократический нос, ускользающий взгляд... Ему не следовало становиться священником, у него не было призвания, он

думал, что сможет обольстить Бога так же, как обольстил всех старых дам, и Бог не заметит его пустоты. По мне – Клайд, смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! – по мне, так ему не удалось выработать в себе ни единого качества, необходимого служителю Бога.

– Не думаю, что униаты так уж пекутся о Боге, – рассеянно ответил Клайд, все еще надеявшись предаться чтению.

Квазары, пульсары, звезды, каждую тысячную долю секунды испускающие потоки излучения, содержащие в себе больше вещества, чем все планеты, вместе взятые... Быть может, в этом космическом безумии он сам искал старомодного Отца Небесного. В те невинные давние времена, когда Клайд был еще «головастым» юношей, он написал в качестве зачета по биологии длинную работу под названием «Мнимый конфликт между наукой и религией», из которой следовало, что на самом деле никакого конфликта не существует. И хоть тогда, тридцать пять лет назад, широколицый женоподобный мистер Турманн поставил ему за нее отлично с плюсом, теперь Клайд понимал, что его идея оказалась ложной. Конфликт существовал, был открытим, непримирамым, и наука в нем побеждала.

– О чём бы они ни пеклись, это нечто большее, чем стремление оставаться вечно молодым, которое привело Эда Парсли в объятия жалкой бродяжки, – безапелляционно заявила Фелисия. – Кроме того, ему бы следовало внимательнее приглядеться к этой скандально известной Сьюки Ружмонт, которая так тебе нравится, чтобы понять, что ей уже за тридцать, и найти себе любовницу помоложе или повзрослесть самому. А эта святоша Бренда Парсли! Диву даюсь, почему она-то со всем этим мирилась?

– Почему? А что ей оставалось? Что она могла сделать? – Клайд ненавидел напыщенные тирады жены, но ничего не мог с собой поделать и иногда отвечал на них.

– Ну что ж, она его погубит. Эта новая пассия определенно его убьет. Не пройдет и года, как он, с исколотыми руками, умрет в какой-нибудь лачуге, куда она его затащит, и мне ничуточки не будет его жалко. Я п-плюну на его могилу. Клайд, п-прекрати п-плятиться в журнал. Что я только что сказала?

– Что ты п-плюнешь на его могилу. – Он невольно съимитировал легкую странность ее дикции и, подняв глаза, успел заметить, как она сняла с губ цветную пушинку и, не переставая говорить, нервными пальцами быстро скатала ее в плотный комок, прижав руку к бедру.

– Бренда Парсли говорила Мардж Перли, что, вероятно, твоя подруга Сьюки дала ему отставку, чтобы безраздельно переключиться на это странное существо – ван Хорна, хотя, п-по слухам, тот делит свое

внимание... на три части каждый... каждый вечер п-по четвергам.

Несвойственная жене нерешительность в формулировках заставила Клайда отвлечься от зубчатого графика вспышек пульсара и еще раз взглянуть на нее. Она снова сняла что-то с губ и катала это между пальцами, глядя на него с вызовом. В школе у Фелисии были сияющие круглые глаза, но теперь лицо, хоть и не располневшее, с каждым годом словно бы вдавливалось вокруг этих лампад ее души; глазки стали поросьячими, и в них горел мстительный огонь.

— Сьюки мне не подруга, — спокойно возразил Клайд, настроившись не вступать в дискуссию, и мысленно взмолился: ну хоть в этот раз не надо споров! — Она моя сотрудница. А друзей у нас нет.

— Тогда тебе следует внушить ей, что она только сотрудница, ведь, судя по ее поведению, она мнит себя здесь истинной королевой. Разгуливает по Док-стрит, вертя бедрами и обвешавшись фальшивыми драгоценностями так, словно улица ей принадлежит, и не замечает, как все смеются над ней у нее за спиной. Самое умное, что когда-либо сделал Монти, — бросил ее, — пожалуй, это был его единственный разумный поступок. Не знаю, зачем такие женщины вообще дают себе труд жить, они ведь спят с половиной города и притом даже денег за это не берут. А их несчастные заброшенные дети! Нет, это настоящее преступление.

В их разговорах неизбежно наставал момент, который Фелисия настойчиво провоцировала, и тогда Клайд не выдерживал: смягчающий, анестезирующий эффект скотча внезапно сменялся взрывом гнева.

— И причина, по которой у нас нет друзей, — взревел он, роняя на ковер журнал с исполинскими новостями звездного мира, — состоит в том, что ты слишком много болтаешь, черт побери!

— Шлюхи, неврастеники, позор, свалившийся на общину... А ты, вместо того чтобы предоставлять общине трибуну и отстаивать ее законные интересы, чему призвано служить «Слово», держишь в редакции эту... эту личность, которая и изъясняется-то прилично по-английски не умеет. Предоставляешь газетную площадь для того, чтобы ее смехотворные статейки отправляли умы читателей, позволяешь ей таким образом влиять на жителей города; а немногие оставшиеся добропорядочные люди, напуганные царящими повсюду бесстыдством и порочностью, жмутся по углам.

— Разведенной женщине приходится работать, — со вздохом ответил Клайд, стараясь успокоиться и ввести спор в логическое русло, но логика становилась бессильной, когда Фелисия, постепенно накаляясь, извергала поток своих инвектив, — это напоминало неуправляемую химическую

реакцию. Ее глазки превращались в алмазные точки, лицо каменело, кровь отливалась от него, а невидимая аудитория неудержимо разрасталась, из-за чего ей приходилось неотвратимо наращивать громкость звука. – Замужние женщины, – пытался урезонить ее Клайд, – не обязаны ничего делать и могут позволить себе тратить время на борьбу за либеральные идеи.

Фелисия, казалось, не слышала его.

– Этот ужасный человек, – выкрикивала она в невидимую толпу, – построил теннисный корт прямо на заповедных землях! Говорят... говорят... – судорожно сглотнула она, – что он использует остров для контрабанды наркотиков, их перевозят в лодках п-прямо п-по зарослям солнечника во время высокого п-прилива...

Теперь Фелисия, уже не таясь, быстро выхватила изо рта маленькое полосатое перышко, как у синей сойки, и, спрятав его в кулаке, прижала руку к бедру.

Клайд встал, его чувства приобрели иной оборот. Гнев и ощущение загнанности исчезли; с губ сорвалось давнее ласковое прозвище жены:

– Лиши, что это там у тебя?.. – Он не верил своим глазам: замороженные космическим холодом, они могли обманывать его. Клайд разжал безвольные пальцы жены. Но на ладони действительно лежало мокрое свернутое перышко.

Мертвенная бледность лица Фелисии сменилась румянцем. Она была смущена.

– В последнее время это иногда случается, – призналась она. – Сама не знаю почему. Рот словно наполняется пеной, а потом появляются вот эти штуки. Порой по утрам я чувствую, будто задыхаюсь, и, когда чищу зубы, из них вылезают щепки, какие-то грязные перышки. Но я же знаю, что ничего не ела. И запах изо рта ужасный. Клайд! Я не понимаю, что со мной происходит!

После того как Фелисия это выкрикнула, ее тело стремительно дернулось, словно готовое вот-вот взлететь, и это напомнило Клайду Сьюки: у обеих женщин были светлая сухая кожа и чуть асимметричное строение. В школьные годы Фелисия была вся усеяна веснушками, и ее «энтузиазм» очень напоминал живую, дерзкую отвагу его любимой репортерши. Правда, одна женщина была раем, другая – адом. Клайд обнял жену. Та всхлипывала. Изо рта у нее действительно несло, как из курятника.

– Может быть, сводить тебя к врачу? – предложил он.

Вспышка супружеских чувств, желание укрыть ее испуганную душу плащом заботы вытеснили большую часть алкогольных паров из его

головы.

Но миг женской покорности прошел, Фелисия снова напряглась и продолжила борьбу.

– Нет. Они считают, что я ненормальная, и заставят тебя упратать меня в сумасшедший дом. Не думай, будто я не знаю, что у тебя на уме. Ты хочешь, чтобы я умерла. Да, мерзавец, хочешь. Ты такой же, как Эд Парсли. Все вы – негодяи. Жалкие, развращенные... Единственное, что вам нужно, так это испорченные женщины...

Фелисия вырвалась из его рук; краем глаза Клайд заметил, как она выхватила что-то изо рта и попыталась спрятать за спину, но, взвешенный больше всего тем, что правда, за которую умирают мужчины, сплеталась с ее неистовым, всепоглощающим самодовольством, он схватил ее за руку и вынудил разжать пальцы. Кожа Фелисии была холодной и липкой. На распрымившейся ладони лежал мокрый росток птичьего пера, по виду цыплячего, но от какого-то пасхального цыпленка, потому что это мягкое маленькое перышко было окрашено в бледно-лиловый цвет.

– Он присыпает мне письма, – сообщила Даррилу ван Хорну Сьюки, – без обратного адреса, пишет, что ушел в подполье. Их с Зарей приняли в группу, где учатся изготавливать бомбы из будильников и бездымного пороха. Боюсь, у системы не осталось шансов. – Она изобразила обезьянью гримаску иshalовливо хмыкнула.

– И что вы в связи с этим чувствуете? – неискренне ласковым тоном психиатра осведомился верзила.

Они обедали в одном ньюпортском ресторане, где, похоже, кроме них, других иствикцев не было. Одна из пожилых официанток в крахмальных коричневых мини-юбочках и фартучках из тафты, завязанных сзади большими бантами, торчащими, как кроличьи хвостики, на манер «Плейбоя», принесла им большие папки с меню, напечатанным коричневым по бежевому полю и изобиловавшим низкокалорийными тостами. Для Сьюки избыточный вес не был проблемой: кипучая энергия скигала все лишнее.

Она прищурилась, стараясь ответить честно, ибо чувствовала, что этот человек давал ей шанс быть самой собой. Ничто не могло шокировать или обидеть его.

– Я чувствую облегчение, – призналась Сьюки, – оттого, что сбыла его с рук. Видите ли, он нуждался в том, чего не может дать женщина. Он жаждал власти. Женщина может, конечно, дать мужчине почувствовать некоторую власть над собой, но она не в состоянии внедрить его в

Пентагон. Что привлекало Эда в движении, как он его представлял, так это то, что оно собиралось заменить Пентагон собственной армией с теми же атрибутами – формой, речами, необъятными кабинетами, обвешанными стратегическими картами, и прочей ерундой. Когда он начинал грезить обо всем этом, я теряла к нему всякий интерес. Мне нравятся кроткие мужчины. Мой отец отличался кротостью. Он был ветеринаром в маленьком городке в районе Малых озер и обожал читать. У него были первые издания всего Торнтона Уайлдера и Карла ван Вехтена, знаете, в этих пластиковых суперах, предохраняющих обложку. Монти тоже был кротким, пока не снимал с крючка свое ужасное ружье и не отправлялся с мальчиками стрелять бедных пташек и пушных зверьков. Он приносил домой кроликов с простреленными задиками, потому что несчастные, конечно же, пытались убежать. Кто бы не попытался на их месте? Но это случалось лишь раз в год – обычно в такое же время, как сейчас. Вообще, надо об этом подумать: похоже, охотничий дух витает в это время в воздухе. Малая сезонная игра. – Она улыбнулась испачканными крекерной крошкой губами, обнажив зубы, в щели между которыми набилась бобовая кашица: как только официантка поставила на стол закуску, Сьюки тут же набила полный рот.

– А как насчет старины Клайда Гейбриела? Он достаточно кроток для вас? – Ван Хорн всегда слегка опускал волосатый кочан головы, когда хотел проникнуть в женские тайны, а в его полуоткрытых глазах начинали роиться жаркие огоньки, как в детских глазках, стреляющих сквозь прорези масок в канун Дня Всех Святых.

– Когда-то, возможно, и был, но с тех пор много воды утекло. Фелисия сыграла с ним злую шутку. Иногда в редакции, когда какая-нибудь начинающая девочка-макетчица размещает рекламу привилегированного рекламодателя в нижнем левом углу полосы, он просто звереет. Девочка, конечно, в слезы. Многие не выдерживают и уходят.

– Но не вы.

– Со мной он почему-то мягок. – Сьюки опустила глаза.

Она выглядела прелестно: изогнутые дугой рыжеватые брови, веки, чуть тронутые лавандовыми тенями, ухоженные блестящие волосы абрикосового цвета, скромно зачесанные назад и схваченные с обеих сторон декоративными медными заколками, перекликающимися с ожерельем из медных полумесяцев под самым горлышком.

Сьюки подняла глаза, они сверкнули зеленым.

– Но я ведь хороший репортер. Действительно хороший. Все эти напыщенные старики из ратуши, которые заправляют в городе, – Херби

Принс, Айк Арсенолт – они любят меня и всегда рассказывают, что происходит.

Пока Сьюки поглощала крекеры с бобами, ван Хорн неуклюже, как солдат эпохи Войны за независимость, дымил сигаретой, пряча горящий кончик в ковшике ладони.

– А что у вас с этими женатыми типами?

– Видите ли, преимущество положения замужней женщины состоит в том, что она освобождает мужчину от необходимости принимать какие бы то ни было решения. Именно это начинало пугать меня в Бренде Парсли: она действительно утрачивала контроль над Эдом, как супружеская пара они слишком далеко разошлись. Мы с ним, бывало, ночи напролет проводили в этих ужасных ночлежках. Причем после первого получаса даже и любовью-то не занимались; он без конца витийствовал по поводу злодеяний корпоративных властных структур, которые посылают наших мальчиков во Вьетнам ради выгоды своих акционеров, – я, кстати, так толком и не поняла, каким образом это способствует их выгоде, да мне и не казалось, что Эда так уж заботит судьба этих мальчиков. Они для него, в сущности, были не столько реальными солдатами, сколько белым и черным мусором... – Она задумчиво умолкла, потупила, но тут же снова подняла взгляд.

Красота и жизненная энергия Сьюки вызвали у ван Хорна прилив собственнической гордости. Его. Его игрушка. Как прелестно ее верхняя губа выдавалась над нижней!

– И после этого я, – продолжала Сьюки, – должна была вставать, ехать домой и готовить завтрак детям, сходившим с ума от страха, потому что меня не было всю ночь, а потом тащиться на службу, между тем как Эд мог спокойно отсыпаться целый день. У священника ведь нет определенных обязанностей, кроме того чтобы по воскресеньям проводить свою дурацкую службу, – в сущности, это такой обман.

– За долгую жизнь я убедился, что люди не прочь обманываться, – мудро заметил ван Хорн.

Официантка с варикозными ногами, обнаженными до половины бедра, принесла ван Хорну очищенные креветки на хлебных треугольничках без корки, а для Сьюки – цыпленка по-королевски: кубики белого куриного мяса с нарезанными грибами в сметанном соусе, запеченные в слоеном тесте. Ван Хорну принесли также «Кровавую Мэри», а Сьюки – разбавленного газировкой до цвета бледного лимонада шабли, поскольку ей предстояло возвращаться на работу и писать статью о бюджетных затруднениях иствикского департамента дорожных работ: неотвратимо

приближалась зима с ее снежными заносами, а дорожное покрытие Док-стрит нынче летом больше обычного пострадало от небывалого притока туристов и восьмиосных трейлеров, так что плиты из армированного бетона, под которыми находилась дренажная система «Сьюперетта», начали разъезжаться; сквозь щели можно было видеть приливную волну.

– Значит, вы считаете Фелисию дурной женщиной, – вернулся ван Хорн к вопросу о женах.

– Я бы не сказала «дурной»... впрочем, да, дурной. Она действительно дурная женщина. В некотором роде она такая же, как Эд: много слов и никакого интереса к реальным людям, окружающим ее. Несчастный Клайд тонет прямо у нее на глазах, а она торчит у телефона, обсуждая петицию о возврате к старым требованиям в одежде старшеклассников: пиджаки с галстуками для мальчиков и обязательные юбки для девочек – никаких джинсов и шортов. Теперь любят рассуждать о фашистах, так вот она-то и есть одна из них. Фелисия требовала, чтобы в газетных киосках «Плейбой» держали под прилавком, и с ней случился припадок из-за того, что в некоторых ежегодниках встречались фотографии соблазнительных бабенок с приоткрытыми титьками – манекенщиц, снятых в солнечных бликах через поляроидный фильтр на каком-то карibbeanском пляже. Она серьезно требует, чтобы бедолагу Гаса Стивенса отправили в тюрьму за то, что он выставил на прилавок журнал, который даже не заказывал, – поставщики сами его привезли. Она и вас хотела бы посадить за несанкционированное освоение заболоченных земель. Вообще мечтает всех упратать за решетку, притом что человек, которого она действительно лишила свободы, – ее собственный муж.

– А вы, надо полагать, хотите сообщить ему пароль для побега? – Ван Хорн улыбнулся еще более красными от «Кровавой Мэри» губами, чем обычно.

– Не совсем так; меня влечет к нему, – призналась Сьюки, вдруг почувствовав, что готова заплакать от того, насколько бессмысленно и глупо подобное влечение. – Он бывает так признателен даже за... малость.

– Малость от вас – это почти предел мечтаний, – галантно заметил ван Хорн. – Вы – победительница, тигрица.

– Ну что вы! – запротестовала Сьюки. – Это привычное заблуждение, что мы, рыжие, горячи, как те коричневые засахаренные сердечки, на самом деле мы такие же люди, и, хоть я много суечусь и пытаюсь, знаете ли, выглядеть элегантно, во всяком случае по иствикским меркам, я не считаю, что во мне действительно что-то есть – сила, тайна, женственность, то, чем обладают Александра и даже, на свой неуклюжий лад, Джейн, – вы

понимаете, что я хочу сказать?

Сьюки замечала, что и в разговорах с другими мужчинами испытывает потребность вспоминать двух остальных ведьм, беседа становилась для нее милее, если в ней присутствовали все трое – осененный конусом могущества триединый организм, позволявший ей лучше всего ощутить близость некогда существовавшей у нее матери – энергичной маленькой женщины-птички, которая внешне – подумать только! – была так похожа на Фелисию Гейбриел и так же одержима стремлением творить добро. Мать Сьюки тоже вечно отсутствовала, а когда была дома, постоянно обсуждала что-то по телефону с членами церковной общинны или каких-нибудь коллегий и комитетов. Она приводила в дом каких-то сирот и беженцев – в те времена это чаще всего бывали потерянные корейские дети, – а потом бросала их вместе со Сьюки и ее братьями в их огромном кирпичном доме с задним двором, уступами спускавшимся к озеру. Сьюки чувствовала, что другим мужчинам не нравилось, когда ее мысли и речи словно магнитом влекло к ведьмовскому союзу с его уютом и проказами, но только не ван Хорну. Судя по всему, это была его стихия; своей ровной добротой, по форме, разумеется, сугубо мужской (совокупление с ним было болезненным), он сам напоминал женщину.

– Они – самки, – просто ответил он. – В них нет вашего грациозного призыва.

– Я не права? – спросила Сьюки, чувствуя, что может сказать ван Хорну все, бросить любой кусок своего тела в темный, медленно кипящий котел, каким представлялся ей этот человек. – Я имею в виду – насчет Клайда. Во всех книгах пишут, что никогда не следует сближаться с нанимателем, чтобы потом не потерять работу, но Клайд так отчаянно несчастен... Однако все равно есть в этом что-то опасное. У него желтые склеры – что это может означать?

– Его склеры замариновались, еще когда вы играли с куклами Барби, – заверил ее ван Хорн. – Вперед, девочка. Не мучайтесь сознанием вины. Не мы сдавали карты, мы лишь играем ими.

Если эта беседа продолжится, подумала Сьюки, ее роман с Клайдом станет личным делом Даррила не меньше, чем ее собственным, и постаралась увести разговор в сторону. До конца обеда ван Хорн разглагольствовал о себе, о своей мечте найти лазейку во втором законе термодинамики.

– Она должна быть! – воскликнул он, начиная потеть от волнения и без конца вытирая губы. – И это та паскудная лазейка, через которую все выходит из небытия. Черная дыра в дне океана энергии. Да, а как же с

гравитацией? – спросите вы. Самодовольные умники-ученые, которых почитают за священных коров, рассуждают так, словно после того, как Ньютон вывел свою формулу, всем все стало предельно ясно, но факт-то в том, что это полная тайна. Эйнштейн утверждает, будто пространство похоже на чокнутую миллиметровку, которую все время скручивают, – эй, Сьюки, детка, не отвлекайтесь, – но главное ведь в том, что это сила. Она поднимает приливы; сделайте шаг из летящего самолета – и она вмиг засосет вас. Так что это за сила, которая, тут же начинает действовать поперек пространства и не имеет ничего общего с электромагнитными полями? – О еде ван Хорн больше и не вспоминал; полированная поверхность стола покрылась капельками слюны. – Существует какая-то формула, должна существовать, и она должна быть такой же изящной, как доброе старое $E=mc^2$. Каменный меч. Вы понимаете, что я говорю?

Его большие руки, растрепанные, как листья тех тропических растений, что растут у него дома и кажутся пластмассовыми, хотя известно, что они настоящие, сделали решительное движение – словно рубанули мечом. Вслед за этим с помощью солонки, перечницы и пепельницы с розовыми картинками типичного чопорного ньюпортского колониального дома ван Хорн попытался наглядно изобразить внутриатомные частицы и доказать, что должна существовать их комбинация, которая позволит генерировать электричество без предварительных затрат энергии.

– Это как в джиу-джитсу, когда сила, с которой ты перекидываешь соперника через плечо, превышает ту, с которой он на тебя набросился. Ты действуешь как рычагом. Нужно резко развернуть электроны. – Он крутанул руками, показывая, как именно это нужно сделать. – Мы размышляем обо всем этом лишь в плоскости механики или химии, у нас глаз замылен; старина, второй закон не дает шагу в сторону ступить. Вы знаете, что такое «куперовы пары»? Нет? Щутите! Журналист вы или нет? Новости – это, знаете ли, не только кто кого трахнул. «Куперовы пары» – это пары свободно связанных электронов, составляющие ядра сверхпроводников. Вы знаете хоть что-нибудь о сверхпроводниках? Нет? Ну ладно, их сопротивление равно нулю. Не очень слабое, а именно нулевое. А теперь представьте, что нам удалось найти «куперовы тройки», их сопротивление будет ниже нуля. Должен существовать какой-то химический элемент вроде селена, позволившего изобрести ксерокс. У этих старых задниц из Рочестера ничего бы не вышло, не наткнись они на селен – совершенно случайно, им просто повезло. Так вот, когда мы найдем свой селен, нас уже ничто не остановит. Сьюки, детка, каждая крыша станет генератором энергии всего лишь благодаря слою краски – химической

оболочке. Солнечные батареи, которые используют в спутниках, на самом деле представляют просто сандвич. Только нам нужны не ветчина, сыр и латук – то есть силикон, мышьяк и бор, – а ветчинный салат, суть которого не в макросоставе. Единственное, что мне требуется вычислить, так это формулу чертова майонеза.

Сьюки рассмеялась и, все еще голодная, выудив стручок из миниатюрной пиалы, вылущила его и начала грызть горошины. Для нее все это было ненаучной фантастикой. В ее представлении с детства существовал типичный образ выдающегося ученого из Рочестера и Скенектади: лысеющего мужчины с тонкими прямыми губами, с ручкой в пластиковом чехольчике – чтобы не испачкать чернилами нагрудный карман рубашки, – человека, в уединении, системно работающего над подобными проблемами, располагающего правительственные фондами, имеющего прелестную женушку и милых деток, к которым он возвращается по вечерам. Потом, когда в Сьюки расцвело истинно женское начало, она поняла, что этот абсолютно предвзятый образ принадлежал былой жизни и мир, который мужчины системно созидали, был не чем иным, как мрачным вместилищем всякой пагубы, в сущности не годным ни на что, кроме как быть полем сражений и пустой монтажной площадкой. Почему бы такому безумцу, как Даррил, и не проникнуть в одну из тайн Вселенной? Вспомним Томаса Эдисона, оглохшего, потому что в детстве его подтянули в экипаж за уши. Вспомним того шотландца – как там его звали? – который наблюдал за паром, поднимающим крышку, а потом изобрел паровой котел, – так появились железные дороги. У Сьюки чуть не сорвалось с языка, что они с Джейн Смарт ради забавы наложили проклятие на ужасную жену Клайда: с помощью молитвенника, который Джейн стащила в епископальной церкви, где подрабатывает в качестве регента хора, торжественно окрестили банку из-под печенья Фелисии и накидали в нее перьев и булавок, выметенных из старого-престарого домика Сьюки на Хемлок-лейн.

Не прошло и десяти часов после обеда с Даррилом ван Хорном, как Сьюки уже ублажала Клайда Гейбриела. Дети спали. Фелисия отбыла с караваном автобусов, направлявшихся из Бостона, Вустера, Хартфорда и Провиденса в Вашингтон, чтобы там против чего-то протестовать: они собирались приковать себя к колоннам Капитолия и перекрыть все подъезды к нему, символизируя людскую грязь под колесами правительства. Клайд мог оставаться у Сьюки всю ночь, если ему хватит сил до того момента, как проснется кто-нибудь из детей. Он был ни дать ни взять трогательный псевдомуж в бифокальных очках, фланелевой пижаме и

со съемным зубным мостом, который он, дождавшись, когда Сьюки не видела, завернул в бумажный носовой платок и засунул в пиджачный карман. Но Сьюки все видела, поскольку двери в доме, в том числе и в ванной комнате, плотно не прикрывались из-за рассохшихся за века рам, а ей пришлось несколько минут сидеть на унитазе, прежде чем удалось пописать. Мужчины, те могут облегчаться моментально, такова одна из их способностей – с царственным видом стоя над писсуаром, громоподобно испускать струю. В них вообще все более прямолинейно, их внутренности – не такой лабиринт, как женские, поэтому жидкость быстро находит путь наружу. В ожидании Сьюки подглядывала; Клайд, по-стариковски склонив голову с выпуклым затылком, свойственным мужчинам, склонным к ученым занятиям, пересекал пространство спальни, открывавшееся через щель. По характерному движению рук она поняла, что он что-то достает изо рта. На мгновение блеснула искусственная розовая десна, потом он опустил маленький сверточек, обернутый бумажной салфеткой, в боковой карман пиджака, чтобы не забыть его, когда на рассвете будет на ощупь выбираться из ее комнаты. Сьюки сидела, сомкнув прелестные овальные колени и затаив дыхание: она с детства любила подсматривать за мужчинами, за расой, сплетающейся с ее собственной, за этими существами, вечно бравирующими и ведущими нарочито грубые мужские разговоры, но по сути своей остающимися младенцами, что становится ясно, стоит дать им пососать грудь или открыть перед ними лоно, – они тут же ныряют в него, как в норку, и стремятся вползти обратно в чрево. Она любила вот так же, только на стуле, сидеть, раздвинув ноги, чтобы блестящий кустик завитков ощущался большим, и позволять им мять, целовать, глодать этот волосатый пирожок, как называл его мальчик, которого она знавала в Нью-Йорке.

Наконец Сьюки удалось пописать. Она выключила свет в ванной и вошла в спальню, куда проникал свет лишь от уличного фонаря на углу Оук-стрит и Хемлок-лейн. Они с Клайдом еще никогда не проводили вместе целую ночь, хотя в последнее время иногда, в обеденный перерыв, предпринимали вылазки в лес на берегу залива. Сьюки пешком доходила по Док-стрит до монумента жертвам войны и там садилась в его «вольво». Однажды ей надоело целовать печальное сухое лицо Клайда с продолговатыми волосатыми ноздрями, дышащими табачным духом, и, чтобы позабавить себя и его, Сьюки расстегнула молнию на его ширинке и быстро, но с любовью (сама почувствовала) высвободила его плоть наружу, хладнокровно наблюдая за своими действиями. Ах, эти смешные струйки семени – как слезы звериного детеныша, угодившего в когти к ястребу.

Клайд был потрясен ее колдовским трюком; когда он рассмеялся, его губы странно оттянулись назад, обнажив задние ряды зубов с потемневшими серебряными пломбами. Выглядело страшновато – разом открылись коррозия, боль, время.

Теперь, когда, ничего не видя – глаза еще не привыкли к темноте, – вошла в собственную спальню, где ждал ее этот мужчина, Сьюки снова испытала робость. Клайд сидел в углу, его пижама тускло светилась, как только что выключенная флуоресцентная лампа. В районе головы мерцал огонек сигареты. Себя с белыми боками, покрывшимися от нервозности мурашками, Сьюки видела отчетливее, чем его, так как по стенам было развешано несколько зеркал – старинных, в позолоченных рамках, доставшихся в наследство от итакской тетушки. От старости зеркала помутнели; сырье оштукатуренные стены старых каменных домов впитали в себя их ртутный слой. Но Сьюки предпочитала именно такие зеркала новым: они возвращали ей былую красоту без излишних придирок. Голос Клайда пророкотал в темноте:

- Не уверен, что могу соответствовать.
- Если не ты, то кто же? – спросила Сьюки, обращаясь к вырисовывающейся в сумраке тени.
- О, наверное, таких много, – ответил он, однако вставая и расстегивая пижаму. Тлеющий огонек сигареты переместился в рот и вспыхивал при каждом слове.

Сьюки почувствовала холодок. Она ждала немедленного жаркого объятия и долгих жадных, дурно пахнущих поцелуев – как в машине. Собственная нагота делала ее уязвимой и словно обесценивала. Женщина вынуждена терпеть пугающие взлеты и падения, ежеминутно происходящие на бирже мужских настроений в ходе торгов, в которых участвуют подсознание и супер-эго мужчин. Сьюки даже подумала вернуться в ванную и запереться там, включив яркий свет, – пошел он к черту, в конце концов.

Клайд не двигался с места. Высвечиваемое огоньком вспыхивающей сигареты некогда красивое, а нынче обезвоженное, с обтянутыми скулами и прищуренным от дыма глазом лицо выглядело измятым и умудренным. Вот так же он обычно сидел, редактируя текст: мягкий карандаш быстро скользит по бумаге, решительно делая сокращения, желтущие глаза прикрыты позеленевшими веками, дым от сигареты оставляет дрейфующие галактики в конусе падающего от настольной лампы света – его конусе могущества. Клайд обожал сокращать, находить необязательные абзацы, которые можно вычеркнуть так, чтобы не было заметно швов; хотя в

последнее время с сочинениями Сьюки он обращался бережнее, исправлял только орфографические ошибки.

– Насколько много? – спросила она.

Видимо, Клайд считает ее шлюхой. Наверняка Фелисия ему это постоянно внушает. Интересно, от чего этот холодок, который она ощущает: от холода в комнате или от волнующего вида собственной белой плоти, отражающейся одновременно в трех зеркалах?

Клайд погасил сигарету и снял пижаму. Теперь он тоже был голым. Количество бледной плоти в зеркалах удвоилось. Его пенис производил впечатление: длинный, как и он сам, тупоголовый и беспомощный, как все пенисы, – самая уязвимая часть мужского тела. Его кожа неуверенно потерлась о ее кожу; когда он наконец сделал попытку обнажить Сьюки, то оказался костлявым, но на удивление теплым.

– Не очень много, – ответил Клайд. – Но достаточно, чтобы вызвать у меня ревность. Боже, ты прекрасна! Просто плакать хочется.

Сьюки повела его к кровати, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить детей. Когда они забрались под одеяло, голова Клайда с острыми углами и колючими усами тяжело опустилась ей на грудь, скула больно вдавилась в ключицу.

– Зачем же плакать? – ласково сказала она, чуть отодвигая его голову. – Это должно приносить радость.

При этих словах перед глазами Сьюки всплыло лицо Александры – широкое, покрытое легким загаром даже зимой благодаря частым прогулкам на свежем воздухе, с маленьенькими расщелинками на подбородке и кончике носа, придающими ему странное сходство с лицом бесстрастного божества, незамутненное, как у глубоко верующих людей: Александра веровала, что природа, вещный мир – это радость. Лежавший рядом съежившийся человек, груда теплых костей, обтянутых лайковой кожей, в это не верил. Для него мир стал безвкусным, как бумага, состоящим из лавины беспорядочных неприятных событий, захлестывающей его стол на пути к выстроившимся на полках за спиной рассыпающимся папкам. Все стало вторичным и прокисшим в его восприятии. Интересно, подумала Сьюки, как долго она сможет согревать на своей груди этого горюющего, сомневающегося мужчину без риска заразиться?

– Если бы я проводил с тобой каждую ночь, это могло бы стать радостью, – согласился Клайд.

– Вот и хорошо, – по-матерински мягко промолвила Сьюки, со страхом уставившись в потолок и готовя себя к капитуляции по обоюдному согласию, к эротическому побегу из неволи, который сулило ее тело

другим.

Тело Клайда из своего полувекового бытия испускало сложный мужской запах, приправленный перегаром – душком, который Сьюки нередко улавливала, склоняясь над столом, когда его карандаш кромсал ее отпечатанный на машинке текст. Этот запашок стал частью Клайда, въелся в кожу. Сьюки погладила волосы на его затылке, отмеченном «бугорком интеллекта». Они начинали редеть; и какими же тонкими они были! Казалось, их можно пересчитать по одному. Кончиком языка Клайд начал облизывать ее розовый затвердевший сосок. Чтобы возбудить себя, Сьюки стала ласкать другой, перекатывая его между большим и указательным пальцами. Клайд затянул ее в воронку своей печали, и она никак не могла вырваться. Его кульминация, хотя он шел к ней долго, в той восхитительной манере, которая присуща зрелым мужчинам, оставила ее собственного демона неудовлетворенным. Ей требовалось больше, но теперь Клайд хотел спать.

– Ты чувствуешь вину перед Фелисией из-за того, что ты со мной? – игриво спросила она.

Вопрос был провокационным, но иногда, после того как ее трахнули, Сьюки испытывала отчаянное чувство падения, слишком стремительного бесценивания.

В единственное окно смотрела холодная неподвижная луна. Снаружи царил серый ноябрь. Садовую мебель убрали, лужайка стала мертвой и плоской, как пол, все вокруг было голо и напоминало дом, покинутый жильцами. Маленькое грушевое деревце, еще недавно украшенное плодами, словно драгоценными камнями, превратилось в пучок обнаженных ветвей. На подоконнике стояла умершая герань. В узком шкафу возле остывшего камина покоилась зеленая бечевка. Амулет дремал под кроватью. Клайд выудил ответ из недр полусна.

– Никакой вины, – сказал он. – Только ярость. Эта сука заболтала, закудахтала мою жизнь. Обычно я молчу как рыба. Но ты так прекрасна, ты растормошила меня, и это плохо. Я понял, чего был лишен, чего лишила меня эта лицемерная занудливая сука.

– Надеюсь, – продолжила заигрывать Сьюки, – предполагается, что я стану лишь маленьким дополнением и не буду злить тебя.

Она имела в виду и то, что не собирается вытаскивать его из-под завала и взваливать себе на плечи, слишком уж Клайд был печален и безрадостен. Некоторое шевеление супружеских чувств Сьюки все еще испытывала, постоянно наблюдая за такими мужчинами: как они ссгуливаются, неуклюже вставая со стула, с каким смущенным видом

снимают и надевают брюки, как покорно, бреясь, скребут свою щетину и отправляются в мир для добывания денег.

– От того, что ты мне показала, у меня кружится голова, – признался Клайд, легко поглаживая ее упругие груди и плоский продолговатый живот. – Ты – как утес, так и хочется спрыгнуть вниз.

– Прошу тебя, не надо прыгать, – сказала Сьюки.

Она услышала, как ее младшая дочь заворачалась в кровати. Дом был слишком маленьким, по ночам через тонкие, оклеенные обоями стены причудливой формы все отчетливо слышали друг друга и оказывались друг у друга в заложниках.

Клайд заснул, продолжая держать ладонь на ее животе, и, чтобы выскользнуть из кровати с расшатанной спинкой, Сьюки пришлось осторожно поднять эту отяжелевшую руку – тихое урчание смолкло на миг, потом храп возобновился. Она опять попыталась пописать, но не смогла, сняла с прибитого к двери крючка ночную рубашку, банный халат, проверила беспокойную малышку – оказалось, в возбуждении от ночного кошмара та скинула на пол одеяло. Снова очутившись в кровати, Сьюки попробовала убаюкать себя, мысленно перенесясь в старое имение Леноксов и вызвав в воображении теннисную партию, – теперь, когда Даррил установил над кортом огромный экстравагантный прозрачный шатер, поддерживаемый в куполообразном состоянии током теплого воздуха, играть стало можно всю зиму; напитки с цветными вкраплениями кусочков лайма, вишенками, листочками мяты или горошками душистого перца, которые приносит по завершении партии Фидель; то, как пересекаются их взгляды, смешки, тихие реплики в сторону – это оставалось в памяти наподобие мокрых кружков от бокалов на стеклянном столе в просторном зале Даррила, где пылится его коллекция поп-арта. Там женщины чувствовали себя свободными, в отпуске от затхлой жизни, похрапывающей у них под боком.

Во сне Сьюки видела еще одну женщину с напряженным треугольным лицом, Фелисию Гейбриел: та говорила, говорила, говорила все более и более сердито; ее лицо приближалось, кончик языка, напоминавший пурпурный стручок горького перца, с бесконечным негодованием неумолимо сновал между зубами, время от времени касаясь Сьюки. Может быть, им с Клайдом не следовало этого делать, но чувствовалось, что так надо, да и кто может сказать, что естественно, а что нет. «Все сущее – естественно; во всяком случае, нас никто не видит, никто, о, какой твердый быстрый маленький красный кончик, такой тактичный, приятный...»

На миг очнувшись, Сьюки поняла, что кульминации, которой не дал ей

Клайд, помогло достичь видение Фелисии. Сьюки левой рукой завершила дело в ритме, не совпадавшем с храпом Клайда. Лик луны неуверенно пересекла маленькая тень летучей мыши; сознание того, что есть нечто, кроме ее собственных мыслей, что все еще бодрствует, тоже показалось Сьюки утешительным, как скрежет позднего троллейбуса на дальнем невидимом перекрестке, который она слышала в ночи, когда в юности жила в штате Нью-Йорк, в маленьком кирпичном городке, напоминавшем ноготь на пальце длинного замерзшего озера.

Влюбившись в Сьюки, Клайд стал больше пить; это расслабляло, пьяному ему было легче погружаться в навозную жижу ожидания. Теперь в нем жил зверь, гладавший его изнутри, но он был общительный, своего рода собеседник. То, что некогда Клайд так же страстно желал Фелисию, похоже, делало его ситуацию еще более безнадежной. Его несчастье заключалось в том, что он все видел наперед. В Бога он не веровал с семи лет, в патриотизм – с десяти, в искусство – с четырнадцати, когда понял, что никогда не станет ни Бетховеном, ни Пикассо, ни Шекспиром. Его любимыми авторами были великие провидцы – Ницше, Юм, Гибbon, безжалостные, торжествующие здравые умы. Все чаще и чаще Клайд отключался между третьим и четвертым стаканами скотча, не в состоянии припомнить на следующее утро, какую книгу держал в руках накануне, с какого собрания вернулась Фелисия, когда он уже спал, как он брел в спальню по дому, превратившемуся для него после отъезда Дженифера и Кристофера в огромную пустую и хрупкую скорлупу. Движение на Лодовик-стрит пульсировало так же судорожно и бессмысленно, как его собственное сердце и ток крови. В оцепенении от пьянства и желания, Клайд доставал с пыльной верхней полки своего студенческого Лукреция, исписанного между строк переводами, сделанными усердным и полным надежд юношей, каким он тогда был. «Nil igitur mors est ad nos neque pertinent hilum, quandoquidem natura animi mortalis habetur»^[37]. Он снова и снова перелистывал изящную маленькую книжицу – оксфордское издание с некогда голубым, но истершимся до белизны от прикосновения влажных юношеских рук корешком – в тщетных поисках пассажа, где описывается блуждание атомов, их случайные, не предопределенные столкновения, которые рождают все более сложные субстанции, и то, как в результате накопления коллизий возникает все сущее, в том числе и люди с их иллюзорной свободой. Без подобных столкновений все атомы давно бы уже попадали вниз и провалились сквозь *inane profundum*^[38], как дождевые

капли.

Давным-давно у Клайда вошло в привычку перед сном выходить в относительный покой заднего двора и минуту-другую наблюдать за небом, усеянным невероятной россыпью звезд; то, что эти огненные тела держались на небе, представлялось ему тонкой, как лезвие ножа, гранью возможного, ибо, будь первозданный огненный шар хоть чуть более однородным, не смогла бы спрессоваться ни одна галактика, и будь он хоть чуточку меньше, галактики поглотили бы друг друга миллиарды лет назад в слишком стремительной погоне за однородностью. Клайд стоял возле начинающего ржаветь переносного мангала, которым никто не пользовался после отъезда детей, и снова напоминал себе, что нужно отнести его в гараж, потому что зима на носу, но никак не мог заставить себя это сделать, а лишь ночь за ночью запрокидывал голову и жадно взглядался в дивное таинство, куполом изогнувшееся вверху. Его глаза пронизывал свет, начавший свой путь еще тогда, когда пещерные люди рыскали по пустынному миру небольшими группками, словно муравьи по бильярдному столу: незавершенный крест Лебедя, летящий клин Андромеды с прилепившейся ко второй звезде пушинкой, представляющей – он часто видел это в свой заброшенный нынче телескоп – спиральную галактику, находящуюся по ту сторону Млечного Пути... Ночь за ночью небо оставалось неизменным; это напоминало Клайду фотопластину, проявляемую вновь и вновь; звезды вонзались в него, просверливая насекомые, как пуловые отверстия – жестяную крышу.

Вот и сегодня его старый студенческий томик «De Rerum Natura»^[39] сложился, захлопнув внутри снабженные юношескими комментариями страницы, и соскользнул между коленей. Клайд собирался совершить ритуальный выход к звездам, когда Фелисия влетела в его кабинет. Впрочем, это был, разумеется, не его, а их кабинет, и каждая рассохшаяся доска в обшивке дома, и каждый сантиметр старой одножильной медной проводки с осыпающейся изоляцией были у них общими, так же как ржавеющий мангал и деревянная дощечка над входом с красно-бело-синим орлом, вылинявшим под градом атомов и превратившимся в розово-желто-черного.

Разматывая полосатые шерстяные шарфы, коими были укутаны ее шея и голова, Фелисия с негодованием топнула ногой.

– Ну что за кретины правят этим городом! Они только что проголосовали за переименование Лэндинг-сквер в Казмирчак-сквер в честь того идиота-мальчишки, который сбежал на войну и дал убить себя во Вьетнаме. – Она стянула и отшвырнула прочь сапоги.

– Ну что ж, – сказал Клайд, решивший вести себя тактично. С тех пор как плоть, волосы, мускусный запах Сьюки заполонили все клетки его мозга, отвечающие за восприятие самки, Фелисия казалась ему прозрачной – рисунок на папиросной бумаге, который вот-вот улетит. – Эта площадь уже восемьдесят лет не служит пристанью^[40]. После снежного бурана тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года она вся завалена обломками и мусором.

Клайд испытывал наивную гордость оттого, что оперировал достоверными фактами; в те времена, когда голова его была еще ясной, он наряду с астрономией интересовался природными катастрофами: извержением вулкана Кракатау, превратившим в прах целый остров, наводнением 1931 года в Китае, унесшим жизни почти четырех миллионов человек, лисабонским землетрясением 1755 года, случившимся в момент, когда все верующие находились в церквях.

– Но там, в конце Док-стрит, было так мило, – возразила Фелисия со своей типичной отсутствующей улыбкой, которая всегда свидетельствовала о том, что она считает собственную аргументацию неоспоримой. – Скамейки для пожилых людей, старинный гранитный обелиск, который вовсе не похож на памятник жертвам войны...

– Там и теперь может быть мило, – высказал предположение Клайд, размышляя, не будет ли еще один глоток скотча столь великодушным, чтобы сбить его наконец с ног.

– Нет, не может! – бойко возразила Фелисия.

Она уже успела снять пальто. На ее запястье блеснул медный браслет, которого Клайд прежде не видел. Он напомнил ему о Сьюки, она иногда раздевалась, оставляя на себе лишь украшения, и ходила в сумерках по комнате, где они предавались любовным утехам, сияя наготой.

– Так они, глядишь, и Док-стрит, и Оук-стрит, и самому Иствику захотят присвоить имена каких-нибудь деклассированных недоучек-хиппи, которые не могут придумать ничего лучшего, чем отправиться через океан сжигать напалмом деревни.

– Казмирчак был добрым милым парнем. Помнишь, несколько лет назад он играл за квотербека и в то же время отлично учился. Вот почему люди так тяжело пережили его гибель летом прошлого года.

– Ну, я-то ее пережила с легкостью, – заявила Фелисия, улыбаясь так, словно ее довод был решающим.

Сняв перчатки, она подошла погреть руки к огню, который муж развел в камине, и, повернувшись к нему вполоборота, стала что-то доставать изо рта, словно снимала волосок, прилипший к губе. Неизвестно почему, но

этот уже ставший знакомым жест разозлил Клайд, хотя в отличие от других непривлекательных привычек, которые Фелисия приобрела с годами, эту нельзя было поставить ей в вину. По утрам, когда он находил у нее на подушке перья, соломинки, мелкие монетки, еще липкие от слюны, и порывался разбудить ее, его голова гудела с похмелья.

— Он в-ведь, кажется, д-даже родился и в-вырос не в-в Иств-вике, — продолжала Фелисия. — Его семья п-переехала сюда всего лет п-пять назад, и отец не желает искать п-постоянную работу, калымит в дорожных бригадах ровно столько, сколько нужно, чтобы не п-потерять п-право на п-пособие п-по безработице. Он был сегодня на собрании — в черном галстуке с яичными пятнами. А бедная миссис К.! Она изо всех сил п-пыталась одеться так, чтобы не в-выглядеть уличной девкой, но, боюсь, у нее ничего не в-вышло.

Абстрактно Фелисия проявляла большую заботу о бедных, но, сталкиваясь с конкретными людьми, воротила нос. Клайд не всегда мог сдержаться, чтобы не подначить ее.

— Не думаю, что Казмирчак-сквер такое уж плохое название для площади, — заметил он.

Глаза-бусинки Фелисии злобно сверкнули.

— Конечно, ты так не думаешь. Тебе бы и название Сортирная площадь подошло. Тебе вообще наплевать на то, какой мир мы оставляем нашим детям, тебе нет дела до войн, которые мы обрушиваем на головы невинных людей, или до того, что мы скоро отравим всю жизнь на Земле. Впрочем, ты-то себя скоро сам от-травишь до смерти, но т-тебе все до фонаря; п-пусть весь мир катится вместе с т-тобой в тартарары — вот как т-ты на все смотришь. — По ходу тирады ее дикция становилась все более невнятной, и в конце Фелисия осторожно сняла с языка соринку, похожую на катышек от ластика.

— Нашим детям? — глумливо переспросил Клайд. — Что-то я не вижу их здесь, чтобы передать им мир хотя бы в том виде, в каком мы его оставляем после себя.

Он опорожнил стакан: скотч с кубиками льда из хлорированной воды отдавал дымом и вереском. Один кубик ткнулся в его верхнюю губу; ему припомнились пухлые губы Сьюки, которые, казалось, улыбались от удовольствия даже тогда, когда она старалась выглядеть серьезной или грустной. То, что Клайд заставляет ее грустить, было одной из его печалей. Ее помада имела легкий привкус черешни и иногда оставляла на передних зубах тонкую красную полоску. Он встал, чтобы снова наполнить стакан, и споткнулся. Фрагменты образа Сьюки — пухлые ровные пальцы ног с алым

лаком на ногтях, ожерелье из медных полумесяцев, бледно-оранжевые кустики под мышками – зыбко витали вокруг. Бутылка жила на нижней полке, под собранием сочинений Бальзака, чьи одинаковые тома напоминали длинный ряд миниатюрных коричневых гробиков.

– Да, вот еще одно обстоятельство из тех, с которыми ты никак не можешь примириться: то, что Дженни и Крис уехали. Будто можно вечно держать детей при себе, словно мир вокруг не меняется и не взрослеет. Очнись, Клайд. Ты думал, жизнь будет всегда похожа на те детские книжки, которыми мамочка и папочка заваливали твою постель, когда ты болел? Все эти «Юные астрономы», «Детская классика», альбомы для раскрашивания, где предусмотрительно очерчены все контуры, прелестные заостренные цветные мелки в аккуратненьких коробочках… А суть в том, что жизнь – это организм, Клайд. Мир – это организм, он живой, он чувствует, он развивается, пока ты сидишь и играешь в свою газетенку так, будто ты все еще бедный хворый маменькин сынок. Твоя так называемая репортерша Сьюки Ружмонт тоже была сегодня на собрании, задирала свой свинячий нос и давала мне понять, что знает кое-что, чего не знаю я.

Возможно, именно язык, подумал Клайд, то проклятие, за которое нас изгнали из рая. А мы стараемся научить ему этих несчастных добродушных шимпанзе и улыбающихся дельфинов. Бутылка «Джонни Уокера» услужливо булькнула своим наклоненным горлышком.

– Ты думаешь, о-о! – не унималась Фелисия, ее затягивало в водоворот ярости. – Ты думаешь, я не знаю про тебя и эту распутницу? Не забывай: я читаю твои мысли, как открытую книгу! Думаешь, я не знаю, как тебе хотелось бы трахнуть ее, если бы кишка не была тонка, но она у тебя тонка, тонка!

Неясный образ Сьюки такой, какой она виделась Клайду, когда он ее трахал, – чуть расплющенной, нежной и как будто немного удивленной, – всплыл перед глазами, и от сладости этой картины язык, с которого готово было сорваться: «А вот и не тонка!» – прилип к нёбу.

– Ты вот тут сидишь… – Фелисию несло, ядовитая злоба безраздельно владела ею помимо воли, управляла ее речью и взглядом, – ты вот тут сидишь и страдаешь по Дженни и Крису, у которых наконец хватило воли и ума послать воздушный поцелуй этому Богом забытому городку и начать делать карьеру там, где что-то происходит. Страдаешь, а не знаешь, что они мне о тебе говорили. Хочешь узнать, Клайд? Они говорили: «Мам, правда, было бы здорово, если бы папа от нас ушел? Только, знаешь, – обычно добавляли они, – у него духу не хватит». – И, не выходя из роли, словно все еще от имени детей, горестно, делая паузы между словами, добавила: –

Киш카... у него... тонка.

Отточенность, подумал Клайд, отточенность риторики – вот что делает Фелисию невыносимой: нарочитые паузы и повторы, издевательская интонация, с какой она произнесла слово «кишка», превратив его затем в лейтмотив, высокопарность, с которой она выделяла отдельные места, словно выступала перед огромной аудиторией, поголовно – до самой галерки – восхищенной ею. Пригоршня канцелярских кнопок изверглась из ее глотки в кульминационный момент речи, но даже это ее не остановило. Фелисия быстро сплюнула их в ладонь и швырнула в камин. Кнопки тихо зашипели; их цветные шляпки сделались черными.

– У т-тебя в-вообщ-ще, нет киш-шки, – припечатала она, доставая изо рта последнююю кнопку и бросая ее в зазор между кирпичной кладкой и каминным экраном, – а еще хочешь превратить весь город в мемориал этой чудовищной войны. Все это вписывается в – как это там называется? – в синдром. Слабовольный пьяница желает, чтобы весь мир погиб вместе с ним. Гитлер – вот кого ты мне напоминаешь, Клайд. Он тоже был слабаком, но мир не сумел ему противостоять. На сей раз все будет иначе. – Теперь воображаемая толпа стояла у Фелисии за спиной: войско, чьим предводителем она себя мнила. – Мы восстанем против зла! – провозгласила она, ее взгляд был сосредоточен на чем-то, находившемся позади, над его головой.

Фелисия широко расставила ноги, ожидая, что муж попытается сбить ее. Но он сделал шаг по направлению к ней лишь потому, что из-за пригоршни обслюнявленных кнопок, брошенных ею в камин, огонь стал угасать. Отодвинув экран, Клайд поворотил поленья кочергой с медной ручкой. Сгребаемые в кучку дрова заискрились. Он думал о себе и Сьюки: удивительно, но благословенным побочным эффектом их любовных встреч было то, что ее присутствие усыпляло его; после бессонницы, которой Клайд страдал всю жизнь, при скользящем касании ее кожи блаженная истома мгновенно снисходила на него. До и после близости, ощущая ее обнаженное тело, мирно покоящееся у него под боком, он чувствовал себя так, словно обрел наконец свое место в пространстве. При одном воспоминании о покое, который рыжеволосая разведенная наяда даровала ему, спасительная пустота начала заволакивать мозг Клайда.

Прошло несколько минут. Фелисия продолжала страстно вещать. Тема откровенного презрения, которое якобы испытывали к нему дети, сменилась темой его преступного безразличия к несправедливым войнам, фашистующим правительствам и алчным эксплуататорам, разрушающим мир. Клайд все еще держал в руке гладкую увесистую кочергу. От

ядовитого гнева лицо Фелисии побелело и стало похожим на голый череп; глаза пылали, как утопающие в проплавленных ямках воска крохотные огненные язычки жертвенных свечей. Волосы, казалось, встали дыбом, образовав вокруг головы жиденький драный нимб. И что самое ужасное, изо рта у нее продолжали лезть попугаичи перья, мертвые осы, кусочки яичной скорлупы – склеенный слюной ручеек, который она беспрерывно стирала с подбородка монотонным движением согнутого пальца, словно раз за разом спускала курок. Это извержение представилось Клайду знаком: женщина одержима, она не имеет ничего общего с той, на которой он когда-то честь по чести женился.

– Ну, Лиши, хватит, остынь, – умоляюще произнес Клайд. – Давай закончим на сегодня.

Но ядовитая химическая реакция организма, которая заместила ей душу, продолжала нарастать; войдя в транс, Фелисия перестала что-либо слышать и видеть. Ее вопли были способны разбудить соседей. Голос, неистощимо подпитывавшийся извне, становился все громче.

В левой руке Клайд держал стакан; подняв правую, он обрушил кочергу на голову Фелисии – просто чтобы хоть на миг отключить поток ее энергии, заткнуть дыру, сквозь которую слишком много всего изливалось. Ее череп неожиданно издал удивительно высокий звук, будто кто-то в шутку стукнул друг о друга двумя деревянными брусками. Глаза закатились, остались только белки, губы невольно разомкнулись, на языке лежало невероятной синевы маленько перышко. Клайд понимал, что совершает ошибку, но тишина была таким блаженством. Теперь он сам оказался во власти ядовитой химической реакции организма и снова и снова, догоняя в медленном падении, бил жену по голове кочергой, пока звук от ударов не стал хлюпающим. Наконец-то он навеки заткнул дыру в космическом покое.

Клайд испытал облегчение: с его вспотевшего тела словно сдернули пленку – как снимают полиэтиленовый чехол с костюма, принесенного из чистки. Избегая смотреть на пол, он глотнул скотча. Его мысли были заняты звездами там, снаружи, безучастным рисунком, который они привычно образуют на небе в эту ночь его жизни, так же как и в любую другую на протяжении миллиардов лет, минувших с тех пор, как сконденсировалась наша Галактика. Клайду еще многое предстояло сделать, в том числе кое-что весьма трудное, но чудесным образом освеженная перспектива придала каждому его действию ясность квадрата, словно он и впрямь вернулся в пору тех иллюстрированных детских книжек, которые вызвала в памяти так презрительно отздавшаяся о них

Фелисия. Как забавно, что именно она это сделала; Фелисия была права: Клайд с любовью вспоминал те дни, когда из-за болезни пропускал школу. Она слишком хорошо его знала. Женатая пара похожа на людей, запертых в общей комнате, чтобы снова и снова повторять один и тот же урок, пока слова не начнут терять всякий смысл. Ему показалось, что Фелисия заскулила, но он решил, что это всего лишь огонь переваривает тоненькую древесную жилку.

Добросовестный, склонный к аккуратности ребенок, Клайд обожал любовно разглядывать рисунки, изображавшие архитектурные сооружения, – такие, на которых был виден каждый багет, каждая перемычка, каждый карниз и тщательно соблюдались законы перспективы. С помощью линейки и синего карандаша он продлевал убывающие линии на рисунках в журналах и комиксах, ведя их к точке, в которой эти линии должны были исчезнуть, даже если она лежала за пределами страницы. Ему нравилось думать, будто такие точки существуют, и догадка, что взрослые могут обманывать, пожалуй, впервые озарила Клайда, когда он понял, что авторы многих эффектных рисунков мошенничают: не существовало конкретной точки, в которой исчезает линия. И вот теперь Клайд собственной персоной прибыл в конечный пункт перспективы, все вокруг было здесь идеально прозрачным и свежим. Все обременительные жизненные заботы: предстоящий, как всегда по средам, выпуск «Слова»; вечный поиск укромного местечка с кроватью, которое не выглядело бы чересчур уж пошлым, для очередной любовной встречи со Сьюки; щемящая боль, неизбежно возникающая, когда настает час одеваться и уходить от нее; необходимость консультироваться с Джо Марино по поводу дряхлой печи, на которую уже невозможно смотреть, и проржавевших насквозь труб и батарей; такое же плачевное состояние его собственных печени и желудка, периодические анализы крови, визиты к доку Пету и его неискренние заверения, лишь подтверждающие прискорбное состояние здоровья пациента; наконец, предстоящие сложности с полицией и судами – все это исчезло, остались лишь очертания комнаты и прямые, как лазерные лучи, линии досок.

Клайд опрокинул последний стаканчик. Скотч оцарапал кишкы. Фелисия была не права, сказав, что у него их нет. Ставя стакан на каминную полку, он краем глаза заметил ее обтянутые чулками ноги, странно раскинутые, словно в некоем замысловатом танцевальном па. В старших классах уорвикской школы она действительно была лихой плясуньей. В те времена даже маленькие местные оркестрики умели извлекать из своих инструментов восхитительные гавайские ритмы, как

настоящие биг-бенды. Перед тем как Клайд собирался закружить ее в танце, она всегда высовывала кончик своего девчачьего язычка.

Клайд наклонился, поднял с пола Лукреция и поставил на место. Потом спустился в кладовую за веревкой. Позорно дряхлая печь гладила свое горючее с напряженным подвыванием; ее истончившийся проржавевший корпус пропускал столько тепла, что цокольный этаж оказался самым теплым местом в доме. Здесь имелась комната, некогда служившая прачечной, в которой предыдущие владельцы оставили допотопный «Бендикс» с прессом для отжима белья и старомодным запахом лигроина и даже корзинку с прищепками, стоявшую в ванне на круглой железной затычке слива. С такими прищепками Клайд, бывало, играл, раскрашивая их цветными мелками и воображая длинноногими мужчинами в круглых шапочках, наподобие матросских. Бельевая веревка, кто ж ею теперь пользуется? Однако он нашел-таки аккуратный моток, заткнутый за старую стиральную машину, в щели, обжитой пауками. Его вела невидимая рука Провидения, вдруг понял Клайд. Руками – венозными, шишковатыми, отвратительными, со старческими когтями – он выдернул край веревки и осмотрел футов шесть или восемь на предмет обнаружения потертостей, которые могли подвести. Рядом весьма кстати оказались ржавые металлические ножницы, которыми Клайд и отрезал кусок нужной длины.

Это было как при восхождении на гору: делаешь шаг, приставляешь ногу, – главное, не заглядывать слишком далеко вперед; такая тактика благополучно привела его по лестнице обратно наверх с пыльной веревкой в руке. Клайд свернулся налево, в кухню, и запрокинул голову. Во время ремонта здесь был сделан навесной потолок, представлявший тонкую поверхность, составленную из целлюлозных пластин, скрепленных алюминиевыми ленточками. В остальных нижних комнатах высота беленых потолков составляла около девяти футов. Лепные розетки для люстр, хотя никаких люстр здесь давно не было, не выдержали бы его веса, даже если бы он, поднявшись на стремянку, нашел крюк, за который можно зацепить веревку.

Клайд вернулся в кабинет и налил себе еще скотча. Огонь плясал теперь не так весело, не мешало бы подкинуть полешко; но подобное действие лежало в обширной плоскости забот, больше не имевших никакого значения, не бывших больше его заботами. Потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к тому, сколь многое утратило свое значение. Глотнув еще, Клайд ощущил, как янтарный пахучий напиток ласкает пищеварительный тракт, возбуждая аппетит, но это тоже уже не

входило в расписание, тонуло во тьме, принадлежало к числу явлений, которые больше не будут происходить. Он представил теплый полуподвал и подумал: может быть, если он пообещает жить там, в одном из угольных ларей, и никогда не выходить из дома, его простят и все уладится? Но эта трусливая мысль замутняла чистоту, образовавшуюся в его голове минутами раньше. Надо еще подумать.

С веревкой могут быть проблемы. Клайд тридцать лет работал в газете и знал огромное количество способов, коими люди лишают себя жизни. Одним из самых распространенных была автомобильная авария; водителей-самоубийц каждый день хоронят довольные священники и ничуть не оскорбленные родственники. Но этот способ ненадежен и неприятно публичен; в момент перед небытием все эстетические предубеждения, с которыми Клайду удалось справиться при жизни, казалось, фонтаном вырвались наружу вместе с картинками детства. Некоторые обретшие свой ад в огне, ужасные свидетельства чего находят потом на полу в деревянных домах, вероятно, сами устраивают себе погребальный костер. Но так Джени и Крис лишатся наследства, а Клайд не из тех, кто, подобно Гитлеру, желает унести с собой в могилу весь мир, – сравнение Фелисии было неправомерным. Кроме того, может ли он поручиться, что в последний момент не захочет спасти свою подпаленную шкуру и не выбежит на улицу? Он – не буддийский монах, натренировавший свое тело, это трусливое животное, в знак протesta неподвижно сидеть и ждать, когда завалится обуглившаяся плоть. Газ – безболезненный способ, но он же не мастеровой, чтобы искать замазку, клейкую ленту и законопачивать многочисленные окна кухни, просторность и обилие солнца в которой стали в свое время одним из аргументов в пользу их с Фелисией решения купить этот дом, – в декабре будет уже тридцать лет. И весь декабрь нынешнего года, с радостью, приправленной чувством вины, подумал Клайд, декабрь с короткими, пасмурными, мишурыми днями, с отвратительной стадной магазинной лихорадкой, с деревянным поклонением мертвой религии (веселыми песнопениями в грошевых лавчонках, жалким рождественским вертепом на Лэндинг – Казмирчак-сквер, елкой, воткнутой на противоположном конце Док-стрит в круглую мраморную бадью, называемую лошадиной поилкой), весь этот декабрь отошел в область того, чего не значилось больше возвышенно упростившемся календаре Клайда. Не придется ему также оплачивать счет за отопление в будущем месяце. И за газ. Он презрительно отверг этот способ еще и из-за противного ожидания, которое требует отравление газом. Клайд не желал, чтобы его последнее

воспоминание о действительности было воспоминанием о зеве газовой плиты, перед которой он будет стоять на четвереньках, засунув голову внутрь, – в подобострастной позе собаки, ждущей кормления. От ножа, бритвы и ванны он также отказался из-за неэстетичности зрелища. Таблетки – безболезненный и опрятный вариант, но одним из чудачеств Фелисии была воинственная борьба против фармацевтических компаний и того, что она называла их стремлением сделать Америку страной, одуревшей от наркотиков, превратить американцев в нацию наркозависимых зомби.

Клайд улыбнулся, глубокая складка на его щеке загнулась кверху. Кое в чем старушка была не так уж не права. Нельзя сказать, что она болтала только чушь. Но насчет Дженифер и Криса, ему казалось, она ошибалась. Клайд никогда не думал, что они навечно останутся дома, и не желал этого; его лишь оскорбляло то, что Крис выбрал такую несерьезную профессию, как актерство, а Дженни уехала так далеко, аж в Чикаго, и добровольно подвергает себя рентгеновской атаке, ее яичники так облучатся, что, возможно, она никогда не сможет родить ему внуков. Впрочем, они, внуки, тоже теперь были за пределами его существования. Мы думаем, что должны рожать детей, потому что так делали наши родители, но, родившись, дети становятся всего лишь такими же членами человеческого сообщества, как все прочие, – очень жаль. Дженни и Крис были хорошиими, тихими детьми, и в этом тоже было нечто заслуживающее сожаления; будучи хорошими, они ускользнули от Фелисии, которая, когда была моложе и не так одержима альтруизмом, имела чудовищный темперамент (несомненно, в основе его лежало неудовлетворенное сексуальное влечение, но какой муж может постоянно поддерживать в женщине чувство защищенности, и сексуальное возбуждение одновременно?), а с годами и он упустил их. В девятилетнем возрасте Дженни мучилась вопросами о смерти, однажды она спросила Клайда, почему он не молится вместе с ней, как другие отцы, и, хотя ему, в сущности, нечего было ей ответить, то был момент их самой тесной близости. Он всегда любил читать, а появление дочери в кабинете мешало ему. Достанься ей родители получше, Дженни могла бы стать святой, у нее такие безмятежные, чистые, светлые глаза и гладкое лицо, как на отретушированной фотографии. До того как у него появилась дочка, Клайд, по сути, никогда не видел женских гениталий, таких пухлых, сладких, как две одинаковые маленькие бледные сдобные булочки.

Окружавший их – его – город затих, ни одна машина не нарушала покой Лодовик-стрит. У Клайда болел живот. Он всегда болел у него по

ночам: начальная стадия язвы. Док Пит говорил: «Если вы не можете не пить, по крайней мере ешьте». Одним из огорчительных последствий его связи со Сьюки было то, что приходилось встречаться за счет обеда. Она иногда приносила с собой баночку орешков кешью, но из-за плохих зубов от этого лакомства Клайду давно пришлось отказаться: крошки попадали под протез и разъедали десны.

Занятно, что в любви женщины никогда не могут насытиться. Если ты хорошо сделал свое дело, они в следующую же минуту требуют еще, это так же неприятно, как регулярно выпускать газету. В этот вечерний час Клайд обычно еще раз выходил посидеть у камина, чтобы дать Фелисии возможность улечься в постель и заснуть в ожидании его возвращения. Выговорившись, она уже через минуту проваливалась в праведное забытье. Теперь ему пришло в голову: не страдала ли она гипогликемией? Ведь с утра она мыслила трезво и призрачная аудитория, перед которой она держала свои речи, рассеивалась.

Похоже, Фелисия так и не поняла, как она его бесила. Иногда по утрам, субботним или воскресным, она ходила в ночной рубашке, провоцируя его, желая подластиться. Можно подумать, что у мужчины и женщины, проводящих вместе столько часов своей жизни, нет другого времени для ласк. Упущеные возможности. Ах, если бы он сегодня успел выйти во двор и дал ей возможность спокойно подняться в спальню... Но эта возможность, равно как и рождение внуков, и лечение изъеденного алкоголем желудка, и неприятности с зубными протезами, – все это было теперь несущественно.

У Клайда возникло ощущение, что он множится, как изображение на телевизоре. В этот вечерний час ему – шеренгой двоящихся фигур – было положено подниматься по лестнице. Лестница. Старая пересохшая и истершаяся веревка все еще висела у него в руке. Обволакивавшая ее паутина прилипла к вельветовым брюкам. «Господи, дай мне сил!»

Лестница была весьма помпезным сооружением в викторианском стиле; после площадки, из окна которой открывался вид на задний двор с садом, некогда ухоженным, но в последние годы безнадежно запущенным, она расходилась в противоположные стороны. Если привязать веревку к основанию одной из стоек верхних перил, до нижнего марша останется как раз столько места, сколько нужно, чтобы использовать его в качестве настила виселицы.

Клайд понес веревку на верхнюю лестничную площадку, двигался быстро, опасаясь, как бы алкоголь раньше времени не свалил его с ног. Правый конец надо накидывать сверху, потом левый на правый. Или

наоборот? С первой попытки у него получился «бабий узел». Просовывать руки сквозь узкие просветы между квадратными основаниями стоек было трудно; он ободрал костяшки пальцев. Руки казались фосфоресцирующими, словно были погружены в некую неземную жидкость, и вытягивались неправдоподобно далеко. Требовались недюжинные способности, чтобы вычислить расстояние, на которое должна свисать петля (не более чем на шесть – восемь футов из-под узкой облицовочной планки с трогательно изящным викторианским багетом, иначе ноги могут достать до ступенек и это слепое животное – его тело – непременно станет бороться за жизнь), и ширину самой петли: если петля будет слишком просторной, он просто выскоцнет из нее; если слишком тесной, то задохнется. Уметь повеситься – большое искусство: как ему неоднократно доводилось читать, шейные позвонки должны переломиться благодаря резкому внезапному сдавливанию. Некоторых заключенных, кончавших с собой при помощи собственных ремней, находили с синими лицами. Когда много лет назад Крис был бойскаутом, с их вожатым случился скандал, в результате которого отряд пришлось расформировать. Наконец Клайду удалось неряшливо соорудить сложный скользящий узел и свободно подвесить веревку с петлей на конце. Перегнувшись через перила и взглянув вниз, он нашел зрелище отвратительным: из-за непрошеного сквозняка, который гулял по его щелястому дому, веревка раскачивалась, как маятник, и никак не желала останавливаться.

Сердце Клайда уже не участвовало в происходящем, но с тем методическим упорством, с каким машина штампует десять тысяч экземпляров газеты, он отправился в кладовую (старая печь все жевала и жевала свое горючее) и взял там алюминиевую стремянку. Она казалась легкой как перышко; видимо, на него снизошла ангельская сила. Клайд также прихватил несколько деревянных чурбачков и с их помощью установил стремянку на покрытой ковровой дорожкой лестнице так, чтобы одна пара ножек, которые должны стоять тремя ступеньками ниже, оказалась вровень с другой и все это напоминающее букву «А» сооружение рухнуло при малейшем толчке. Последним, что он увидит в этой жизни, понял Клайд, будет входная дверь с веерообразным витражом, рисунком напоминающим симметричный узор лучей восходящего солнца и подсвеченным едким сиянием дальнего уличного фонаря. Видневшиеся в более близком свете царапины на алюминиевой поверхности стремянки представлялись ему следами, оставленными отклонившимся потоком атомов в камере, через которую пропускают газ. Все вокруг стало полупрозрачным; многочисленные конические формы и лестничные

перекрестья теперь казались именно такими, какими мыслил их архитектор. В состоянии экзальтации Клайд Гейбриела осенило, что бояться нечего: наш дух, конечно же, проходит сквозь материю, как Божественная искра, коей он, в сущности, и является; разумеется, будет жизнь после смерти, исполненная неограниченных возможностей, в которой он наладит отношения с Фелисией и где у него будет также Сьюки, причем не один, а сколько угодно раз в неделю, – все точно так, как предполагал Ницше. Застилавший здешнюю жизнь туман начал рассеиваться; все становилось четким и ясным, как жирно набранный шрифт; прояснялся смысл того, что пели ему звезды, эти *candida sidera*^[41], возникло ощущение, что дух дрейфует легко и неторопливо, погруженный в собственный величавый гумус.

Алюминиевая стремянка, на которую Клайд громоздил свою тяжесть, слегка подрагивала, как нервный молодой конь. Ступенька, другая, третья. Веревка безучастно поколась вокруг его шеи; когда он потянулся вверх и назад, чтобы потуже затянуть узел, и стал приоравливаться, куда лучше спрыгнуть, лестница опасно закачалась из стороны в сторону; током вскипающей крови ездока ее кинуло к препятствию, перед которым она прыгнула и которое, как он и предполагал, повинувшись легчайшему посылу, перемахнула в следующий миг. Клайд успел услышать грохот и звук тяжелого удара. Чего он не ожидал, так это ожога, ощущения, что в пищевод ему засунули раскаленную терку, а также того, что все углы деревянной лестницы, ковров и обоев закружатся в таком неистовом вихре, что ему на миг покажется, будто его глаза проросли сквозь затылок. Краснота в его распираемом изнутри черепе сменилась черной густотой, а та, в свою очередь, путем замены всего одной буквы – пустотой.

– Ох, детка, какой это для тебя ужас! – воскликнула в трубку Джейн Смарт. Она разговаривала со Сьюки.

– Знаешь, это, конечно, не то же самое, что увидеть собственными глазами, но ребята из полицейского участка живописали все весьма наглядно. Похоже, у нее просто не осталось лица. – Сьюки не плакала, но ее голос напоминал сморщенную бумагу, которая хоть и высохла после того, как побывала в воде, но уже никогда не будет такой гладкой, как прежде.

– Вообще-то, она была мерзкой теткой! – решительно заявила Джейн, стараясь утешить подругу, хотя ее голова вместе с глазами и ушами все еще пребывала в прерванной незадолго до того сюите Баха без аккомпанемента – бодрящей, в некотором роде злорадно наступательной Четвертой, ми-

бемоль мажорной. – Занудой и ханжой, – прошипела она, уставившись в голый пол своей гостиной, выщербленный от безжалостных тычков острой стальной ноги виолончели.

Голос Сьюки то приближался, то удалялся, будто трубка время от времени выпадала у нее из рук.

– Я не знала другого мужчины, – сипло промолвила она, – который был бы таким же деликатным, как Клайд.

– Все мужчины – насильники, – возразила Джейн, ее терпение иссякало. – Даже самые умеренные. Это биология. В них много злобы, потому что они – лишь инструмент воспроизведения рода.

– Ему даже сделать замечание сотруднику было неловко, – продолжала Сьюки; тем временем возвышенная музыка – с ее дьявольским ритмом, с ее восхитительно жестокой требовательностью к мастерству владения инструментом – медленно затихала в голове Джейн, так же как в большом пальце левой руки затихала боль, словно жало, терзавшая его боковую поверхность, когда она самозабвенно прижимала им струны. – Хотя изредка он мог сорваться и накинуться на какого-нибудь корректора, пропустившего кучу опечаток.

– Так это же вполне понятно, дорогая. Именно поэтому все и случилось: он долго сдерживался. Тридцать лет он копил в себе злость на Фелисию, неудивительно, что в конце концов он снес ей башку.

– Нельзя говорить: он снес ей башку, – заметила Сьюки. – Он лишь – как это все теперь говорят? – покончил с ней.

– А потом покончил с собой, – подхватила Джейн, надеясь этим решительным заключением положить конец долгому разговору и вернуться к своей музыке.

Она любила порепетировать часа два утром, с десяти до двенадцати, после чего плотно подкрепиться творогом или тунцовым салатом на большом выпуклом листе латука. Сегодня на половину второго у нее была назначена встреча с Даррилом ван Хорном. Они собирались часок потрудиться над одной из пьес Брамса или над забавным маленьkim сочинением Кодали, которое Даррил раскопал в музыкальном магазине, приткнувшемся в цокольном этаже гранитного здания на Уэйбоссет-стрит, сразу за аркадой, после чего, как у них уже повелось, порадовать себя приготовленными Фиделем коктейлями – «Асти спуманте» или текилой с молоком – и принять ванну.

После их прошлой встречи у Джейн все еще болела промежность. Впрочем, большая часть удовольствий, отмеренных женщине, всегда достается ей посредством боли, и Джейн была польщена тем, что ван Хорн

пожелал встретиться с ней без посторонних, если не считать Фиделя и Ребекку, шаставших туда-сюда с подносами и полотенцами. В вожделении Даррила было нечто опасное, опасность смягчалась и приобретала привлекательность, когда они бывали у него втроем, наедине с ним Джейн требовались самые экстравагантные средства поощрения.

– Что меня удивляет, так это то, что для подобного поступка он должен был находиться в достаточно здравом уме, – раздраженно добавила Джейн.

Сьюки сочла необходимым встать на защиту Клайда:

– Алкоголь никогда не доводил его до безумия, он употреблял его как лекарство. Думаю, в очень большой степени его депрессия была следствием нарушения обмена веществ. Однажды Клайд сказал мне, что у него давление сто десять на семьдесят, прекрасный показатель для мужчины его возраста.

– Не сомневаюсь, что у него было много прекрасных показателей для мужчины его возраста! – резко выпалила Джейн. – Во всяком случае, я безусловно отдавала ему предпочтение перед несчастным Эдом Парсли.

– О Джейн, я знаю, что тебе до смерти хочется повесить трубку, но что касается Эда...

– Н-ну?

– Ты не заметила, как Бренды в последнее время сблизилась с Неффами?

– Честно говоря, я утратила всякую связь с Неффами.

– Знаю, и тем лучше для тебя, – подхватила Сьюки. – Мы с Лексой всегда считали, что он тебя обижает и ты вообще слишком талантлива для вашего маленького ансамбля; то, что он назвал твое владение смычком или что-то там еще жеманным, свидетельствует лишь о зависти.

– Спасибо, милая.

– Так или иначе, их с Брендой теперь водой не разольешь; они постоянно ходят вместе в «Бронзовую бочку» или в тот новый французский ресторан неподалеку от Петтакамскатта, и, судя по всему, Рей с Гретой подзуживают ее занять место Эда и стать новой настоятельницей униатской церкви. Похоже, Лавкрафты тоже за, а Хорас, как ты знаешь, член церковного совета.

– Но она же не посвящена. Разве для этого не нужно сначала принять сан? В епископальной церкви, к которой я принадлежу, с этим очень строго; нельзя даже стать членом общины до тех пор, пока епископ не возложит куда-то там на тебя руки, – полагаю, на голову.

– Нет, она не посвящена, но она живет в пасторате с этими их щенками – совершенно невоспитанными, между прочим, – ни Эд, ни Бренда так и не

внушили им, что значит слово «нет», – и сделать ее настоятельницей милосерднее, чем выгнать из дома. Вероятно, существует какой-то курс обучения или что-то в этом роде, который можно пройти заочно.

– Но разве она сможет проповедовать? Скорее уж ты на это способна.

– О, не думаю, чтобы это стало проблемой. У Бренды прекрасная осанка. Она училась современным танцам, когда они познакомились с Эдом на слете в Эдлай-Стивенсоне. Она там выступала в одной из групп разогрева, а он собирался получить благословение.

– Она жалкая пустышка! – припечатала Джейн.

– Ну, Джейн, не надо.

– Чего – не надо?

– Не надо так говорить. Вот так же мы, бывало, говорили о Фелисии, и смотри, чем это кончилось.

Сьюки скучожилась и свернулась на своем конце провода, как увядший салатный лист.

– Ты винишь в случившемся нас? – быстро спросила Джейн. – А я думаю, что винить следует этого пьяницу, ее мужа.

– На первый взгляд, конечно, но это мы наложили на нее проклятие, это мы, когда были под мухой, напихали в коробку из-под печенья всякой дряни, которая без конца лезла у нее из рта. Клайд по наивности рассказывал мне об этом, он пытался заставить ее сходить к врачу, но она в ответ заявила, что всю медицину необходимо национализировать так же, как это сделано в Англии и Швеции. Еще она ненавидела фармацевтические компании.

– Ненависть переполняла ее, дорогая. Именно ненависть, которая лезла у нее из глотки, укокошила ее, а не горстка безобидных перышек и булавок. Фелисия утратила свое женское естество. Ей следовало испытать боль, чтобы вспомнить, что она женщина, опуститься на колени и испить холодное семязвержение какого-нибудь мужчины-чудовища. Клайд был прав: ее нужно было побить, просто он перестарался.

– Джейн, умоляю тебя. Ты пугаешь меня, когда говоришь такие вещи.

– А почему их нельзя говорить? Сьюки, не будь инфантильной.

Джейн считала Сьюки слабой сестрой. Они поддерживали отношения с ней ради сплетен, которые она собирала, и того света, который она, сестра-ребенок, привносila в их четверги. Но на самом деле Сьюки была всего лишь тщеславной незрелой девочкой, она не могла доставить ван Хорну того удовольствия и жгучего восторга, какой доставляла ему Джейн. Даже Гreta Нефф, линялая старая кошелка с ее старушечими очками и патетически-педантичной манерой речи, в этом смысле больше была

женщиной, лелеющей в себе царство ночи, пылкой.

– Слова – это всего лишь слова, – добавила Джейн.

– Нет, не только: они имеют способность материализоваться! – взвизгнула Сьюки, ее голос задрожал в жалобной мольбе. – Из-за нас уже два человека умерли и два остались сиротами!

– Не думаю, что после определенного возраста человека можно считать сиротой, – возразила Джейн. – Не надо нес-сти чушь. – Ее «с» прошипело, как плевок, попавший на раскаленную печь. – Каждый должен сам расхлебывать свою кашу.

– Наверняка, если бы я не спала с Клайдом, он не обезумел бы до такой степени. Джейн, он так любил меня! Он иногда брал в руки мою ногу и перецеловывал каждый пальчик.

– Разумеется. Мужчинам так и положено. Они должны нас боготворить. Мужчины – дермо, постараитесь это запомнить. Полное дермо, но в нашей власти в конце концов им отомстить, потому что мы лучше умеем страдать. Женщина всегда перестрадает мужчину. – В крайнем раздражении Джейн ощущала себя огромной; черные нотки, которых она наглоталась с утра, свирепо плескались у нее внутри, живые. Кто бы мог подумать, что в старом лютеранине столько жизненной силы? – Солнышко, для тебя всегда найдется мужчина, – заверила она Сьюки. – Не забивай себе больше голову Клайдом. Ты дала ему то, чего он просил, и не твоя вина, что он не смог этим распорядиться. Слушай, я в самом деле должна бежать, – солгала Джейн Смарт. – У меня в одиннадцать частный урок.

На самом деле урок у нее был только в четыре. Придется вихрем мчаться из старого поместья Леноксов, болезненно-истерзанной и стерильно чистой, а при виде грязных маленьких рук на клавишах своего рояля, сделанных из настоящей слоновой кости, при виде этих прыщавых ручек, калечащих бесценные, хоть и адаптированные, мелодии Моцарта или Мендельсона, ей захочется схватить метроном и его тяжелым основанием размозжить эти пухлые пальчики, как бобы в ступке. С тех пор как ван Хорн вошел в ее жизнь, Джейн с еще большей страстью, чем прежде, относилась к музыке – для нее она была высокой золотой аркой, знаменующей выход из бездны боли и унижения.

– Голос у нее был хриплый и как-то странно звучал, – поведала Сьюки Александре в телефонном разговоре, состоявшемся несколькими днями позже. – Такое впечатление, что она считает, будто между ней и Даррилом есть особый тайный канал связи, который она самозабвенно охраняет.

– Таково одно из его дьявольских искусств: он умеет у каждой из нас создать подобное ощущение. Я, например, искренне убеждена, что любит он именно меня, – сказала Александра, рассмеявшись с веселой беспомощностью. – Он заставил меня делать теперь более крупные фигуры, лакированные статуэтки из папье-маше, как эта скульпторша Сен-Фалль. Понятия не имею, как ей это удается, у меня все пальцы и волосы оказываются вымазанными kleem, фу. Одна половина фигурки получается нормальной, а вторая – абсолютно бесформенной, просто какое-то нагромождение комков и торчащих концов.

– Да, а мне он сказал, чтобы я, когда потеряю работу в «Слове», попробовала писать роман. Представить не могу, как можно день за днем корпеть над одной и той же историей. А имена? Без подлинных имен люди просто не будут существовать.

– Да, – вздохнула Александра, – ван Хорн провоцирует нас. Заставляет напрячься, растягивает.

По телефону казалось, что она действительно растягивается, – с каждой минутой ее голос все больше рассеивался, удалялся, погружался в ослепительно-яркий зыбучий песок отчужденности. Сьюки недавно вернулась с похорон четы Гейбриел, никто из детей еще не пришел из школы, но маленький старый дом вздыхал и тихо что-то бормотал, полный воспоминаний и мышней. В кухне не нашлось ничего пожевать, даже орешков, поэтому, чтобы успокоиться, пришлось прибегнуть к следующему по эффективности средству – телефону.

– Я скучаю по нашим четвергам, – вдруг по-детски призналась Сьюки.

– Знаю, детка, но теперь у нас есть теннис. И баня.

– Они меня иногда пугают. Там вовсе не так покойно, как было когда-то, когда мы собирались втроем.

– Ты действительно можешь потерять работу? Что там происходит?

– Ох, даже не знаю, ходят столько слухов. Говорят, владелец склоняется к тому, чтобы не искать нового редактора, а продать газету гангстерам из Провиденса, которые заправляют сетью маленьких провинциальных изданий. Все печатается в Потакете, корреспонденты лишь сообщают из дома по телефону местные новости, остальное – статьи по общезначимым проблемам штата и информация, которую они покупают у синдиката и рассылают всем, как рекламные листовки супермаркета.

– Все становится не таким уютно-домашним, как прежде, не так ли?

– Вот именно! – выпалила Сьюки, едва не плача, как ребенок.

Наступила пауза. Раньше подруги болтали бы без умолку. Теперь у каждой была своя доля, своя треть ван Хорна, о которой они умалчивали, –

их персональные, не подлежащие обсуждению визиты на остров, ставший в оголенном сером размытом декабре еще более прекрасным, чем когда-либо. Посеребренную кромку горизонта над океаном теперь можно было увидеть из аргусова многоглазья верхних окон, за которыми скрывалась и спальня ван Хорна с черными стенами, поскольку обзор больше не загораживали ни сбросившие листву березы и дубы, ни голые раскачивающиеся лиственницы, окружающие слоноподобный пузырь парусинового купола над теннисным кортом на том месте, где некогда гнездились снежные цапли.

– Как прошли похороны? – спросила наконец Александра.

– Как все похороны. Печально и в то же время бестактно. Их кремировали, и было так странно видеть, как захоранивают маленькие круглые урны, похожие на пенопластовые упаковки для продуктов, только коричневые и размером поменьше. Поскольку замену Эду еще не нашли, молитву по просьбе устроителей прочла Бренды Парсли, впрочем, Гейбриэлы особо набожными не были, хотя Фелисия вечно уличала в безбожии других. Но дочери, как я заметила, не хватило в церемонии религиозного флерера. Народу, учитывая обстоятельства, пришло не много. В основном служащие «Слова» отметились, надеясь сохранить работу, и несколько человек, заседавших с Фелисией во всевозможных комитетах, но она, как ты знаешь, и там почти со всеми перессорилась. В ратуше счастливы, что наконец избавились от нее, они ее считали ведьмой.

– Ты говорила с Брендой?

– Перекинулась парой слов на кладбище, после церемонии. Нас ведь там было очень мало.

– И как она вела себя с тобой?

– О, исключительно корректно и холодно. Она передо мной в долгую и знает это. На ней были костюм цвета морской волны и гофрированная шелковая блузка – ни дать ни взять настоящий пастырь. И прическу Бренды изменила: гладко зачесала волосы назад и туго стянула в узел на затылке, никаких челок, которые она делала прежде и которые придавали ей щенячий вид. Весьма существенное усовершенствование. Это Эд заставлял ее носить мини-юбки, чтобы чувствовать себя чуть-чуть ближе к хиппи. Можно представить, какое это было для нее унижение, у нее ведь ноги – как у рояля. Говорила Бренды неплохо, особенно над могилой. Голос, нежный, как флейта, так и стелился по надгробиям. Она напомнила о том, как беззаботно оба покойных отдавались работе в общине, попыталась провести сравнение между их смертью и Вьетнамом, коснулась нынешней всеобщей моральной деградации... Впрочем, я не очень прислушивалась.

– Ты не спрашивала, есть ли у нее известия от Эда?

– Ну что ты, я бы никогда не посмела. В любом случае сомневаюсь, ведь мне он больше не пишет. Но его имя все-таки всплыло. По окончании церемонии, пока мужчины натягивали на могильный холм искусственный дерн, Бренда надменно взглянула на меня и сказала, что его побег – лучшее, что случалось с ней в этой жизни.

– А что еще ей остается говорить? Что остается говорить нам всем?

– Лекса, солнышко, что ты имеешь в виду? Ты говоришь так, словно тебя покидают силы.

– Что ж, людям свойственно уставать. Особенно когда тащишь все на себе в одиночку. В это время года постель кажется такой холодной.

– Тебе нужно завести одеяло с электроподогревом.

– У меня есть. Но я не люблю ощущать на себе электричество. Представь, что будет, если явится призрак Фелисии с ведром и окатит мою кровать ледяной водой, – это же все равно что оказаться на электрическом стуле.

– Александра, прекрати. Не пугай меня своей депрессией. Мы ведь, что бы ни случилось, прежде всего равняемся на тебя. Ты наша матушка-сила.

– Да, и это тоже угнетает.

– Ты больше ни во что прежнее не веришь? В свободу, в ведьмовство. В их могущество, их вдохновение?

– Ну разумеется, верю, глупышка. А дети были? Как они выглядят?

– Ну... – начала Сьюки, привычно воодушевляясь любимым делом – передачей информации, – выглядят они весьма впечатляюще. Оба в некотором роде напоминают греческие статуи: исполненные достоинства, бледные и совершенные. И неразлучны, как близнецы, хотя девочка намного старше. Зовут ее Дженифер, ей под тридцать, а мальчик – студенческого возраста, хотя и не студент. Он собирается заниматься чем-то в сфере шоу-бизнеса и постоянно курсирует между Лос-Анджелесом и Нью-Йорком. Сейчас прибыл из Коннектикута, где все лето подвизался в каком-то сезонном театрике в качестве рабочего сцены. Девочка прилетела из Чикаго, она там служит лаборанткой в рентгеновском кабинете, сейчас взяла отпуск. Мардж Перли говорит, что они намерены некоторое время остаться здесь и привести в порядок дом. Я подумала: может, нам что-нибудь для них сделать? Они кажутся заблудившимися в лесу детьми, мне бы очень не хотелось, чтобы они попали в лапы Бренды.

– Детка, они наверняка слышали о вас с Клайдом и во всем винят тебя.

– Ты так думаешь? Неужели? Но ведь я делала ему только добро!

– Ты нарушила его внутреннее равновесие. Его экологию.

– Мне не нравится чувствовать себя виноватой, – призналась Сьюки.

– А кому нравится? Как ты думаешь, что я ощущаю, когда бедный милый совершенно никчемный Джо говорит, что бросит ради меня Джину и весь свой толстый выводок?

– Джо никогда этого не сделает. Для этого он слишком средиземноморен. Католики не жаждут борьбы, как мы, несчастные вероотступники-протестанты.

– Вероотступники? – переспросила Александра. – Значит, ты считаешь себя вероотступницей? Не уверена, что у меня когда-либо было от чего отступать.

Перед мысленным взором Сьюки возникла транслированная ей Александрой картинка: деревянная церковь где-то на западе, с потрепанной непогодой колокольней, расположенная высоко в горах, никем не посещаемая.

– Монти был набожен, – сказала Сьюки. – Он вечно вспоминал своих предков. – На той же волне перед ней всплыл образ дряблых молочно-белых ягодиц Монти, и она наконец удостоверилась, что у него с Александрой действительно был роман. Зевнув, Сьюки добавила: – Поеду, наверное, к Даррилу, развеюсь. Фидель изобрел какое-то новое потрясающее пойло, которое называет «Мистическим ромом».

– Ты уверена, что сегодня не день Джейн?

– Я думаю, она была у него в тот день, когда я говорила с ней по телефону. Уж больно возбужденно звучал ее голос.

– Да, это возбуждает.

– Вот именно. Ах, Лекса, ты должна увидеть Дженифер, она прелестна. При ней я чувствую себя старой загнанной клячей. Это бледное округлое лицо, светло-голубые глаза, как у Клайда, острый подбородок, как у Фелисии, и изящнейший маленький носик, тонкий и прямой, как те, которые ты вырезаешь ножом на своих фигурках, только чуть вдавленный, как у кошки, понимаешь? А какая кожа!

– Восхитительно, – рассеянно отозвалась Александра.

Сьюки знала, что когда-то Александра любила ее. В тот первый вечер у Даррила, танцуя под песни Джоплин, они прижимались друг к другу и плакали от проклятия гетеросексуальности, которое разделяло их, как две розы, замкнутые каждая в своей прозрачной капсуле-упаковке. Теперь в голосе Александры слышалась отстраненность. Сьюки вспомнила амулет с тройным магическим узлом и напомнила себе убрать его из-под кровати. Заклинания теряют силу в течение месяца, если не подпитываются

человеческой кровью.

А еще несколькими днями позже Сьюки встретила сиротку Гейбриел, одну, без брата, на Док-стрит: та шла по заледеневшему, чуть склоненному тротуару, вдоль которого тянулись магазинные витрины – половина их была на зиму закрыта ставнями, в остальных выставили цветные ароматические свечи и псевдоавстрийские елочные украшения, сделанные в Корее. Две звезды, они издали посыпали друг другу свой свет, и сила гравитации неумолимо влекла их к сближению под любопытными взглядами витрин агентства путешествий и «Бей-Сьюоперетта»; «Тявкающей лисы» со свитерами грубой вязки и сезонными юбками из шотландки; «Голодной овцы» с чуть более изящными моделями; агентства недвижимости Перли с выцветшими фотографиями, изображающими полутораэтажные домики и величественные, но обветшавшие викторианские жемчужины Оук-стрит, ждущие появления молодой предприимчивой пары, которая примет на себя заботу о них и перестроит третий этаж под квартиры; булочной и парикмахерской, а также читальни «Крисчен сайенс». Вопреки бурным общественным протестам иствикское отделение «Оулд-Стоун бэнк» открыло окошко для автомобилистов, Сьюки и Дженифер, словно людям, стоящим на противоположных берегах реки, пришлось ждать, пока несколько машин въезжали и выезжали по наклонному пандусу, перерезавшему тротуар. Центр города был слишком тесен и представлял историческую ценность, противники открытия банка для автомобилистов под водительством покойной Фелисии Гейбриел тщетно предостерегали, что это еще больше затруднит уличное движение.

Наконец Сьюки удалось перебраться к молодой женщине, маневрируя перед гигантским бампером малинового «кадиллака», осторожно ведомого нервным, близоруким Хорасом Лавкрафтом. Дженифер была в старом грязном кожаном полупальто с потертым подолом, подбородок прятала в один из шарфов Фелисии, красный, жидкой вязки, несколько раз обмотанный вокруг шеи. Будучи на несколько дюймов ниже Сьюки, девушка походила на беспризорного ребенка-недоростка с водянистыми глазами и покрасневшим носом. Столбик термометра в тот день опустился ниже нуля.

– Как дела? – нарочито бодро поинтересовалась Сьюки.

Габаритами и возрастом эта девушка соотносилась со Сьюки так же, как Сьюки – с Александрой; несмотря на настороженность, Дженифер пришлось уступить превосходящим силам противника.

– Ничего, – ответила она тихим голосом, еле слышным на морозе.

Несколько лет жизни в Чикаго придали ее произношению оттенок свойственной Среднему Западу гнусавости. Пристально всмотревшись в лицо Сьюки, она позволила себе немного расслабиться и доверчиво добавила: – Столько дел; мы с Крисом совершенно обескуражены. Мы-то оба привыкли жить как цыгане, а мама с папой хранили все – наши детсадовские рисунки, школьные табели, бесконечные коробки с фотографиями...

– Должно быть, все это вызывает грусть.

– Как вам сказать – и грусть, и огорчение. Кое-какие решения им следовало бы принять самим. Вы ведь знаете, как в последние годы все падает в цене. Миссис Перли говорит, что мы сами себя ограбим, если решим продавать дом, не дождавшись весны и хотя бы не покрасив его. Сам дом может стоить тысячи две, но нужно прибавить еще десять – за престижное местоположение.

– Послушайте, вы выглядите совершенно замерзшей! – Самой Сьюки было тепло, и она царственно смотрелась в длинной дубленке и шапке из рыжей лисы, которая очень шла к ее отливающим медью волосам. – Давайте зайдем в «Немо», и я угощу вас чашечкой кофе.

– Ну, не знаю... – Девушка колебалась, явно подыскивая предлог, чтобы отказаться, но перспектива согреться оказалась обаятельной.

Сьюки развила атаку:

– Вероятно, исходя из того, что вы слышали, вы меня ненавидите. Если так, то лучше поговорить начистоту.

– Миссис Ружмонт, почему я должна вас ненавидеть? Просто Крис возится в гараже с машиной, с «вольво», – даже техосмотр машине, которую они нам оставили, вовремя не могли сделать.

– Что бы там с ней ни было, ремонт займет больше времени, чем ему обещали, – авторитетно заверила Сьюки, – к тому же я не сомневаюсь, что Крис испытывает удовольствие. Мужчины обожают гаражи и лязг железа... Мы можем сесть за столик у окна, чтобы вы увидели его, если он пойдет мимо. Ну пожалуйста. Я хочу, чтобы вы знали, как мне жаль ваших родителей. Ваш отец был добрым начальником, и теперь, когда его нет, у меня тоже возникнут проблемы.

Насквозь проржавевший «шевроле» 1959 года выпуска с багажником, формой напоминающим крылья чайки, чуть не задел их своими хромированными выпуклостями, с грохотом въезжая на пандус, ведущий к защитного цвета банковскому окошку; Сьюки заботливо поддержала девушку под локоть. Потом, не отпуская, потянула за собой на другую сторону улицы, в «Немо». По мере увеличения интенсивности дорожного

движения Док-стрит в этом столетии неоднократно расширяли; кое-где ее кривые тротуары были урезаны до узкой дорожки, вмещающей только одного пешехода, и некоторые старые дома выдавались вперед под причудливыми углами. Закусочная «Немо» была длинным алюминиевым бараком, скругленным по углам, вдоль его боковых стен тянулась широкая красная линия. В этот утренний час посетителей было не много, они – люди, работающие не полный день, или пенсионеры – сидели лишь за стойкой. Несколько человек приветствовали Сьюки небрежным взмахом руки или кивком головы, но, как ей показалось, менее радостно, чем до того, как Клайд Гейбриел вселил ужас в этот город.

Столики в зале были свободны, венецианско окно, выходившее на улицу, запотело; конденсируясь, по нему стекали водяные капли, оставлявшие на стекле вертикальные дорожки. Дженифер сощурилась от света, маленькие морщинки в уголках ее светлых, как голубой лед, глаз поползли вверх, и Сьюки заметила, что девушка не так молода, как казалась на улице, укутанная в шарф. Грязное полуапальто с цветными прямоугольными заплатками из винила, наклеенными с помощью горячего утюга, Дженифер несколько церемонно перекинула через спинку стула, сверху бросила небрежно скомканный длинный красный шарф и осталась в простой серой юбке и белом свитере из овечьей шерсти. Фигурка у нее была плотная и ладная; все формы отличались округлостью, казавшейся чуть простоватой, – руки, грудь, щеки, шея словно были очерчены одинаковыми овальными штрихами.

Подошла крутобедрая Ребекка – не отличавшаяся строгостью нравов антигуанка, с которой, как известно, водил дружбу Фидель и которая, что бы ни стало ей известно, всегда лишь осуждающе кривила плотно сжатые массивные серые губы.

– Ну, чего желать дамы? – спросила она.

– Два кофе, – ответила Сьюки и, повинувшись импульсу, заказала еще лепешки. Она питала к ним слабость; лепешки были такие рассыпчатые, маслянистые и в нынешний холод обещали отлично согреть внутренности.

– Почему вы сказали, что я должна вас ненавидеть? – с обезоруживающей прямотой, однако все еще тихо и слабо спросила Джени.

– Потому что, – Сьюки тоже решила не юлить, – я была... ну, вы понимаете, кем я была для вашего отца. Любовницей. Но недолго, только в течение прошлого лета. Я не собиралась никому доставлять неприятностей, просто хотела подарить ему хоть что-то, а у меня, кроме меня самой, ничего нет. Он был такой милый, вы же знаете.

Девушка не удивилась, но задумалась, опустив глаза.

– Да, знаю, – согласилась она. – Только, судя по всему, не в последние годы. Даже во времена нашего детства он часто бывал расстроенным и печальным. А по ночам от него исходил странный запах. Однажды я хотела обнять его и смахнула на пол книгу, лежавшую у него на коленях, так отец начал шлепать меня и никак не мог успокоиться. – Прервав свои признания, Дженифер закрыла рот и подняла глаза; было какое-то забавное тщеславие кротости в том, как она аккуратно поджала прелестно очерченные, ненакрашенные губы. При этом верхняя чуть приподнялась с легким презрением. – Лучше вы расскажите мне о нем. О моем отце.

– Что рассказать?

– Каким он был?

Сьюки пожала плечами:

– Нежным. Благодарным. Робким. Пил слишком много, но перед свиданиями со мной старался держаться, словом, глупцом он не был. Вы сами знаете. А вот инертным – да.

– У него было много подружек?

– Что вы, нет! Не думаю, – обиженно ответила Сьюки. – По моему самодовольному мнению, только я. Он любил вашу мать, вы это знаете. По крайней мере, до тех пор, пока она не стала такой... одержимой.

– Чем – одержимой?

– Ах, вам это известно так же, как и мне: стремлением сделать мир лучше.

– Но это же неплохо, правда? Она хотела, чтобы мир стал чище.

– Наверное.

Публичные ядовитые разглагольствования Фелисии никогда не вызывали у Сьюки одобрения: это было всего лишь безудержное самолюбование, щедро приправленное истерией. Сьюки не нравилось оправдываться перед этой вежливой снежной принцессой, от одного голоса которой можно было схватить простуду, но она решилась признаться:

– Знаете, когда живешь одна в таком городке, как этот, приходится брать то, что есть.

– Нет, не знаю, – ответила Дженифер, смягчив смысл реплики деликатностью интонации. – Я вообще о таких делах мало что знаю.

Что она имеет в виду? Она девственница? Трудно сказать, была ли девушка легкомысленна, или ее странное спокойствие свидетельствовало об исключительной внутренней уравновешенности.

– Расскажите мне о себе, – попросила Сьюки. – Вы собираетесь стать врачом? Клайд так гордился этим.

– Он выдавал желаемое за действительное. Я никак не накоплю достаточно денег и постоянно заваливаю экзамен по анатомии. Что меня всегда увлекало, так это химия. Думаю, работа лаборантки – мой потолок. Я к ней пришпилена.

– Вам нужно познакомиться с Даррилом ван Хорном, – сказала Сьюки. – Это человек, который пытается всех нас отшпилить.

Дженнифер неожиданно улыбнулась, кожа на ее носике натянулась и побелела. Передние зубы оказались округлыми, как у ребенка.

– Какое шикарное имя, – заметила она. – Оно кажется ненастоящим. Кто он?

Но ведь она не могла не слышать об их шабашах. Эта девочка не так проста; проблески неправдоподобной невинности человека, через которого жизнь словно бы перескочила, не задев, и при этом непроницаемый заслон от любых попыток телепатии – как свинцовый щит, предохраняющий от рентгеновских лучей.

– О, это тот молодящийся эксцентричный мужчина средних лет, который купил старое поместье Леноксов. Вам ведь знаком этот большой кирпичный дом на побережье?

– Мы называли это поместье лесом привидений. Мне было пятнадцать лет, когда мои родители сюда переехали, так что я никогда хорошо не ориентировалась в окрестностях. Это же очень обширный регион, хотя на карте его почти не видно.

Высокомерная тропиканка Ребекка принесла кофе в тяжелых фирменных чашках и золотистые лепешки; их густой теплый аромат смешивался над блестящей пластиковой поверхностью стола с пряно-кисловатым запахом, который Сьюки отнесла на счет самой официантки, ее широких бедер и тяжелых кофейных грудей, обозначившихся в вырезе платья, когда она, наклонившись, ставила на стол чашки и тарелки.

– Я может еще чем-нибудь ублажать дамы? – спросила Ребекка, глядя на них со своих впечатляющих высот. Ее голова с черными волосами, разделенными на грядки косичками, казалась маленькой и твердой по сравнению с колышущейся массой плоти.

– Сливок нет, Бекка? – спросила Сьюки.

– Для вы – пожалуйста, – ответила та, ставя на стол алюминиевый молочник. – Вы, конечно, может называть это сливки, если хотите, но то, что хозяин вливать сюда каждая утро, это молоко.

– Спасибо, дорогая, я и имела в виду молоко, – сказала Сьюки, но мысленно шутки ради быстро произнесла белое заклинание: «Sator arepo tenet opera rotas»^[42].

Жидкость, полившаяся из молочника, стала густой и желтовато-кремовой. На поверхности кофе свернулись маленькие хлопья. Сьюки откусила лепешку и, жуя, стала сmakовать маленькие маслянистые кусочки. Индейские кукурузные духи весело заревились в лесу ее вкусовых рецепторов. Проглотив, она продолжила – о ван Хорне:

– Он очень мил и понравится вам, как только вы привыкнете к его особой манере.

– Какой манере?

Сьюки смахнула крошки с растянутых в улыбке губ.

– На первый взгляд она может показаться грубой, но это напускное. На самом деле он совсем не опасен, и всякий может с легкостью научиться им управлять. Мы с двумя моими подругами играем с ним в теннис под фантастическим полотняным пузырем, который он установил над кортом. Вы играете?

Дженнифер едва заметно пожала круглыми плечами:

– Играла немного. Обычно – в летнем лагере. Ну и иногда мы с друзьями ездили на общедоступные корты на берегу залива.

– Сколько вы собираетесь еще здесь пробыть до возвращения в Чикаго?

Дженнифер наблюдала за хлопьями сливок, плававшими на поверхности ее кофе.

– Некоторое время. Чтобы продать дом, возможно, придется ждать лета, у Криса тоже, как выяснилось, нет особых дел, и мы с ним прекрасно ладим; всегда ладили. Может, я вообще туда не вернусь. Я ведь уже говорила, что у меня в клинике все складывается не лучшим образом.

– У вас были проблемы с мужчинами?

– Что вы, нет. – Дженнифер закатила глаза, под радужными оболочками обозначились дужки по-юношески чистых белков. – Мужчины – не то, что меня интересует в первую очередь.

– Но почему? Если позволите заметить, вы прелестны.

Девушка опустила глаза:

– Это молоко... Вам не кажется странным, что оно такое густое и сладкое? Оно не прокисло?

– Нет, попробуйте – убедитесь, что оно свежайшее. Вы не съели свою лепешку.

– Я отщипнула кусочек. Мне они никогда особо не нравились, оладьи – они и есть оладьи.

– Поэтому-то родайлендцы их и любят. Они такие, какие есть. Если не возражаете, я дам вашу.

– Наверное, я неправильно веду себя с мужчинами. Я пыталась поговорить об этом с друзьями. Со своими подругами.

– У женщины обязательно должны быть подруги, – покровительственно одобрила Сьюки.

– Но у меня их не так много. Чикаго – жесткий город. Эти маленькие туземные женщины, зубрящие ночи напролет и знающие ответы на все вопросы... Но стоит спросить у них, что же ты делаешь не так в отношениях с мужчинами, как они тут же замкнутся.

– С мужчинами вообще трудно найти правильную линию поведения, – сказала Сьюки. – Они очень сердиты на нас за то, что мы можем рожать детей, а они – нет. Они, бедняги, ужасно завидуют: это нам Даррил поведал. Не знаю, правда, следует ли ему верить; я уже говорила, в нем много притворного. Тут как-то на днях, за завтраком, он пытался изложить мне свои теории, все они имеют отношение к какому-то химическому элементу, название которого начинается на «сел».

– Селен. Это чудесный элемент. В нем заключается секрет автоматически открывающихся дверей в аэропортах. Кроме того, благодаря ему можно очистить стекло от зеленоватого оттенка, который придает ему железо. А селеновая кислота растворяет даже золото.

– Боже мой, кое-чему вы все-таки научились! Если вы так хорошо разбираетесь в химии, то могли бы стать ассистенткой Даррила.

– Крис постоянно твердит, что я должна просто посидеть с ним дома, во всяком случае, пока мы не продадим дом. Ему до смерти опротивел Нью-Йорк, вот уж действительно жестокий город. Он говорит, что там геи контролируют все сферы деятельности, которые его интересуют, – оформление витрин, сценографию...

– Думаю, так и надо сделать.

– Что сделать?

– Посидеть дома. Иствик – занятное местечко. – Нетерпеливо – ведь попусту тратилось драгоценное утреннее время – Сьюки смахнула со свитера крошки. – Это не жестокий город. Это город-душка. – Прополоскав рот последним глотком кофе, она встала.

– Я это почувствовала, – подхватила ее собеседница, поняв намек, и потянулась к висевшим на спинке стула шарфу и жалкому полуальтишку в «заплатках».

Уже стоя, одетая, Дженнингс вдруг сделала удивительно волнующую вещь: она взяла Сьюки за руку и крепко, по-мужски пожала ее.

– Спасибо, – сказала она, – спасибо за то, что поговорили со мной. Единственный человек, который проявляет к нам хоть какой-то интерес,

кроме адвокатов разумеется, – это та милая дама-священница, Бренда Парсли.

– Она – жена священника, а не священница, и я вовсе не уверена, что Бренда так уж мила.

– Все говорят, что муж ужасно с ней обращался.

– Или она с ним.

– Почему-то я так и думала, что вы скажете что-то в этом роде, – не без симпатии заметила Дженифер.

Сьюки почувствовала себя раздетой, ее можно было видеть насквозь в силу отсутствия свинцового фартука невинности, который был бы способен ее защитить. Ее жизнь проходила на виду у всего города; даже эта маленькая незнакомка уже кое-что о ней знала.

Прежде чем Дженифер успела обмотать шею шарфом, Сьюки заметила тонкую золотую цепочку, на каких люди определенного склада носят крестики. Но на стройной белой мягкой шее этой девушки висел крест в виде буквы «тау», чья верхняя петелька напоминала маленькую мужскую головку, – египетский крест, символ жизни и смерти одновременно, старинный знак тайны, в последнее время вошедший в моду.

Заметив, что Сьюки смотрит на него, Дженини, в свою очередь, уставилась на ее ожерелье из медных полумесяцев и сказала:

– На моей матери было медное украшение: широкий плоский браслет, которого я прежде никогда у нее не видела. Как будто...

– Как будто – что, дорогая?

– Как будто она пыталась защититься от какого-то проклятия.

– Разве все мы не пытаемся это сделать? – бодро ответила Сьюки. – Я свяжусь с вами по поводу тенниса.

Пространство внутри огромного «пузыря» ван Хорна было акустически и атмосферно причудливым: крики и звук отскакивающих от площадки мячей казались придушенными, хотя на самом деле были громкими и отчетливыми, а веснушчатые лоб и предплечья Сьюки слегка покалывали, будто на них давила невидимая тяжесть. Янтарные волоски на руках встали дыбом, как наэлектризованные. Под арочной твердью мышастого полотна движения получались чуть замедленными; игрокам словно приходилось преодолевать сопротивление сжимаемого куполом воздуха, хотя в действительности купол расpirало изнутри, потому что воздух, накачиваемый не знающим устали вентилятором через пластмассовое квадратное отверстие гибкой трубы, расположенное в одном

из нижних углов, был теплее, чем зимний снаружи.

Стоял самый короткий день года. Земля, твердая, как железо, лежала, придавленная небом, покрытым мраморными облаками, которые изрыгали снег, как дымоходная тяга – пепел, рассеивающийся вместе с дымом. Рядом с оградительной кирпичной кладкой обозначились тонкие линии – три корня, слегка припорощенные снегом, тут же, впрочем, и ставшим под вымученным зимним полуденным солнцем. Ну никак не желал устанавливаться снежный покров, хотя все магазины и банки праздничными колокольчиками и ватной имитацией всячески призывали его освятить Рождество своей белизной. Ранние сумерки начинали поглощать снующих по магазинам, зябко кутающихся прохожих на Докстрит; казалось, улица спешит; в отчаянной пустоглазой попытке дожить до мига откровения ее торжественные огни уже предвкушали сон в морозно кусающем черном воздухе. Теннисная партия в трико, вязаных гамашах, лыжных свитерах и двойных носках, едва помещавшихся в кроссовках, была для молодых разведенных иствикских мамаш каникулами от рождественских каникул.

Сьюки чувствовала себя немного виноватой: она опасалась, что испортила удовольствие остальным, привезя с собой Дженифер Гейбриел. Однако в телефонном разговоре Даррил ван Хорн не возразил против ее предложения, он вообще всегда приветствовал новобранцев, к тому же, вероятно, их узкий кружок, состоявший из четырех человек, становился ему тесноват. Как большинству мужчин, особенно состоятельных мужчин из Нью-Йорка, ему все быстро приедалось. Но Дженифер взяла на себя смелость привезти еще и брата, а Даррила привело в смятение появление в доме этого мальчика, молчаливого и по новейшей молодежной моде угрюмого, с тусклым взглядом, с безвольным, покрытым пушком подбородком и выющимися спутанными волосами, настолько грязными, что распознать в нем блондина было почти невозможно. Вместо теннисных туфель на нем были разбитые беговые кроссовки с резиновыми наклейками на подошвах, которые на всю знобкую пустоту надувного купола распространяли застоявшийся мерзопакостный запах мужского пота. «Интересно, как чистюля Дженифер уживается с таким неряхой?» – подумала Сьюки. Монти, при всех его недостатках, был очень брезглив, не вылезал из душа и stoически мыл кофейные чашки, которые она, поговорив по телефону, вечно оставляла на приставном столике у дивана.

Позаимствовав ракетку, Крис обнаружил полное неумение даже элементарно перекинуть мяч через сетку, что ничуть его не смущило, а лишь вызвало вялое раздражение. Как всегда, изображая куртуазного

хозяина и джентльмена, Даррил, похожий на попугая в коричневых тренировочных штанах и пурпурной пуховой куртке, хотя и был готов приступить к игре, предложил дамам сыграть женскую парную партию, пока он будет показывать Кристоферу библиотеку, лабораторию и маленькую оранжерею ядовитых тропических растений. Не выказав ни малейших признаков благодарности, парень лениво поплелся за жестикулирующим и болтающим без умолку Даррилом, чьи нескончаемые разглагольствования слышались по ту сторону шатра до тех пор, пока мужчины не дошли до дома. Сьюки снова почувствовала себя виноватой.

Она взяла в напарницы Дженн на тот случай, если девушка окажется несостоятельной теннисисткой, хотя во время разминки та продемонстрировала хороший удар с обеих сторон; в игре Дженн показала себя смелым и весьма надежным партнером, однако без большого диапазона действий – быть может, из уважения к широкой манере Сьюки, достававшей любые мячи. В возрасте лет одиннадцати, когда ее учили играть на старом, затененном рододендронами щебеночном корте, построенном другом их семьи у себя в поместье на берегу озера, Сьюки удостоилась отцовской похвалы за картиенный «выпад» и с тех пор старалась выглядеть «эффектно», мешкая ради этого то в одном, то в другом углу корта, чтобы нанести ответный удар красиво. С чем ей иногда не удавалось справиться, так это с простым ударом, который шел прямо в руки. Они с Дженн легко выиграли у Александры и Джейн четыре гейма, после чего начались шуточки. Хотя предмет, летевший прямо в голову Сьюки, со всей очевидностью был желтым уилсоновским мячиком, то, что врезалось в ракетку, когда она – согнув колени, опустив голову, направив силу вперед и вверх для исполнения ответного топ-спина – готовилась отразить удар, оказалось комком замазки; сила этого удара была такова, что ей показалось, будто локоть у нее раскололся. Однако в площадку у сетки между ног Дженифер снова ударился всего лишь теннисный мяч. При следующем розыгрыше она принимала подачу слева и подготовилась к очередному комку замазки, но вместо этого почувствовала, как нечто легкое, словно воробышек, отлетело от струн, исчезло в тени под сводом купола, за окружьем овальных пластмассовых окошек, сквозь которые внутрь проникал свет, и упало далеко за пределами площадки в виде того же желтого «уилсона».

– Эй, подруги, давайте играть честно! – крикнула через корт Сьюки, на что Джейн Смарт певучим, как флейта, голосом возразила:

– Следи за мячом, душенька, тогда не ошибешься.

– Не говори ерунды, Джейн-Пейн^[43]. Если бы не ты, я прекрасно

отразила бы оба удара.

Сьюки сердилась, потому что это было нечестно: Дженифер ведь ничего не знала. Стоявшая на средней линии, она видела лишь завершающую стадию полета мяча и, обернувшись, изобразила великодушно-ободряющую гримаску на своем раскрасневшемся лице-сердечке. Во время следующего розыгрыша, после слабого ответа Джейн, девушка вылетела к сетке, и Сьюки мысленно приказала Александре замереть; мяч, резко посланный Джени, шмякнулся о парализованную массивную плоть Александры. Сбросив с себя наваждение, Александра, моргая, потерла ушибленное бедро.

– Если бы я не надела под брюки шерстяные рейтзузы, было бы понастоящему больно! – укоризненно крикнула она Сьюки.

«Синяк тем не менее наверняка останется», – виновато подумала та и взмолилась:

– Ну хватит, давайте просто поиграем в нормальный теннис.

Однако обе противницы теперь не на шутку обиделись. Рванувшись, чтобы отбить простой мяч, летевший прямо по центру, Сьюки внезапно почувствовала такую мучительную боль в суставах, что остановилась на полути как вкопанная, беспомощно наблюдая, как расплывающийся перед глазами мяч врезается в среднюю линию. Но тут она услышала топот ног Джени у себя за спиной и в следующий миг увидела, что мяч чудесным образом оказался на противоположной половине корта и ударился о землю между Джейн и Александрой, самонадеянно уверенными, что уже выиграли гейм. Счет снова стал «ровно», и Сьюки, все еще скованная внезапной болью в суставах, но полная решимости защитить партнершу от злых проделок своих подруг, три раза богохульно мысленно повторила «Патер Ностер» задом наперед – «Ретсон Ретап» – и волевым усилием создала воздушный карман, дефект в прозрачном воздухе над передней частью площадки противниц, в результате чего Джейн дважды допустила двойную ошибку на подаче: высоко поднятый мяч неизменно летел по резко ныряющей траектории, словно сваливался с края стола.

Таким образом, счет стал пять – один, и подача перешла к Джени. Но подброшенный ею мяч превратился в яйцо, которое, разбившись, пролилось сквозь струны прямо ей на лицо. Сьюки раздраженно отшвырнула ракетку, тут же обернувшуюся змеей, которой некуда было уползти, поскольку края огромного шатра плотно прилегали к полу по всему периметру. Несчастное пресмыкающееся, проклятое от природы, выписывая извивающимся телом буквы «S» и «Z», панически заметалось по кроваво-красной пластиковой кромке, окаймлявшей зеленую площадку,

зигзагами кидаясь от задней линии корта к границе шатра.

– Ну ладно, – объявила Сьюки. – В таком случае игра окончена.

Крошка Джени не подходящим для этого маленьким носовым платком пыталась стереть с век тягучую жижу белка и расплывшийся желток, испещренный крохотными сгустками крови: яйцо оказалось оплодотворенным. Сьюки забрала у Джени платок и сама стала вытираять ей лицо.

– Простите, ради бога, простите, – говорила она при этом. – Они просто не могут вынести проигрыша – женщины, что с них взять.

– По крайней мере, – извиняющимся тоном крикнула через корт Александра, – яйцо не было тухлым!

– Все в порядке, – ответила Дженифер, слегка задыхаясь, но сохраняя спокойствие в голосе. – Я знаю, что вы все обладаете сверхъестественными способностями. Мне Бренда Парсли рассказывала.

– Чертова балаболка! – разозлилась Джейн Смарт. Теперь уже две ее подруги, окружив Дженифер, помогали той вытираять лицо. – Сейчас, когда ее бросил муж, у нас нет перед ней никаких преимуществ.

– Чтобы обладать вашими способностями, нужно быть брошенной? – спросила Джени.

– Или бросить самой, – пояснила Александра, – как ни странно, здесь нет никакой разницы. Хотя можно было бы предположить, что это не так. В любом случае простите за яйцо. Но и у меня завтра все бедро будет черносиним из-за того, что Сьюки заставила меня застыть; конечно же, это не было честной игрой.

– Это было не менее честно, чем то, что делали со мной вы! – огрызнулась Сьюки.

– Ты просто сама запорола два удара! – крикнула издали Джейн Смарт; она что-то искала на полу у задней линии.

– Мне тоже показалось, – желая угодить соперницам, мягко возразила Дженифер, – что вы недостаточно высоко подняли голову при ударе слева.

– Но вы же на меня не смотрели.

– Смотрела. И еще вы имеете обыкновение не сгибать колени при приеме.

– Ничего подобного! И вообще, вы – моя партнерша, и предполагается, что должны поддерживать меня.

– Вы были восхитительны, – послушно признала девушка.

Подошла Джейн, держа в собранной ковшиком ладони кучку черного песка, который она соскребла ногтями с покрытия у края корта.

– Закройте глаза, – велела она Дженифер и бросила песок прямо ей в

лицо. Словно по волшебству клейкие остатки яйца испарились, однако остались песчинки, придававшие мягким девичьим чертам испуганно-аляповатый вид, напоминающий рябую маску.

– Может, пора в баню? – заметила Александра, по-матерински заботливо осматривая запорошенное лицо Дженифер.

Интересно, как они будут чувствовать себя в бане в присутствии чужаков, подумала Сьюки и снова укорила себя за то, что проявила излишнюю любезность, привезя сюда молодых людей. Это семья виновата: у них дома, в штате Нью-Йорк, ни один обед не обходился без гостей – просто каких-то прохожих с улицы, в которых ее мать, в силу особенностей мышления, предполагала вероятных ангелов. Вслух она возразила:

– Но Даррил еще не играл! И Кристофер тоже, – добавила она, несмотря на то что парень явно был равнодушен к теннису и неумел, хотя и самонадеян.

– Непохоже, что они собираются возвращаться, – заметила Джейн Смарт.

– Так или иначе, нужно что-то делать, а то мы все здесь простудимся, – сказала Александра.

Замысловатым образом сложив уголок мокрого носового платка Джени (с монограммой «J»), она одну за другой удаляла песчинки с круглого, по-детски доверчивого девичьего лица, благодарно повернувшегося навстречу ее заботе, как розовый цветок – навстречу солнцу.

Сьюки почувствовала укол ревности.

– Идемте в дом, – предложила она, махнув рукой, но, поскольку ее мышцы еще были полны теннисного запала, добавила: – Если, разумеется, кто-нибудь не желает сыграть со мной один на один.

– Может быть, Даррил? – сказала Джейн.

– О, он слишком хорош, он меня разделает под орех.

– Не думаю, – мягко возразила Джени, видевшая Даррила только во время разминки и не имевшая еще возможности наблюдать его во всей красе. – Вы в гораздо лучшей форме. К тому же он слишком необуздан, я не права?

– Даррил ван Хорн, – холодно парировала Джейн Смарт, – самый воспитанный человек, какого я когда-либо встречала. И самый терпимый. – Затем, обернувшись к Александре, раздраженно добавила: – Лекса, дорогая, хватит суетиться. В ванне все само сойдет.

– Но я не взяла с собой купальный костюм, – сказала Дженифер, переводя умоляющий взгляд широко открытых глаз с одной женщины на

другую.

— Там почти совсем темно, никто ничего не увидит, — успокоила ее Сьюки. — Впрочем, если хотите, можете вернуться домой.

— Ах нет. Там слишком гнетущая атмосфера. Мне все время мерещится папино тело, раскачивающееся в воздухе, это так страшно, я никак не могу заставить себя подняться наверх и начать разбирать вещи в мансарде.

Сьюки пришло в голову, что у каждой из них есть дети, Дженифер и Кристофер тоже были детьми, но им приходилось заботиться о себе самим. Она с грустью вспомнила пенис их отца, Клайда, который равно мог принадлежать и ее собственному отцу и, по правде говоря, казался своего рода реликтом: слегка желтушный снизу, что становилось видно во время эрекции, и окруженный у основания невероятно длинными седыми, как на голове у старухи, волосами, змейками свисавшими с яичек. Неудивительно, что он так остро реагировал, когда она раздвигала ноги. Сьюки повела женщин к выходу из шатра: две «двери» по обе стороны корта застегивались на молнии, и проходить через них следовало быстро, чтобы не выпускать теплый воздух.

Умирающий декабрьский день тут же вцепился в их лица и упакованные в кроссовки ноги. Подбежали и стали вертеться вокруг Коул, противный лабrador Александры, и Носатый, пятнистый нервный колли Даррила, на пару поймавшие в местном лесочке и растерзавшие какое-то пушистое существо, отчего морды у них были в крови. Некогда «пухлая» лужайка, ведущая наверх к дому, была этой осенью в процессе строительства корта разворочена бульдозерами, комья дерна и глины, намертво замерзшие, придавали ей вид лунного пейзажа, по которому было страшно ступать. Сквозь прыснувшие от холода слезы ауры спутниц казались Сьюки радужными, разговаривать было больно от сковавшего щеки мороза. Добравшись до твердой поверхности подъездной аллеи, она бросилась бежать; топот ног по гравию позади представлялся ей топотом одного большого неуклюжего животного. Массивная дубовая дверь, словно живая, распахнулась от ее толчка, и из вестибюля с мраморным настилом и полой слоновьей ногой в лицо пахнуло серным облаком тепла. Фиделя нигде не было видно. Ориентируясь на звук голосов, женщины нашли Даррила и Кристофера в библиотеке сидящими друг против друга за круглым столом с обтянутой кожей столешницей. Между ними на столе лежали старые комиксы и стоял поднос с чаем. На стенах висели печальные головы американского лося и оленя, оставшиеся еще от охотников Леноксов: скорбные стеклянные глаза, неморгающие, несмотря на покрывающую их пыль.

– Кто выиграл? – спросил ван Хорн. – Хорошие или плохие?

– А кто есть кто среди нас? – вопросом на вопрос ответила Джейн Смарт, плюхаясь в тарахтящее, как погремушка, малиновое кресло возле утесом возвышающейся связки книг о тайнах природы – гигантских томов с бледными корешками и непонятной вязью латинских названий. – Победила молодая кровь, – сообщила она, – как это обычно и бывает.

Уродливая пушистая Тамбкин неподвижно, как статуэтка, стоявшая на черепичном настиле перед камином так близко к огню, что казалось, у нее вот-вот обуглятся кончики усов, с большим достоинством подошла к Джейн, потерлась о ее щиколотки и, будто ноги Джейн в белых спортивных носках были чурками для точки когтей, глубоко запустила в них когти, одновременно трубой подняв вверх дрожащий хвост, словно она блаженно мочилась. Джейн взмыла и мыском обутой в кроссовку ноги подбросила животное высоко в воздух. Тамбкин спланировала, как гигантская снежинка, и приземлилась на четыре лапы неподалеку от места, где, отбрасывая тусклые блики, торчали из подставки кочерга, щипцы и угольная лопатка. Оскорбленный взор кошачьих глаз замерцал в пандан медным каминным инструментам; вертикально вытянутые зрачки, окруженные желтой радужной оболочкой, превратились в щелочки в знак осуждения собравшихся.

– Они прибегли к грязным приемам, – наябедничала Сьюки. – Это было жульничество.

– Вот так распознается истинная женщина, – пошутил Даррил ван Хорн, его гортанный голос вибрировал. – Она всегда чувствует себя обманутой.

– Даррил, не будьте таким мрачным и афористичным, – попросила Александра. – Крис, этот чай на вкус так же хорош, как на вид?

– Нормальный, – буркнул молодой человек, ухмыляясь и не глядя никому в глаза.

Материализовался Фидель. Его куртка цвета хаки выглядела необычно помятой. Результат пребывания на кухне вдвоем с Ребеккой?

– Чай для сеньор и сеньориты, пожалуйста, – сказал ему по-испански Даррил.

Английский Фиделя был безупречен и становился день ото дня все более идиоматичным, но это было частью их игры в хозяина и слугу: ван Хорн, насколько ему позволял запас слов, изъяснялся с Фиделем по-испански.

– Да, сеньор, – так же по-испански ответил ему слуга.

– И поскорее, – четко выговорил ван Хорн.

– Да, конечно. – Слуга удалился.

– Ох, как же здесь уютно! – воскликнула Джейн Смарт, но Сьюки что-то в облике этого дома печалило и вызывало неудовлетворение, он напоминал ей театральную декорацию: в одном ракурсе выглядел сногсшибательно, в других – казался полным брешей, незаконченным и убогим, словно был лишь макетом дома, существовавшего где-то в другом месте.

Сьюки надула губки:

– Мой организм не насытился теннисом. Даррил, составьте мне компанию. Пока еще не стемнело. Вам ведь наверняка хочется поиграть, и одеты вы подходяще.

– Как насчет того, чтобы взять в партнеры присутствующего здесь юного Криса? – угрюмо ответил ван Хорн. – Он тоже еще не играл.

– Уверена, что он и не хочет, – заботливо вступилась за брата Дженифер.

– От меня воняет, – подтвердил парень.

Он и впрямь зануда, подумала Сьюки. Девушка его возраста была бы такой занятной, резвой и чуткой к настроениям окружающих, подмечала бы все вокруг и использовала свои наблюдения для того, чтобы флиртовать, располагать к себе. Она оплела бы эту комнату паутиной, превратив ее в свое гнездо, в театр.

Сьюки встала и откинула назад волосы. Она была взвинчена до предела, едва сдерживалась, готовая в любой момент сорваться на грубость, и при этом не могла толком понять из-за чего, разве что из-за смущения, вызванного тем, что именно она привезла сюда Гейбриелов, – никогда больше не станет этого делать! – а также из-за того, что с момента самоубийства Клайда, то есть уже две недели, у нее не было близости с мужчиной. Позже, ночью, она поймала себя на том, что думает об Эде: что он делает там, в своем подполье, с этой простолюдинкой и грязнулей Зарей Полански?

Даррил, несмотря на всю свою вульгарность, обладавший недюжинной интуицией и, в сущности, добрым, встал, снова надел снятую уже пурпурную куртку, дополнил костюм оранжевым, как у дорожного рабочего, охотничьим кепи с длинным козырьком и «ушами», которое иногда носил ради шутки, и взял в руки алюминиевую ракетку.

– Всего один короткий сет, – предупредил он. – И в случае тай-брейка при счете шесть – шесть играем только до семи. При первом же мяче, превращенном в жабу, вы теряете очко. Кто-нибудь желает посмотреть?

Никто не пожелал, все ждали чая. Поэтому в одиночестве, как

супружеская пара, эти двое выплыли наружу, в тускнеющий серый день с его молчаливыми снульми лесами и бледно-лиловыми кустарниками, с изумрудно-зеленым небом на востоке, и направились к куполу, дышавшему кладбищенским аскетизмом и покоем.

Партия удалась на славу; Даррил, неуклюжий на вид, но непогрешимый, не только сам играл как робот, но и Сьюки выманивал на поразительные удары, невероятные приемы, которые завершались ликующими победами; сверхъестественная скорость и ловкость их движений будто уменьшала в размерах расчерченное пространство корта. Мяч, к которому бросалась Сьюки, зависал над площадкой, как луна; ее тело становилось орудием мысли и оказывалось в нужный момент в любой точке, где она ни пожелает. Ей удались даже несколько реверсов слева. В момент подачи она натягивалась, словно лук, готовый испустить стрелу. Она была Дианой, Изидой, Астартой. В этот свой звездный час она являла воплощение женской грации и силы, освободившихся от мертвой хватки рабской покорности. По углам мышастого купола начали сгущаться сумерки; кусочки неба, выхваченные световыми окошками наверху, сплотились над головой в гигантскую аквамариновую корону; Сьюки уже не различала темной фигуры противника, метавшегося, извивавшегося, тяжело скакавшего по ту сторону сетки, но мяч неизменно возвращался оттуда, возникая перед ее лицом, как хищник, вновь и вновь восстающий с картинки на асфальте. Удар, удар... Она наносила удар за ударом, и мяч становился все меньше – сначала размером с мячик для гольфа, затем – с золотистую горошину, пока наконец на дальнем чернильно-черном конце корта вместо четкого звука отскакивающего мяча не послышался глухой войлочный плюх. Партия закончилась.

– Это было блаженство! – воскликнула Сьюки, обращаясь к тому, кто стоял по другую сторону сетки, кем бы он ни был.

Надвигающийся из темноты скрипучий и рокочущий голос ван Хорна между тем говорил:

– Я оказал вам дружескую услугу; как насчет того, чтобы теперь вы оказали дружескую услугу мне?

– Хорошо, – ответила Сьюки. – Что я должна сделать?

– Поцеловать меня в задницу, – сипло произнес он и подставил ей поверх сетки свой антифасад. Его можно было назвать волосатым или пушистым – в зависимости от того, как относиться к мужчинам. Слева, справа...

– И посередине, – потребовал ван Хорн.

Запах, не лишенный сладости, должно быть, означал послание,

донесенное издалека, – как запах верблюдов, витающий под трепещущими шелковыми шатрами лагеря в пустыне Гоби.

– Спасибо, – сказал ван Хорн, натягивая штаны. В темноте его голос звучал хрипло, как у нью-йоркского таксиста. – Понимаю, вам это кажется глупостью, но меня чертовски взбадривает.

Они пошли вверх по лужайке к дому, Сьюки была липкой от пота. Интересно, как они станут париться в бане в присутствии Дженифер Гейбриел, которая, судя по всему, не собирается уезжать, думала Сьюки. Войдя в дом, они обнаружили в библиотеке только хамоватого братца, который читал огромный голубой фолиант – сборник комиксов, как заметила Сьюки, глянув на обложку через плечо: человек в синем плаще с рогатым капюшоном – Бэтман.

– У меня полное собрание этой белиберды, – похвастал ван Хорн. – Некоторые сборники старых, еще военных времен комиксов стоили мне кучу денег. Если бы в детстве мне хватило ума сохранить свои книжки, я мог бы теперь сколотить на них состояние. Мать честная, все свое детство я жил ожиданием очередного ежемесячного выпуска. Обожал Джокера и Пингвина^[44]. Обожал «бэтмобиль» Бэтмана и его подземный гараж. Вы-то не переболели этой болезнью – вы оба слишком молоды.

– Их раньше показывали по телику, – заметил парень.

– Да, но там их опошили, чего делать не следовало. В мультиках все свели к шутке – полное отсутствие вкуса, черт бы их побрал. А в настоящих старых комиксах жило подлинное зло. Вы не поверите, это белое лицо преследовало меня в детских снах. А как вам нравится Капитан Марвел?^[45] – Ван Хорн снял с полки том из другого собрания, в красной обложке с театральным пафосом пророкотал: «Се-зам!» – и, к немалому удивлению Сьюки, усевшись в глубокое кресло с подголовником, начал листать книгу, а его крупное лицо гримасничало от удовольствия.

Сьюки пошла через длинный зал рассыпающегося в прах поп-арта на слабый звук женских голосов, доносившийся издалека, со стороны набитой нераспакованными ящиками маленькой комнаты, двойная дверь которой вела в облицованную сланцевой плиткой ванную. Свет ламп в круглых ребристых плафонах был максимально приглушен. Красный глазок стереосистемы мигал в такт изящному развитию Шубертовой сонаты. Над окутанной паром поверхностью воды плавали три головки с подколотыми волосами. Ни одна не обернулась посмотреть на раздевающуюся Сьюки. Голоса продолжали тихо журчать. Освободившись от множества задубевших теннисных одежд, Сьюки, обнаженная, прошла сквозь

влажный воздух, присела на край ванны и выгнула спину, готовая отдаваться воде, поначалу невыносимо горячей, но потом – вовсе нет. О! Организм Сьюки постепенно обновлялся. Вода, как и сон, отсасывает из нас естественную тяжесть. Знакомые тела Александры и Джейн колыхались друг против друга; волны, исходившие от них, и волна, поднятая Сьюки, наложились друг на друга, вздымая воду. Круглая головка и круглые плечи Дженифер Гейбриел были центром мизансцены; округлые груди девушки качались непосредственно под поверхностью прозрачной черной воды, а в глубине виднелись ее оптически укороченные бедра и ступни, похожие на эмбрионов.

- Чудесно, правда? – обратилась к ней Сьюки.
- Да.
- У него здесь столько всяких регуляторов, – сообщила Сьюки.
- Он собирается к нам присоединиться? – испугалась Дженифер.
- В этот раз – не думаю, – ответила Джейн Смарт.
- Из уважения к вам, дорогая, – добавила Александра.
- Я чувствую себя совершенно спокойно. Так не должно быть?
- Почему бы нет? – заметила одна из ведьм.
- Чувствуйте себя спокойно, пока можете, – подхватила другая.
- Эти лампочки – как звезды. Я имею в виду то, как они разбросаны.
- Взгляните на это!

Теперь они все уже умели пользоваться регуляторами. Повинуясь вытянувшему рычажок пальцу, крыша отъехала назад. Открывшееся взору бледное мерцание планет и красных гигантов на ранневечернем, по-матерински ласковом бирюзовом небе казалось иллюзией, чем-то несуществующим. Одна сфера просвечивала сквозь другую – на склоне дня и года все они были прозрачными или опалово-дымчатыми.

- Боже милостивый! Мы же на улице.
- Точ-чно!
- Но мне совсем не холодно.
- Отопление автоматически усиливается.
- Как вы думаете, сколько денег он во все это вбухал?
- Тысячи.
- Но зачем? Для какой цели?
- Для нас.
- Он нас любит.
- Только нас?
- Этого мы точно не знаем.
- Какой смысл задаваться таким вопросом?

- Вам хорошо?
- Да.
- О да!
- Но нам с Крисом, наверное, пора возвращаться. Надо накормить домашних животных.
- Каких домашних животных?
- Фелисия Гейбриел говорила, что мы не должны тратить протеин на животных, в то время как в Азии люди умирают от голода.
- Не знала, что у Клайда и Фелисии были домашние животные.
- Их и не было. Но вскоре после того, как мы сюда приехали, кто-то подкинул в наш «вольво» щенка. А чуть позже к дому приблудилась кошечка.
- Рассчитывайте на нас. У нас ведь дети.
- Несчастные заброшенные маленькие неряхи, – продолжила Джейн Смарт издевательским тоном, имитируя голос некоего человека «из общества», враждебно сплетничающего на их счет.
- Знаете, меня в детстве очень оберегали, – словно размышая вслух, сказала Сьюки, – и это было тягостно. Теперь, задним числом, не припоминаю, чтобы родители баловали меня, они трудились над решением собственных проблем.
- Никто другой не может решить за нас наши проблемы, – с достоинством констатировала Александра.
- Женщинам пора прекратить прислуживать другим, тогда они обретут философское спокойствие. Такова была до сих пор наша политика.
- О! Звучит заманчиво, – призналась Дженни.
- Это терапия.
- Закрой крышу. Я хочу чувствовать себя уютно.
- И выключи этого чертова Шуберта.
- А если Даррил войдет?
- С этим отвратительным мальчишкой.
- С Кристофером.
- Пусть входят.
- Ммм. Ты сильная.
- Мое искусство, оно фливает мышечную силу также пот ногти.
- Лекса, а сколько текилы ты влила себе в чай?
- До которого часа работает супермаркет на дороге в Оулд-Вик?
- Понятия не имею, я давно уже туда не езжу. Если в «Сьюперетте» чего-то нет, мы этого просто не едим.
- Но у них почти не бывает свежих овощей, а уж свежего мяса – тем

более.

– Этого никто не замечает. Всем нужны лишь замороженные ужины и «завтраки героя», чтобы не готовить и не отрываться от телевизора. Они скирают столько лука! Наверное, поэтому я перестала целовать свой выводок на ночь.

– Вы не поверите, но мой старший с двенадцати лет не ест ничего, кроме крученых чипсов и пеканового печенья, а вымахал за шесть футов, и ни одного дупла, дантист говорит, что никогда еще не видел таких прекрасных зубов.

– Это благодаря фтористым пастам.

– А мне нравится Шуберт. Он не такой, как Бетховен, который вечно гонится за тобой.

– Или Малер.

– О боже, Малер!

– Его и впрямь всегда кажется чудовищно много.

– Моя очередь.

– Нет, моя.

– О-ох-х, какое блаженство! Ты нашла нужную точку.

– Что это значит, когда постоянно болят шея и подмышки?

– Это лимфатические железы. Рак.

– Прошу тебя, не надо говорить этого даже в шутку.

– Попробуй климакс.

– Он меня не пугает.

– А я так жду его с нетерпением.

– Тебе никогда не приходило в голову, что способности к деторождению порой придают излишнее значение?

– Сейчас обо всех этих противозачаточных средствах пишут столько ужасов.

– Как ни смешно, но самые лучшие сандвичи-«субмарины» делают в этой захудалой пиццерии на Восточном пляже. Жаль, что она закрыта с октября по август. Я слышала, что ее хозяин с женой ездит во Флориду и живет там среди миллионеров в Форт-Лодердейле, – судите сами, какое у них благосостояние.

– Это тот одноглазый, который стоит за плитой в майке-варёнке?

– Я так никогда точно и не знала, действительно у него нет одного глаза или он просто постоянно щурится.

– На самом деле пиццу готовит его жена. Хотела бы я знать, как ей удается так хорошо пропекать тесто, оно никогда не бывает клеклым.

– У меня скопилось столько томатного соуса, а дети бастуют – им,

видите ли, надоело есть спагетти.

- А ты отдаи его Джо, он отнесет семье.
- Он и так таскает его домой сумками.
- Но и тебе он кое-что оставляет.
- Не будь вульгарной.
- Что он уносит домой?
- Запахи.
- Воспоминания.
- О господи!
- Не напрягайтесь, просто качайтесь на воде.
- Мы все здесь.
- Мы все с вами.
- Я это чувствую, – произнесла Дженни еще тише и слабее, чем обычно.
- Вы так прелестны.
- Как забавно было бы снова стать такой же молодой.
- Поверить не могу, что когда-то была такой же. Должно быть, это был кто-то другой.
- Закройте глаза. Еще одна, последняя, противная песчинка. Вот здесь, в уголке. Вот она.
- Мокрые волосы в это время года – большая проблема.
- Когда-нибудь от моего дыхания они примерзнут к лицу.
- Я подумываю о том, чтобы постричься ярусами. Говорят, новый парикмахер, тот, что открылся на другом конце Лэндинг-сквер, в маленьком продолговатом строении, где прежде точили пилы, прекрасно стрижет.
- Женщин?
- А что делать? Мужчины перестали стричься. Правда, он взвинтил цены. Семь пятьдесят – и это без завивки, мытья головы и всего прочего.
- Последнее, что я сделала для отца, – отвезла его в парикмахерскую постричься. Он тоже знал, что это его последняя стрижка. И сообщил об этом всем, кто ожидал в очереди: «Это моя дочь, она привезла меня постричься последний раз в жизни».
- Казмирчак-сквер. Вы уже видели новые таблички?
- Кошмар. Страшно подумать, что это название так и останется.
- У людей короткая память. Для нынешних школьников Вторая мировая война – уже просто миф.
- Разве тебе не хотелось бы по-прежнему иметь такую вот кожу: ни единого шрама, ни единой родинки?
- Вообще-то на днях я заметила маленькое розовое пятнышко вон там,

вверху. Нет, выше.

– Точ-чно. Оно болит?

– Нет.

– Хорошо.

– Вы никогда не замечали, что, когда начинаешь ощупывать себя на предмет обнаружения всяких опухолей, как советуют врачи, находишь их повсюду? Человеческий организм ужасно сложен.

– Пожалуйста, не напоминай мне об этом.

– В новом словаре, который печатают в журнале, к статье «Мужчина» прилагается вклейка с диапозитивами, там есть и женское тело. Вены, мышцы, кости – все на отдельных листах, – невероятно. Как это все работает?

– Не думаю, что организм так уж сложен, просто мы привыкли думать, что это нечто запредельное. На самом деле – такая же система, как многие другие.

– Какие они изумительно круглые. Идеальные полукружия.

– Полушария.

– Отдает политикой.

– Полушарие влияния.

– Что по-настоящему огорчает, так это ослабление чувствительности эрогенных зон. Я тут на днях разглядывала в зеркале свои ягодицы и обнаружила отчетливые складки. Может быть, поэтому у меня шея не поворачивается?

– У «Немо» делают неплохие «субмарины» с колбасой.

– В них слишком много горького красного перца. Фидель подбирается к Ребекке. Он ее «начиняет».

– Как вы думаете, какого цвета у них будут дети?

– Бежевые.

– Кофейные.

– Я не слишком настойчива?

– В общем, нет.

– Как она прелестно разговаривает!

– Боже мой, беда в том, что молодой и прекрасной женщине никто не помогает по-настоящему оценить свои достоинства. В двадцатидвухлетнем возрасте, в расцвете сил, меня беспокоило лишь, как бы ублажить свекровь – и не хуже ли я в постели, чем те шлюхи, с которыми Монти вожжался в колледже.

– Это то же, что быть богатым: знаешь, что у тебя кое-что имеется, и при этом боишься пользоваться своими возможностями.

– Похоже, Даррил не позволяет себе мучиться подобными сомнениями.

– А насколько он богат в действительности?

– Я знаю, что он до сих пор не заплатил Джо за работу.

– Таковы богачи. Придерживают свои денежки и никогда не упустят выгоду.

– Обрати внимание, дорогая.

– Как не обратить.

– У меня покалывает подушечки пальцев.

– Может, пора посмотреть, не готовы ли существа противоположной породы снести яйца?

– Давайте-давайте.

– Вперед.

Разбрзгивая воду, они неуклюже вылезли из ванны – серебро, родившееся из свинца в результате бурной химической реакции, – и стали нащупывать полотенца.

– Где же он?

– Может, спит? Надо сказать, я задала ему жару на корте.

– Говорят, после определенного возраста вода вредна для кожи и нужно непременно смазывать ее маслом после мытья.

– У нас есть притирания.

– У нас ведра всяких притираний.

– Стоит лишь руку протянуть. Вы все еще расслаблены?

– О да. Я действительно расслаблена.

– А вот еще одно, точнехонько под вашим прелестным сосочком. Как крохотный розовый пятак.

Несмотря на царившую в помещении темноту, никому не казалась удивительной подобная прозорливость, потому что зрачки у всех четверых расширились настолько, что захлестнули серую, ореховую, карюю и голубую радужки. Одна из ведьм ущипнула Дженифера за «лишний сосок» и спросила;

– Что-нибудь чувствуете?

– Нет.

– Хорошо.

– Испытываете смущение? – спросила другая.

– Нет.

– Хорошо, – одобрила третья.

– Ну разве она не умница?

– Умница.

- Просто думайте: «Я плаву».
- У меня такое чувство, словно я лечу.
- У нас тоже.
- Причем всегда.
- Мы рядом с вами.
- Это потрясающее.
- Мне нравится быть женщиной, честное слово, – сказала Сьюки.
- Еще бы, – сухо констатировала Джейн Смарт.
- Я хочу сказать, что это не просто пропаганда, – подчеркнула Сьюки.
- Детка моя, – ворковала Александра.
- О-о! – сорвалось с губ Джени.
- Нежно. Еще нежнее.
- Это рай.

– А мне кажется, – категорически, будто спорила с кем-то, говорила в трубку Джейн Смарт, – что она была излишне заискивающей и притворно-скромной, как Алиса в Стране чудес. Думаю, у нее что-то на уме.

– Что может быть у нее на уме? Мы все бедны как церковные мыши, и за всеми нами тянутся шлейф городских скандалов! – возразила Александра.

Мысленно она все еще пребывала в своей мастерской, с наполовину одетыми плотью каркасами двух плавающих, неплотно сомкнутых женских фигур. Перебирая кучки нарезанной бумаги, предназначенной для изготовления папье-маше, Александра размышляла: почему ей теперь не дается та убедительность, какую она умела придавать своим глиняным статуэткам; крохотные, но тяжелые «малышки» были предназначены для того, чтобы покойиться на приставных столиках или на каминной решетке в какой-нибудь комнате для танцев.

– Ты осмысли ситуацию, – призвала ее Джейн. – Она вдруг оказывается сиротой. Совершенно очевидно, что в Чикаго она натворила дел. Здешний дом слишком велик, ей не под силу отапливать его и платить налоги. Но ей некуда податься.

В последнее время Джейн, похоже, старалась в каждую бочку меда влить ложку дегтя. За окном, на фоне все еще бесснежной зимы, на холодном ветру раскачивались голые серо-коричневые ветки с прикрепленной к ним птичкой кормушкой, которую пора было снова наполнить. У младших Слоффордов были рождественские каникулы, но сейчас они отправились на каток, дав Александре возможность часок поработать; времени терять не следовало.

– А мне показалось, что Дженифер очень мило вписалась в нашу компанию, – возразила она. – Мы не должны замыкаться в своем кругу.

– И мы никогда не должны покидать Иствик, – неожиданно заявила Джейн. – Какой ужас с Эдом Парсли, правда?

– А что с ним? Он вернулся к Бренде?

– Она получит его по кускам, – последовал жестокий ответ. – Они с Зарей Полански подорвались на собственноручно изготовленной бомбе в какой-то лачуге в Нью-Джерси.

Александра припомнила призрачное лицо Эда в тот вечер, когда состоялся концерт, свое последнее впечатление о нем: его аура имела болезненно-зеленый оттенок, а кончик длинного самодовольного носа так выдался вперед, что лицо казалось натянутым с обеих сторон, как резиновая маска. Она уже тогда могла сказать, что Эд обречен. От грубого выражения Джейн «она получит его по кускам» Александру словно резанули ножом, по согнутому предплечью, по кисти, державшей трубку, в которой обитал голос Джейн; рука вместе с трубкой поплыла прочь от уха, между тем как оконный переплет прошел сквозь глаза и тело Александры, словно параллельные проволочки яйцерезки.

– Его опознали по отпечаткам пальцев руки, найденной среди обломков, – продолжала Джейн. – Оторванной руки. Сегодня утром все это показывали по телевизору. Удивительно, что Сьюки тебе еще не позвонила.

– Сьюки немного обиделась на меня: вероятно, ей показалось, что в тот вечер я предпочла ей Дженифер. Бедный Эд, – сказала Александра, чувствуя себя так, будто ее самое несет замедленной взрывной волной. – Она, наверное, ужасно подавлена.

– Полчаса назад, когда я с ней разговаривала, так не казалось. Помоему, больше всего ее занимало, сколько строк новая администрация «Слова» отведет под эту историю. Там теперь вместо Клайда сидит парень, который гораздо моложе всех нас, его прислали хозяева; все считают, что они – прикрытие мафии, подзывающейся, как ты знаешь, в Вашингтоне. Он только что со студенческой скамьи и ничего не смыслит в газетном деле.

– Сьюки винит себя?

– Нет, с какой стати? Она никогда не советовала Эду бросить Бренду и сбежать с этой нелепой грязнулей, наоборот, как могла, старалась сохранить их брак. Сьюки рассказывала мне, что уговаривала его держаться за Бренду и пасторат, по крайней мере пока он не найдет себе места в пиаровской сфере. Ведь все священники и проповедники, которые отходят от церкви, идут именно туда.

– Не знаю, все так запутанно, – слабо молвила Александра. – А руки

Зари тоже нашли?

– Не знаю, что там нашли от Зари, но считаю невероятным, чтобы ей удалось спастись, если только... – «Если только она не была ведьмой» – таково было невысказанное предположение.

– Даже это мало помогло бы против кордита, или как там его называют. Даррил, наверное, знает.

– Даррил считает, что я созрела для Хиндемита^[46].

– Милая моя, так это же замечательно. Хотела бы я услышать, что созрела для возвращения к своим «малышкам». Кроме всего прочего, я ведь еще и деньги теряю.

– Александра С. Споффорд, – сурово и торжественно произнесла Джейн Смарт, – Даррил желает тебе только добра. Эти нью-йоркские дилеры выколачивают по десять тысяч долларов за какие-то безделицы.

– Но не за мои, – ответила Александра и в унынии повесила трубку.

Она не хотела быть одним из ингредиентов в горшке, где Джейн варила свою отраву, не желала становиться частью местной суточной похлебки. Она мечтала, глядя из окна, видеть золотую землю, простирающуюся на многие мили вокруг, поросшую полынью, а вдалеке – горы, белые и воздушные, как облака, только прикованные к месту.

Должно быть, Сьюки простила Александру за излишнее внимание к Дженнини, поскольку позвонила ей после поминальной службы по Эду, чтобы представить полный отчет. Между тем выпал снег. За год забываешь об этом чуде: какие сразу открываются просторы, каким осязаемым становится воздух; как струящиеся снежинки, прочерчивая его диагоналями, превращают все вокруг в штрихованную гравюру; как поутру птичья кормушка набекрень нахлобучивает на себя белый пушистый берет; насколько более контрастными становятся редкие высохшие коричневые листья, не опавшие с дуба, и кустики болиголова с их поникшими темно-зелеными веточками; каким пронзительно синим становится небо – словно освободившаяся от содержимого опрокинутая лазоревая чаша; какая волнующая вибрация исходит от стен внутри дома, вдыхая новую жизнь в рисунок на обоях; какие загадочно-интимные бледные тени отбрасывают амариллисы в горшках на подоконнике.

– Бренды выступала, – рассказывала Сьюки. – Какой-то зловещий толстяк с бородой и конским хвостиком на затылке от имени Революции заявил, что Эд и Заря – мученики гнусной тирании или что-то в этом роде. Он страшно возбудился, а поскольку с ним была банда, одетая под Кастро, я боялась, что стоит кому-нибудь что-нибудь сказать или выйти из строя,

как нас начнут избивать. Но Бренда, надо отдать ей должное, вела себя мужественно. Она становится великолепной.

– В самом деле?

Фальшивая монета – вот что приходило на ум Александре, когда она вспоминала Бренду: голову с лоснящимися светлыми волосами, туго закрученными на затылке, отворачивающуюся от нее среди чванливой суэты разнообразных аур концертного вечера. От других встреч осталось воспоминание о продолговатом, словно припудренном мелом лице с притворно-любезной улыбкой на губах, накрашенных ярче, чем можно было бы ожидать, и горячечным румянцем розы, теряющей последние лепестки.

– Контуры одеяний у нее теперь исключительно Т-образные: темные костюмы с накладными плечами и шелковые галстуки, настолько широкие, что кажется, будто она после поедания лобстера забыла снять салфетку, заткнутую за ворот. Говорила она минут десять – о том, каким заботливым пастырем был Эд, как вникал во все проблемы Иствика, включая хрупкую экологию города, его мятущуюся молодежь и все такое прочее, пока совесть – при слове «совесть» у нее сорвался голос, тебе бы понравилось, она промокнула платочком всего две слезинки, одну в правом, другую в левом глазу, как раз в меру, и продолжила: пока совесть не велела ему распространить свою энергию за пределы города, который так ценил его усилия. – Сьюки от души демонстрировала свои способности к подражанию; Александра живо представила, как забавно морщится и вытягивается верхняя губа подруги. – И посвятил ее, свою незаурядную энергию, – продолжала Сьюки, – тому, чтобы попытаться искоренить зло, недуги, отравляющие сокровенную жизнь нашего народа. Она заявила, что страна томится под проклятием злых чар, и при этом посмотрела мне прямо в глаза.

– А ты что?

– Улыбнулась. Это ведь не я увезла его в Нью-Джерси и вовлекла в отряд бомбистов, а Заря. Кстати, кроме толстяка, о ней почти – а то и вовсе – никто не вспомнил. Судя по всему, от нее не нашли и следа – только какие-то лохмотья, но они, вполне вероятно, могли быть останками одежды, хранившейся в гардеробе. Она была таким ничтожеством – может, просто просквозила через крышу? Полански, или как там их фамилия, отчим и мать, тоже появились, видела бы ты, как они были одеты, – как какие-нибудь киноперсонажи тридцатых годов. Похоже, они не так часто выбираются из своего трейлера. Я все смотрела на мать, мне было интересно, как выглядит цирковая акробатка; должна сказать, фигуру она

сохранила, но лицо... Ужасающее. Все покрыто коркой, какая бывает на пятках, когда сотрешь ноги. Никто не знал, что им сказать, поскольку девчонка была всего лишь шлюхой Эда, к тому же и сам факт ее гибели официально не установлен. Даже Бренда не знала, как вести себя, когда после службы прощалась со всеми на крыльце, ведь, в сущности, именно в этом семействе кроется для нее корень зла, но, надо признать, она была великолепна – исключительно куртуазна, этакая *grande dame*, – и, сверкнув слезой, выразила им свои соболезнования. Я знаю, что Бренда не нашего поля ягода, но меня искренне восхищает то, как она сумела воспрянуть и извлечь кое-что из ситуации, в которой очутилась. Кстати, о ситуации... – Сьюки сделала паузу, явно пытаясь подловить подругу, которая, как ей показалось, отвлеклась от разговора.

– Да? – подхватила реплику Александра, праздно прижимая кончик пальца к нижней части запотевшей поверхности кухонного окна и подсознательно воспроизведя протаявшими кружочками узор то ли падающих снежинок, то ли Сьюкиных веснушек, то ли дырочек в микрофоне телефонной трубки, то ли красочных мазков, коими Ники де Сен-Фалль раскрашивала свои всемирно известные скульптуры «Нана».

Александра обрадовалась, что подруга снова заговорила; порой ей казалось, что, если бы не Сьюки, она начисто утратила бы всякую связь с миром повседневных событий и улетела бы в стратосферу так же, как этот несчастный даун вылетел из дома в Нью-Джерси.

– Меня уволили, – сообщила Сьюки.

– Детка! Не может быть! Как они могли, ты ведь теперь единственная светлая личность в этой газете.

– Ну, вообще-то можно сказать, что я сама ушла. Парень, которого взяли на место Клайда (у него какая-то еврейская фамилия, которую я не могу запомнить – Бернштейн, Бирнбаум... – да и не хочу ее запоминать), сократил мой некролог на гибель Эда с целой колонки до половины, свел его к двум лишившимся всякого смысла абзацам. Он заявил, что на этой неделе у них, видите ли, космического значения событие – еще один местный бедолага убит во Вьетнаме, но я-то знаю: это потому, что ему со всех сторон нашептывают, будто Эд был моим любовником, и он боится, как бы я не перегнула палку, а то люди будут хихикать. Когда-то давно Эд дал мне свои стихи, написанные под Боба Дилана, я намеренно включила пару из них в некролог и не стала бы возражать, если бы меня попросили снять именно их; но они вычеркнули даже кусок о том, что Эд участвовал в группе «Фэр хаузинг» и в Гарварде на факультете богословия был в числе лучших. Я так и заявила этому парню: «Вы живете в Иствике без году

неделю и, судя по всему, не понимаете, как здесь любили преподобного Парсли». А этот сопляк, окончивший какой-то паршивый Браун, улыбнулся и ответил: «Я наслышан о том, как его здесь любили». Тогда я сказала: «Я ухожу. Я всегда очень тщательно работала над своими материалами, и мистер Гейбриел почти никогда не вычеркивал у меня ни слова». Это вызвало у несносного мальчишки еще более ироничную улыбку, и мне ничего не оставалось, как выйти вон. Правда, прежде чем выйти, я выхватила из его руки карандаш и сломала его у него перед носом.

Александра рассмеялась: как хорошо, что у нее есть такая энергичная, трехмерная подруга – не чета тем злобным плоским клоунским физиономиям, которые живут в ее спальне.

– Ой, Сьюки, неужели ты это действительно сделала?

– Да, и еще добавила: «Чтоб вам ногу сломать», а потом бросила обломки карандаша в мусорную корзину. Паршивый жиленок. Но что мне теперь делать? Все, что у меня есть, – это около семисот долларов на банковском счете.

– Может быть, Даррил…

Мысленно Александра по любому поводу обращалась к Даррилу, перед ее глазами всплывали то его обеспокоенное лицо, забрызганное слюной, то пыльные углы его дома, нуждающегося в женском попечении, то отдельные моменты их встреч – например, холод, который воцаряется от его хриплого нервного лающего смеха, после которого челюсти у него резко смыкаются, и мир, такой, как он есть, рушится от мгновенного заклятия. Подобные видения посещали Александру не потому, что она сознательно вызывала их с какой-то определенной целью, они наплывали одно на другое, как радиоволны в мчащемся по ветреной дороге автомобиле. В то время как Сьюки и Джейн, казалось, черпали новые силы и страсть в ритуалах посещения острова, Александра видела, что ее независимое существование из глины по сути перетекало в бумагу и дававшая ей силу связь с природой убывала. Она не подрезала на зиму свои розовые кусты; не заложила листья в компост, как всегда делала в ноябре; постоянно забывала наполнить птичью кормушку и больше не кидалась к окну, чтобы отогнать от нее жадных серых белок. Александра двигалась как в тумане, что заметил даже Джо Марино, и это его обескураживало. Тоскливость в жене – часть общественного договора, но тоскливость в любовнице подтачивает мужчину. Единственное, чего хотелось Александре, так это вымачивать свои косточки в тиковой ванне, склонив голову на волосатый торс Хорна под доносящиеся из стереосистемы трели Тайни Тима: «Жить при солнечном свете, любить при лунном,

наслаждаться!»

– У Даррила и без меня дел по горло, – сказала Сьюки. – Город собирается перекрыть ему воду за неуплату, и он, как я предполагаю, взял Дженин Гейбриел в ассистентки.

– Ты так предполагаешь?

– Ну, она же работала лаборанткой в Чикаго, а здесь осталась не у дел, совсем одна...

– Сьюки, это твоя вина, дорогая. Ну не коварство ли это?

– Мне казалось, я немного ей обязана, к тому же она выглядит такой трогательно-очаровательной и серьезной в этом своем белом пальтишке. Мы вчера были там.

– Вчера была вечеринка, и мне никто ничего не сказал?!

– Какая там вечеринка! Никто не раздевался.

«Полагаться можно только на себя, – подумала Александра. – Нужно найти новую опору в жизни».

– Мы пробыли меньше часа, душенька, честное слово. Так получилось. На вечеринке был еще человек из городского водоканала с предписанием, или что там они ему решили вручить. Он никак не мог найти вентиль, согласился выпить, и мы все примеряли его каску. Ты же знаешь, что тебя Даррил любит больше всех.

– Ничего подобного. Я не такая хорошенечкая, как ты, и я не могу делать для него то, что делает Джейн.

– Но физически ты – его тип женщины, – бодро заверила ее Сьюки. – В целом ты очень хороша. Душенька, мне действительно пора бежать. Я слышала, что в ожидании весеннего бума Перли могут взять в свое агентство нового стажера.

– Ты собираешься торговать недвижимостью?

– Может, придется. Надо же что-то делать, у меня уйма денег уходит на ортодонтов, никак не могу взять в толк почему: у Монти были великолепные зубы, у меня – тоже неплохие, только прикус немного неправильный.

– Но разве Мардж – как ты выразилась насчет Бренды – нашего поля ягода?

– Если даст мне работу, будет нашего.

– Мне казалось, Даррил хочет, чтобы ты писала роман.

– «Даррил хочет, Даррил хочет», – передразнила Сьюки. – Если Даррил станет оплачивать мои счета, тогда все будет так, как он хочет.

В том, что так долго казалось идеальным, начали появляться трещины, подумала Александра, кладя трубку. Видимо, она отстала от времени. Ей

хотелось, чтобы ничто никогда не менялось или, точнее, все повторялось снова и снова, как в природе. Все то же лохматое плетение ядовитого плюща и виргинских выюнков на стене у границы болота, все то же мерцание кристаллов в гальке на дороге. Какое чудо эта галька и какой трепет она внушает! Гольшам, которые валяются вокруг нас, миллиарды лет, века не только отшлифовали их морскими приливами и отливами, но и в процессе подъема гор и их постоянной эрозии перемешали саму материю, из которой они состоят; не один, а много раз в убывающем конусе эонов на месте нынешних Род-Айленда и Нью-Джерси, там, где теперь простираются болота, возникали горы со снежными вершинами, между тем как океаны, заросшие диатомовыми водорослями, плескались там, где теперь возвышаются Скалистые горы, ископаемые остатки трилобитов до сих пор покоятся в их утесах.

В детстве Александру потрясали музейные экспозиции минералов, гроздья кристаллических призм, расцветка которых могла бы показаться вульгарной, если бы они не были рождены самой природой, – лепидолиты, хризобериллы, турмалины с их царственными именами, кристаллы, высеченные, словно гигантские оледеневшие искры, из самой земной плоти. Ее приводили в восторг рекой струившиеся вокруг обнаженные пласти гранита, целые континенты, бурлившие внутри базальта. Временами у Александры кружилась голова оттого, что она чувствовала себя связанный со всеми этими постоянно нарастающими природными катаклизмами, в которых ее сознание – лишь чешуйка слюды. Укреплялось ощущение, что она не просто несется на хребте вселенной, но является ее соучастницей, такой же огромной изнутри, способной извлекать целебные соки из водорослей, кипящих в гигантском котле, и усилием мысли обрушивать на землю ураганы. Александра была неотъемлемой частью всего этого коловорощения.

Зимой, когда опадали листья, забытые пруды, покрытые льдом, сверкая, приближались сквозь лес. Скрытые летом городские огни мерцали по соседству, отбрасывая целое поколение новорожденных теней и световых прямоугольников на обои, покрывающие стены комнат, по которым Александра бродила в жестокой бессоннице. Ее сверхъестественные способности с особой силой проявлялись по ночам. Клоунские рожи, возникающие из накладывающихся друг на друга пионов на ситцевых занавесках, собирались в толпы теней и повсюду следовали за ней. Дом пульсировал детским дыханием, объединяющимся со стенами печи. В лунном свете уверенным коротким жестом пухлых рук, на тыльной стороне которых уже начали появляться коричневые пигментные

пятнышки, Александра приказывала резному кленовому серванту (принадлежавшему когда-то матери Оза) сдвинуться влево на пять дюймов или велела настольной лампе с основанием, напоминающим китайскую вазу, — шнур покачивался и извивался в воздухе позади нее, как нелепый плюмаж на хвосте лирохвоста, — поменяться местами с медной лампой в форме подсвечника, стоящей в другом конце гостиной. Однажды Александру особенно раздражал собачий лай, доносившийся из соседского двора, расположенного за шпалерой ив, служившей границей ее собственного участка; недолго думая, она приказала собаке умереть. Это был щенок, не привыкший сидеть на привязи, и Александре слишком поздно пришло в голову, что она с легкостью могла просто мысленно отвязать невидимый поводок, ибо ведьмы прежде всего мастерицы по части всяческих узлов и *aiguillettes*^[47], с помощью которых они привлекают влюбленных, создают сердечные союзы, насыщают бесплодие на женщин и на скот, импотенцию на мужчин и сеют раздор между супругами. Завязывая узелки, они терзают невинных и запутывают будущее. Дети Александры знали щенка, и на следующее утро младшая, Линда, прибежала домой в слезах. Хозяева разъярились настолько, что заставили ветеринара провести вскрытие. Тот не нашел ни следов отравления, ни вообще каких-либо признаков болезни. Смерть щенка осталась загадкой.

Минула зима. В темной фотолаборатории, где еще недавно ночи напролет бушевали метели, постепенно проявлялись открыточные пейзажи Новой Англии; при утреннем солнце снимки делались цветными. На не слишком прямых тротуарах Док-стрит, с выбоинами, отпечатывались подошвы, следы напоминали грязно-белые помятые пирожные. Зеленоватое месиво острых льдин то откатывало от берега, то накатывало на него с приливом, напирая на бородатые от водорослей, обросшие ракушками сваи, подпирающие «Сьюперетт». Новый молодой редактор «Слова» Тоби Бергман, поскользнувшись неподалеку от парикмахерской, сломал ногу. Из-за пробки льда, образованной в водопроводных трубах, пока хозяева проводили зимний отпуск на Си-Айленде, в Джорджии, галлоны воды просочились сквозь кровлю подарочного магазина «Тяжкающая лиса» и, размыв изнутри переднюю стену, нанесли большой ущерб, попортив куклы работы Рэггеди Энн и резные фигурки, изготовленные инвалидом.

Зимой в отсутствие туристов городок сжался и сосредоточился на себе, как одинокое полено, догорающее в камине. Истощившаяся группка подростков слонялась перед «Сьюпереттом» в ожидании раскрашенного

психоделическими картинками фургона «фольксваген», на котором с южной окраины Провиденса приезжал торговец наркотиками. В наиболее холодные дни они заходили внутрь и, пока разгневанный администратор (он же по совместительству налоговый ревизор, обходившийся всего четырьмя часами сна в сутки) не прогонял их, грелись там, сгрудившись позади автомата со жвачкой и еще одного, изрыгавшего за пятицентовую монетку пригоршню заплесневелых фисташек в упаковках бредово-розового цвета. В некотором роде эти дети были жертвами, такими же, как городской пьяница в баскетбольных кроссовках и пальто с оторванными пуговицами, вечно сосавший бренди из упрятанной в бумажный пакет бутылки, сидя на скамейке на Казмирчак-сквер и еженощно рискуя умереть от переохлаждения. Жертвами в своем роде были также мужчины и женщины, спешившие на тайные любовные свидания, пренебрегая опасностью навлечь на себя позор и разводы своей приверженностью мотельной любви, – все они жертвовали внешним ради внутреннего, утверждая подобным предпочтением, что все, кажущееся солидным и основательным, в сущности, есть лишь сон, гораздо менее ценный, чем благословенный выброс чувств.

Публика, собиравшаяся в «Немо», – постовой полицейский, почтальон, забегавший перевести дух, три или четыре дюжих типа, вербующие безработных в преддверии весеннего строительного бума и рыболовной страды, – за зиму так близко перезнакомилась между собой и с официантками, что не обменивалась даже дежурными замечаниями о погоде и войне, а Ребекка обслуживала всех, не дожидаясь заказов, потому что прекрасно знала, кому что требуется.

Сьюки Ружмонт, больше не нуждавшаяся в сплетнях, некогда питавших ее колонку «Глаза и уши Иствика» в «Слове», предпочитала общаться со своими клиентами и перспективными покупателями в более изысканной и женственной атмосфере кондитерской «Уютный уголок», располагавшейся через две двери от «Немо» – за зеленной лавкой, где храняли двое работяг родом из Стонингтона, и скобяным магазином, принадлежавшим армянской семье, настолько многочисленной, что никто точно не ведал, из скольких человек она в действительности состоит: каждый раз вас встречали незнакомые армяне разного роста, но все – с умными влажными глазами и блестящими курчавыми волосами, падающими на лоб. Альма Сифтон, владелица кондитерской «Уютный уголок», начинала со старой лачуги, где раньше торговали моллюсками, там у нее были лишь кофейник и два столика, сидя за которыми покупатели, не желавшие проходить сквозь строй любопытных взглядов

посетителей «Немо», могли съесть булочку и дать отдых ногам. Потом прибавилось еще несколько столов, а в меню – сандвичи, главным образом с салатами быстрого приготовления (яичным, ветчинным, куриным). На следующее лето Альме пришлось сделать пристройку, размерами вдвое превосходившую первоначальный «Уютный уголок», и обзавестись грилем и микроволновой печью; стиль «Немо» с плохо вымытыми сальными ложками оказался безнадежно устаревшим.

Сьюки нравилась ее новая работа: заходить в чужие дома, даже на чердаки, в кладовки, прачечные и прихожие черных ходов было все равно что спать с мужчинами – череда слабо разняющихся запахов. Не существовало двух домов, стиль и запах которых не отличались бы друг от друга. Бесконечные шныряния из дома в дом, вверх-вниз по лестницам, непрестанные здравствования и прощания с людьми, которые и сами находились в постоянном движении, азарт всей этой деятельности будили дремавший в ней дух авантюризма и востребовали ее обаяние. Теперь стало ясно, сколь нездоровым образом жизни было сидение в скрюченном состоянии над машинкой и вдыхание чужого дыма. Она прошла вечерний курс обучения в Уэстерли, сдала экзамен и уже в марте получила лицензию на право торговли недвижимостью.

Джейн Смарт продолжала давать частные уроки, замещать органистов в церквях Южного округа и музенировать на виолончели. Среди сюит Баха без сопровождения были такие (Третья, с ее очаровательным бурре, Четвертая, с октавным вступлением и нисходящей гаммой терций, превращающейся в вихрь, в безутешный вопль, и даже доступная далеко не каждому музыканту ввиду технической трудности Шестая, написанная для инструмента с пятью струнами), при исполнении которых Джейн на протяжении нескольких тактов порой чувствовала полное слияние с композитором, словно его разум граничил с ее разумом, его исчезающая страсть, заметная не более, чем рассеявшаяся пыль, растягивала ее пальцы и заполоняла мозговые извилины торжеством, его постоянный поиск гармонии врачевал ее неспокойную душу. Так вот, значит, каково оно, бессмертие, ради которого мужчины воздвигали пирамиды и не жалели собственной крови: воскресение рабочей лошадки, старой «бабы», лютеранского капельмейстера в нервной системе одинокой, уже пережившей свой расцвет женщины второй половины двадцатого века. Слабое утешение его праху. Но музыка говорила, повинуясь собственному синтаксису вариаций и реприз, реприз и вариаций; механические движения рук вкупе рождали дух; дыхание, струившееся поверх этой беглой математики, напоминало след ветра на неподвижной черной воде. Это было

причастие. С тех пор как Неффи вошли в кружок, сколоченный Брендой Парсли, Джейн редко виделась с ними и чувствовала бы себя бесконечно одинокой, если бы не компания, собиравшаяся у Даррила ван Хорна.

Если раньше в этой компании было три, потом четыре человека, то теперь она состояла из шести, а иногда и из восьми – когда Фиделя с Ребеккой тоже призывали к участию в забавах, например для игры в футбол погремушкой, игры, коей они предавались в гулком пространстве гостиной. Гигантский виниловый гамбургер, шелковые коробки сигарет «Брилло», неоновая радуга – все сдвигалось к стене и сваливалось в кучу под картинами, как ненужный чердачный хлам. Определенное презрение к вещному миру и ненасытная жажда нематериальной духовности не позволяли ван Хорну оставаться заботливым хранителем собственного имущества. В паркетном полу музыкальной комнаты, который он засыпал песком и покрыл полиуретаном за бешеные деньги, уже имелось несколько дыр, проделанных ногой виолончели Джейн Смарт. Стереосистему, установленную в японской бане, так часто заливали водой, что на всех магнитофонных лентах образовались пузыри и трещины. Самым впечатляющим было то, что однажды морозной ночью загадочным образом оказался проколотым теннисный купол, и мышастое полотно в ожидании весны валялось теперь на снегу, как шкура зарезанного бронтозавра, поскольку Даррил не видел смысла заниматься кортом до тех пор, пока его можно будет снова использовать в качестве открытой площадки. В футбольной команде он обычно играл в защите. Отступая назад, с пеной, скапливающейся в уголках губ от усердия, ван Хорн беспрерывно кричал: «Зажимай! Зажимай!» – требуя, чтобы Сьюки и Александра, скажем, блокировали Ребекку и Дженнни, рвущихся вперед, в то время как Фидель описывал круги в ожидании подачи, а Джейн Смарт отрезала Даррилу отход к зоне приземления. Женщины, не умевшие принимать игру всерьез, смеялись и создавали неразбериху.

Крис Гейбриел двигался лениво, как дух сомнения, по ошибке втянутый в дурашливые забавы взрослых людей. Однако он не отказывался от участия в их компании, поскольку не завел друзей среди сверстников: те учились в колледжах, служили в армии или начинали делать карьеру, с головой окунувшись в тяготы и искусы города.

Дженнифер большую часть времени проводила в лаборатории, помогая ван Хорну: отмеряла граммы цветных порошков и децилитры жидкостей, укладывала под батареями ламп солнечного света большие, покрытые тем или иным легированым напылителем медные пластины, от которых тонкие проводки тянулись к приборам, фиксирующим силу

электрического тока. Как объяснили Александре, один резкий скачок самописца – и на ван Хорна прольется богатство, с которым не сравнятся все сокровища Востока. А пока в лаборатории стояла резкая химическая вонь запустения, высасываемая из темницы вселенной, валялись неочищенные алюминиевые ванночки, все было заляпано пролитыми и просыпавшимися реактивами, пластмассовые сифоны дымились и плавились, испуская серные пары, а днища и боковые поверхности стеклянных мензурок и перегонных кубов зарастили изнутри твердой черной коркой.

Дженни Гейбриел в грязном белом халате и огромных грубых очках, которые они с ван Хорном носили для защиты от постоянного ультрафиолетового излучения, передвигалась в этом многообещающем хаосе с забавно-компетентным видом, уверенно, со спокойной решимостью. Через лабораторию, так же как и через оргии, девушка – уже не такая и девушка, разумеется, ведь, в сущности, она была всего на десять лет моложе Александры, – проходила неоскверненной и в определенном смысле даже нетронутой, и в то же время она была одной из них, все замечающей, заинтересованной, подчиняющейся, не осуждающей, будто не видела во всем этом ничего нового, хотя ее предыдущая жизнь, судя по всему, была на удивление невинной и сама жестокость времени там, в Чикаго, способствовала тому, что Дженни сумела спасти от разрушения свою внутреннюю цитадель. Сьюки говорила, что девушка разве что не уверяла вслух посетителей «Немо», будто она девственница. Однако в бане или во время танцев она обнажалась перед ними с некоей бесстыдной простотой и позволяла ласкать себя вовсе не бесчувственно и не безответно. Прикосновение ее рук, не такое бесцеремонно-властное, как прикосновение мозолистых пальцев Джейн, и не такое быстрое и вкрадчивое, как у Сьюки, было по-своему пронзительным, нежным и томным, словно прощание, – этакое любопытно-снисходительное скольжение, все менее и менее робкое, пробирающее до самых костей.

Александре нравилось, когда Дженнифер натирала ее маслами, в то время как сама она лежала, растянувшись на черных подушках или на толстой подстилке из полотенец, положенных одно на другое, на плиточном полу; влажный банный пар стелился и восходил к потолку, смешиваясь с запахами алоэ, кокосового масла, миндаля, ароматических солей, экстракта валерианы, аконита и дымка конопляной соломки. В запотевших зеркалах, развешанных ван Хорном на дверцах душевых с внешней стороны, под разными углами отражались мерцающие складки и изгибы плоти, и можно было видеть стоящую на коленях молодую

женщину с бледной кожей, сложенную идеально, как китайская статуэтка.

Женщины придумали игру, которая называлась «Ублажи меня», — своего рода шараду, хотя и вовсе не похожую на те, которые ван Хорн пытался организовать в гостиной, когда они напивались; те не удавались им никогда из-за того, что срабатывали их телепатические способности, и в силу чрезмерной эмоциональности, с какой ван Хорн изображал загаданное, презирая последовательность слов и пытаясь единственно свирепым выражением лица одномоментно изобразить целую фразу вроде «История упадка и разрушения Римской империи»^[48], или «Страдания юного Вертера», или «Происхождение видов». Игра в «Ублажи меня», коей страстно жаждали их иссущенные кожа и дух, состояла в том, что Дженифер умащивала каждую из ведьм, втирая чудесно преображающие масла в их дряблые морщины, пятна и припухлости, разминая старческие узелки и сдабривая свои действия милым птичьим воркованием, исполненным сочувствия и восхвалений, и из этого устраивалось представление.

- У вас прелестная шейка.
- Я всегда считала, что она у меня слишком короткая. Как обрубок. Ненавижу свою шею.
- О, вам не следует ее ненавидеть. Длинные шеи выглядят гротескно — разве что у чернокожих...
- А у Бренды Парсли — адамово яблоко.
- Не злобствуйте. Пусть наши мысли будут безмятежными.
- Теперь меня, Джени, меня, — капризно-писклявым детским голоском требовала Сьюки; она весьма театрально изображала ребенка и, напившись, не гнушилась даже тем, чтобы пососать палец.
- Какое непристойное блаженство! — стонала Александра. — Я чувствую себя, как огромная свиноматка, катающаяся в грязи.
- Слава богу, что ты хоть не пахнешь так же, как она, — язвила Джейн Смарт. — Или пахнет, а, Джени?
- Она пахнет сладостью и чистотой, — чопорно отвечала Дженини.
- Ее чуть гнусавый голос, прозрачный, как колокольный звон невинности или неведения, доносился словно издалека, хотя звучал отчетливо; ее коленопреклоненное отражение в зеркалах формой, размером и жертвенностью позы напоминало одну из тех полых фарфоровых птиц-свистулек, из которых дети умеют извлекать несколько нот.
- Дженини, бедра, — умоляла Сьюки. — Води по задней поверхности медленно, невероятно медленно. И пожалуйста, ногтями. Не бойся гладить бедра изнутри. Под коленками — чудесно. Чудесно. О боже! — Она сосала

палец.

— Мы замучим Дженни, — тактично предупреждала Александра.

— Нет, что вы, мне самой приятно, — отвечала девушка. — Вы все такие чувствительные.

— Мы тебя тоже ублажим, — обещала Александра. — Как только пройдет этот дурман.

— Я, в общем-то, и не стремлюсь, — признавалась Дженни. — Мне больше нравится делать это, чем испытывать. Как вы думаете, это не извращение?

— Это очень хорошо для нас-с, — с присвистом на последнем звуке говорила Джейн.

— Да, конечно, — вежливо соглашалась Дженни.

Ван Хорн, быть может из уважения к деликатности таинства, теперь редко парился вместе с ними, а если случалось, обернув чресла полотенцем, быстро удалялся в библиотеку, чтобы развлечь Криса партией в шахматы или трикtrak. Позднее, впрочем, он появлялся снова, каждый раз во все более франтоватом наряде — например, в шелковом домашнем халате с шотландским узором на клубничном фоне, в облегающих брюках клеш в ярко-зеленую продольную полосу, с пышным розовато-лиловым шарфом на шее и со все более царственно-самодовольной снисходительностью манер. Он появлялся, чтобы председательствовать за чаем, кое-чем покрепче или за легким ужином, состоявшим из доминиканского *sancocho*, кубинской *mondongo*, мексиканского *pollo picado con tocino* или колумбийского *souffle de sesos*^[49]. Ван Хорн, попыхивая коричневыми сигаретами, которые вставлял в недавно купленный замысловато изогнутый мундштук, не без зависти наблюдал, с какой жадностью его гости поглощают эти острые деликатесы. Сам он в последнее время сознательно худел и казался полностью поглощенным мечтой разрешить энергетическую проблему посредством своих опытов с селеном. Если речь шла не об этих опытах, ван Хорн часто впадал в молчаливую апатию, а иногда внезапно вставал и уходил. Если сравнивать с недавним прошлым, Александра, Сьюки и Джейн Смарт могли подумать, что надоели ему, однако сами они были настолько далеки от того, чтобы наскучиться им, что такой поворот событий просто не укладывался у них в головах. Его просторный дом, который они в шутку окрестили «Жабьей усадьбой», расширял их скучное домашнее пространство. В королевстве ван Хорна они забывали о детях и сами становились детьми.

Джейн исправно приезжала совершенствовать мастерство исполнения Хиндемита, Брамса, а в последнее время замахнулась на бурный,

головокружительный си-минорный концерт для виолончели Дворжака. Сьюки по мере отступления зимы начала кататься туда с заметками и эскизами своего романа, который, по соображениям наставника и ее собственным, следовало спланировать и сконструировать как простой словесный механизм для возбуждения и последующего расслабления. А Александра робко пригласила ван Хорн приехать посмотреть ее крупную невесомую глазуреванную композицию «Плавающие женщины», которую слепила клейкими руками с помощью измазанного бумажной массой ножа и деревянной салатной ложки. Она робела, принимая его в своем доме, нижние комнаты которого требовали покраски, а кухонный пол – нового линолеума; в его стенах ван Хорн казался мельче и старее, скелеты стали здесь серовато-голубыми, а воротничок с пуговками его оксфордской рубашки – обтрепанным, словно убогость была заразной. Он приехал в том мешковатом зелено-черном твидовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях, в котором Александра впервые его увидела, и так напоминал безработного профессора или одного из тех тоскливых мужчин, которые, подобно вечным студентам, слоняются из одного университетского города в другой, что ее поразило, как она могла прежде чувствовать в нем такую силу и магию. Но ван Хорн похвалил ее работу.

– Детка, думаю, вы нашли свою изюминку! Такой флер льстивой сентиментальности есть у Линднера, но вы лишены его железной твердости, это скорее похоже на чувственность Миро и сексуально – да, сексуально, черт возьми!

С пугающей поспешностью он неуклюже засунул три фигурки из папье-маше на заднее сиденье своего «мерседеса», где те, со своими эластичными конечностями и туловищами, кричаще раскрашенными, что должно было отсрочить их гибель на дороге в час пик, выглядели, как показалось Александре, безвкусными маленькими любителями путешествовать автостопом.

– Ориентировочно послезавтра я еду в Нью-Йорк и покажу их своему человеку с Пятьдесят седьмой улицы. Готов поставить последний доллар – он клюнет. Вам действительно удалось уловить нечто существенное в современной культуре, что-то наподобие ощущения подходящей к концу вечеринки. Какое-то чувство нереальности. Сейчас даже военные телерепортажи кажутся нереальными: мы насмотрелись слишком много фильмов о войне.

Здесь, на открытом воздухе, рядом с ее машиной, в дубленке, засаленной по обшлагам и на локтях, в такой же дубленой шапке, маловатой для его волосатой головы, ван Хорн казался Александре чем-то

находящимся за пределами ее разумения, ускользающей мишенью; однако совершенно непредсказуемо, уловив ход ее мысли, он вернулся вместе с ней в дом, с тяжелой одышкой поднялся в спальню и подошел к постели, от которой она незадолго до того отказалась Джо Марино. Джина снова была беременна, и Александре стало слишком тяжело его выдерживать. В потенции Даррила была некая непогрешимость и бесчувственность, его холодный пенис причинял боль, словно был покрыт маленькими чешуйками; но сегодня из-за того, что он с такой готовностью вызвался продать ее слабые творения, из-за его лоскутного, чуть увядшего вида и гротескной дубленой шапки, шутовским колпаком торчавшей у него на голове, сердце Александры растаяло, и лоно сделалось сверхвосприимчивым. Сейчас она могла бы совокупляться и со слоном, мечтая стать новой Ники де Сен-Фалль.

Встречаясь в центре города, на Док-стрит, разговаривая друг с другом по телефону, три женщины безмолвно ощущали себя землячеством мучениц любви к темному человеку. Что касается Дженни, то, если она и терзалась той же болью, ее аура этого не выдавала. Когда бы кто ни зашел днем в дом, ее всегда находили в белом лабораторном халате и с официально деловитым выражением лица. Отчасти ван Хорн пользовался услугами Дженни потому, что она с чуть раздраженной, презрительной манерой поведения, способностью пропускать насекомые определенные флюиды и намеки, несколько схематичной округлостью форм была непроницаема. Внутри группы каждый ее член занимает свою ячейку и имеет собственное предназначение; предназначение Дженни состояло в том, чтобы принимать покровительство, быть «воспитанницей», ценимой как версия молодости каждой из этих зрелых, разведенных, утративших иллюзии, наделенных незаурядными способностями женщин, хотя ни одна из них не была так уж похожа на Дженни и ни одной не доводилось жить с младшим братом в доме, где их родители приняли насильственную смерть. Они любили ее, каждая по-своему, и, надо сказать, она никогда не давала понять, чьей любви отдает предпочтение. Самым мучительным в размышлениях об этой девушке, по крайней мере для Александры, было то, что она, судя по всему, доверяла им, вверяла им себя, как обычно женщина вверяет себя мужчине в отчаянной решимости познать, несмотря на риск потерпеть крушение. Дженни преклоняла перед ними колени, как покорная рабыня, и щедро дарила ликующее совершенство своего круглого белого тела их потускневшим несовершенным формам, распростертым на мокрых черных подушках под крышей, которую ни разу не сдвигали после того морозного вечера, когда ван Хорн потянул рычажок и вокруг его пышной

шевелюры вспыхнул ореол синего пламени.

Поскольку они были ведьмами, общественное сознание воспринимало их в качестве фантомов. Кто-то, как подобает добропорядочному горожанину, улыбался при виде жизнерадостно-дерзкого лица Сьюки, бегущей по кривому тротуару; кто-то восхищался величавостью Александры, когда она, в запыленных дорожных ботинках и старом зеленом парчовом жакете, разговаривала на крыльце «Тявкающей лисы» с ее нынешней хозяйкой Мейвис Джессап, тоже разведенной дамой с чахоточным лицом и крашеными рыжими патлами, торчащими, словно змеи вокруг головы горгоны Медузы. Кто-то приписывал хмуруму взгляду Джейн Смарт, с каким она плюхалась в свой старенький болотного цвета «плимут-вэлиент» со сломанным дверным замком, некое внутреннее кипение, свойственное персонажам стихов Эмили Дикинсон и вдохновенных романов Эмилии Бронте, населявшим такие же уединенные городки. Женщины отвечали на приветствия, оплачивали счета, в армянском скобяном магазине, как и все, пытались на пальцах объяснить, какие именно штучки-дрючки нужны для ремонта их рушащихся домов, для борьбы с энтропией; но все знали, что есть в них нечто особенное, нечто столь же невероятное и непристойное, как и то, что происходит в спальнях, даже в спальне заместителя директора школы и его жены, пусть оба они выглядели кислыми и робкими, сидя, к примеру, на дешевых местах стадиона и наблюдая за рекордным прыжком, вызывающим леденящий кровь трепет.

Всем нам свойственно грезить, и все мы, объятые страхом, стоим на пороге пещеры, именуемой смертью; этот вход для нас. Вход в нижний мир. Прежде чем подводить канализацию к старым «удобствам во дворе», приходится зимой удалять задубевшие сталагмиты смерзшегося семейного деръма. Такие феномены помогают поверить, что в жизни существует нечто более существенное, чем светящаяся реклама на фронтонах магазинов, духи во флаконах платонических форм, нейлоновыеочные рубашки и буферные устройства «роллс-ройсов». Быть может, на тропинках наших грез мы увидим больше, чем знаем: одно белое освещенное лампой лицо изумит другое. Несомненно, факт существования ведьмовства присутствовал в сознании Иствика как облачная масса, плотная туманность, рождаемая тысячами полупрозрачных сфер, наславшающихся друг на друга, своего рода небесное тело, которое редко рассеивал ветер и которое, внушая ужас, несло в то же время утешение завершенности, закольцованности картины, как газовые магистрали под Оук-стрит и телевизионные антенны, аккумулирующие прямо с неба рекламу «Пепси»

и леденцов на палочке, являющихся «фирменным знаком» Коджака^[50]. Эта туманность имела неясные очертания, наподобие фигуры, просвевающей сквозь занавеску душа, была тягучей и испарялась крайне медленно: спустя годы после того, как произошли события, о которых здесь на ощупь и, можно даже сказать, нехотя поведано, слухи о ведьмовстве все еще пятнали репутацию отдельных уголков Род-Айленда и при самом невинном упоминании Иствика атмосфера становилась колючей от замешательства и неловкости.

III. Вина

Вспомните знаменитые процессы над ведьмами: даже самые проницательные и гуманные судьи не сомневались в виновности обвиняемых; более того, сами «ведьмы» не сомневались в ней – и тем не менее никакой вины не было.

Фридрих Ницше, 1887 г.

– Так тебе это удалось? – переспросила в трубку Александра.

Стоял апрель, весна дурманила Александру, затуманивала ей мозги, сквозь слюду снова наводнявших все вокруг жизненных соков, органических волокон, в очередной раз отогревающих, чтобы расколоть минеральную кору земли и заставить ее покориться новой жизни, она с трудом понимала даже простейшие вещи. В марте ей исполнилось тридцать девять, вместе с годом прибавился и лишний вес. А вот Сьюки звучала еще бодрее, чем прежде, она задыхалась от триумфа. Ей удалось продать дом Гейбриелов.

– Да, это милая пожилая серьезная пара по фамилии Холлоубред. Он преподавал физику в Кингстонском университете, а она, полагаю, была адвокатом, – во всяком случае, она постоянно спрашивала меня, что я думаю по тому или иному поводу. Это, наверное, типичный прием в их работе. Они прожили в Кингстоне двадцать лет, там у них был дом, но теперь, выйдя на пенсию, муж хочет жить возле моря и купить яхту. Им не важно, что дом пока не покрашен, они даже рады – смогут сами выбрать цвет; у них есть внуки и правнуки, которые будут приезжать в гости, так что они смогут использовать и те весьма устрашающего вида комнаты на третьем этаже, где Клайд хранил старые журналы, – удивительно, что под их тяжестью еще не рухнули балки.

– А как насчет эманации, она их не тревожит? – спросила Александра.

Другие претенденты, зимой осматривавшие дом, узнав об убийстве и самоубийстве, имевших в нем место, пугались и отказывались. Люди по-прежнему суеверны, несмотря на все научные достижения.

– Нет, хотя они читали обо всем сразу после того, как это случилось. Тогда все газеты штата трубили об этом – кроме «Слова». Они были зaintригованы, когда кто-то – не я – сообщил им, что это тот самый дом.

Профессор Холлоубред осмотрел лестницу и сказал, что Клайд, наверное, был весьма умным человеком, если сумел рассчитать длину веревки так, чтобы ноги не коснулись ступенек. Я ответила: да, мистер Гейбриел был очень умен, читал труды на латыни и книги по астрологии, в которых сам черт ногу сломит. Судя по всему, вид у меня при воспоминании о Клайде стал такой, будто я вот-вот заплачу, потому что миссис Холлоубред обняла меня и стала действовать, как настоящий адвокат. Знаешь, я думаю, в сущности, это помогло продать дом, потому что они оказались в ситуации, когда неловко сказать «нет».

– Как их зовут? – спросила Александра, рассеянно думая о том, не перекипит ли суп из моллюсков, который стоял у нее на плите.

По голосу Сьюки в телефонной трубке чувствовалось, как отчаянно она хочет поделиться с подругой своим весенным приливом сил. В знак благодарности Александра заставила себя проявить интерес к людям, которых никогда не видела: клетки ее мозга были слишком замусорены людьми, которых она уже знала, продолжала узнавать, они волновали ее, она даже их любила, а потом забыла. Один двадцатилетней давности круиз на «Коронии» по Европе, который они предприняли с Озом, подарил ей столько новых знакомств, что их хватило бы «заселить» целую человеческую жизнь: соседи по столу, край которого заливало во время дождя, люди, сидевшие рядом с ними на палубе, закутавшись в пледы и поглощая бульон на второй завтрак, супружеские пары, с которыми они знакомились в полуночном баре, стюарды, капитан с рыжей, подстриженной под каре бородой – все казались дружелюбными и интересными, потому что они с Озом были молоды, молоды... Молодость – своего рода богатство, оно заставляет ластиться к тем, кто им обладает. А еще те, с кем Александра училась в школе и в Конне, однокашники по колледжу. Мальчишки на мотоциклах – псевдоковбои. А еще миллионы лиц, встречающихся на улицах: мужчины с усами и зонтиками, соблазнительно пышные женщины, задерживающиеся в дверях обувного магазина, чтобы подтянуть спустившийся чулок, яйцеобразные «яблочки» лиц в похожих на мишени окнах проносящихся мимо вагонов – все реальные, со своими именами, у всех, как говорили прежде, есть душа. И все они окаменели теперь в ее воображении, как колония мертвых серых кораллов.

– У них очень симпатичные имена, – говорила между тем Сьюки. – Артур и Роуз. Впрочем, не знаю, нравятся ли тебе такие имена, они скорее практичны, чем эстетичны.

Одной из причин, объясняющих депрессию Александры, было то, что

несколько недель назад Даррил вернулся из Нью-Йорка с неприятным известием: директор галереи на Пятьдесят седьмой улице нашел ее скульптуры слишком подражательными, похожими на работы Ники де Сен-Фалль. Хуже того, две из трех Даррил привез назад поврежденными; он брал с собой Криса Гейбриела, чтобы тот менял его за рулем (сам Даррил всегда паниковал на Коннектикутской скоростной магистрали: его пугали все эти трейлеры, шипящие и прижимающиеся со всех сторон, и их неприятные, страдающие ожирением водители, поглядывающие на его «мерседес» с высоты своих грязных кабин). На обратном пути, в Бронксе, они подсадили какого-то автостопщика и, чтобы освободить ему место на заднем сиденье, засунули ее псевдо-Нана в угол. Когда Александра указала ван Хорну на их погнутые конечности, на трещины в хрупком папье-маше и на один полностью оторванный палец, его лицо приобрело тот лоскунтый вид, при котором оба глаза и рот начинали действовать абсолютно независимо друг от друга: остекленевший левый глаз пошел к уху, и слюна скопилась в уголках рта.

— Мать честная, — сказал он, — но бедный парень стоял на Деган-стрит, в двух кварталах от самых опасных в этой стране трущоб, на него могли напасть и даже убить, если бы мы его не подвезли.

Он рассуждает, как таксист, подумала Александра. Позднее ван Хорн спросил у нее:

— А почему бы вам, в конце концов, не попытаться работать в деревне? Думаете, Микеланджело стал бы тратить время на возню со старыми газетами, пропитывая их kleem?

— Но куда теперь денутся Крис и Дженн? — Александра с трудом придумала, что спросить.

Она не переставала думать и о Джо Марино, который, признавшись, что Джина снова в положении, стал еще более нежным и заботливым по отношению к бывшей любовнице, в свободные часы подходил к дому, стучал в окно веточкой, а потом сидел на кухне (в спальню она его больше не пускала) и очень серьезно рассуждал о том, как уйдет от Джини и они с Александрой и ее четырьмя детьми поселятся где-нибудь по соседству, но не в самом Иствике, а, быть может, на Коддингтонском разъезде. Джо был робким порядочным человеком, ему и в голову не приходило найти себе другую любовницу: это было бы нечестно по отношению к команде, которую он вокруг себя собрал. Александра в ответ резала правду-матку: она лучше останется одинокой, чем выйдет замуж за водопроводчика, хватит, довольно она настрадалась от Оза с его никелированным оборудованием. Но сам факт, что она размышляет так снобистски и злобно,

вызывал в ней чувство вины, достаточно глубокое, чтобы смилиостивиться и повести Джо наверх, в спальню. За зиму Александра набрала семь фунтов, и, видимо, этот дополнительный тонкий слой жира затруднял ей оргазм. Голое тело Джо стало для нее бременем, и, когда Александра открывала глаза, ей казалось, что она опять видит у него на голове шляпу, ту абсурдную шерстяную клетчатую шляпу с узкими полями и маленьким переливающимся коричневым перышком.

А может быть, кто-то где-то завязал маленькую петелечку и накинул ее на чувственность Александры?

– Кто знает? – ответила Сьюки. – Думаю, они и сами этого не знают. Возвращаться туда, откуда приехали, они не хотят, это мне точно известно. Дженин уверена, что Даррил близок к прорыву в своих опытах, и хочет вложить в его проект всю свою долю от продажи дома.

Это потрясло Александру и заставило слушать внимательнее – то ли потому, что любой разговор о деньгах притягивает, то ли потому, что ей не приходило в голову, будто Даррил ван Хорн может нуждаться в деньгах. То, что все они в них нуждались, не было секретом – дети требовали все больше и больше, а доходы падали все ниже из-за войны и перегрева экономики. Родители учеников Джейн Смарт не хотели накинуть ни доллара за ее получасовые фортепианные уроки, новые скульптуры Александры стоили меньше, чем потраченные на их изготовление газеты, а Сьюки была вынуждена растягивать свою улыбку на многие недели, отделявшие одни комиссионные от других, – все это было печальным, но непреложным фактом и придавало их маленьким праздникам потрапанную доблесть и экстравагантность, выражавшуюся в бутылке «Дикого турка», пакетике цельных орешков кешью или баночке анчоусов. Наступили времена всеобщего протesta, когда целое поколение американцев предалось торговле и наркотикам, все реже воровато стучалась теперь в дверь черного хода какая-нибудь жена, желающая приобрести грамм сущеного ятрышника, чтобы подмешать его мужу в бульон для поддержания его увядшего влечения, или вдова – любительница птичек, явившаяся за беленой, с помощью которой намеревалась отравить соседскую кошку, или робкий подросток в надежде раздобыть унцию экстракта грозовника или смешанной с воском вайды, чтобы приобрести власть над миром, все еще изобилующим возможностями и, как соты медом, набитый не отведенными пока сокровищами.

В беспечные времена, сразу после того, как они освободились от семейных пут, ведьмы под покровом ночи, в первую или последнюю четверть луны, совершали веселые вылазки за этими травами в те

немногие, одним им известные места, где под звездным мерцанием сходились нужная почва, влага и тень. Теперь спрос на их магию иссякал, колдовство стало делом заурядным и обрело множество форм. Но если они бедны, то ван Хорн-то богат, и его богатство позволяло им наслаждаться ночными часами отдыха от очевидной в солнечном свете скудости дней. То, что Дженн Гейбриел может предложить ему деньги и он примет их, было для Александры поворотом, который она не могла предвидеть.

– А с ней ты об этом говорила?

– Я сказала ей, что считаю это сумасшествием. Артур Холлоубред – физик, и он говорит, что с точки зрения электромагнитной теории опыты Даррила не имеют под собой никакого основания.

– Профессора всегда так отзываются о новых идеях.

– Что это ты так обиделась, душенька? Не знала, что для тебя это так важно.

– Мне совершенно не важно, что сделает Дженн со своими деньгами, – возразила Александра, – если только она не стала еще одной женщиной. Как она прореагировала на твои слова?

– Ну ты же ее знаешь: подбородок окаменел, уставилась на меня широко открытыми глазами и сделала вид, что ничего не слышит. Под этой ее внешней покорностью таится чудовищное упрямство: она, мол, слишком хороша для этой жизни.

– Да, таково, полагаю, ее послание миру, – медленно произнесла Александра, испытывая сожаление оттого, что они сбивают с толку это преданное им чистое существо, их инженю.

Через неделю позвонила разгневанная Джейн Смарт.

– Ты не могла догадаться-ся? Алекс-сандра, похоже, ты в пос-следнее время дейс-твительно где-то витаешь. – От ее «с-с» было больно уху, они вонзались в него, как спичечные головки. – Она переезжает к нему! Он пригласил ее и ее идиотского братца жить у него!

– В Жабьей усадьбе?

– В старом поместье Леноксов, – строго поправила Джейн, отвергая шутливое название, которое они сами когда-то придумали, и давая понять, что шутки сейчас неуместны. – Это то, на что она нацелилась с самого начала. Мы могли бы заметить, если бы пошире открыли свои ослепленные глупостью глаза. Мы были так добры к этой пресной девчонке, приняли ее в свой круг, позволили разделить наши занятия, а она всегда втайне считала себя выше всего этого и дождалась лишь своего часа, как замарашка Золушка, копающаяся в грязи, но знающая, что в будущем ее ждет

хрустальный башмачок. О, что меня бесит больше всего, так это ее ханжество, то, как она бесшумно скользит по лаборатории в белом халатике, и то, что она получила-таки вознаграждение, в то время как он всем в городе задолжал и банк подумывает о том, чтобы лишить его права выкупа, только не хочет связываться с этим именем, потому что содержать его – сущий кошмар. Ты знаешь, сколько будет стоить одна только новая кровля для этой развалины?

– Детка, – сказала Александра, – ты говоришь, как профессиональный финансист. Где ты всему этому научилась?

Толстые желтые почки сирени уже выпустили первые маленькие листочки-сердечки, а олеандр с изогнутыми ветками, усыпанными зеленовато-желтыми цветами, стал похож на миниатюрную иву. Слишком озабоченные нынче спариванием, чтобы помнить о еде, серые воробы перестали опустошать кормушку. Виноградные лозы, всю зиму казавшиеся бесповоротно мертвыми, снова затеняли листвами арку-беседку. В последнюю неделю, по мере того как весенняя грязь, высыхая, покрывалась травой, Александра чувствовала себя уже не такой вялой; в преддверии летнего оживления торговли она снова начала лепить маленькие глиняные фигурки, только делала их чуть крупнее, чем прежде, и с легким намеком на анатомические подробности, а в раскраске сознательно следовала за попом: извлекши урок из своего творческого провала, она за зиму кое-чему научилась.

В нынешнем состоянии обновления Александре было трудно быстро подстроиться под гневное настроение Джейн; боль от того, что младшие Гейбриэлы переезжают в дом, который она отчасти считала своим, проникала в нее медленно. Она всегда тешила себя иллюзией, что, несмотря на преимущество Сьюки в красоте и жизнерадостности, а Джейн – в глубине приверженности ведьмовству, именно ей, Александре, Даррил отдавал предпочтение – быть может, из-за ее габаритов и масштабов психики, более соразмерных его собственным, – и именно ей рано или поздно суждено царить вместе с ним. Таково было ее смутное предположение.

– Боб Озгуд меня просветил, – ответила Джейн.

Боб Озгуд, президент «Оулд-Стоун бэнк», был коренастым мужчиной той же комплекции, что и Реймонд Нефф, но без учительской вкрадчивости и склонности к издевательству, которая свойственна педагогам. Надежный, уверенный в себе, видимо, в силу причастности к деньгам, Боб Озгуд был абсолютно, но очень мило лыс: его череп блестел, как только что отчеканенная монета, а кожа на ушах, веках, ноздрях и даже на

сужающихся к ногтям шустрых пальцах приятно розовела, словно он вышел прямо из бани.

– Ты встречаешься с Бобом Озгудом?

Джейн замешкалась, уловив неодобрение в прямом вопросе подруги и не сразу сообразив, как на него ответить.

– По вторникам я даю его дочери Деборе поздний урок, и, заезжая за ней, он пару раз задерживался, чтобы выпить пива. Ты же знаешь, какая зануда эта Харриет Озгуд; бедному Бобу нужно хоть немного поторчать, прежде чем возвращаться домой, к ней.

«Торчать» было одним из выражений, которые в последнее время вошли в моду у молодежи; в устах Джейн оно звучало немного фальшиво и грубо. Впрочем, Джейн и была грубой, как большинство массачусетцев. Пуританизм наложил свой отпечаток на тамошние скалы и, лишив их индейской мягкосердечности, снова закалив, стал воздвигать свои шпили и каменные стены по всему Коннектикуту, оставив Род-Айленд квакерам, евреям, аморалистам и женщинам.

– А что произошло между тобой и этими милыми Неффами? – ехидно спросила Александра.

Джейн, хищно схватив добычу, вылетевшую из телефонной трубки, хрюкло рассмеялась:

– Вот он-то напрочь утратил способность торчать; Грета дошла до того, что рассказывает об этом всем, кто соглашается ее слушать, и фактически предложила кассиру из «Сьюперетта» прийти трахнуть ее.

Петелька затянулась, но кто ее сплел? Ведьмовство, некогда возникшее в общине, похоже, сорвалось с цепи, вышло из-под контроля тех, кто вызвал его к жизни, и обрело такую свободу, что смешало жертву и того, кто совершают жертвоприношение.

– Бедная Грета, – услышала Александра собственное бормотание.

Маленькие демоны гладили ее изнутри; она испытывала неловкость, ей хотелось вернуться к своим «малышкам», а потом, посадив их в шведскую печь, выйти с граблями на лужайку, очистить ее от нападавших за зиму веток, после чего наброситься с вилами на солому.

Вместо этого Джейн набросилась на нее.

– Кончай нести это сострадательное деръмо, мать-земля ты наша! – оборвала она ее, шокировав грубостью. – Что нам делать с переездом Дженифер?

– Но, сладкая моя, что мы можем сделать, кроме как постараться не показать, насколько мы этим оскорблены, чтобы не выставить себя на всеобщее осмение? Неужели ты думаешь, что город упустит возможность

позабавиться? Джо рассказывает мне кое-что из того, о чем там шепчутся. Джина называет нас чумой и боится, что мы превратим плод ее чрева в поросенка, или уродца, или еще во что-нибудь.

– Вот теперь ты говоришь дело, – одобрила Джейн Смарт.

Она прочла мысль Александры: «Нужно какое-то заклятие. Но что толку, если Дженни уже там, как ты говоришь, и под его защитой?»

– О-проверь-мне-толк-будет, – дрожащим голосом произнесла она на одном дыхании, без интервалов между словами, угрожающе, словно единственным движением смычки извлекла из виолончели бурный каскад tremolo.

– А что думает Сьюки?

– Сьюки думает то же, что и я. И дело не в том, что мы взбесились. Дело в предательстве. Мы пригрели змею у себя на груди, моя дорогая. И отнюдь не безобидную.

Этот намек вызвал у Александры ностальгические воспоминания о ночах, выдававшихся, надо признать, все реже по мере убывания зимы, когда все они, голые, истомленные марихуаной и калифорнийским шабли, мокли в ванне и слушали размноженный стереосистемой голос Тайни Тима, в темноте окружавший их со всех сторон, заливавшийся трелями, рокотавший, массировавший им внутренности. Стереофоническая вибрация приносила облегчение сердцу, легким, печени, этим скользким ожиревшим образованиям, покоящимся внутри алого внутреннего пространства, для которого тускло освещенная ванная комната с ее асимметрично разбросанными подушками была своего рода резонатором.

– Я, честно говоря, думаю, что все будет как прежде, – успокоила она Джейн. – В конце концов, она нас любит. Дженни не может сделать для него и половины того, что делаем мы; и это нам он любил доставлять удовольствие. Притом сколько там места наверху, непохоже, чтобы они собирались жить вместе.

– О, Лекса! – в отчаянии вздохнула Джейн. – Вот уж кто наивен, так это ты.

Повесив трубку, Александра поняла, что самой ей до спокойствия далеко. Надежда на то, что темный чужак призовет именно ее, съежилась, забившись в дальний угол сознания. Неужели может статься, что наградой за ее царственную терпимость будет лишь то, что, использовав, ее выбросят? А как же тот октябрьский день, когда ван Хорн подвез ее к дверям своего дома так, будто это их общее владение, и то, как ей пришлось бежать вброд, преодолевая прилив, словно сами силы природы умоляли ее остаться, – неужели такие бесценные прорицания могут

оказаться пустышками? Как коротка жизнь, как быстро ее знамения теряют смысл!

Александра погладила внутреннюю поверхность левой груди и, похоже, нашупала там небольшую припухлость. Измученная, напуганная, она встретилась взглядом с яркими глазами-бусинками серого бельчонка, пробравшегося в кормушку, чтобы порыться в подсолнечной шелухе. Это был толстенький маленький джентльмен в сером костюме с белой манишкой, явившийся на ужин с горящим взором, – воплощенная наглость и алчность. Крохотные серые ручки, бессмысленные и сухие, как птичьи лапки, замерли на полпути ко рту под ее взглядом, ее мысленным посылом; в расположенных по бокам овального черепа глазах мелькнула искорка, выдававшая желание улизнуть, рвануть в безопасное место, но взгляд Александры вмиг заморозил эту искорку даже сквозь окно. Унылый маленький дух, запрограммированный лишь на то, чтобы есть, увертываться от опасности и совокупляться в определенное время года, столкнулся с духом куда более могущественным. «Умри, умри, умри!» – мысленно повелела Александра, и бельчонок свалился набок, словно опорожненный мешок. Последний раз дрыгнув ножками, он вытолкнул с пластмассового подноса кормушки несколько чешуек подсолнечной шелухи, а роскошный серебристый хвост еще несколько секунд дергался взад-вперед. Потом зверек замер, но его мертвое тельце продолжало какое-то время раскачивать кормушку с конусообразной зеленой пластмассовой крышей на проволочных подвесках, прикрепленных к двум соседним столбам арки. Программа была выполнена.

Александра не испытывала угрызений совести: ее восхитительная сила получила подтверждение. Но теперь придется надевать резиновые сапоги, выходить из дома и собственными руками за хвост извлекать кишащее паразитами тельце из кормушки, потом идти на край двора и бросать его через каменную стену в кусты, туда, где начинается трясина. Сколько же в жизни грязи – катышков от ластика, спитой кофейной гущи, мертвых ос, засохших между оконными рамами... Порой кажется, что все время у человека, у женщины по крайней мере, уходит на перераспределение, на то, чтобы переносить предметы с места на место, поскольку мусор, как говаривала ее мать, есть лишь материя, лежащая не на своем месте.

К ее утешению, в тот же вечер, когда дети шныряли вокруг Александры, требуя каждый свое, в зависимости от возраста: кто – машину, кто – помочь с уроками, кто – уложить спать, – позвонил ван Хорн. Это само по себе было необычно, поскольку его субботние вечеринки

возникали спонтанно, вследствие телепатической или телефонной связи между его поклонницами, до официальных приглашений он не снисходил. Они просто оказывались у него, толком не отдавая себе отчета почему. Их машины: тыквенно-желтый «субару» Александры, серый «корвейр» Сьюки и болотного цвета «вэлиент» Джейн – подхватывали их и влекли вперед на волне прилива какой-то психической силы.

– Приезжайте в воскресенье вечером, – пророкотал Даррил хрипло, как нью-йоркский таксист. – Это будет чертовски тяжелый день; кроме того, у меня есть кое-что, что я хочу проверить на вашей компании.

– Мне трудно выбраться, – ответила Александра. – На воскресный вечер нелегко найти няню: детям в понедельник с утра в школу, и они хотят побывать накануне вечером дома, посмотреть Арчи Банкера^[51] по телевизору. – В таком небывалом сопротивлении она угадывала чувство обиды, гнев, который заронила ей в душу Джейн Смарт, но который отныне питался соками ее собственного организма.

– Да бросьте вы! Эти ваши детки уже старики, зачем им няня?

– Я не могу оставить младших на Марси, они ее не слушаются. К тому же она, вероятно, захочет встретиться с друзьями, и я не вправе лишать ее удовольствия; несправедливо перекладывать собственные заботы на ребенка.

– Какого пола друзья у ребенка?

– Не ваше дело. Совершенно случайно это девочки.

– Господи, что вы на меня-то так накидываетесь? Не я охмурял вас, чтобы обзавестись этими маленькими прохвостами.

– Они не прохвосты, Даррил. И я действительно уделяю им недостаточно внимания.

Интересно, что дерзости, которых Александра себе прежде не позволяла, ван Хорна не сердили: быть может, именно на этой стезе следовало искать подход к его сердцу?

– Кто может сказать, сколько именно внимания следует уделять детям? – мягко возразил он. – Если бы моя мать уделяла мне чуточку меньше внимания, вероятно, я вырос бы более разносторонним парнем.

– С разносторонностью у вас и так все в порядке, – не без усилия заставила себя успокоить его Александра, хотя ей было приятно, что он не погнушался напроситься на комплимент.

– Премного вам благодарен, черт вас дери, – ернически и сипло ответил он. – Увидимся, когда вы соизволите нас посетить.

– Не будьте таким обидчивым.

– Кто обидчивый? Поступайте как знаете. Но я жду в воскресенье

около семи. Форма одежды – неофициальная.

Интересно, почему это грядущее воскресенье должно у него быть тяжелым? Она взглянула на кухонный календарь. Цифры были окружены виньеткой из лилий.

Вечер Пасхи выдался теплым, дул южный весенний ветерок, подгонявший облака, и казалось, будто луна плывет назад. Отступивший прилив оставил на насыпи серебристые лужицы. Между камнями торчали пучки новой болотной травы, устремившиеся в небо; свет автомобильных фар шарил по окрестным валунам и прошитым деревьям въездным воротам. Дорога огибала место, где некогда среди этих валунов гнездились снежные цапли, а теперь, скукожившись и застыв, словно вулканическая лава, лежал спустившийся надувной шатер. Затем автомобиль Александры въехал на мол, бегущий сквозь строй безносых статуй. Как только впереди замаячил величественный силуэт дома, покрытый сеткой сияющих окон, ее сердце заколотилось в предчувствии праздника. Когда бы Александра сюда ни приезжала, днем или вечером, она ожидала судьбоносной встречи с неким существом, которое было в ее представлении ею самой, второй сущностью, неприкашенной и ничем не стесненной, прощенной и нагой, осанистой и идеально легкой, открытой для любого учтивого предложения, – встречи с прекрасным незнакомцем, с собственным сокровенным «я». Каким бы утомительным ни был день накануне посещения поместья Леноксов, он не мог затмить восторг ожидания. Все заботы исчезали в тот миг, когда Александра переступала порог вестибюля, где ее приветствовали серный дух и сделанная в форме слоновьей ноги подставка для зонтов, из которой торчали старомодные шарообразные и крючковатые ручки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся раскрашенной литой композицией, выполненной с удивительной тщательностью, – видны были мельчайшие детали, вплоть до крохотных ремешков и застежек, удерживающих зонты в сложенном виде, – еще одно произведение пародийного искусства.

Фидель принял у нее куртку – мужскую ветровку на молнии. С годами Александра находила мужскую одежду все более удобной; сначала пристрастилась к мужской обуви и перчаткам, потом – к вельветовым и холщовым брюкам, которые не стискивали в талии, как женские, а в последнее время – и к просторным, практичным охотничим или рабочим курткам. «И почему мужчинам достаются все удобства, в то время как мы должны приносить себя в жертву каблукам-шпилькам и прочим орудиям пыток, навязанным нам садистской модой?»

– Buenas noches, señora, – церемонно приветствовал ее Фидель. – Es

muy agradable tenerla nuevamente en esta casa^[52].

— Мистер приготовить разный забава, — доложила выглядывавшая из-за его спины Ребекка. — Предстоять большой перемена.

Джейн и Сьюки уже сидели в музыкальной комнате, где были расставлены стулья из щеголевато посеребренного дерева с овальными спинками; Крис Гейбриел, забившись в угол, читал буклете «Роллинг Стоунз». Остальная часть комнаты была освещена свечами; для бра, паутиной оплетавших стену, были подобраны свечи самых разных мармеладных оттенков; мутные зеркала удваивали множество терзаемых сквозняком язычков пламени. Ауры этих огоньков усиливали раздражающий эффект едких расцветок: зеленое свечение вгрызалось в оранжевое, однако безо всякого успеха — как вязкая смесь не вступающих друг с другом в реакцию химических веществ. Даррил, в старомодном двубортном смокинге, черном как сажа и, за исключением широких лацканов, тусклом, подошел и одарил ее своим холодным поцелуем. Даже слюна, оставшаяся у нее на щеке, была холодной. У Джейн аура оказалась слегка замутненной гневом, а у Сьюки — оставалась розовой и выражавшей удовольствие, как всегда. Все они, в простых свитерах и хлопчатобумажных брюках, со всей очевидностью выглядели одетыми несответственно.

Смокинг делал облик Даррила менее лоскунтым и неуклюжим, чем обычно. Прочистив свое лягушачье горло, он провозгласил:

— Как насчет небольшого концерта? Я тут набрел на кое-какие идеи и хочу увидеть вашу реакцию, девочки. Первый номер называется... — он сделал паузу, застыв в картинной позе, его острые маленькие зеленоватые зубы мерцали, очки, выбранные для этого вечера, были такими маленькими, что окружья их светлой пластмассовой оправы казались силками, накинутыми на глаза, — «Буги словья с Беркли-сквер».

Судя по той массе звуков, которая высекалась из инструмента, можно было подумать, что играют не две руки, а гораздо больше: левая держала глухой размашистый басовый ритм, изящный, но устрашающий, как грозовой фронт, надвигающийся поверх древесных крон, правая возводила радугу мелодии перемежающимися рваными музыкальными фразами, так что гармония выстраивалась лишь постепенно. Перед глазами возникали туманный английский парк, жемчужное лондонское небо, пара, танцующая щека к щеке, и в то же время слышался громыхающий американский фон: скрипучее бренчание ничем не смущающегося разлюбезного публичного дома, которое могли придумать и озвучить только на этом континенте, в разукрашенных ленточками и кисточками борделях какого-нибудь южного

городка на берегу реки. Мелодия шаг за шагом приближалась к басам, те восходили к верхам, чтобы в конце концов заглотать соловья; это было невероятно сложное, но восхитительное, шквальное развитие темы; с одутловатого взмокшего лица ван Хорна на клавиатуру падали капли пота, на фоне музыки отчетливо слышалось усердное хрюканье. Его кисти, дергающиеся и расплющающиеся фаланги пальцев со сверхъестественно длинными ногтями представлялись Александре парафинно-белыми узлами общего механизма, сращенными со струнами и с деревянными молоточками, покрытыми войлоком, — механизма, издающего заунывно-протяжный беспредельный звук. Тема распадалась, радуга то исчезала, то появлялась вновь, грозовой фронт ослабевал в безобидном воздухе, все новые и новые вариации мелодии в удивительно высоком диапазоне минорного ключа пронзительно пробивались сквозь шесть каскадов искаженных гамм и затухающих аккордов, наложенных на камнепад синкоп.

В наступившей тишине остался слышным лишь гул струн от последнего сокрушительного удара по клавишам.

— Фантастика, — сухо объявила Джейн Смарт.

— И правда, детка, — затараторила Сьюки, обращаясь к хозяину, медленно оправлявшемуся от напряжения. — Никогда не слышала ничего подобного.

— Я чуть не заплакала, — призналась Александра совершенно искренне, потому что он пробудил в ней массу воспоминаний и подозрений, касающихся будущего: своим мигающим светильником музыка озаряет пещеру нашего бытия.

Их похвалы, похоже, смущали Даррила, он словно опасался раствориться в них. Повертив волосатой головой, как пес, отряхивающийся после купания, ван Хорн вытер большим и указательным пальцами уголки губ, одновременно, как показалось, вправив на место челюсть.

— Да, этот гибрид получился недурно, — согласился он. — Ладно, теперь попробуем другой. Он называется «Сколько миль до луны?».

Вторая пьеса оказалась менее удачной, хотя род магии был использован тот же.

Теперь, подумала Александра, это магия воровства и превращений без намека на безвинную творческую новизну — всего лишь смелость уродливых комбинаций. Третьим номером была нежная битловская песня «Вчера», трансформированная в заикающийся ритм самбы; в отличие от первого сочинения это рассмешило всех, на что автор явно не рассчитывал.

— Итак, — сказал ван Хорн, вставая из-за рояля, — замысел состоит в

том, что, если мне удастся написать с дюжину таких композиций, один мой нью-йоркский друг, у которого есть связи со студиями звукозаписи, вероятно, сможет поддержать предприятие при условии, что нам удастся собрать немного бабок. Ну, что скажете?

– Все это немного... необычно, – заметила Сьюки. Ее пухлая верхняя губа, как всегда, перекрыла нижнюю, придав лицу торжественное, но в то же время веселое выражение.

– Что здесь необычного? – спросил ван Хорн не без обиды, и его физиономия снова была готова распасться на лоскуты. – Тайни Тим тоже был необычен. Как и Либерейс. И Ли Харви Освальд. В наши дни, в нашу эпоху вообще, чтобы привлечь чье-либо внимание, приходится быть экстравагантным.

– Это предприятие требует бабок? – грубо поинтересовалась Джейн Смарт.

– Так говорят, девчонки.

– Кто говорит, солнышко? – спросила Сьюки.

– О!.. – Смутившись, ван Хорн покосился на свечи, словно из-за них не видел ничего, кроме бликов. – Многие. Банкиры. Предполагаемые партнеры. – Внезапно, быть может, чтобы соответствовать старому смокингу, он принял паясничать в своем черном облачении, изображая героев фильмов ужасов: прихрамывать и невпопад, как на шарнирах, выбрасывать ноги вперед и в стороны. – Это такой же бизнес, как и любой другой, – заявил ван Хорн. – Пойдемте в гостиную и давайте оторвемся по полной программе.

Что-то начиналось, Александра чувствовала, как нечто медленно растет внутри; словно поднималась автоматическая дверь гаража, открывая взору необозримый гладкий склон депрессии, дверь приводилась в действие неким электрическим глазком сидящего внутри ее самой сенсора, а склон, простиравшийся за ней, вел в подземелье, откуда не было пути назад; не помогут ни пилюли, ни солнечный свет, ни полноценный ночной сон. Ее жизнь оказалась построенной на песке, и Александра уже знала: все, что она увидит сегодня, чревато тоской.

Тоскливыми были и пыльные произведения поп-арта в гостиной; некоторые из флуоресцентных трубок, встроенных в потолок, либо не горели, либо мигали с назойливым жужжанием. Шумное веселье, для которого была предназначена эта огромная длинная комната, требовало гораздо большего количества гостей; она вдруг показалась Александре заброшенной церковью вроде тех, которые колорадские пионеры понастроили вдоль горных дорог и куда больше никто не ходил, –

воплощении скорее угасания, чем отречения: все были просто слишком заняты, меняя свечи в своих пикапах или опохмеляясь после субботних попоек; автомобильные площадки возле этих церквей заросли травой, хотя снаружи можно было видеть, что на полочках в спинках скамей все еще лежат псалтыри.

– А где Дженн? – произнесла она вслух.

– Мадам еще прибираться в лаборатория, – ответила Ребекка. – Она столько работать, я бояться, она заболеть.

– Кстати, как там идут дела? – поинтересовалась Сьюки. – Когда я смогу наконец покрыть свою крышу киловаттами? Меня все еще останавливают на улице и спрашивают об этом из-за той статьи, которую я о вас написала.

– Вот-вот, – проворчал ван Хорн голосом чревовещателя, доносившимся из колодца, расположенного где-то сбоку от его головы. – Эти старые ретрограды, которым вы продали рухлядь Гейбриелов, как я слышал, охаивают мою идею. Да пошли они все!.. Над Леонардо тоже смеялись. И над Лейбницем. И над тем парнем, который изобрел застежку-молнию, проклятие, как там его звали? Еще один не оцененный по достоинству изобретатель. Вообще-то, я сейчас думаю над тем, не являются ли решением проблемы микроорганизмы, – почему бы не использовать уже опробованный и самовоспроизводящийся материал? Биогазовая технология. Знаете, кто в этой сфере преуспел больше всех? Китайцы! Вы можете в это поверить?

– Может, нам просто потреблять меньше электричества? – по своей репортерской привычке продолжала интервьюировать Сьюки. – И больше пользоваться усилиями собственных мышц? Например, кому нужны электрические ножи?

– Вам, если такой нож есть у соседа, – ответил ван Хорн. – А когда старый сломается, вам понадобится новый. Потом еще один. И еще. Фидель! Deseo beber!^[53]

Слуга в бесформенной пижаме цвета хаки, имевшей жалкий, но все еще смутно воинственный вид, принес напитки и поднос с яйцами под острым соусом и маринованными пальмовыми кочерыжками. В отсутствие Дженн, как ни странно, разговор не клеился; они к ней слишком привыкли как к зрителю, перед которым блестали талантами, развлекали, шокировали и наставляли. Им недоставало ее глазеющего молчания. В надежде, что искусство – любое искусство – способно приостановить внутреннее кровотечение меланхолии, Александра бродила среди всех этих гигантских гамбургеров и керамических мишеней для дротиков, словно

никогда прежде их не видела; впрочем, кое-чего она здесь действительно еще не видела. На четырехфутовом постаменте из выкрашенной черной краской фанеры под прозрачным кондитерским пластмассовым колпаком покоилась пародийно-реалистическая трехмерная копия обсыпанного сахарной пудрой свадебного торта работы Уэйна Тибода. Вместо традиционных жениха и невесты, однако, на верхнем ярусе красовались две обнаженные фигуры: розовая блондинка и круглый брюнет с чуть более густо-розовым телом – за исключением полуувоставшего пениса: тот был мертвенно-белым. Александру заинтересовало, из какого материала изготовлена скульптура: в ней не было ни шероховатости, свойственной литой бронзе, ни глянца глазуреванной керамики. Наверное, акриловая смола, предположила она. Убедившись, что никто, кроме Ребекки, проносившей мимо поднос с маленькими крабами, фаршированными китайской пастой шу-шу, ее не видит, Александра приподняла колпак и провела пальцем по боковой поверхности предмета, словно бы обсыпанной сахарной пудрой. На пальце остался нежный след. Она лизнула палец. Сахар. Так это настоящая сахарная пудра и настоящий торт, причем свежий!

Сопровождая речь размашистыми жестами, Даррил тем временем объяснял Сьюки и Джейн свой новый подход к энергетической проблеме:

– Если использовать достижения геотермики, то стоит вырыть шахту – а почему бы ее и не вырыть, черт возьми, роют же чуть ли не каждый день двадцатимильные тоннели в Альпийских горах, – так вот, стоит вырыть шахту, и единственное, что останется сделать, так это придумать, как не дать энергии сжечь конвертерный реактор, а то металл будет плавиться, как оловянные солдатики, доставленные на Венеру. И знаете, каково решение проблемы? Оно неправдоподобно просто: камень. Все механизмы, все сцепления и турбины нужно будет делать из камня. И это вполне возможно! Ведь уже теперь высекать из гранита разные формы умеют столь же ювелирно, как фрезеровать металл. Умеют – можете поверить? – делать даже пружины из жидкого цемента. Просто его нужно выпаривать до получения бесконечно малых частиц. В начале бронзового века так добывали металл.

Еще одним произведением искусства, которое Александра прежде не замечала, была обнаженная женская фигура, манекен, но не с матовой, как обычно, а глянцевой имитацией кожи и без шарниров в конечностях – творение, по агрессивности напоминающее Кинхольца, но гладкое и с минимумом рельефности, как в работах Тома Вессельманна. Женщина была изображена в согнутой позе, словно ее трахали сзади, с пустым и

безмятежным лицом и с плоской спиной, которая могла служить столешницей. Углубление на месте позвоночника было прямым, как желоб для стока крови на скотобойне. Ягодицы вызывали воспоминания о двух связанных вместе мотоциклетных шлемах. Скульптура встревожила Александру своей кощунственно упрощенной схожестью с ее женскими фигурками. Она взяла с подноса, предложенного Фиделем, еще одну «Маргариту», с удовольствием слизала соль с края бокала (это абсурдный миф и клевета, будто ведьмы питают отвращение к соли; селитра и рыбий жир, ассоциирующиеся с христианской добродетелью, – вот чего они не выносят) и неторопливо двинулась по направлению к хозяину.

– У меня печально-эротическое настроение, – сообщила она. – Мне хочется лечь в ванну, выкурить косячок и вернуться домой. Я дала слово няне, что буду не позже половины одиннадцатого. Это была пятая няня, которой я позвонила, и я слышала в трубку, как мать кричала на нее откуда-то. Родители не желают, чтобы их дети даже приближались к нам.

– Вы разбиваете мне сердце, – ответил ван Хорн, потный и крайне взволнованный после того, как он только что заглянул в геотермическую печь. – Не торопите события. Я еще не оторвался. К тому же существует определенный план. Сейчас сюда спустится Дженни.

Александра заметила необычный блеск в налитых кровью глазах ван Хорна; он выглядел испуганным. Но что могло его напугать?

Выход Дженни был бессловесным, она появилась на покрытой ковровой дорожкой спиральной лестнице со стянутыми на затылке, как у Эвы Перон, волосами, в зеленовато-голубом банном халате до полу. В качестве отделки на халате над каждой грудью красовалось по три украшенных вышивкой разреза, похожих на большие бутоныерки; Александре они напомнили военные шевроны. Лицо Дженни с широким круглым лбом и твердым треугольным подбородком сияло чистотой и было лишено какой бы то ни было косметики; не украшала его и улыбка.

– Даррил, не напивайся, – наконец произнесла она. – Когда ты пьян, то соображаешь еще хуже, чем когда трезв.

– Но это его вдохновляет! – с присущей ей дерзостью возразила Сьюки, нащупывая стиль поведения с этой новой женщиной, живущей теперь здесь, в доме, и в некотором роде находящейся под защитой хозяина.

Дженни, проигнорировав ее замечание, повела взглядом поверх их голов:

– А где мой милый Крис?

– Молодой человек библиотека, читать журналов, – подала голос из угла Ребекка.

Спустившись на две ступеньки, Дженни обратилась к Александре:

– Александра, взгляните. – Она развязала пояс и широко распахнула халат, выставив на всеобщее обозрение свое белое тело со всеми его округлостями, детскими жировыми складками и облачком мягких волос площадью менее мужской ладони. Просьба относилась к матовой бородавке под грудью. – Вы не находите, что она растет, или мне это кажется? И еще вот здесь, выше, – добавила она, стиснув пальцы Александры и ведя ими себе под мышку. – Чувствуете там маленькую припухлость?

– Трудно сказать, – ответила Александра в смятении, ибо подобные прикосновения были уместны в заполненной паром темной бане, но не при ярком освещении. – У нас от природы столько всяких уплотнений. Я ничего не чувствую.

– Вы не сосредоточены, – упрекнула Дженни и жестом, который в иных обстоятельствах мог бы показаться любовным, повела ее правую руку к другой подмышке. – Здесь тоже есть что-то похожее. Пожалуйста, Лекса, сосредоточьтесь.

Легкая колючесть сбритых волос. Шелковистость пудры. А под кожей – уплотнения, вены, железы, узелки… В природе нет ничего однородного; Вселенная образовалась, когда кто-то щедрой рукой бросил в пространство пригоршню материи.

– Болит? – спросила Александра.

– Я бы не сказала, но что-то я чувствую.

– Думаю, это ерунда, – решила Александра.

– А оно может быть как-то связано с этим? – Дженни приподняла конусообразную упругую грудь, чтобы была лучше видна матовая бородавка, напоминавшая то ли крохотную головку цветной капусты, то ли перекошенную мордочку мопса, сотворенного из розовой плоти.

– Не думаю. У нас у всех есть такие.

Дженни вдруг нетерпеливо запахнула халат и, туго подвязав поясок, обернулась к ван Хорну:

– Ты им уже сказал?

– Дорогая, дорогая, – засуетился тот, вытирая уголки улыбающегося рта дрожащими пальцами. – Это же должна быть церемония.

– У меня сегодня от лабораторных испарений болит голова, и, вообще, хватит церемоний. Фидель, принеси мне стакан содовой воды, agua gaseosa, o horchata, por favor. Pronto, gracias^[54].

– Свадебный торт! – воскликнула Александра с леденящим трепетом предвидения.

– Горячо, горячо, Сэнди, – похвалил ван Хорн. – Вы догадались. Я видел, как вы ковырнули торт и лизнули палец, – поддразнил он ее.

– Дело не столько в этом, сколько в манере поведения Джени. И все же я еще не могу поверить. Знаю, но не верю.

– Дамы, вам придется в это поверить. Вот это дитя и я вчера днем, в половине четвертого, поженились. Мировой судья там, в Аппоноге, был самым безумным из всех, каких я встречал. Он заикался. Никогда не знал, что можно заикаться и при этом иметь лицензию. «В-в-в-в-ы, В-В-В-В...»

– О, Даррил, не может быть! – возопила Сьюки, так растянув губы в отнюдь не веселой улыбке, что обнажились впадинки на верхней десне.

Стоявшая рядом с Александрой Джейн Смарт зашипела.

– Как вы оба могли с нами так поступить? – продолжала Сьюки.

Это «с нами» удивило Александру, она-то считала, что от неожиданного сообщения только у нее заболело внизу живота.

– Так подло?! – не унималась Сьюки; привычное бодрое выражение всем довольной гостьи слегка окоченело на ее лице. – Мы бы по крайней мере устроили традиционный прием с подарками в доме невесты.

– Или приготовили бы какое-нибудь угощение в горшочках, – смело подхватила Александра.

– Значит, она все-таки добилась своего, – тихо пробормотала Джейн, но, разумеется, так, чтобы услышали и Александра, и остальные. – В конце концов ей все же удалось провернуть это дельце.

Щеки Джени сделались густо-розовыми, она попробовала оправдаться:

– Мне, в сущности, и не пришлось ничего добиваться, все произошло само собой, я ведь была в доме почти постоянно и, естественно...

– Естественно, естество последовало естественным путем! – выпалила, словно плонула, Джейн.

– Даррил, зачем вам это нужно? – в своей репортерской, по-мужски откровенной манере спросила Сьюки.

– Ну, знаете... – с глуповатым видом попытался объяснить он, – обычный набор: остынешь, осесть, ощутить какую-то надежность. Взгляните на нее. Она красива.

– Чушь собачья, – медленно вскипая, произнесла Джейн Смарт.

– При всем уважении к вам, Даррил, и притом что мне действительно нравится Джени, она всего лишь маленькая зануда, – отважилась заявить Сьюки.

– Ну хватит, какой же это прием получается? – беспомощно произнес здоровяк, а его одетая в банный халат молодая супруга и бровью не повела,

как всегда, укрывшись за хрупкой броней невинности и снобистского неведения.

Дело не в том, что ум Дженнингса был не так рационален, как у них, напротив, в определенных пределах он действовал даже более рационально; но ее ум напоминал клавиатуру скорее арифмометра, чем пишущей машинки. Ван Хорн попытался собрать все свое достоинство.

— Слушайте, вы, суки, — сказал он. — Откуда у вас эта уверенность, будто я вам чем-то обязан? Я ввел вас в свой дом, кормил, предоставляя возможность расслабиться, отдохнуть от ваших вшивых жизней...

— А кто сделал их вшивыми? — немедленно вставила Джейн Смарт.

— Не я. Я в городе новичок.

Вошел Фидель с подносом шампанского в бокалах на длинных ножках. Александра взяла один и плеснула его содержимым в лицо ван Хорну; изысканный напиток не долетел, замочив ему лишь ширинку и одну штанину. Единственное, чего она добилась: теперь не она, а он выглядел жертвой. В ярости Александра запустила бокалом в скульптуру, изображавшую искореженные и сцепленные автомобильные бамперы; это ей удалось бы лучше, если бы на полпути бокал не превратился в ласточку и не метнулся в сторону. Тамбкин, вылизывавшая себя на одном из шелковых диванов, терзая алчным язычком крохотную розовую залысинку в своей роскошной длинношерстной шубке, моментально вскинулась и приготовилась к охоте; с комичной кошачьей важностью, неотступно следя зелеными глазищами за добычей, она прокралась вдоль спинки полукруглого дивана, но, дойдя до края, растерянно заморгала: птица вспорхнула на подвесное пенопластовое облако работы Марджори Страйдер.

— Эй, я все это вовсе не так себе представлял, — с обидой сказал ван Хорн.

— А как вы это себе представляли, Даррил? — спросила Сьюки.

— Как взрыв ликования. Мы думали, вы до чертиков обрадуетесь. Это ведь вы нас свели. Вы были нашими купидонами. Подружками невесты.

— Я никогда не думала, что они обрадуются, — поправила его Дженнингс. — Просто я не могла представить, что они поведут себя так невоспитанно.

— А почему бы им не радоваться? — Возражая Дженнингс, ван Хорн, словно в мольбе, простер к ней свои странные эластичные руки, в этот момент они имели вид заправской супружеской пары. — Мы бы за них порадовались, — сказал он, — если бы какой-нибудь тупица снял их с прилавка. Я хочу сказать: к чему эта идиотская зависть, когда весь наш проклятый мир готов сгореть в напалме? Как вы можете быть такими

буржуазными, черт вас дери?

Сьюки смягчилась первой. Возможно, просто проголодалась.

— Ладно, — сказала она. — Давайте есть торт. Хорошо бы он оказался начиненным травкой.

— Так и есть. И притом самой лучшей — оринокской бежевой.

Александра не выдержала и рассмеялась: Даррил был так забавен и растерян оттого, что распадалась компания, он жаждал примирения.

— Такой не существует, — возразила она.

— Нет, существует, надо только знать нужных людей. Ребекка знает ребят, которые приезжают на бредово раскрашенном фургончике с южной окраины Провиденса. Амброзия для сердитых, честное слово. Вы улетите отсюда на крыльях. Кстати, что там у нас с приливом?

Значит, ван Хорн помнил, как отважно Александра в тот день перешла вброд через ледяной прилив, а он издали, с берега, кричал ей: «Вы можете летать!»

Торт был водружен на спину-столешницу скрюченной ню. Марципановые фигуры сняли и стали передавать по кругу. Александре достался пенис — своего рода дань. Раздавая торт, Даррил бормотал:

— Hoc est enim corpus meum^[55].

А когда приступили к шампанскому, произнес:

— Hic est enim calix sanguinis mei^[56].

У Джени, сидевшей напротив Александры, лицо было сияюще-румяным: это просвечивал сквозь кожу лиkующий ток крови; она не скрывала радости. Душа Александры потянулась к ней как к собственной юности. Они пальцами засовывали торт друг другу в рот; вскоре его опротивевший цилиндр выглядел как добыча, выпотрощенная шакалами. Потом, сцепив испачканные кремом руки и повернувшись спинами к скрюченной фигуре, на левой ягодице которой Сьюки помадой и сахарной пудрой нарисовала ухмыляющуюся физиономию с торчащими вперед зубами, водили хоровод, распевая на древний лад: «Emen hatan, Emen hetan» и «Har, har, diable, diable, saute ici, saute la, jou ici, jou la!»^[57]

Джейн, самая пьяная из них к тому времени, пыталась спеть все куплеты этой мерзкой песни песней эпохи Якова I «Звяз-бряк», пока смех и алкоголь окончательно не замутили ей память. Ван Хорн жонглировал сначала тремя, потом четырьмя, потом пятью мандаринами, его руки бешено мелькали в воздухе, превращаясь в неразличимые пятна. Кристофер Гейбриел высунул голову из библиотеки, чтобы посмотреть, что за бурное веселье происходит в зале. Фидель снова принес убранных

маринованных капибаров. Вечеринка, похоже, раскручивалась успешно, но, когда Сьюки предложила перейти в баню, Дженини не без металла в голосе объявила:

— Бочка зацвела, поэтому воду спустили, и мы ждем человека из Наррагансетской санитарной службы, который должен обработать тиковое дерево антибактериальными препаратами.

Таким образом, Александра попала домой раньше, чем ожидала, к удивлению няни, которую застала на диване в нижней комнате со своим приятелем. Пришлось дать задний ход и вернуться минут через десять, чтобы расплатиться со смущенной девушкой. Та была дочерью Арсенолтов и жила в центре города; молодой человек приехал, чтобы отвезти ее домой, как она объяснила. После ее отъезда Александра поднялась на второй этаж, на цыпочках вошла в спальню Марси и убедилась, что ее семнадцатилетняя, но вполне оформившаяся как женщина дочь невинно спит в своей кровати. Однако еще долго в ночи ее преследовал образ бледных бедер Арсенолтовой дочери, сомкнутых вокруг волосатых ягодиц безвестного молодого человека, чьи джинсы были спущены ровно настолько, насколько нужно, чтобы выпустить на свободу гениталии, в то время как на девушке не оставалось решительно ничего. Эта картина жгла мозг Александры, как и луна, плывущая назад сквозь рваные тревожные облака.

Как в старые добрые времена, они снова собирались втроем, на сей раз у Джейн Смарт, в ее большом фермерском доме, который в свое время знаменовал для Джейн сокрушительное падение после чудесного, с тринадцатью комнатами викторианского дома с отдельными коридорами для прислуги, декоративной лепниной на потолках, стеклянными канделябрами работы Тиффани, дома, стоявшего на Вайн-стрит, в одном квартале от ее пересечения с Оук-стрит, подальше от воды, в котором прошли их с Сэмом лучшие годы. Теперешний ее дом представлял строение с комнатами, устроеннымми на разных уровнях, располагавшееся на стандартном участке в четверть акра, обшитое дранкой и выкрашенное в ядовито-синий цвет. Предыдущий владелец, инженер-механик, который не мог найти себе работу по специальности и в конце концов в поисках достойного места службы переехавший в Техас, тратил свободное время, которого у него было в избытке, на перестройку маленького дома «под старину»: сооружал из соснового дерева буфеты и фальшивые коробчатые балки, обшивал стены панелями с сучковатым узором и искусственными «шрамами» от стамески и даже сделал выключатели в форме деревянных

рычажков, а унитаз упаковал в короб из дубовых досок от бочки. Кое-где стены были обвешаны старинными плотницкими инструментами – рубанками, рамными пилами и ножами для резьбы по дереву; а в перила на лестничной площадке, разделявшей соседние уровни, он даже умудрился хитроумно встроить небольшую прялку. Джейн открыто не протестовала против этого суматошно-изобильного орнаментального наследия пуританизма, но ее с детства презрительное отношение к нему постепенно подтачивало столь милый сердцу инженера образ. Тщательно выточенные выключатели ломались от резких рывков. Одна доска обшивки унитаза отлетела, когда кто-то пнул ее ногой, и весь короб рассыпался. Аккуратные коробочки-держатели туалетной бумаги тоже развалились. Уроки фортепиано Джейн давала в дальнем конце длинной гостиной, располагавшейся шестью ступеньками выше кухни-столовой, и не покрытый ковром пол этой комнаты хранил пагубные следы ее гнева. Нога виолончели продырявила его везде, где Джейн приходило в голову поставить стул и пюпитр, а она таскала их повсюду, не имея постоянного места для упражнений. И это были далеко не все метки наносимого владению ущерба; в маленькой, сравнительно новой летней пристройке, сооруженной из сосновых досок и отделанной дешевыми материалами по типовому проекту, который серийно воплощали в жизнь строительные бригады, повсюду виднелись свидетельства недолговечности: облупившаяся краска, дыры в пластиковых покрытиях, недостающие черепицы на кухонной крыше. Ужасный доберман-пинчер Джейн, Рандолф, грыз перекладины, соединяющие ножки стульев, и когтями процарапывал двери насквозь. Как сформулировала это для себя Александра, Джейн жила в некоем зыбком мире, состоявшем наполовину из музыки, наполовину из озлобленности.

– Ну, что будем делать? – задала сакраментальный вопрос Джейн, когда стаканы были наполнены и первая волна сплетен утихла, ибо серьезному обсуждению сегодня подлежало только одно событие: внезапная и оскорбительная женитьба Даррила ван Хорна.

– Какой самодовольной она была в этом длинном халате и как по-хозяйски вела себя! – вспомнила Сьюки. – Ненавижу ее! Подумать только: ведь это я впервые привезла ее туда поиграть в теннис. Я и себя за это ненавижу. – Она закинула в рот пригоршню соленых семечек, испачкав губы шелухой.

– Кстати, играла она с нами на равных, помните? – заметила Александра. – Синяк у меня на бедре не сходил несколько недель.

– Это должно было нас насторожить, – подхватила реплику Сьюки,

снимая с губы зеленую чешуйку, – дать понять, что она вовсе не та беспомощная куколка, за которую себя выдает. Все дело в том, что я чувствовала вину из-за Клайда и Фелисии.

– Ах, брось ты! – взвилась Джейн. – Вовсе ты не чувствовала вину, с чего бы это? Не ты свихнула Клайду его прогнившие мозги, и не ты превратила Фелисию в чуму.

– Они представляли некий симбиоз, – задумчиво произнесла Александра. – А Сьюки нарушила его, проявив доброту к Клайду. У меня такая же история с Джо, разница лишь в том, что мне удается потихоньку «отводить свои войска». Деликатно. Чтобы постепенно разрядить обстановку. Люди... – продолжала размышлять она, – люди склонны взрываться.

– А разве ты ее не ненавидишь? – спросила Сьюки. – Ведь мы понимали, что если ему и суждено кому-нибудь из нас троих принадлежать, после того как притупится новизна ощущений и все такое прочее, так это тебе. Правда, Джейн?

– Нет, не правда, – последовал непрекаемый ответ. – Мы с Даррилом оба музыканты. И оба исповедуем непристойность.

– А кто сказал, что мы с Лексой боимся непристойности? – возразила Сьюки.

– Вам для этого требуется прилагать усилия, – ответила Джейн. – И в ваших характерах есть другие грани: вы можете быть и святошами. Вы не так преданы, как я. Для меня же не существует никого, кроме Даррила.

– Ты, кажется, говорила, что встречаешься с Бобом Озгудом? – заметила Александра.

– Я говорила, что даю уроки фортепиано его дочери Деборе, – огрызнулась Джейн.

Сьюки расхохоталась:

– Видела бы ты, с каким надменным видом это произносишь. Как Дженини, когда она назвала нас дурно воспитанными.

– А вы обратили внимание, как она, такая кроткая и бесстрастная, подмяла его под себя! – вспомнила Александра. – Я поняла, что они поженились, как только она вошла в зал: позже всех и по-хозяйски. И ван Хорн был не такой, как всегда. Вел себя гораздо менеезывающе, можно даже сказать, робко. Грустно все это.

– Мы преданы не меньше тебя, душенька, – сказала Сьюки, обращаясь к Джейн. – Но что мы можем сделать, кроме как хорошенько осадить их и снова стать прежними милыми самими собой? Думаю, после всего случившегося нам может быть еще лучше вместе. Я, например, чувствую

себя ближе к вам, чем несколько месяцев назад. К тому же все эти острые закуски, которыми пичкал нас Фидель, испортили мне желудок.

– Что мы можем сделать? – риторически переспросила Джейн. Ее черные, разделенные посередине строгим пробором волосы упали на лицо, и она резко откинула их назад. – Но это же очевидно. Мы можем напустить на нее порчу.

При этом слове, как при виде падающей звезды, внезапно прочертившей небо, воцарилось молчание.

– Если тебя так обуревает негодование, ты сама можешь наслать на нее порчу, – сказала Александра. – Мы тебе для этого не нужны.

– Нет, нужны. Здесь требуются усилия всех троих, потому что это должен быть отнюдь не легкий сглаз, от которого на нее просто нападет пчелиный рой или целую неделю будет болеть голова.

Наступила тревожная пауза.

– А что с ней должно случиться? – неуверенно спросила наконец Сьюки.

Джейн стиснула губы, чтобы не произнести рокового слова – эквивалента латинского «канцер»^[58].

– Думаю, после прошлой вечеринки ясно, чего она боится. А когда в человека вселяется такой страх, довольно малюсенького психокинетического толчка, чтобы он сбылся.

– Бедное дитя! – невольно вырвалось у Александры, которая тоже страдала от этого страха.

– «Бедного дитя» больше не существует, – решительно заявила Джейн. – Теперь оно... – ее узкое лицо приобрело еще более высокомерный вид, – теперь оно – миссис Даррил ван Хорн.

Снова помолчали. Потом Сьюки спросила:

– А что нужно делать?

– Ничего особенного. Александра слепит из воска ее фигуру, и мы, войдя под конус могущества, воткнем в нее булавки.

– Почему я? – выразила недовольство Александра.

– Это просто, моя дорогая. Потому что ты – скульптор, а мы – нет. И ты все еще имеешь контакт с более могущественными силами. Мои заклинания в последнее время имеют обыкновение отклоняться градусов на сорок пять от заданного направления. С полгода назад, когда мы еще встречались с Реем, я хотела убить кошку Греты, но, судя по его рассказам, добилась лишь того, что извела всех грызунов в доме. Из-под пола несколько недель несло вонью, но кошка осталась омерзительно здоровой.

– Джейн, тебе никогда не бывает страшно? – спросила Александра.

– С тех пор как я приняла себя такой, какая есть, – нет. Сносная виолончелистка, отвратительная мать и скучная любовница.

Против последнего утверждения подруги из вежливости бурно запротестовали, но Джейн была непреклонна:

– Начинаю я неплохо, но когда мужчина оказывается сверху и во мне, меня одолевает чувство обиды.

– А ты представь, что это твоя собственная рука, – посоветовала Сьюки. – Я иногда так делаю.

– Или думай, что это ты трахаешь его, – подсказала Александра, – и он лишь игрушка в твоих руках.

– Слишком поздно. Теперь я нравлюсь себе такой, какая есть. Будь я чуточку счастливее, я была бы менее эффективна. Вот что я сделала для начала. Когда Даррил передавал по кругу марципановые фигуры, я откусила голову от той, которая изображала Дженн, но не проглотила, а при первом удобном случае выплюнула ее в носовой платок. Вот она. – Джейн подошла к роялю, открыла крышку, достала изнутри мятым носовым платок, вернулась и со злорадным видом развернула его.

Маленькая гладкая конфетная головка, проведя несколько минут во рту Джейн, стала еще более гладкой, но тем не менее сохранила отдаленное сходство с круглым лицом Джейн: водянистые голубые глаза с застывшим взглядом, светлые волосы, такие тонкие, что, казалось, облепляют череп, как слой краски, отсутствующее выражение лица, в котором было нечто вызывающее, непокорное и – да! – раздражающее.

– Это неплохо, – одобрила Александра, – но нужно иметь что-нибудь более интимное. Лучше всего кровь. В старых рецептах чаще всего рекомендуется менструальная кровь. Ну и разумеется, волосы. Обрезки ногтей тоже пригодились бы.

– Кусо-очек пупови-ины, – пропела Сьюки, слегка захмелевшая от двух бурбонов.

– Экскременты, – серьезно продолжала Александра, – хотя, если вы не в Африке или Китае, их трудно раздобыть.

– Подождите, никуда не уходите, – велела Джейн и вышла из комнаты.

Сьюки рассмеялась:

– Нужно будет написать статью для провиденского «Джорнал балетин»: «Туалеты со смывом как причина упадка ведьмовского искусства». Они приглашали меня сотрудничать, если я решу вернуться в журналистику.

Она скинула туфли, поджала под себя ноги и положила руку на спинку ядовито-зеленого дивана Джейн. То были времена, когда даже женщины

весьма зрелого возраста носили мини-юбки, и кошачья поза Сьюки обнажала почти все бедро, не говоря уж о веснушчатых блестящих коленях, совершенных по форме, как куриное яйцо. На ней было пронзительно-оранжевое шерстяное платье-пуловер чуть длиннее свитера; сочетание вульгарной зелени дивана с этим вызывающе ярким цветом производило захватывающий эффект столкновения, всплеска, какой свойствен пейзажам Сезанна; не будь оно таким чудным и восхитительно смелым, могло бы показаться уродливым. На лице Сьюки запечатлелось то выражение, которое Александра находила эротичным: глаза неестественно влажные и блестящие, от помады, из-за того что Сьюки слишком много смеялась и болтала, остался лишь внешний контур. Эротичной казалась Александре даже наименее привлекательная часть ее лица – короткий, толстый и весьма бесформенный нос. «Нет никаких сомнений, – бесстрастно подумала Александра, – что после женитьбы ван Хорна мое сердце стало на вечный якорь, и, если бы подруги не делили со мной это несчастье, мне не осталось бы ничего, кроме пустоты одиночества». Она теперь не обращала никакого внимания на детей: видела их шевелящиеся губы, но звуки, срывавшиеся с них, были для нее лишь бессмысленным лепетом на непонятном языке.

– Ты все еще торгуешь недвижимостью? – спросила Александра.

– Да, солнышко. Но это так мало дает. Вокруг сотни других разведенных женщин, которые месяят грязь на улицах, водя клиентов по домам.

– Однако тебе удалось провернуть сделку с Холлоубредами.

– Да, конечно, но это лишь позволило расплатиться с долгами. А теперь я снова увязаю в них, и это приводит меня в отчаяние. – Сьюки широко улыбнулась, губы расплющились, как подушки, на которые кто-то сел. Она похлопала рукой по дивану. – Великолепная, иди сюда, сядь рядом. А то мне приходится кричать. Что за акустика в этом отвратительном доме! Не представляю, как она это выдерживает: говорить и слышать эхо собственного голоса.

Сбегав наверх, на уровень, где одним лестничным полумаршем выше располагались спальни, Джейн принесла какое-то сокровище, аккуратно завернутое в льняное полотенце для рук. Ее аура возбужденно светилась и пульсировала, как северное сияние.

– Вчера вечером, – сказала она, – я так расстроилась и рассердилась из-за всего случившегося, что не могла спать, поэтому встала, с ног до головы натерлась аконитом и кремом «Ноксема» для рук, чуть-чуть добавив в него серого пепла, который образуется, когда ставишь плиту на режим самоочистки, и полетела в поместье Леноксов. Это было чудесно!

Повсюду повылезали весенние квакши, и почему-то чем выше поднималась, тем лучше слышишь их. У Даррилов внизу все еще было полно гостей, хотя минула полночь. Из стереосистемы во всю мочь грохотала карibbeanская музыка, которую там исполняют на промасленных барабанах, а на подъездной аллее стояло несколько машин – не знаю чьих. Я нашла окно спальни, приоткрыла его дюйма на два и тихонечко проскользнула внутрь...

– Ой, Джейн, как страшно! – воскликнула Сьюки. – А если бы Носатый тебя унохал? Или Тамбкин?

Насчет Тамбкин ван Хорн серьезно уверял, будто в ее пушистое тельце вселилась душа ньюпортского баристера восемнадцатого века, который, страдая чудовищными зубными болями и абсцессами, этим бичом всех предыдущих веков, пристрастился к опиуму, присвоил деньги фирмы и, чтобы спасти себя от тюрьмы, а семью от позора, завещал душу темным силам. Поэтому кошечка могла по собственному желанию превращаться то в пантеру, то в хорька, то в гиппогрифа.

– Я обнаружила, что капля слабительного из экскрементов арктической чайки убивает запахи, – ответила Джейн, недовольная тем, что ее перебили.

– Продолжай, продолжай, – взмолилась Сьюки. – Итак, ты открыла окно. Как ты думаешь, они спят в одной постели? Как она это выдерживает? У него же под шерстью тело холодное и липкое. Когда приближаешься к нему, ощущение такое, будто открываешь холодильник, в котором что-то испортилось.

– Давай дадим Джейн закончить свой рассказ, – по-матерински увещевательно произнесла Александра.

В последний раз, когда она попыталась летать, ее астральное тело поднялось, а физическое осталось лежать в кровати и показалось ей таким маленьким и жалким, что Александра испытала приступ стыда и немедленно вернулась в свою грузную оболочку.

– Снизу доносился шум вечеринки, – продолжила Джейн. – Мне кажется, я слышала голос Рея Неффа, он пытался солировать в хоре. Я нашла ванную, ее ванную.

– Откуда ты узнала, что это ее ванная?

– Это было нетрудно, и я теперь много знаю о ее привычках. Внешне она ведь очень аккуратна, а на самом деле – неряха. Там везде валялись бумажные салфетки, измазанные помадой, выпотрошенная упаковка с противозачаточными пилюлями в виде календарика, чтобы не забыть дни приема, расчески, забитые длинными волосами. Кстати, она их красит. На

умывальнике стояла бутылка с «Клеролом» цвета «блонд». Прессованные тени и пудра, а также румяна – убей меня, ни за что не стала бы пользоваться всей этой косметикой. Пусть я старая ведьма и знаю это, но я и хочу выглядеть старой ведьмой.

– Детка, да ты красавица! – возразила Сьюки. – У тебя волосы как вороново крыло. И черепаховые, то есть цвета черепахового панциря, глаза. Ты быстро загораешь, – если бы я загорала, как ты! Почему-то никто не принимает всерьез веснушчатых. Я кажусь людям смешной, даже когда готова разреветься.

– И что ты принесла в этом аккуратно сложенном полотенце? – спросила Александра, обращаясь к Джейн.

– Это его полотенце. Я его украла, – сообщила Джейн, хотя изящная монограмма на полотенце, скорее, напоминала букву «Р» или «Q». – Вот смотрите. Я пошарила в ее мусорной корзине под умывальником. – Джейн осторожно развернула розовое полотенце, внутри которого оказалась куча разрозненного интимного мусора: змеиный клубок длинных волос, снятых с расчески, смятая бумажная салфетка «Клинекс» с рыжевато-коричневым пятном грязи посередине, квадратик туалетной бумаги с запечатленным на нем вагинальным оттиском губ, только что накрашенных помадой, ватная затычка от флакона с таблетками, алая нитка от упаковки бактерицидного пластиря, обрывки использованной зубной нити. – Но самое ценное, – продолжала Джейн, – вот эти маленькие волоски – вы их видите? Посмотрите внимательнее. Я их нашла на дне ванны, они прилипли к краям сливного отверстия – она настолько нечистоплотна, что даже не споласкивает после себя ванну. Я накрыла их влажным полотенцем, и они к нему прилипли. Это волосы с ее ног, она брила ноги в ванне.

– Очень мило, – подхватила Сьюки. – Джейн, ты ужасна, но мне преподала урок: всегда буду теперь мыть после себя ванну.

– Как ты думаешь, этого достаточно? – спросила Джейн Александру. Ее глаза, которые Сьюки назвала «черепаховыми», на самом деле были светлее, и в них блуждали мерцающие янтарные искорки.

– Достаточно для чего? – вопросом на вопрос ответила Александра, хотя уже знала ответ. Она прочла его в мыслях Джейн, и от этого кто-то словно стал грызть образовавшееся за несколько дней до того воспаленное место внизу живота, реально угрожая сгладить его.

– Достаточно для того, чтобы навести порчу, – ответила Джейн.

– Почему ты спрашиваешь об этом меня? Наведи ее сама и посмотри, что получится.

– Нет уж, милая моя. Я же сказала: у нас нет твоего... как бы это

выразиться? Твоего доступа к глубинным течениям. Мы со Сьюки – всего лишь иголки-булавки: можем уколоть, поцарапать – но и только.

Александра повернулась к Сьюки:

– А ты что по этому поводу думаешь?

Сьюки попыталась придать лицу глубокомысленное выражение, что оказалось затруднительно в данный момент, поскольку она была подшофе; верхняя губа очаровательно прикрыла слегка выпирающие вперед зубы.

– Мы с Джейн поговорили по телефону. Немного. Да, мы хотим, чтобы ты участвовала в этом вместе с нами. Хотим. Решение должно быть единогласным, как при голосовании. Ты знаешь, прошлой осенью я поворожила немногого, чтобы свести вас с Даррилом, и в определенной мере это сработало. Но только в определенной. Честно говоря, душенька, мне кажется, что моя сила иссякает день ото дня, все становится таким унылым. Однажды я взглянула на Даррила, и мне показалось, что он вдруг странным образом захлопнулся... Сдается мне, его что-то пугает.

– Тогда почему бы не уступить его Дженнни?

– Ну уж нет! – вмешалась Джейн. – Ей он не дос-ста-нется. Она его украла, ос-ставила нас в дураках. – Ее «с-с» повисли в воздухе длинной, израненной шрамами комнаты, как дымок от ароматических палочек.

Одним коротким лестничным маршем ниже, там, где была кухня, и выше, там, где располагались спальни, слышалось отдаленное шипение и бормотание, означавшие, что дети Джейн припали к телевизорам. Где-то случилось еще одно убийство. Президент выступал с речами только на военных объектах. Счет жертвам постоянно рос, и одновременно росло проникновение противника в наши тылы.

Александра продолжала смотреть на Сьюки в надежде, что ее освободят от этой грозно маячившей переди обязанности.

– Ты ворожила, чтобы свести нас с Даррилом, в тот день, когда случился высокий прилив? Значит, он не сам почувствовал влечение?

– Ну что ты, конечно сам, детка, – неуверенно возразила Сьюки. – Впрочем, кто знает? – Она неопределенно пожала плечами. – Я обмотала вас зеленой садовой бечевкой, а когда через несколько дней заглянула под кровать, увидела, что крысы или еще кто прогрызли ее, – может, их привлекла соль, попавшая на бечевку с моих рук?

– Это было нехорошо с твоей стороны, – упрекнула Джейн, – ты ведь знала, что я сама хотела его заполучить.

Для Сьюки выдался подходящий момент, чтобы сказать Джейн, что она больше любит Александру; но вместо этого она произнесла:

– Мы все хотели его заполучить, но я считала, что ты можешь

собственными силами добиться всего, чего хочешь. Так оно, в сущности, и вышло. Ты ведь безвылазно торчала там, музицируя до одури, если, конечно, это так называется.

Это был удар по самолюбию Александры, и она воскликнула:

– А, черт! Давайте! – Решение казалось простейшим: в некотором роде прочистить еще одну пазуху в мировом организме, забитом бескрайней грязью.

Осторожно, стараясь не касаться предназначенных для ворожбы предметов, чтобы не оставить на них ни грана собственной субстанции – кожной соли или жира, а также многочисленных бактерий – и, таким образом, не подвергнуть себя опасности, три женщины вытряхнули бумажные салфетки, длинные светлые волосы, красную нить от упаковки пластиря и, самое главное, волоски, сбритые с ног и шевелившиеся в волокнах полотенца, словно крохотные живые существа, в керамическую пепельницу, которую Джейн украла из «Бронзовой бочки» еще тогда, когда захаживала туда с Неффами после репетиций. Потом Джейн положила туда же марципановую головку, спасенную ею во рту, и с помощью картонной спички разожгла небольшой погребальный костер. Салфетки вспыхнули оранжевым пламенем, волосы, потрескивая, засветились голубым огнем, испуская запах паленой птицы, марципан склокожился, превратившись в пузырящийся черный сгусток. Дым поднялся к потолку и повис, наподобие паутины, на его искусственной поверхности, сделанной из тонких плит сухой штукатурки, покрытых краской, смешанной с песком, – чтобы имитировать настоящую штукатурку.

– Так, теперь скажи, есть ли у тебя старый подсвечник? – спросила Александра у Джейн Смарт. – Или, может, где-нибудь в ящике завалялись свечи для торта? Пепел нужно растолочь и смешать с половиной чашки расплавленного воска. Возьми кастрюльку, только сначала тщательно смажь ее маслом – и дно и стенки, – потому что, если хоть немного воска к ней прилипнет, заклинание не сбудется.

Пока Джейн выполняла в кухне ее распоряжение, Сьюки положила ладонь на плечо Александры и сказала:

– Голубушка, я понимаю, что тебе не хочется это делать.

Ласково водя пальцем по сухожилиям доверчиво протянутой руки, Александра заметила, что веснушки, щедро разбросанные по тыльной поверхности ладони и первым фалангам пальцев, иссыкали по мере приближения к ногтям, словно смесь недостаточно хорошо взболтали.

– Напротив, – заверила она подругу, – это доставляет мне огромное удовольствие. Это же искусство. К тому же я польщена тем, как вы обе в

меня верите. – И, неожиданно наклонившись, поцеловала Сьюки в замысловато очерченные припухлые губы.

Сьюки вперила в нее удивленный взор. Сузившиеся зрачки приняли форму тени, падавшей от головы Александры, и отдрейфовали в сторону от зеленых радужных оболочек.

– Но тебе ведь нравилась Дженин.

– Только ее тело. Я любила его так же, как тела собственных детей. Помнишь, как они пахнут в младенчестве?

– О, Лекса, как ты думаешь, у кого-нибудь из нас еще будут когда-нибудь дети?

Теперь настала очередь Александры неопределенно пожать плечами. Вопрос казался сентиментальным и беспомощным.

– А ты знаешь, что использовали ведьмы для изготовления свечей? Детский жир! – сказала она и встала, не очень уверенно: водка не отравляет дыхание и содержит совсем немного калорий, но и она не проходит сквозь организм наподобие потока нейтрино, не оставляя следа. – Пойдем на кухню, поможем Джейн.

Джейн нашла старую коробку с розовыми и голубыми свечками для торта в глубине ящика. Воск, переплавленный в обмазанной маслом кастрюле и смешанный с пеплом их маленького погребального костерка, приобрел жемчужный цвет с серовато-лавандовыми вкраплениями.

– Так, теперь – что у тебя можно использовать в качестве формы для заливки? – спросила Александра.

Они порылись среди кухонного скарба, паштетную формочку отвергли сразу, как слишком большую, с сомнением повертели в руках кофейные чашки и рюмки для ликера и остановились наконец на старомодной апельсиновой соковыжималке из тяжелого стекла, сделанной в форме сомбреро с желобком на полях. Александра перевернула ее вверх дном и ловко влила воск в полую «тулью»; горячая смесь зашипела внутри ребристого конуса, но стекло не лопнуло. Потом она подержала внешнюю часть перевернутого конуса под струей холодной воды, стукнула соковыжималкой о край раковины, и выпуклый комок воска, еще теплый, упал ей в руку. Александра сжала его, чтобы придать продолговатую форму. Зародыш будущей человеческой фигуры с четырьмя углублениями от пальцев уставился на нее с ладони.

– Черт, – сказала она, – нужно было оставить несколько волосков.

– Сейчас посмотрю, – может, в полотенце что-нибудь застряло, – заторопилась Джейн.

– И заодно посмотри, нет ли у тебя, случайно, ногтичистки, –

попросила Александра. – Или длинной пилки для ногтей. Чтобы вырезать. Я могу обойтись даже шпилькой для волос.

Джейн как ветром сдуло. Она была предназначена для того, чтобы исполнять распоряжения – Баха, Поппера, хозяина преисподней. Пока она отсутствовала, Александра объяснила Сьюки:

– Хитрость заключается в том, чтобы не убрать больше, чем нужно. Каждая крошка несет теперь в себе частичку магии.

Она выбрала среди ножей, висевших на магнитном держателе, тупой кривой резак с деревянной ручкой, облезлой и размягчившейся в результате многочисленных прохождений через посудомоечную машину, и вырезала на воске два кольцевых углубления – шею и талию. Стружки упали на махровое полотенце, расстеленное на пластиковой стойке. Положив несколько стружек на кончик ножа и подставив под него зажженную спичку, Александра покапала расплавленным воском на приобретающую очертания женской фигуры заготовку, чтобы изобразить груди. Таким же образом она сделала утолщения на животе и бедрах будущей скульптуры. Потом выстругала ноги с крохотными – в своем стиле – ступнями. Оставшуюся при этом стружку снова нагрела, накапала на заготовку и разровняла – получились ягодицы. Все это время Александра держала в голове образ девушки, такой, какой сохранился у нее от совместных посещений бани. Руки были наименее важной деталью, поэтому она лишь наметила их абрис по бокам. А вот лоно вырезала рельефно кончиком ножа, который держала вертикально лезвием внутрь. Остальные складки и контуры Александра доработала с помощью принесенной Джейн ногтечистки. Джейн нашла также и еще один длинный волос, застрявший в махре полотенца. Поднеся к свету, она попыталась получше рассмотреть его: хотя волос казался почти бесцветным, похоже, в нем не было оттенка ни черноты, ни рыжины, он был светлее, тоньше и однороднее, чем оказался бы волос с головы Александры.

– Ничуть не сомневаюсь, что это волос Дженнин, – заявила Джейн.

– Не дай нам бог ошибиться, – откликнулась Александра. От сосредоточенности на фигуре, которую она лепила, ее голос стал хриплым. Заостренным концом мягкой ароматизированной палочки Александра вдавила этот единственный волос в податливый череп цвета лаванды.

– Голова теперь есть, но без лица, – недовольно сказала Джейн, заглядывая ваятельнице через плечо. Ее голос неприятно резонировал в пространстве сосредоточенного священнодействия.

– Лицо сделаем, – шепотом ответила Александра. – Мы ведь знаем, кто это, и изобразим все наилучшим образом.

– Я уже воспринимаю ее как Дженни, – призналась Сьюки, которая наблюдала за работой подруги, склонившись так низко, что ее дыхание овевало Александре руки.

– Глаже, – мурлыкала себе под нос Александра, орудуя выпуклой частью чайной ложки. – Дженни у нас гла-а-а-аденькая.

– Она не сможет стоять, – снова покритиковала скульптуру Джейн.

– А ее фигурки никогда и не стоят, – ответила за подругу Сьюки.

– Тсс, – призвала к тишине Александра, оберегая атмосферу магии. – Она должна встретить это лежа. Так поступаем мы, леди. Мы принимаем исцеление лежа.

Волшебным ножом, своим асамом, она прорезала на подобии Дженниной головы бороздки, имитирующие ее новую чопорную прическу а-ля Эва Перон, и, поскольку притирки Джейн по поводу лица продолжались, попробовала выдавить краем ногтечистки округлые углубления глазниц. Эффект получился пугающим: из серой массы вдруг прорезался взгляд. Пустота внизу живота у Александры стала свинцовой. Пытаясь творить, мы принимаем на себя бремя вины, убийства и необратимости, коими чревато всякое творение. Зубцом вилки она проделала пупок в блестящем животе фигурки: знак того, что та не слеплена, но рождена и, как все мы, связана с праматерью Евой.

– Ну все, – объявила Александра, с грохотом сваливая в раковину инструменты. – Теперь быстрее, пока в воске еще сохраняется хоть немного тепла. Сьюки, ты веришь в то, что это Дженни?

– Ну... конечно, Александра, раз ты так говоришь.

– Важно, чтобы ты верила. Возьми ее в руки.

Сьюки взяла. Ее тонкие веснушчатые кисти дрожали.

– Скажи ей – только не улыбайся, – скажи ей: «Ты Дженни. Ты должна умереть».

– Ты Дженни. Ты должна умереть.

– Теперь ты, Джейн. Давай. Повтори.

Руки Джейн не были похожи на руки Сьюки, и одна не похожа на другую: правая, смычковая, – толстая и мягкая; левая, которой она прижимала струны, – переразвитая, с золотистыми блестящими мозолями на безбожно эксплуатируемых подушечках пальцев.

Джейн произнесла требуемые слова, но таким безжизненным холодным тоном, что Александра предупредила:

– Ты должна верить в то, что говоришь. Это Дженни.

Александру не удивило, что при всей своей озлобленности Джейн оказалась слабейшей из сестер, когда дело дошло до заклинания, потому

что магия питается любовью, а не ненавистью: ненависть орудует лишь ножницами и не способна прядь нити сострадания, посредством которых разум и дух управляют материей.

Джейн повторила формулу, стоя посреди своей фермерской кухни с венецианским окном, изгаженным затвердевшими птичьими экскрементами, но открывающим вид на двор, несмотря ни на что, осененный в это время года великолепием двух цветущих кизиловых деревьев. Последние лучи заходящего солнца представляли светящийся фон некоего бесценного металлического литья: тонкие листья посреди колышемых ветром темных веток с четырьмя лепестками цветов на каждом новом побеге. Желтый пластмассовый бассейн, из которого дети Джейн выросли навсегда, зимой и летом предоставленный всем ветрам, чуть накренившись, располагался под одним из деревьев; на его дне мерцал полумесяц грязной воды, не так давно бывшей льдом. Лужайка оставалась коричневой, хотя и покрывалась уже зеленым дымком свежей травы. Земля все еще была живой.

Голоса подруг вернули Александру к действительности.

– Теперь ты, милая, – хрипло говорила Джейн, возвращая ей «малышку». – Ты тоже должна сказать эти слова.

Слова были полны ненависти, хоть и скучы; Александра произнесла их со спокойной убежденностью и поспешно перешла к завершающей стадии ритуала.

– Булавки! – скомандовала она Джейн. – Иголки. На худой конец, кнопки – в комнатах у детей они наверняка найдутся.

– Как мне не хочется туда идти, они станут ныть, что хотят есть.

– Скажи им, чтобы потерпели еще пять минут. Нам нужно заканчивать, а то...

– А то что? – всполошилась Сьюки.

– А то все обернется против нас самих. Это бывает. Как у Эда с его бомбой. Маленькие кнопочки с цветными шляпками вполне подойдут. Даже скрепки, если их расправить. Но одна полноценная большая иголка необходима. – Она не пояснила для чего: чтобы пронзить сердце. – И еще, Джейн, нужно зеркало, ибо магия не творится в материальном трехмерном пространстве, а только в пространстве воображения, рождаемом зеркалом и заполненном астральными тождествами настоящих безгласных вещей, бытием, наложенным на бытие.

– Сэм оставил тут свое зеркало для бритья, я иногда крашу перед ним глаза.

– Отлично. Неси скорее. Мне нужно сохранить настрой, иначе

распадутся стихии.

Джейн снова убежала; Сьюки начала искушать Александру:

– Как насчет еще одного глотка? Прежде чем снова столкнуться лицом к лицу с реальностью, мне нужен еще один хорошо разведенный бурбон.

– Вот это и есть реальность, как ни прискорбно. Полглотка, солнышко. Налей мне наперсток водки и до краев добавь тоник, или «Севен-ап», или просто воду – что угодно. Бедная Дженини. – Преодолевая шесть ступенек, которые вели из кухни в гостиную, с восковой фигуркой в руках, Александра осознала все вопиющее несовершенство и асимметричность своего творения: одна нога короче другой, анатомия того места, где сходятся бедра и живот, не проработана, восковые груди слишком тяжелые. И кто надоумил ее заняться скульптурой? Даррил. Это было подло с его стороны.

Устрашающий доберман Рэндолф, вырвавшийся из-за какой-то двери, которую Джейн неосторожно открыла в верхнем холле, влетел в гостиную, скребя когтями по голым доскам пола. Шерсть у него была маслянисто-черная, гладкая, чуть волнистая и подогнанная, как военная форма, с желтыми «ботинками» и накладками того же цвета на груди и морде, и еще два круглых пятнышка над глазами. Он страстно уставился на сложенные ковшиком руки Александры, предполагая, что в них – что-нибудь съестное. От пробудившегося аппетита у него из ноздрей даже выступила влага, а внутренние складки вытянувшихся ушей казались продолжением голодных кишок.

– Это не для тебя, – строго сказала ему Александра, и в глянцевых черных глазах собаки отразилось неимоверное усилие понять.

Сьюки вошла следом со стаканами в руках; вскоре вбежала и Джейн, неся двустороннее зеркало для бритвания на тонкой ножке, пепельницу, полную разноцветных кнопок, и тряпичную игольную подушечку в форме яблока. Было самое начало седьмого; в семь заканчивалась телевизионная передача – дети прибегут требовать кормежки. Женщины установили зеркало на кофейный столик, сымитированный под рабочий ящик сапожника сбежавшим в Техас инженером. Окантованный серебристой рамкой зеркальный круг увеличивал все предметы, делал их расплывчатыми по краям и огромными, резко очерченными посередине. По очереди поднося к нему, как к прожорливому зеву, куклу, женщины втыкали в нее кнопки.

– Аураи, Ханлии, Тамсии, Тилинос, Асамас, Зианор, Ауонейл, – нараспев декламировала Александра.

– Астачот, Адонаи, Агла, Он, Эль, Тетраграмматон, Шема, –

подхватила Сьюки. – Аристон, Анафаксетон, а что дальше, я забыла.

Острые концы булавок впивались в груди и голову, в бедра и живот. Послышались отдаленные крики и рыдания – это наступил кульминационный момент насилия в телефильме. Начавшая покрываться коркой фигура приобрела вудуистский блеск и дерзкий вид – свирепый, как карта военного сражения, безвкусный, как ручная граната, сработанная мастером поп-арта. Зеркало засветилось отраженным окрашенным светом. Джейн держала в руке длинную и толстую иглу, какими шьют замшу.

– Кто хочет проткнуть сердце? – спросила она.

– Можешь сделать это сама, – ответила Александра, глядя на булавку с желтой шляпкой, расположенную симметрично по отношению к другой, как в произведении некоего абстрактного искусства. Шея и щеки были уже искалоты, но никто не решился воткнуть булавки в глаза, глядевшие то бесстрастно, то скорбно – в зависимости от того, откуда падала тень.

– Ну нет, вам не удастся свалить это на меня, – сказала Джейн Смарт. – Мы должны сделать это вместе, каждый обязан приложить руку.

Сплетаясь, как клубок змей, их левые руки наконец воткнули иглу. Воск сопротивлялся, словно внутри фигурки находилась какая-то более плотная субстанция.

– Умри! Вот, получай! – произнесли поочередно три пары красных губ, после чего на женщин напал приступ смеха.

Игла прошла насквозь. На указательном пальце Александры появилась синяя точка, которая, казалось, начнет кровоточить.

– Надо было надеть наперсток, – сказала она.

– Лекса, а что теперь? – спросила Сьюки. Она чуть задыхалась.

Неодобрительно осмотрев странный результат их деятельности, Джейн издала нечленораздельное шипение.

– Нужно запечатать зло, – ответила Александра. – Джейн, у тебя есть фольга?

Снова раздалось нервное хихиканье. Александра поняла, что подругам страшно. Но почему? Природа убивает беспрерывно, и мы называем ее прекрасной. Александра чувствовала себя ублаготворенной, неподвижной, огромной, как пчелиная или муравьиная матка; сущности мира протекали сквозь нее и возрождались, оплодотворенные ее духом и волей.

Джейн принесла слишком большой, в панике не ровно оторванный кусок алюминиевой фольги. Он шелестел и сверкал при каждом ее быстром шаге. В холле наверху затопали детские ноги.

– Теперь плюньте по очереди, – быстро скомандовала Александра, укладывая Дженни на дрожащую фольгу. – Плюньте, чтобы семя смерти

взошло! – властно повторила она и подала пример.

Джейн плюнула – словно кошка чихнула; Сьюки же харкнула как мужик. Александра свернула фольгу блестящей стороной внутрь, несколько раз аккуратно, чтобы не потревожить булавки и не уколоться, обмотав ею заговоренный амулет. Сверток получился похожим на запеченную в фольге картошку.

Двоих из детей Джейн – тучный мальчик и костлявая девочка с грязным лицом – подбежали и с любопытством уставились на него.

– Что это? – поинтересовалась девочка. Ее нос сморщился, учуяv запах зла. На верхних и нижних зубах у нее стояли причудливые блестящие пружинки. Она ела что-то сладкое и зеленоватое.

– Это новая работа миссис Споффорд, которую она нам показывала, – объяснила ей Джейн. – Фигурка очень хрупкая, и я знаю, что миссис Споффорд не хочет ее снова разворачивать, так что не просите, пожалуйста.

– Я умираю от голода, – заявил мальчик. – Только мы не будем опять есть гамбургеры из «Немо», мы хотим домашней еды, какой кормят других детей.

Девочка пристально смотрела на Джейн. Еще в утробе она приобрела удлиненный профиль матери.

– Мама, ты пьяна?

Джейн отвесила ребенку оплеуху с фантастической скоростью, будто мать и дочь были половинками одной деревянной игрушки, раз за разом воспроизведившей это взаимосвязанное действие. Сьюки и Александра, чьи собственные дети где-то там, в темноте, выли от голода, восприняли это как сигнал к отходу. На мокреной дорожке перед домом, из ярко освещенных окон которого низвергался, завихряясь, потоп семейной ссоры, они немного задержались.

– Хочешь хранить это у себя? – спросила Александра.

Тяжесть обернутого в фольгу предмета грела ладонь.

Прелестная стройная рука Сьюки уже лежала на ручке передней дверцы «корвейра».

– Я бы взяла, солнышко, но у меня столько крыс или мышей, черт их разберет. Они ведь уже обгрызли тот, другой амулет. А если им понравится свечной воск?

Вернувшись в свой дом, который теперь, когда живая изгородь из сиреневых кустов покрылась листвой, был лучше защищен от шума, доносившегося с Орчад-роуд, Александра, желая поскорее забыть обо всем, положила сверток на верхнюю кухонную полку, где уже покоились

несколько пыльных «малышек», которых рука не поднималась выбросить, и запечатанная банка с полихромной пылью, некогда бывшей ее дорогим старым добронамеренным Оззи.

– Он повсюду таскает ее за собой, – говорила в трубку Сьюки. – В Историческое общество, на слушания по заповедным землям. Они из кожи вон лезут, чтобы казаться респектабельными, и выставляют себя на посмешище. Он даже поступил в униатский хор.

– Даррил? – резко каркнула Джейн. – Но у него же нет голоса!

– Ну, кое-какой все же есть, что-то вроде баритона. Звучит, как органная труба.

– Кто тебе все это рассказал?

– Роуз Холлоубред. Они тоже теперь входят в кружок Бренды. Даррил, говорят, пригласил их к себе на ужин, и Артур сказал ему, что его идеи не так безумны, как поначалу казалось. Это было около двух часов ночи, после того как они все провели несколько часов в лаборатории, где Роуз чуть не умерла от скуки. Насколько я понимаю, новая идея Даррила состоит в том, чтобы вывести особый род микробов в каком-нибудь обширном водоеме типа Соленого озера – видимо, чем солонее, тем лучше, – и эти крохотные организмы неким загадочным образом превратят его в необъятную батарею. Озеро, разумеется, обнесут забором.

– Разумеется, моя дорогая. Безопасность превыше всего.

В наступившей паузе Сьюки пыталась разрешить загадку: было ли замечание подругиsarкастическим и если да, то почему? Она ведь просто сообщала новости. Теперь, когда их посиделки у Даррила прекратились, они виделись гораздо реже. Официально они от своих четвергов не отказались, но в течение месяца, минувшего после наложения проклятия на Дженнинг, одна из трех всегда находила предлог, чтобы не прийти.

– Ну а как ты? – спросила Джейн.

– Кручуясь, – ответила Сьюки. – Я постоянно встречаю в центре города Боба Озгуда.

Джейн наживку не заглотала.

– В сущности, – сказала она, – я несчастлива. Стояла тут как-то во дворе, и на меня вдруг нахлынула какая-то черная волна. Как я догадалась, это было связано с летом: все вокруг зеленеет, цветы распускаются... И тут до меня дошло, почему я ненавижу лето: дети весь день дома.

– Какая ты злая, – промолвила Сьюки. – А я вот получаю удовольствие от своих, особенно теперь, когда они выросли и с ними можно говорить как со взрослыми. Они ведь все время смотрят телевизор и информированы о

том, что происходит в мире, так, как мне и не снилось. Они хотят переехать во Францию, говорят: у нас французская фамилия, а Франция – цивилизованная страна, которая никогда не развязывает войн, и никто никого не убивает.

– Расскажи им о Жиле де Рэ, – посоветовала Джейн.

– Мне это никогда не приходило в голову; что я им действительно сказала, так это то, что именно Франция наломала дров во Вьетнаме и мы теперь пытаемся лишь расчистить завалы. Они на это не купились, ответили, что мы просто хотим завоевать новые рынки для кока-колы.

Снова повисла пауза.

– Ну, – сказала наконец Джейн, – ты ее видела?

– Кого?

– Ее. Жанну д'Арк. Мадам Кюри. Как она выглядит?

– Джейн, ты бесподобна. Откуда ты знаешь, что я встретила ее в центре?

– Ласточка моя, по твоему голосу нетрудно догадаться. И почему бы еще ты стала мне звонить? Ну, как там наша кошечка?

– Вообще-то, очень мила. Я даже смущилась. Она сказала, что они с Даррилом очень по нас скучают и хотят, чтобы мы как-нибудь заехали к ним запросто, по-приятельски. Они считают, что нам незачем присылать официальные приглашения, но пообещала, что вскоре их пришлют; просто они-де были ужасно заняты в последнее время, поскольку в лаборатории наметились весьма обнадеживающие перспективы, а также требовалось уладить кое-какие юридические проблемы, из-за которых Даррилу пришлось без конца кататься в Нью-Йорк. Потом начала рассказывать, как любит Нью-Йорк в отличие от Чикаго, который кажется ей городом спесивым, жестким и где она никогда не чувствовала себя в безопасности, даже в стенах больницы. В то же время Нью-Йорк – это собрание уютных маленьких деревушек, наползающих одна на другую, и так далее и тому подобное.

– Ноги моей больше никогда не будет в этом доме! – с неуместной горячностью брезо всякой необходимости поклялась Джейн.

– Похоже, она и впрямь не понимает, что мы оскорблены тем, как она увела Даррила у нас из-под носа, – сказала Сьюки.

– Стоит один раз вбить себе в голову, что ты безгрешна, и все будет проходить мимо тебя, – ответила Джейн. – Как она выглядит?

Теперь тайм-аут взяла Сьюки. В былые времена их разговоры никогда не прерывались паузами, фраза цеплялась за фразу, собеседницы перебивали друг друга, заранее угадывая, что собирается сказать другая, и

радуясь этому как подтверждению их нерасторжимого единения.

– Не очень, – произнесла наконец Сьюки. – Кожа какая-то... какая-то прозрачная.

– Она всегда была бледной, – возразила Джейн.

– Но теперь это не просто бледность. Детка, сейчас ведь май. К этому времени все уже приобретают какой-никакой загар. В прошлое воскресенье мы ездили в Мунстоун просто повалиться в дюнах на солнышке. У меня нос теперь – как клубника; Тоби издевается надо мной по этому поводу.

– Тоби?

– Ну ты его знаешь – Тоби Бергман, он работает в «Слове» на месте Клайда. Помнишь, он сломал зимой ногу, поскользнувшись на льду? Теперь нога зажила, но стала чуть короче другой, потому что Тоби не делал упражнений со свинцовыми башмаками, которые рекомендуют в подобных случаях.

– Я думала, ты его ненавидишь.

– Это было прежде, когда я его не знала и все еще пребывала в истерическом состоянии из-за Клайда. Тоби оказался очень забавным. Он меня смешит.

– А он не... намного моложе тебя?

– В июне будет уже два года, как он окончил Браун. Мы с ним это обсуждали; Тоби говорит, что душой я – самая молодая из всех, кого он встречал. Он вечно подтрунивает над тем, что я ем всякую гадость и способна делать разные глупости – например, весь вечер слушать какое-нибудь ток-шоу. Думаю, Тоби – типичный представитель своего поколения, а они не так зациклены на возрасте, расе и тому подобных «пунктиках», на которых были воспитаны мы. Поверь, дорогая, он – большой шаг вперед по сравнению с Эдом и Клайдом, во многих отношениях, в том числе и таких, в которые мне не хотелось бы углубляться. Между нами нет никаких сложностей, мы просто получаем удовольствие.

– Супер, – рассеянно откликнулась Джейн, опустив «р». – А она... она ведет себя так же, как прежде?

– Она стала менее робкой, – задумчиво промолвила Сьюки. – Знаешь, этакая замужняя дама со всеми вытекающими последствиями. Бледная, как я уже сказала, но, вероятно, просто освещение было неподходящим. Мы зашли выпить по чашечке кофе в «Немо», но она пила кока-колу, потому что плохо спит и старается не употреблять кофеин. Ребекка кудахтала над ней, как наседка, настаивала, чтобы мы попробовали их булочки с черникой, – это часть кампании «Немо» по возвращению старых добрых клиентов, которые в последнее время переметнулись в кондитерскую. На

меня она почти не обращала внимания. Я имею в виду Ребекку. А Дженингс лишь надкусила булочку и спросила, не соглашусь ли я доесть, потому что ей не хочется обижать Ребекку. Естественно, я с радостью согласилась, в последнее время я стала чудовищно прожорлива, не представляю, что бы это могло значить, не могу же я быть беременна, правда? Эти евреи – настоящие сексуальные гиганты. Она сказала, что не знает почему, но в последнее время у нее совсем нет аппетита. У Дженингс то есть. Я поинтересовалась ее здоровьем, чтобы увидеть, не проговорится ли она случайно. Не знаю, может, она кожей чувствует, что... что мы сделали. Мне было ее жаль, потому что она выглядела жалкой и словно извинялась за то, что у нее нет аппетита.

– Справедливо говорят, что за каждый грех приходится платить, не так ли? – глубокомысленно заметила Джейн.

В мире много греха, и Сьюки понадобилось несколько секунд чтобы понять, что Джейн имела в виду грех, совершенный Дженингс, когда она вышла замуж за Даррила.

В то утро пришел Джо, и между ними произошла худшая из когда-либо случавшихся сцен. Джина была на четвертом месяце, и ее беременность стала заметной, весь город оказался в курсе дела. К тому же детей Александры должны были вот-вот распустить на каникулы, что делало невозможными в дальнейшем любовные встречи с Джо у нее дома. Для нее это, по правде сказать, было облегчением. Искренно: будет огромным облегчением не слышать больше его безответственных и, признаться, весьма бесцеремонных разглагольствований о том, что он оставит Джину. Александре они до смерти надоели, поскольку ничего не значили, да она и не желала, чтобы они что-нибудь значили, сама идея раздражала и оскорбляла ее. Джо – ее любовник, разве этого не достаточно? Был ее любовником до сегодняшнего дня. Все кончается. Все когда-нибудь начинается и когда-нибудь заканчивается. Это известно каждому взрослому человеку, почему же он не хочет этого понять?

Встреченный столь сурово, поджариваясь на ее остром язычке, как на шампуре, Джо распалился, несколько раз ударил Александру в плечо кулаком, впрочем сжатым не сильно, чтобы не причинить особой боли, и без остановки бегал по комнате, выставляя напоказ свое коренастое белое тело с двумя темными завитками волос на спине, которые напоминали Александре то ли крылья бабочки (позвоночник был тельцем), то ли подобие тонких мраморных срезов, расположенных так, что их структурный узор симметрично соответствовал друг другу, как предмет и

его зеркальное отражение. В волосах, росших на теле Джо, была некая изысканность и органичность, в то время как у Даррила они представляли один сплошной грубый колтун.

Джо плакал; снял шляпу и бился головой о дверную раму; это выглядело как пародия и в то же время выражало истинное горе реальной утраты. Спальня с позеленевшей по-уильямсбергски^[59] старинной деревянной отделкой, крупными пионами на занавесках, среди которых притаились клоунские рожи, растрескавшимся потолком, безмолвно, заговорщически наблюдавшим сверху за их обнаженными спаривающимися телами, тоже была причастна к этому горю, ибо в любовной связи для мужчины мало что бывает столь же ценно, как быть допущенным в дом, к поддержанию которого он не приложил руки, а для женщины мало что бывает столь же важно, как сделать такое приглашение, осознанно принести этот щедрый дар, дать пристанище мужчине, состоящему для нее только из полового члена с сопутствующими ему запахом, удовольствием и тяжестью тела, – когда речи нет ни о каких выплатах по закладным, ни о каком шантаже, связанном с общими детьми, – просто пригласить его в стены своего бытия; такой допуск облагорожен свободой и равенством.

Джо никогда не переставал думать о футбольных командах и семье, желал, чтобы всегда и везде торжествовали его собственные пенаты. Он унизил своими «добрьми» намерениями ее милостивый дар. Александра с удивлением увидела, что в страдании он снова восстал, и, поскольку времени у него оставалось мало – утро потонуло в словах, – она, опустившись на колени, позволила ему овладеть ею его излюбленным способом, сзади. Сколько природной силы было в его мощных толчках! Как он содрогался в конвульсиях, исходя семенем! Этот эпизод смягчил ее суворость и очистил чувства; Александра представила себя выстираным полотенцем, которое остается лишь снять с сушилки, аккуратно сложить и уложить на какой-нибудь просторной полке в ее солнечном пустом доме.

Дом тоже, казалось, благодаря этому визиту приобрел более радостный вид в ожидании вечности их разлуки. Балки и доски пола в это ветреное, увлажняющее природу время года переговаривались между собой, покряхтывая, а оконный переплет, стоило Александре обернуться к окну спиной, издавал легкий треск, словно вдруг вскрикивала птица.

На обед она съела оставшийся от вчерашнего ужина салат – увядший латук, плавающий в остывшей масляной ванне. Необходимо похудеть, а то она не сможет летом натянуть на себя купальник. Еще одним недостатком Джо была его терпимость к ее избыточному весу, он напоминал тех

первобытных мужчин, которые превращали своих жен в заложниц ожирения – в горы темной плоти, поджидающие их в пальмовых шалаших. Освободившись от любовника, Александра сразу почувствовала себя легче и стройнее. Интуиция подсказывала, что сейчас зазвонит телефон. И он зазвонил. Должно быть, Сьюки или Джейн, весело взбудораженные злобой. Но в прижатой к уху трубке возник более молодой и высокий голос, несколько натянутый от робости, – сгусток страха, от которого мембрана вибрировала, как лягушачье горло.

– Александра, вы меня все время избегаете. – Это был голос, который Александре хотелось услышать меньше всего на свете.

– Видите ли, Дженни, мы не желали нарушать ваше с Даррилом единение. Кроме того, мы слышали, что у вас теперь есть новые друзья.

– Да, есть, Даррил обожает «вливания», как он их называет. Но это все не то, что... что было у нас.

– Ничто новое не бывает абсолютно таким же, как старое, – промолвила Александра. – Реки текут; птичка сносит яичко и разбивает его. Так или иначе, вы, как я понимаю, живете хорошо.

– Нет, Лекса. Что-то идет не так.

Ее голос, как представила старшая собеседница, потянулся к ней, словно детское лицо в ожидании, когда мать отчистит его от грубой корки, образовавшейся на щеках.

– Что именно не так? – Ее собственный голос напоминал непромокаемый капюшон или парусиновый навес, который, будучи расстеленным на земле, улавливает воздушные потоки и вздымается пузырем, как сухая волна пустоты.

– Я все время чувствую усталость, – пожаловалась Дженни, – и у меня почти пропал аппетит. Подсознательно я испытываю такой голод, что мысли о еде не покидают меня, но стоит мне сесть за стол – не могу заставить себя есть. И еще кое-что. По ночам у меня появляются какие-то перемежающиеся боли. Постоянно течет из носа. Все это меня тревожит; Даррил говорит, что я храплю во сне, чего прежде никогда не бывало. Помните те уплотнения, которые я пыталась вам показать, но вы их не нашупали?

– Да, смутно припоминаю. – Александра невольно почувствовала охотничий зуд в кончиках пальцев.

– Так вот, их стало больше: в пау и на шее под ушами. Ведь лимфатические узлы расположены именно там, не так ли?

У Дженни не были проколоты уши, и она вечно теряла маленькие детские клипсы в ванной комнате на черных плитках пола между

разбросанными подушками.

– Честное слово, не знаю, милая. Если вас это беспокоит, покажитесь доктору.

– О, я показывалась. Доктору Пету. Он направил меня на обследование в больницу.

– Обследование что-нибудь выявило?

– Они мне толком так ничего и не сказали, но назначили еще какие-то анализы. Там все такие скрытные, неприветливые и разговаривают со мной, как с капризным ребенком, который может написать им на туфли, если не держать его на расстоянии. Они меня боятся, словно моя болезнь их каким-то образом конфузит, говорят, что такие клеточные разрастания, как у меня, «являются лишь небольшим отклонением от идеальной нормы». Они знают, что я работала в крупной городской больнице, и все время держатся настороже, но я ничего не знаю о системных расстройствах, в основном я имела дело с переломами и желчными камнями. Все это было бы ерундой, если бы по вечерам, когда ложусь в постель, я не ощущала чего-то, что происходит у меня внутри. Врачи все время спрашивают, не подвергалась ли я чрезмерной радиации. Я, разумеется, имела дело с радиацией у Майкла Риза, но там принимались все меры предосторожности: прежде чем включить рубильник, нужно было облачаться в свинец и зайти в стеклянную кабинку. Единственное, что мне приходит на ум, так это то, что в детстве, незадолго до того, как мы переехали в Иствик, еще в Уорвике мне выпрямляли зубы и бесконечно делали снимки; у меня тогда во рту черт знает что творилось.

– Теперь ваши зубы выглядят великолепно.

– Спасибо. Это стоило папе кучу денег, которых он на самом деле не имел, но он был решительно настроен вырастить меня красавицей. Он любил меня, Лекса.

– Ничуть в этом не сомневаюсь, дорогая, – сказала Александра, стараясь сдерживать волнение в голосе; напор воздуха под капюшоном становился все мощнее, походил на дикого зверя, состоящего из ветра.

– Он так любил меня! – вырвалось у Дженн. – Как он мог так со мной поступить – взять и повеситься? Как он мог оставить нас с Крисом одних? Даже если бы его посадили в тюрьму за убийство, нам было бы лучше, чем теперь. Ему бы не дали слишком много: то, как ужасно он это сделал, свидетельствует о непреднамеренности.

– Но у вас есть Даррил, – напомнила Александра.

– Да, он есть, но в то же время его как бы и нет. Вы же его знаете. Знаете лучше, чем я; мне следовало поговорить с вами, прежде чем

принимать решение. Не знаю, может, вы были бы для него более подходящей парой. Даррил вежлив, заботлив и все такое прочее, но он как бы не со мной. Его мысли постоянно где-то витают; наверное, он вечно думает о своих проектах. Александра, умоляю, позвольте мне к вам приехать. Я вас долго не задержу, честное слово. Мне просто необходимо, чтобы кто-то... кто-то прикоснулся ко мне. – Когда Дженин произносила последнюю реплику, прозвучавшую как откровенная мольба, ее голос начал отступать, чуть ли не злобно свертываться.

– Моя дорогая, не знаю, что вам от меня нужно, – легко солгала Александра, желая покончить со всем этим, стереть из памяти смазанное лицо, встающее перед ее мысленным взором снова и снова так ясно, что можно было различить вкрапления пепла, – но я не могу. Честно. Вы сделали свой выбор, не спросив меня. Прекрасно. Вам не было никакого резона со мной советоваться. Но теперь я не могу участвовать в вашей жизни. На это меня просто не хватит.

– Наверное, Сьюки и Джейн будут недовольны, если вы со мной встретитесь, – предположила Дженин, чтобы как-то объяснить жестокосердие Александры.

– Я отвечаю только за себя. И больше не хочу иметь дело с вами и Даррилом. Желаю вам всяческого добра, но ради себя видеться с вами не желаю. Мне это, честно говоря, было бы слишком больно. Что же касается вашей болезни, то, мне кажется, вы даете большую волю воображению. Так или иначе, вы в руках врачей, которые способны сделать для вас больше, чем я.

– О! – Отдаленный голос сократился до точки, стал механическим, как телефонный зуммер. – Не уверена, что вы правы.

Когда Александра повесила трубку, у нее дрожали руки. Все знакомые углы и предметы мебели в доме казались перекошенными, словно их искрежило несоответствие между их моральной отстраненностью от нее – неодушевленные предметы наделены иммунитетом против греха – и физической близостью к ней. Зайдя в мастерскую, Александра взяла стул, старый виндзорский стул со стрельчатой спинкой и сиденьем, испачканным краской, засохшей бумажной массой и kleem, отнесла его в кухню и приставила к стене, на которой была высоко прибита полка. Взобравшись на стул, она пошарила рукой в поисках завернутого в фольгу предмета, принесенного в апреле из дома Джейн и спрятанного здесь. Сверток поразил ее тем, что был теплым на ощупь: ну конечно, ведь теплый воздух собирается именно вверху, под потолком, пришло ей в голову в качестве малоубедительного объяснения. Услышав ее возню, Коул, топоча, вышел из

угла, где спал, и Александра вынуждена была, выходя из кухни, закрыть его там, чтобы он не выбежал за ней из дома и не подумал, будто то, что она собиралась сделать, есть игра в «апорт».

Проходя через мастерскую, Александра аккуратно обогнула помпезную арматуру, сооруженную из сосновых брусков размерами два на четыре и один на два фута, гнутых платяных крючков и проволочной сетки: она вбила себе в голову, что должна попытаться сотворить гигантскую скульптуру, во всяком случае достаточно крупную, чтобы ее можно было установить в общественном месте, например на Казмирчак-сквер. В ее хаотично спроектированном доме, в свое время давшем приют восьми поколениям фермеров, за мастерской находилось промежуточное помещение с грязным полом, использовавшееся бывшими жильцами как гончарная мастерская, а Александрой приспособленное под кладовку. Его стены были увешаны черенками от сошников, мотыг и грабель, лестница захламлена грудами старых глиняных горшков и открытыми мешками торфяного мха и костной муки, а вскоре сколоченные полки заставлены коричневыми бутылками с выдохшимися пестицидами и завалены проржавевшими мастерками. Александра отодвинула щеколду на грубо сколоченной двери – параллельные растрескавшиеся доски, стянутые прибитыми в виде буквы «Z» рейками, – вышла под палящее солнце и понесла свою маленькую, теплую, искрящуюся на солнце ношу через лужайку.

Земля уже заволоклась неистовым буйством июньской растительности; лужайку пора было постричь, бордюрные клумбы хризантем с набухшими бутонами – выполоть, помидоры и пионы – подвязать. В тишине было слышно, как жуют листья насекомые; солнце тяжело давило на лицо, и Александра чувствовала, как накаляются, словно электрическая спираль, волосы, заплетенные в косу. Болото на задах усадьбы, за крошащейся каменной стеной, зимой представлявшее ковер из редких коричневых кустов, разбросанных между пучками спутанной травы и островками голубоватого пузырчатого льда, покрылось ядовитым плющом, виргинским выюнком, заросло папоротником, лопухами, дикой малиной и превратилось в густое плетение зеленых листьев и черных стеблей, просматривавшееся лишь на несколько футов вперед. Никто не мог пройти по болоту: колючки и трясина под ногами не позволяли. В детстве, класса до шестого, в том возрасте, когда мальчишки еще не считают ниже своего достоинства принимать девочек в свою компанию, Александра неплохо играла в футбол; и теперь, отойдя чуть назад и размахнувшись, забросила амулет как можно дальше в эту пышно

разросшуюся непроглядность. Всего-навсего комок воска с воткнутыми в него булавками, он взлетел так высоко, будто она запустила камень на Луну. Может, он найдет заиленную лужицу и утонет? А может, краснокрылые дрозды расклюют фольгу и растащат ее на украшение своих гнезд? Александра хотела, чтобы он исчез, был проглощен, рассосался, обретя прощение в мощном бурлении природы.

Наконец выдался четверг, когда они смогли снова собраться втроем, лицом к лицу, в маленьком домике Сьюки на Хемлок-лейн.

– Ну не чудесно ли это! – воскликнула опоздавшая Джейн Смарт, явившаяся почти раздетой, если не считать пластмассовых босоножек и льняного мини-платьица с узкими бретельками, завязанными на шее сзади, чтобы ничто не мешало видеть ее загар.

Она уже приобрела шоколадный оттенок, но дряблая кожа под глазами напоминала гофрированную бумагу и оставалась белой, а на левой ноге обозначилось искривленное русло варикозной вены – рваная цепочка размытых пузырьков вроде тех, что видны на фотографиях, которые демонстрируют в качестве доказательства существования лох-несского чудовища. Тем не менее Джейн была оживлена – этакая толстокожая загорелая ведьма в своей стихии.

– Господи, она выглядит ужасно! – радостно оповестила она, усаживаясь с бокалом мартини в одно из скрипучих кресел Сьюки. Мартини имел обманчивый цвет ртути, а зеленая оливка, плававшая внутри, напоминала рептилий глаз с красной радужкой.

– Кто? – спросила Александра, прекрасно зная, кого Джейн имела в виду.

– Дорогая миссис ван Хорн, разумеется, – ответила та. – Даже на ярком солнечном свете она выглядит так, словно после долгого домашнего заточения впервые вышла на Док-стрит в разгар июля. Она нашла предлог подойти ко мне, хотя я пыталась тихонько нырнуть в «Тявкающую лису».

– Бедняжка, – сказала Сьюки, запихивая в рот соленые половинки пекановых орешков и с блаженной улыбкой разжевывая их. Летом она пользовалась более бледной помадой. На переносице ее маленького аморфного носа еще виднелись отшелушившиеся чешуйки сгоревшей на солнце кожи.

– Думаю, после химиотерапии у нее выпали волосы, потому что она ходит теперь в платочек, – сообщила Джейн. – Довольно быстро все развивается.

– Что она тебе говорила? – спросила Александра.

– Ой, она так щебетала: и «ах, не чудесно ли это», и «ах, мы с Даррилом вас теперь почти не видим», и «ах, приезжайте, мы теперь купаемся в соленом лимане»... Я ей дала достойный отпор, можете не сомневаться. Какое лицемерие! Она ведь ненавидит нас всех с потрохами, должна ненавидеть.

– О своей болезни она что-нибудь сказала? – снова спросила Александра.

– Ни слова. Только улыбалась. «Какая восхитительная погода!» «Вы слышали, что Артур Холлоубред купил очаровательную маленькую парусную шлюпку фирмы „Херрес-хофф“?» Вот как она теперь решила вести себя с нами.

Александра хотела рассказать им о месячной давности звонке Дженнини, но усомнилась, стоит ли крик души молодой женщины делать мишенью для насмешек Джейн. Однако затем решила, что преданность сестрам, их ведьмовскому союзу – превыше всего.

– Она звонила мне месяц назад, – призналась Александра. – Спрашивала о набухших лимфатических узлах, которые ей повсюду мерещились. Хотела приехать ко мне – будто я могла ее исцелить.

– Как оригинально! – оценила информацию Джейн. – И что ты ей сказала?

– Сказала «нет». Я действительно не хочу ее видеть, это было бы слишком непоследовательно. Что я действительно сделала, так это, признаюсь, взяла проклятый амулет и зашвырнула его в болотную грязь за домом.

Сьюки подалась вперед, едва не столкнув на пол стоявшую на подлокотнике кресла тарелку с орешками, но в последний момент успела ее поймать.

– Почему, сладкая моя? Какой странный поступок! И это после того, как мы столько трудились над этим воском и всем прочим! Ты теряешь свою ведьмовскую сущность!

– Ты так считаешь? Не знаю. Не думаю, чтобы то, что я его выбросила, имело большое значение, недаром же она проходит курс химиотерапии.

– Боб Озгуд, – самодовольно заявила Джейн, – дружит с доком Петом, и тот говорит, что она просто оплетена метастазами, они у нее везде: в печени, в поджелудочной железе, костном мозге, в ушных мочках – во всем, в чем только можно. Entre nous^[60], док Пет сказал, что, если она проживет еще два месяца, это будет чудо. И ей это известно. Химиотерапию делают лишь для того, чтобы успокоить Даррила: он, очевидно, сходит с ума.

Теперь, когда Джейн взяла в любовники лысого маленького банкира Боба Озгуда, две вертикальные складки между ее бровями немного разгладились и в ее высказываниях появилась бодрая интонация, словно она водила ими, как смычком, по собственнымibriующим голосовым связкам. Александра никогда не видела Браhma-матерь Джейн, но догадывалась, что именно такие звуки издают за чашечкой чая в Блэк-Бее.

— Иногда случаются ремиссии, — без уверенности возразила Александра; сила вытекла из нее и, разлившись в природе, дрейфовала теперь вместе с астральными течениями за стенами дома.

— Ты большая добрая прелесть, которую так и хочется обнять, — сказала Джейн, наклоняясь к ней, и в не прилегающем вырезе платья на груди обозначилась граница загара. — Что случилось с нашей Александрой? Да если бы не эта тварь, там теперь царила бы ты, была бы хозяйкой Жабьей усадьбы. Он приехал в Иствик в поисках жены, и ею должна была стать ты.

— Мы хотели, чтобы это была ты, — поддержала подругу Сьюки.

— Вздор, — ответила Александра. — Думаю, любая из вас при случае перехватила бы его у меня. Особенно ты, Джейн. Не знаю уж, ради какой именно благородной цели, но ты на славу потрудилась над ним губами.

— Девочки, не надо ссориться! — взмолилась Сьюки. — Давайте приятно проведем время. К вопросу о том, кто кого встретил в городе: вы никогда не догадаетесь, кто вчера вечером слонялся перед «Сьюпереттом»!

— Энди Уорхол, — лениво высказалась догадку Александра.

— Заря Полански!

— Грязнуля Эда? — уточнила Джейн. — Но она же погибла во время того взрыва в Нью-Джерси.

— Ее останки там так и не нашли — только лохмотья от одежды, — напомнила Сьюки. — Видимо, она уехала из той берлоги, в которой они жили в Хобокене, и отправилась на Манхэттен, где было их настоящее убежище. Революционеры, по сути дела, никогда не доверяли Эду, он был для них слишком старым и пунктуальным, именно поэтому они и поставили его на изготовление бомб, чтобы испытать искренность его намерений.

Джейн рассмеялась недобро, но с той кокетливой вибрацией в голосе, которая была теперь свойственна ее кудахтанью:

— Это единственное качество Эда, в котором я никогда не сомневалась: он был искренен, как тупой осел.

Верхняя губа Сьюки сморщилась в невысказанном упреке.

— Искренность Зари, судя по всему, сомнений не вызывала, —

продолжила она, — и девчонка каждый вечер якшалась непосредственно с их важными шишками, вот и в тот вечер, наверное, кайфовала с ними где-нибудь в Ист-Виллидже, пока Эд взрывал себя в Хобокене. Она считает, все дело в том, что у него дрожали руки, когда он соединял провода: видимо, сказались диета и подпольные забавы. Думаю, она также поняла, что в постели он не слишком горяч.

— Ее озарило, — подсказала Джейн и уточнила: — И взошла Заря.

— Кто тебе все это рассказал? — спросила Александра, обращаясь к Сьюки, ее раздражало ерничество Джейн. — Ты подошла и поговорила с ней там, у «Сьюперетта»?

— Нет же, я боюсь их банды, в ней есть даже несколько черных, уж не знаю, откуда они взялись, — наверное, из гетто на южной окраине Провиденса. Все это мне рассказали Холлоубреды. Девчонка вернулась в город и не хочет больше жить на Коддингтонском разъезде в одном вагончике с отчимом, поэтому сейчас пристроилась в каморке над армянским магазином и ходит по домам убирать за сигарету или за какие-то гроши, в том числе два раза в неделю — к Холлоубредам. Полагаю, она выбрала Роуз в матушки исповедницы. У Роуз страшно болит спина, она не может поднять даже веник, не вскрикнув от боли.

— А откуда ты так много знаешь о Холлоубредах? — поинтересовалась Александра.

— О, — ответила Сьюки закатывая глаза к потолку, приглушенно громыхавшему и содрогавшемуся от орущего наверху телевизора, — после того как мы расстались с Тоби, я захаживаю к ним иногда отдохнуть и расслабиться. Холлоубреды очень милы, если только она не впадает в дурное настроение, с ней это случается.

— Что произошло между тобой и Тоби? — вклинилась Джейн. — Вы оказались такими... довольными друг другом.

— Его уволили. Провиденское начальство из синдиката, которому принадлежит «Слово», решило, что под его руководством газете не хватало эротичности. И должна заметить, что он действительно был вял. Ох уж эти еврейские мамочки, как они портят своих мальчиков! Я подумываю о том, чтобы подать документы на замещение редакторской должности. Если такие люди, как Бренда Парсли, могут выполнять мужскую работу, не вижу причин, по которым это было бы не по силам мне.

— Удача не балует твоих приятелей, — заметила Александра.

— Я не назвала бы Артура приятелем, — возразила Сьюки. — Для меня общаться с ним — все равно что читать книги. Он столько всего знает!

— Я не имела в виду Артура. У тебя с ним что-то есть?

– А как у него обстоят дела с удачей? – вставила Джейн.

У Сьюки округлились глаза: она не предполагала, что это уже всем известно.

– Что вы, ничего особенного, просто у него бывают приступы тахикардии. Док Пет говорит, что люди живут с этим много лет, нужно только всегда держать лекарство под рукой. Но он ненавидит эти приступы, говорит, ему кажется, будто в груди бьется птица.

Обе подруги с их завуалированным хвастовством своими любовниками представлялись Александре образцами здоровья: стройные, загорелые, черпающие силу в умирании Дженини, как черпали они ее из мужского тела. Джейн – по-светски непринужденная, загорелая, в босоножках и мини-платьице, Сьюки – тоже в летнем великолепии, свойственном иствикским жительницам: в шортах из махровой ткани, делавших ее зад высоким и округлым, в яркой мужской африканской рубашке, под которой груди дергались и подпрыгивали, явно не стесненные бюстгальтером. Александра не могла представить, чтобы в возрасте Сьюки, то есть в тридцать три года, она позволила бы себе не носить лифчик! С тех пор как ей исполнилось тридцать, Александра всегда завидовала стройным естественной стройностью, острогрудым девушкам, которые наслаждались блаженством быть без оглядки, в то время как она должна была держать свой дух и плоть в узде, поскольку каждая крошка добавки грозила ее телу ожирением. В носу засвербело от подступивших слез зависти. Почему жизнь засасывает ее в свою трясину, в то время как ведьма обязана легко, танцуя, скользить по жизни?

– Это не должно продолжаться! – выпалила она, оглядывая искривляющуюся сквозь водочные пары под странными углами тщедушно маленькую гостиную. – Нужно снять проклятие.

– Но как, дорогая? – удивилась Джейн, стряхивая пепел сигареты с красным фильтром в расписанную шотландской клеткой тарелку, с которой Сьюки подъела все орешки, и раздраженно выдохнув носом дым, – будто, прочтя мысли Александры, она предвидела эту утомительную вспышку.

– Мы не можем вот так просто убить ее, – продолжала Александра, ощущая себя обрюзгшей надоедливой старшей сестрой и довольная теперь впечатлением, которое производила.

– Почему не можем? – сухо поинтересовалась Джейн. – Мысленно мы все время кого-нибудь убиваем. Мы исправляем ошибки. Мы по-новому расставляем приоритеты.

– А может, дело вовсе не в нашем проклятии? – предположила Сьюки. – Может, мы просто тешим себя тщеславием? В конце концов, она в

руках докторов, у которых в больнице имеются все возможные инструменты и приборы, которые не лгут.

– Нет, лгут, – возразила Александра. – Все эти научные заморочки лгут. Должен существовать способ снять проклятие, – жалобно добавила она. – Мы найдем его, если сосредоточимся все втроем.

– На меня не рассчитывайте, – заявила Джейн. – Я пришла к выводу, что ритуальная магия меня раздражает. Она слишком напоминает детсадовские игры. Я до сих пор не могу отмыть от воска свой кухонный скарб. А дети по сей день пытают меня: что там было в этой фольге? Они наверняка о чем-то догадались и, боюсь, поделились догадками с друзьями. Не забывайте, что я все еще надеюсь основать собственную церковь, к тому же добропорядочные горожане не склонны привлекать в качестве капельмейстера людей, замаранных сплетнями.

– Как ты можешь быть такой бессердечной? – воскликнула Александра, с удовольствием ощущая, как ее эмоции плещутся, наподобие приливной волны, прибывающей к берегу древесный мусор, об антиквариат Сьюки – овальный стол с качающейся столешницей, просевший трехногий стул. – Неужели ты не видишь, как это ужасно? Единственное, в чем она виновата, – это то, что он сделал ей предложение и она сказала «да». А что еще она могла сказать?

– Все это весьма забавно, – заметила Джейн, собирая пепел в кучку на краю окантованной медью тарелки. – Дженни умерла, по слухам, – добавила она, словно цитируя некую песенку.

– Голубушка, – обращаясь к Александре, запричитала Сьюки, – честное слово, я искренне боюсь, что это не в наших силах.

– Мир не видел подобной шлюхи, – продолжала свое Джейн.

– Это не ты сделала, – лепетала Сьюки, – в худшем случае ты послужила лишь проводником, как и все мы.

– Девственницы и детишки, помолитесь за душу несчастной мышки, – закончила свою издевательскую песенку Джейн.

– Космос просто использовал нас.

Александра, видимо тоже заразившись своего рода профессиональной гордостью, напомнила:

– Без меня вы бы не смогли это сделать; во мне оказалось столько энергии, я была таким отличным организатором! Как это чудесно – управлять такой ужасной силой!

Она чувствовала себя восхитительно, ее горе билось о стены, лица, вещи – о матрёсский сундучок, об одноголий табурет, о толстые ромбовидные оконные стекла, – как огромная подушка, как облако

смущения и угрызений совести.

— Послушай, Александра, — сказала Джейн, — что-то ты на себя не похожа.

— Знаю, так и есть. Я ужасно себя чувствую. Не понимаю, что со мной. Перед каждым циклом у меня сильно болит левый яичник. А по ночам — затылок, боль такая, что я просыпаюсь и скрючиваюсь в постели.

— Ох, бедная ты моя большая аппетитная булочка! — пожалела ее Сьюки, вставая, — при этом ее острые грудки, подпрыгнув, всколыхнули рубашку. — Тебе нужен хороший массаж спины.

— Да, нужен, — надув губы, капризно согласилась Александра.

— Иди сюда. Ложись на диван. Джейн, шевелись.

— Мне так страшно, — приправляя слова всхлипами, призналась Александра, в носу у нее опять засвербело от слез. — Почему это должно было случиться именно с яичником, если, конечно...

— Тебе требуется новый любовник, — заявила Джейн, опуская, как обычно при беглой речи, звук «р».

Откуда она знает? Александра сказала Джо, что больше не желает его видеть, и на этот раз он не позвонил. Дни его молчания тянулись как недели.

— Подними свою симпатичную блузку, — распорядилась Сьюки, хотя это была вовсе не симпатичная блузка, а старая рубашка Оза с загнувшимися кверху из-за потерявшихся пластмассовых распорок кончиками воротника и невыводимым пятном возле второй пуговицы.

Сьюки спустила бретельки ее лифчика, расстегнула застежку, и грудная клетка Александры вмиг раздалась, освободившись. Тонкие пальцы Сьюки начали круговыми движениями массировать ей плечи. Шершавая подушка, в которую Александра утыкалась носом, уютно пахла мокрой собакой. Она закрыла глаза.

— А еще, скорее всего, нужно хорошенъко размассировать бедра, — объявил голос Джейн. Раздавшиеся звяк, бряк и шуршание означали, что она поставила на стол стакан и загасила сигарету. — Поясничное напряжение передается на заднюю поверхность бедер, его нужно снять. — Она попыталась сделать это мозолистыми пальцами, давя, лаская, нежно водя ногтями туда-сюда, чтобы добиться эффекта пианиссимо.

— Джени... — начала Александра, вспоминая нежные, как шелк, массажи девушки.

— Мы не причинили Джени зла, — успокаивающе пропела Сьюки.

— ДНК причинила Джени зло, — подхватила Джейн. — Противная ДНК.

Через несколько минут Александра начала впадать в транс, едва не засыпая. Устрашающего вида веймаран Сьюки Хэнк с вывалившимся лиловым языком притопал в комнату, и они затеяли игру: Джейн выкладывала на тыльной стороне Александриных ног рядки пшеничных крекеров, а Хэнк слизывал их. Потом несколько крекеров положили Александре на оголенный участок спины над поясницей. Собачий язык был шершавым, мокрым, теплым и чуточку липким, как пузо крупной змеи, он сновал взад-вперед, шлепая по представлявшей сейчас для него скатерть-самобранку спине Александры. Пес, как и его хозяйка, обожал мучное, но и он объелся и недоумевающе посмотрел на женщин своими глазами-топазами с фиолетовыми облачками в центре каждого, словно просил прекратить игру.

Несмотря на то что остальные иствикские церкви страдали от явного упадка посещаемости в период возрождения летнего солнцепоклонства, униатские службы, никогда не бывавшие многолюдными, сохраняли привычную аудиторию. Стечение публики даже немного увеличилось за счет отдыхающих из крупных городов – удобно пристроившихся либералов по части религии в облегающих красных штанах, льняных куртках, пестрых хлопчатобумажных блузах и украшенных лентами соломенных шляпах. Они, равно как и завсегдатаи – Неффи, супруги Ричард Смиты, Херби Принс, Альма Сифтон, Хорас и Фрэнни Лавкрафты, молодая миссис ван Хорн, а также относительные новички – Роуз Холлоубред без своего мужа-агностика и ее новая протеже Заря Полански, – были удивлены, когда однажды, после исполнения гимна «Сквозь ночь сомненья и печали» (скрежещущий баритон Даррила ван Хорна вливался в гармонию церковного хора), услышали слово «зло» из уст Бренды Парсли. Это слово не часто звучало в здешнем целомудренном нефе.

Бренда выглядела великолепно в черном платье с гофрированным жабо и шелковым белым галстуком, с гладко зачесанными над высоким сияющим лбом и туго стянутыми на затылке волосами, на которых играли солнечные блики.

– В мире существует зло, – звенящим голосом провозгласила она, после чего понизила его до самого низкого, подразумевающего откровенность высказывания регистра, слышного тем не менее во всех уголках старой неоклассицистской святыни, и добавила: – И зло существует в этом городе.

В нижних секциях высоких чистых окон кивали головками штокрозы; в верхних – ясный июльский день призывал прихожан, замурованных в

белые короба церковных скамей, выйти на волю, отправиться к своим лодкам, на пляжи, поля для гольфа, теннисные корты, угоститься «Кровавой Мэри» на кем-то выстроенной новенькой приморской веранде красного дерева с видом на залив и Конэнкют-Айленд. В этот момент залив искрился под солнцем, а остров непорочно зеленел, как в те далекие времена, когда его еще населяли наррагансетские индейцы.

— Мы не любим произносить это слово, — пояснила Брендя уже другим тоном — психиатра, который после долгих лет молчаливого выслушивания пациентов решил наконец перейти к прямым указаниям. — Мы предпочитаем заменять его словами «заблуждение», «неблагополучие», «прискорбное явление», «явление, достойное сожаления». Мы предпочитаем думать о зле как об отсутствии добра, временном его затмении, преходящей тени, мимолетной слабости. Ибо мы привыкли считать мир изначально добрым; Эмерсон и Уитмен, Будда и Иисус учили нас этому. Наша собственная незабвенная героиня Анна Хатчинсон верила в договор добродетели — в противоположность трудовому договору и, будучи матерью пятнадцати детей и ласковой повивальной бабкой не сосчитанному и не поддающемуся исчислению количеству сестер своих, бросила вызов жено- и мираненавистническому духовенству Бостона во имя своей веры, за которую она в конце концов приняла мученическую смерть.

«В последний раз, — думала между тем Дженнингс, — именно такая синева июльского дня осеняет мой взор. Веки мои подняты, моя роговица принимает свет, мои хрусталики фокусируют его, моя сетчатка и глазной нерв передают информацию мозгу. Завтра земная ось еще на один день ближе склонится к августу и осени, и оттенок света и воздуха станет чуть-чуть иным».

Весь год, не отдавая себе в том отчета, она прощалась с каждым малым отрезком каждого времени года, с каждой переменой погоды — с меняющимся день ото дня оттенком пламенеющей осенней листвы, зимним сиянием льда, который, становясь толще, поглощал все больше дневного света, тем моментом весны, когда подснежники и крокусы пробиваются сквозь спутанную бурью прошлогоднюю траву в укромных уголках на солнечной стороне каменных заборов, ласкаемые солнцем так же, как любовник ласкает шею подруги своим нежным дыханием. Она прощалась, потому что всему этому круговороту природы отныне суждено было повторяться без нее. Этим дням, которые так бездумно тратятся в суете и заботах, во взрослой сосредоточенности на себе и радостной надоедливости детей, всему этому действительно приходит конец.

Небесный занавес закрывается, как шторками объектив фотоаппарата. От этих мыслей у Дженин закружила голова; интуитивно уловив их ход, сидевшая рядом Грета Нефф стиснула ее лежавшую на коленях руку.

– Пока внимание наше было устремлено за внешние пределы, сосредоточено на зле, оскверняющем большой мир, – продолжала торжественно вешать Брэнда, глядя поверх голов на хоры с заброшенным органом и примостившимся там маленьkim певческим коллективом, – пока наш гнев был обращен наружу, на зло, творимое в Юго-Восточной Азии фашистующими политиканами и эксплуататорским капитализмом, заботящимся лишь о сохранении и приумножении своих рынков пагубной для экологии роскоши, пока мы были заняты внешними делами, мы проморгали то, что затевалось здесь, в тихих, респектабельных на вид домах нашего Иствика, и это наша вина, да, вина, ибо бездействие так же преступно, как и дурное деяние. Неудовлетворенность в частной жизни и личный крах стали питательной средой для зла, корнями уходящего в суеверия, которые наши предки считали мерзким грехом и которые... – Брэнда красиво смиклировала звук, как учительница, старающаяся смягчить удар для родителей, однако не скрывающая от них катастрофических показателей успеваемости их отпрыска, как начальница, с чувством невольной вины предупреждающая об увольнении задиристого служащего, и патетически закончила: – Действительно являются мерзким грехом.

Но позади этих шторок должен существовать глаз Верховного Существа, это прозрение, сродни тому, что осенило несколько месяцев назад ее отца, вселило в душу Дженин покой и веру в то, что это Верховное Существо не оставит ее своим попечительством, независимо от борьбы, которую вели за ее жизнь новые друзья и гуманоидные автоматы из уэстникской больницы. Сама проработав в больнице несколько лет, Дженин знала, сколь неутешительна окончательная статистика результатов всего этого сострадательного и дорогостоящего милосердия. Что мучило ее больше всего, так это тошнота, сопровождавшая прием лекарств, а теперь и проводимые дважды в неделю сеансы облучения, во время которых она лежала, спленатая и прикованная, на гигантском врачающемся холодном столе из хромированной стали, который вертел ее так и сяк, пока у нее не начинался приступ морской болезни. Тиканье часов, отсчитывающих секунды радиоактивного жужжания, никогда не переставало звучать у нее в ушах, даже во сне.

– Есть род зла, – продолжала Брэнда, – с которым мы обязаны бороться. Его нельзя терпеть, его нельзя объяснить, его нельзя оправдать.

Социология, психология, антропология – всем этим хитроумным порождениям современного ума следует отказать в снисхождении.

«Я больше никогда не увижу, как по весне отрываются и падают с карниза сосульки, – думала Дженнини, – как краснеет осенью сахарный клен. Никогда не стану свидетельницей того момента поздней зимы, когда посеревший снег начнут проедать рыхлые, с неровными краями проталины». Осознание подобных вещей напоминало то, как ребенок в морозный день пальцем прогревает дырочку в заиндевевшем оконном стекле над батареей; через такую же «дырочку» Дженнини смотрела в бездонное «никогда».

Бренда с рассыпавшимися по плечам бликующими волосами – они были распущены с самого начала или шпильки выпали от ее рвения? – разворачивала свои невидимые войска.

– Ибо эти женщины – и не будем из любви к своему полу и гордости за него отрицать, что они тоже женщины, – давно оказывают пагубное влияние на нашу общину. Они не скрывали своего фривольного образа жизни. Им было наплевать на собственных детей, как бы те себя ни вели – примерно или безобразно, – они растили их в богохульстве. Своими неописуемыми действиями и мерзкими чарами они доводили иных мужчин до безумных поступков. А некоторых – я твердо уверена в этом – даже до смерти. И теперь, когда их демон покинул их, когда их яд выдохся, их ярость... – Из пухлых накрашенных губ Бренды, словно из соцветия штокрозы, лениво вылез и, взмахнув крыльышками, пустился в рыскающий полет над головами паства шмель.

Дженнини тихо прыснула. Рука Греты сильнее стиснула ее ладонь. По другую сторону от Дженнини мирно похрапывал Рей Нефф. Оба супруга носили очки: Грета – овальные старушечьи, в стальной оправе, Рей – квадратные, без оправы. Каждый из Неффов представился ей одной большой линзой. «А я сижу между ними, как нос», – подумала она. Потрясенное внимание напуганной аудитории было целиком сосредоточено на возвышавшейся над кафедрой Бренде. Поверх ее головы маячил теперь не потускневший медный крест, который висел там много лет изжившим себя символом, а новый массивный медный круг – знак гармоничного единения и мира. Круг был идеей Бренды. Она сделала неглубокий вдох и попыталась продолжить речь, преодолевая новую помеху, материализовавшуюся у нее во рту.

– Их ярость заразила воздух, которым мы дышим, – провозгласила она, и на ее губах появился бледно-голубой мотылек, а за ним – его рыжевато-коричневая сестричка, которая упала на пюпитр со стуком, усиленным

микрофоном, после чего, взмахнув крыльшками, взлетела к небу, запечатанному высоким окном.

– Их ревношть отравила наш вшех...

Бренда наклонила голову, и из ее рта явилась на свет удивительно яркая, мохнатая, отвратительная на вкус бабочка-данаида с оранжевыми крыльшками, окантованными широкой черной полосой. Ее полет под выкрашенными белой краской стропилами был вялым и бесцельным.

Дженни ощущала плотную опухоль внутри своего многострадального исхудавшего тела, словно там образовался кокон.

– По-мог-ит-те мне, – прерывающимся от спазмов голосом, будто чекания некий стихотворный ритм, произнесла Бренда, склонившись к пюпитру, на котором лежали хрустящие страницы ее проповеди, забрызганные слюной и испачканные слизью насекомых.

Длинные платиново-белокурые волосы упали ей на лицо, над головой в солнечных лучах сияло медное «О». Тишина взорвалась, со всех сторон послышались голоса. Фрэнни Лавкрафт, громко, как свойственно глухим, предлагала вызвать полицию. Реймонд Нефф принял вызов неведомых сил и, вскочив, пригрозил кулаком какой-то из них, притаившейся в разлинованном солнечными лучами воздухе, при этом челюсти ходили у него ходуном. Дженни глупо хихикнула, она не могла больше сдерживать распиравшее ее изнутри веселье. Все происходившее почему-то напоминало ей очень смешную мультипликацию – фильм о неугомонном коте, которого каток расплющивает на дороге, но кот раз за разом поднимается, чтобы возобновить погоню. Она начала безудержно хохотать высоким и чистым, как полет бабочки, голосом и выдернула ладонь из Гретиной сочувственной руки. Ей было интересно, кто проделал эту шутку: Сьюки, как было известно всем, навещала хитреца Артура Холлоубреда каждый раз, когда его жена отправлялась в церковь; в Кингстоне шустрый элегантный Артур двадцать лет трахал своих студенток-физичек. Джейн Смарт уехала в Уорвик играть на хэммондовском мини-органе для группы чокнутых, собирающихся в покинутом квакерами молитвенном доме и слушающих музыку, глядя в потолок. Атмосфера там, среди этих поматросски подстриженных оболваненных деток из среднего класса, была гнетущей (Джейн сама сказала это Мейвис Джессап, которая сказала Роуз Холлоубред, которая сказала Дженни), но платили хорошо. Александра, должно быть, лепит своих «мальшек» или пропалывает хризантемы. Вероятно, никто из них не имеет к этому никакого отношения, просто они распылили что-то в воздухе, как те ученье-ядерщики, которые изобрели атомную бомбу для борьбы с Гитлером и Тодзио^[61], а теперь терзаются

угрызениями совести; как Эйзенхауэр, отказывающийся подписать перемирие с Хо Ши Мином, которое могло бы положить конец нынешнему безумию; как поздние дикие цветы, «золотые розги» и «кружева королевы Анны», оплодотворяющие своими летучими, до поры дремлющими семенами щетинистые поля под паром там, где некогда черные рабы открыли ворота галопирующим сквайрам в плащах с длинными фалдами и высоких фетровых шляпах, отороченных мехом. Как бы то ни было, все этоказалось ей безумно смешным. Херби Принс, человек с алчным взглядом и скуластым лицом, обтянутым тонкой желтущей кожей, нервно протиснулся мимо сидевшей рядом с ним Альмы Сифтон и, расталкивая всех локтями, помчался по проходу между скамьями, едва не сбив с ног миссис Холлоубред с ее негнущейся спиной. Как и остальные женщины, та, инстинктивно прикрывая рот ладонью, уже встала, чтобы в панике бежать.

— Молитесь! — закричала Бренда, понимая, что утратила контроль над ситуацией. Что-то переливалось через ее нижнюю губу и блестело на подбородке. — Молитесь! — кричала она гулким мужским голосом, словно кукла-чревовещательница.

Истерически хохотавшую и спотыкающуюся Джени пришлось вывести на улицу, где ее появление в сопровождении очкариков Неффов привело в замешательство богобоязненных горожан, мывших в этот час свои автомобили вдоль Кокумскассок-уэй.

Обычно Джейн Смарт засыпала сразу после того, как удавалось убаюкать двух младших детей, и до того, как старшие включали недозволенную получасовую передачу «Мэнникс» или какой-нибудь изобилующий погонями на автомобилях сериал, действие которого разворачивается на юге Калифорнии. Часа в два — в полтретьего она просыпалась неожиданно, словно внезапно звякнул и тут же замолчал телефон или какой-то незваный гость то ли дернул входную дверь, то ли тихонько разбил оконное стекло и теперь прятался в доме, затаив дыхание. Джейн, бывало, несколько минут прислушивалась, потом улыбалась в темноте, вспомнив, что это был час ее свидания. Вставала с постели в прозрачной нейлоновой ночной рубашке, накидывала стеганую шелковую ночную кофту и ставила на плиту молоко, чтобы сварить какао. Рандолф, ее прожорливый молодой доберман, стучал когтями, тут же являлся в кухню, Джейн давала ему погрызть твердую как камень искусственную кость, он уволакивал добычу в свой уголок, и оттуда начинала звучать злобная музыка, которую он исполнял длинными зубами и складчатыми лиловатыми губами. Закипало молоко, Джейн брала чашку, поднималась на

шесть ступенек в гостиную и доставала из футляра виолончель; красная древесина инструмента была глянцевой и живой, как плоть высшего качества. «Хорошая девочка», – вслух говорила ей иногда Джейн, поскольку тишина, царившая в доме, – ни звуков уличного движения, ни детского плача: весь жилой массив просыпался и затихал одновременно – была такой абсолютной, что становилось немного страшно. Она осматривала изуродованный пол в поисках углубления, в которое можно было вставить ногу виолончели, притаскивала пюпитр, торшер с тройным режимом накаливания, стул с прямой спинкой и садилась играть. Сегодня она энергично принялась за Вторую сюиту Баха для виолончели без аккомпанемента, одну из своих любимых. Разумеется, Джейн предпочитала ее чудовищно трудной Шестой, страницы которой чернели от обилия шестьдесят четвертых, написанной в невероятно высокой тональности для инструмента с пятью струнами, как уже было сказано. Но всегда, даже в самом размеренном, напоминающем работу часового механизма колокольном звоне, Бах давал ей возможность открыть что-то новое, услышать момент, когда сквозь скрежет шестеренок пробьется человеческий крик. Бах был бы счастлив в Кёхене, если бы не внезапная смерть его жены Марии и не женитьба такого *simpatico* и такого музыкального принца Леопольда на своей юной кузине Генриэтте фон Анхальт; Бах называл его женушку «амузой», то есть женщиной, враждебной музам. Генриетта зевала на придворных концертах, а ее капризы отвлекали внимание принца от капельмейстера, что заставило последнего добиваться должности кантора в Лейпциге. И он принял эту должность, несмотря на то что несимпатичная принцесса внезапно скончалась еще до его отъезда.

Во Второй сюите была тема – мелодическая последовательность восходящих третей и нисходящих целых тонов, – заявленная во вступлении и затем в трогательно измененном на терцию выше виде, как обратное нисхождение, возникающая на фоне аллеманды; таким образом, в развивающуюся (*moderato*) мелодию, раз за разом повторяясь, вкрапляется мука, поначалу лишь как предмет обсуждения, но в аккорде ре-диез – ля, *forte*, она превращается в критическую точку диссонанса: между выбириующим си-бекар и руладой тридцать вторых нот, исполняемой *piano*, тихо, не отрывая пальца от струн. Предметом для обсуждения, как поняла Джейн Смарт, продолжая играть и не прикасаясь к стынувшему и затягивающемуся пенкой какао, является смерть – оплакиваемая кончина Марии, которая доводилась Баху кузиной, и страстно желаемая смерть принцессы Генриетты, в конце концов свершившаяся. Смерть была

пространством, которое расчищал этот вихревой поток кувыркающихся нот, – грандиозное, изысканное внутреннее пространство, становящееся все шире и шире. Последний пассаж был помечен ремаркой «*Roso a ros ritardando*»^[62] и включал в себя интервалы, которые заставляли пальцы с тупой болью скользить вверх и вниз по шейке деки. Аллеманда заканчивалась на невероятно низкой ступени тональности: эта нота должна была поглотить весь мир.

Джейн схитрила; здесь требовался повтор, и она повторила первую половину, но теперь, как путешественник, который, увидев восходящую луну, поверил наконец, что путь его не бесцелен, хотела поскорее двигаться вперед. Кончики пальцев ощущали прилив вдохновения. Джейн нависала над музыкой, представлявшейся ей кипящим и булькающим котлом, в котором варились еда, предназначенная для нее одной; ошибки были исключены. Куранта^[63] разворачивалась стремительно, словно сама собой, по двенадцать шестнадцатых в такте; в каждой части ритм сбивался лишь дважды аккордами четвертных нот, после чего руландийский каскад и скромная, едва ли не теряющаяся тема возобновлялись. Эта тема, чувствовала Джейн, была женской; но одновременно внутри музыки креп другой, полемический мужской голос смерти, выкладывавший свои аргументы решительно, размеренными неторопливыми слогами. Однако, несмотря на всю свою стремительность, куранта постепенно замедлялась, сходясь к шести пунктирным нотам, чей нисходящий каскад акцентировали сначала терции, потом квarta и, наконец, сокрушительный квинт-аккорд, сопровождающий последнюю ноту мелодии, – гармония неотвратимости. Сарабанда, *largo*, была великолепна, неоспорима, ее медленный подпрыгивающий бег сопровождался множеством трелей, и призрак той грациозной темы вновь возникал после того, как огромная неоконченная доминирующая нона сокрушиительно рассекала музыкальную ткань. Джейн снова и снова водила смычком: до-диез – си-бемоль – соль, высвобождая аннигилиющую силу, восхищаясь тем, как уменьшенная септима двух нижних нот зловещим эхом повторяла скачок уменьшенной септимы (до-диез – си-бемоль) из верхней строчки. Переходя от этого наслаждения к первому менуэту, Джейн совершенно отчетливо слышала – это не имело отношения к собственно слуху, она ощущала это всем телом – войну аккордов с одиночной темой, которая постоянно стремилась, но не могла увернуться от них. Смычок выпиливал замысловатые фигуры в субстанции пустоты и молчания. Внешняя сторона вещей – солнечный свет и рассеяние; внутренняя сторона всего на свете – смерть. Мария, принцесса,

Дженни – цепочка. Невидимые внутренности виолончели вибрировали, кончик смычки описывал круги и дуги, рассекая клин воздуха, звуки срезались и падали со смычки, как древесная стружка. Дженнни пыталась увиличнуть от гроба, который выстругивала Джейн; до-мажорное развитие второго менюета ассоциировалось с женщиной, заточенной внутри музыки, она старалась убежать по скользким ступенькам сопряженных нот, но ее неотвратимо возвращали обратно, к Menuetto I da caro, и, наконец, мрачные краски яростного квартета аккордов со строгим предписанием: «фа – ля, aufstrich^[64], си-бемоль – фа – ре, abstrich^[65], соль – соль – ми, aufstrich; ля – ми – до-диез» – проглатывали ее. Смычок резко – вверх, вниз, вверх и потом вниз на заключительном трехтактном coup de grace – трепещущем духе, напоследок хлестнувшем наотмашь.

Прежде чем не без робости приступить к джиге, Джейн отхлебнула какао: кусочек холодной пленки прилип к ее верхней губе с чуть пробивающимися усиками. Рандолф, расправившись с костью, примчался и улегся на покрытом шрамами полу возле притопывающей босой ноги Джейн. Но не уснул: его сердоликовые глаза с некоторой тревогой уставились на хозяйку; кожные складки придавали морде голодное выражение, а уши, розовые внутри, как сердцевина витой раковины, торчали вверх. «Ах эти домашние любимцы, – подумала Джейн, – какие они все же тупые – обрезки грубой материи. Пес знает, что присутствует при чем-то исключительно важном, но не понимает, что это; он глух к музыке, слеп к скрижалям, невосприимчив к взлетам духа». Джейн вскинула смычок. Он казался невероятно легким, как прутик. Джигу предписывалось исполнять allegro. Она начиналась несколькими резкими, как смертельные удары ножа, фразами – там-пам (ля – ре), там-пам (си-бемоль – до-диез), пам-ду-ду-ду-пам, там-пам, пам... Слитно. Обычно Джейн испытывала технические трудности при исполнении этих рубленых, заостренных bemольных каскадов, но только не сегодня, сегодня она легко парила вокруг них: ниже, выше, ниже, отрывисто, плавно. Вот склестнулись два голоса, послышался последний всплеск той трепетной, исчезающей темы, которую еще предстоит окончательно задавить. Так, значит, вот о чем все эти века, безраздельно монополизировав тему, тихо переговаривались между собой мужчины – о смерти. Неудивительно, что они не подпускали к ней женщин: пусть женщины высаживают цыплят, нянчатся с ними, пока они – они, мужчины, – распределяют между собой истинные сокровища: ониксы, черное дерево, чистое золото, истинный смысл славы и спасения. До сих пор смерть Дженнни была для нее равносильна простому стиранию имени из памяти – ничем; теперь она

обрела рельефную структуру, разветвленную и великолепно сложную; Джейн реально почувствовала засасывающую глубину морских саженей, еще более игривую, нежели ощущение отступающей волны, обрушающейся на щиколотки град перекатывающихся голышей, — восхитительный утомленный тяжкий вздох моря, испускаемый с каждой новой волной. Ей вдруг почудилось, будто несчастное отравленное тело Джени сплелось — вена с веной, сухожилие с сухожилием — с ее собственным телом, как оплетают тело утопленницы водоросли, и они вместе поднимаются к поверхности вод; одна в конечном счете стряхнет с себя другую, но пока они, все еще сплетенные, медленно всплывают сквозь постоянно перемешивающиеся воды светящейся бездны. Джига ощетинилась под пальцами Джейн, как дикобраз; восьминотные терции, составляющие фон каскаду шестнадцатых, стали зловещими; возникли беспомощное кружение, взмахи, шквал леденящего кровь *fortissimo*^[66], потом последнее глиссандо — вниз, скачущее крещендо — вверх, и завершающий крик — тонкий отрывистый крик финального ре.

Джейн сыграла оба повтора, не сделав ни единой ошибки даже в той коварной средней части, где исполнитель должен сохранить стремительно смещающуюся динамику, проведя ее сквозь частокол нотных точек и хвостиков; кто сказал, что ее легато звучат деташе? Окна в домах блестели чернотой, чистой, как гладь антарктического льда. Бывало, что кто-нибудь из соседей звонил и возмущался шумом, но нынешней ночью телефон казался парализованным. Не спал, похоже, только Рандолф: его тяжелая голова покоялась на полу, один исполненный жажды хозяйкиного расположения непроницаемый глаз, во тьме которого плавали кровавые крапинки, неотрывно следил за полым предметом цвета мяса, зажатым между ее ног.

Джейн пребывала в таком экстазе, что без перерыва перешла к первой части виолончельной партии ми-минорного Брамса и принялась выводить романтически-томные половинки под воображаемый аккомпанемент гарцающего рояля. Каким слабохарактерным был Брамс, несмотря на весь свой цветущий вид: женщина с бородой и сигарой в зубах!

Джейн встала со стула. Она ощущала чудовищную боль между лопатками, лицо заливали слезы. Было двадцать минут пятого. Первые сероватые хилые тени забрезжили за венецианским окном, на лужайке с редкими кустами, которые она никогда не подрезала, отчего они разрослись и переплелись, как разноцветные лишайники на могильной плите или колонии бактерий в склянке Петри. Дети обычно просыпались рано и начинали шуметь, кроме того, должен был позвонить из банка Боб Озгуд,

чтобы подтвердить свое приглашение на «обед» в этот ужасный мотель неподалеку от Оулд-Вик, представлявший полукруг фанерных домиков, выпуклой стороной вдававшийся в лес, поэтому она не могла выключить телефон и спспать, даже если дети будут вести себя тихо. Джейн вдруг почувствовала себя такой обессиленной, что отправилась в спальню, не спрятав виолончель в футляр, а просто прислонив ее к стулу, как музыкант симфонического оркестра, покинувший сцену на время антракта.

Александра смотрела в кухонное окно, удивляясь, как оно оказалось таким мутным и заляпанным грязью, – неужели дождь может быть грязным? – и поэтому увидела, как Сьюки паркует машину и идет по мокрой дорожке через увитую диким виноградом арку, наклоняя изящную голову, чтобы не удариться о пустую птичью кормушку и низко свисающие лозы с созревающими гроздьями. Август выдался сырьим, вот и нынче уже собирался дождь. Женщины расцеловались на пороге раздвижной двери.

– Это так мило, что ты приехала, – сказала Александра. – Не знаю, почему мне так страшно искать его одной. В собственном болоте.

– А потому, что это действительно страшно, голубушка, – ответила Сьюки. – Он ведь оказался таким единственным. Она снова в больнице.

– Мы, разумеется, не можем быть уверены, что дело именно в нем.

– Можем! – возразила Сьюки, не улыбаясь, отчего ее губы казались странно выпяченными. – Мы-то знаем, что это из-за него.

Она выглядела подавленной: прежняя девушка-репортер в плаще. Ее снова взяли в «Слово». Торговля недвижимостью, как она неоднократно говорила Александре по телефону, слишком зависит от случайности, к тому же бесконечное ожидание того, сработают или не сработают ее усилия, сомнения: нельзя ли было сказать что-то подсознательно более убедительное в тот критический момент, когда клиенты впервые увидели дом или стояли, собравшись в кружок, в цокольном этаже и муж пытался показать себя знатоком по части водопроводной системы, а жена была до смерти напугана крысами, – все это способствовало развитию язвенной болезни. Но даже если сделка выгорала, гонорар обычно приходилось делить на три, а то и на четыре доли. У нее действительно развилась язва: появилась тянущая боль под ребрами, выше, чем мы представляем местоположение желудка, особенно мучительная по ночам.

– Хочешь выпить?

– Потом. Еще рано. Артур говорит, что мне вообще не следует брать в рот ни капли, пока желудок снова не придет в норму. Ты когда-нибудь пила

маалокс? Господи, каждый раз при отрыжке я чувствую во рту вкус мела. К тому же, – она улыбнулась, на миг став прежней, пухлая верхняя губа растянулась так, что над крупными выступающими вперед зубами стала видна ненакрашенная полоска ее внутренней поверхности, – я бы чувствовала себя виноватой, если бы пила здесь в отсутствие Джейн.

– Бедная Джейн.

Сьюки поняла, что имела в виду подруга, хотя происшествие имело место неделю назад. Ужасный доберман-пинчер разгрыз на куски виолончель Джейн однажды, когда она оставила ее без футляра.

– Как они полагают: можно будет ей помочь на этот раз? – спросила Александра.

Опять же интуитивно Сьюки догадалась, что эта реплика относилась уже к Дженни, снова попавшей в больницу.

– Ну ты же знаешь врачей: никогда ничего определенного не скажут. Нужны дополнительные исследования – вот их вечная песня. А как твои боли?

– Я стараюсь не жаловаться. Они то появляются, то исчезают. Может быть, это предвестие климакса? Или последствие Джо? Ты знаешь про Джо? Он действительно сдался и перестал меня преследовать.

Сьюки кивнула, медленно погасив улыбку.

– Джейн винит их во всех наших горестях и болезнях. Она винит их даже в трагедии, случившейся с виолончелью. Хотя в этом ей следовало бы винить себя.

Упоминание о них моментально отвлекло Александру от чувства вины, которое в виде болячки она носила иногда в левом яичнике, иногда – в затылке, а в последнее время еще и в подмышках, там, где когда-то просила ощупать ее Дженни. Согласно тому, что читала или слышала по телевизору Александра, если это попадает в лимфатические железы, пиши пропало.

– Кого из них она винит больше всех?

– Знаешь, почему-то она зациклилась на этой маленькой неряхе Заре. Я лично не думаю, чтобы такой ребенок, как Заря, мог иметь подобную силу. Вот Грета – да, она обладает весьма значительными возможностями, какими, кстати, могла бы обладать и Бренда, если бы перестала важничать. А вот у Роуз, судя по тому, что проскальзывает в разговорах с Артуром, нет шансов присоединиться к ним: он считает ее превосходной кулинаркой, иначе, полагаю, они бы давно уже развелись. Сама она к этому не стремится.

– Надеюсь, он не ходит за ней с кочергой?

– Послушай, дорогая, я никогда не считала такой способ борьбы с

женами приемлемым. Как тебе известно, я сама была когда-то женой.

– А кто из нас не был? Я вовсе не тебя имела в виду, радость моя, если бы это случилось снова, я бы винила только дом. Тебе не кажется, что дух прокладывает в каждом доме свое особое бесплотное русло?

– Не знаю. Мой нуждается в покраске.

– Мой тоже.

– Может, пойдем поищем, пока дождь не начался?

– Это действительно очень любезно с твоей стороны, что ты согласилась мне помочь.

– Да я и сама чувствую себя отвратительно. В определенном смысле. До некоторой степени. К тому же я все равно только и делаю, что гоняюсь за химерами в своем «корвейре». А его, кстати, все время заносит, и он перестает меня слушаться. Интересно, дело в машине или во мне? Ралф Нейдер ненавидит эту марку. – Пройдя через кухню, они очутились в мастерской Александры. – Боже, а это что такое?

– Сама хотела бы знать. Все начиналось с некоего неопределенного проекта, предназначенного для городской площади, – видимо, было навеяно Колдером или Муром. Я думала: если оно получится, можно будет отлить его в бронзе; после возни с папье-маше мне захотелось сделать что-нибудь непреходящее. А кроме всего прочего, столярные работы и производственный грохот отвлекают от сексуальной неудовлетворенности.

– Они заколдовали твою работу.

– Не исключено. Я и впрямь исколола и изрезала себе руки, пока возилась с проволокой. Тебе не кажется отвратительным то, как проволока скручивается кольцами и запутывается? Словом, теперь я пытаюсь придать ему более жизненные параметры. Не надо смотреть так недоверчиво. Что-нибудь из этого еще может получиться. Я не окончательно обескуражена.

– А как твои маленькие керамические купающиеся красавицы, «малышки»?

– После того, что было, я больше не могу их лепить. Меня начинает физически тошнить, когда я вспоминаю, как оплавлялось ее лицо, таял воск, раскалялись кнопки.

– Тебе надо обследоваться на предмет язвы. Прежде я даже не знала, где находится двенадцатiperстная кишка.

– Однако «малышки» меня кормили. Я даже подумала, что свежая глина может меня снова вдохновить, и на прошлой неделе поехала в Ковентри. Дом, у хозяйки которого я покупала свою замечательную глину, оказался весь в какой-то новой алюминиевой обшивке тошнотворно зеленого цвета. Его бывшая владелица-вдова умерла прошлой зимой от

сердечного приступа, надорвавшись, когда перетаскивала дрова. Это мне рассказала новая хозяйка. Ее муж не желает возиться с продажей глины, он хочет построить бассейн и патио на заднем дворе. Таким образом, «малышкам» конец.

– Тем не менее выглядишь ты великолепно. Похудела.

– Не еще ли это один симптом?

Пройдя через старую гончарную мастерскую, подруги вышли на задний двор, который давно было пора выкосить: сначала здесь буйно разрослись одуванчики, теперь – ползучие сорняки. В сырых ямках запущенной лужайки, вызванные к жизни дождливым летом, вылезли поганки – коричневые шарики, наделенные природой болеутоляющим ядом. Из облачного покрова вдали у горизонта протянулся к земле шлейф, сотканный из серых вертикальных нитей, блуждающих струй, означавших, что там уже идет дождь. Дикие заросли за разрушающейся стеной сами представляли сплошную стену гигантских сорных трав, прутьев дикой малины и вереска. Зная это, Александра предусмотрительно облачилась в грубые мужские джинсы; на Сьюки же под плащом была красновато-коричневая юбка из легкого крепа и бордовая блузка в рюшах, а на ногах – открытые босоножки цвета бычьей крови, к тому же на высоких каблуках.

– Ты слишком шикарно выглядишь, – сказала ей Александра. – Вернись в кладовку и надень резиновые сапоги, они стоят в углу рядом с вилами. Это спасет по крайней мере твои туфли и щиколотки. И заодно прихвати садовые ножницы с длинными ручками, те, что с двойным шарниром. А вообще-то лучше бы тебе принести мне ножницы и остаться здесь, во дворе. Ты ведь никогда не была большой любительницей природы; еще, упаси бог, порвешь свою очаровательную креповую юбку.

– Нет-нет, – возразила верная Сьюки. – Мне и самой теперь любопытно. Это напоминает детскую игру в поиски пасхального яйца.

К возвращению Сьюки Александра уже стояла точно на том, насколько она помнила, островке травы, с которого бросала зловещий амулет, чтобы избавиться от него навсегда, и показала, как именно это проделала. Рассекая заросли ножницами и шарахаясь от колючих веток, подруги пустились вброд по маленьким джунглям, в которых сотни разновидностей растений соперничали друг с другом за солнечный свет, воду, углекислый газ и азот. С заднего двора эти заросли казались однородным ограниченным пространством – островком зелени, но, оказавшись внутри его, женщины увидели, что на самом деле дебри разноцветны и разношерстны, – здесь схлестывались всевозможные растительные стили, шла непримиримая борьба белковых цепочек, которые природа не только

выводит из корней на поверхность в виде побегов и ростков, но и, снабжая цветочной пыльцой и семенами, привлекает к ним насекомых и птиц. Ноги увязали в грязи, спотыкались о бугорки, за долгие годы сплетенные травой из собственных корней. Шипы грозили поцарапать глаза и руки; настил из листьев и обломанных веток полностью закрывал землю.

Дойдя до места, где, по предположениям Александры, должна была приземлиться обернутая в фольгу куколка, они, низко наклонившись, стали разглядывать странный дерн. Жмувшийся к земле, ощетинившийся растительный покров производил впечатление беспорядочной скученности, из которой пробивались неисчислимые ветки и усики, зондировавшие тень в поисках любой крупинки солнца и свободного пространства.

Сьюки издала радостный крик, но то, что она выковыряла из земли, оказалось лишь долго пролежавшим в ней старым мячиком для гольфа со стершимся рельефным узором. От какого-то химиката, который он впитал в себя, его нижняя половина приобрела ржавый оттенок.

– Черт! – выругалась Сьюки. – Интересно, как он сюда попал? До ближайшего поля для гольфа отсюда несколько миль.

Монти Ружмонт, как известно, был заядлым любителем гольфа и не переваривал присутствия женщин – в их пижонских нарядах пастельных тонов и с неуместным смехом – не только на поле, но и вообще в пределах своего клубного рая. Найти этот мячик было для Сьюки все равно что найти частичку своего бывшего мужа, послание из иного мира. Она сунула овеществленное воспоминание в карман плаща.

– Может, упал с самолета? – предположила Александра.

Обнаружив их присутствие, москиты облепили им лица и стали больно жалить. Отгоняя их от рта, Сьюки сказала:

– Детка, даже если мы его найдем, где гарантия, что мы сможем его расколдовать?

– Должен существовать способ. Я кое-что прочитала. Нужно проделать все в обратном порядке. Мы вынем булавки, переплавим воск и снова превратим Дженин в свечу. Нужно также постараться вспомнить все, что мы тогда говорили, и произнести то же самое задом наперед.

– Но это же невозможно! Все эти сакральные имена... Я и половины того, что тогда говорила, не припомню.

– В решающий момент Джейн сказала: «Умри!» – а ты произнесла: «Вот тебе!» – и засмеялась.

– Неужели так оно и было? Наверное, мы находились в помрачении.

Низко склонившись и стараясь защищать глаза, они исследовали дерн шаг за шагом в надежде заметить блеск фольги. Сьюки расцарапала ноги

выше сапожных голенищ, а ее прелестный плащ фирмы «Лондон фог» постоянно цеплялся за колючки, и из него уже торчали вырванные нити.

– Наверняка он не долетел до земли, а застрял в этих проклятых колючих кустах, – сказала она.

Чем раздражительнее звучал голос Сьюки, тем ласковее, как добрая мать, становилась Александра.

– Вполне может быть, – согласилась она. – Когда я его бросала, он показался мне неправдоподобно легким. Он парил в воздухе.

– И какого черта ты зашвырнула его именно сюда? Что за истерический поступок!

– Я же тебе рассказывала: мне позвонила Дженн и попросила спасти ее. Я почувствовала себя виноватой. Испугалась.

– Чего ты испугалась, душенька?

– Ты знаешь. Смерти.

– Но это же не твоя смерть.

– Любая смерть отчасти и твоя. За последние месяцы у меня развились те же симптомы, что и у Дженн.

– У тебя всегда был пункттик насчет рака. – В раздражении Сьюки щелкнула садовыми ножницами, но промахнулась: настырный колючий куст с круглыми листьями вцепился ей в плащ и расцарапал запястье.

– Вот зараза! Смотри: мертвая белка, вся сморщенная. Здесь настоящая свалка. А ты не можешь прозреть эту чертову штуку своим провидческим взором? И принудить ее к – как это называется – левитации?

– Я пыталась, но не получила ответного знака. Наверное, фольга препятствует эманации.

– А может, у тебя просто уже сила не та?

– И это вероятно. За последние дни я несколько раз пыталась вызвать солнце – в этой сырости чувствовать себя личинкой, – но дождь, как видишь, так и не прекратился.

Сьюки металась, нервничая все больше.

– А вот Джейн, как известно, смогла даже себя поднять в воздух.

– Так то Джейн. У нее сила все прибывает. Но ты ведь знаешь: она и слышать не желает о том, чтобы снять заклятие, ей нравится происходящее.

– А ты не могла переоценить дальность броска? Монти всегда жаловался, что гольфисты в поисках мяча уходят на мили вперед от того места, где он действительно мог упасть.

– Скорее уж я недооценила расстояние. Я же тебе говорила: этот сверток летел, как птица.

– Тогда ты иди дальше, а я немного вернусь назад. Проклятие, чертовы

колючки! Я их ненавижу. Какая от них польза?

– Их плодами питаются птицы. И грызуны. И скунсы.

– О, потрясающе!

– Знаешь, я заметила, что некоторые из этих кустов – не малина, а дикая роза. В первые годы после нашего с Оззи переезда в Иствик я каждую осень варила варенье из ягод шиповника.

– Вы с Озом составляли чудесную пару.

– Да, это было очень трогательно, я представляла образцовую домохозяйку. Сьюки, ты – святая, что пошла со мной. Я знаю, что тебе уже надоело, но ты можешь уйти в любую минуту.

– Не такая уж я святая. Может, я и сама напугана. Так или иначе, вот он. – На этот раз она звучала далеко не так взволнованно, как пятнадцать минут назад, когда нашла мячик для гольфа.

Александра, скованная внезапным ощущением какой-то сущностной, неукротимой дикости космоса, медленно побрела туда, где стояла Сьюки. Та не прикасалась к находке. Сверток лежал на относительно открытом месте – на солончаковом клочке земли, поросшем по краям молочаем; несколько хрупких белых цветочков тянули головки из тенистых дебрей, стараясь подставить свою красу солнцу. Склонившись потрогать смятую фольгу, не заржавевшую, но потускневшую от сырости, в которой она пролежала несколько месяцев, Александра заметила, что темная сырая земля вокруг нее кишит какими-то крошечными существами – красноватыми крапинками, притягиваемыми к ней, как металлическая стружка к магниту; они суетились в своем мирке, расположеннном несколькими порядками ниже на шкале жизни, чем ее собственный. Александра заставила себя поднять зловещий амулет, эту испеченную в аду картофелину. Он оказался невесомым, внутри его что-то зашуршало: булавки. Она осторожно приподняла край фольги и заглянула внутрь. Сверток был пуст, если не считать проржавевших булавок. Воск, из которого была слеплена маленькая копия Дженни, почти полностью исчез.

Так и не дождавшись, пока Александра заговорит, Сьюки высказала предположение:

– Животный жир. Для каких-то местных блох он оказался лакомством, и они его съели или скормили своим детишкам. Посмотри: а волоски не тронули. Помнишь эти маленькие волоски? Можно было подумать, что они сгниют или разложатся, но нет. Вот почему волосы забивают сливные отверстия: они неразрушимы. Как бутылки из-под «Хлорокса». Когда-нибудь, детка, помяни мое слово, на земле не останется ничего, кроме волос и бутылок из-под «Хлорокса».

Ничего. Свечной суррогат Дженн превратился в ничто.

Теперь в лица женщин, выпрямившихся среди ежевичных кустов, иголками впивались дождевые капли. Эти предварительные колючие капельки предвещали серьезный дождь, ливень. Небо стало свинцово-серым, если не считать узкой голубой полоски над горизонтом на западе, так далеко, что это ясное небо могло оказаться уже за пределами Род-Айленда.

— Природа — прожорливая старуха, — сказала Александра, бросая фольгу с завернутыми в нее булавками обратно в сорняки.

— И мучимая жаждой, — подхватила Сьюки. — Помнится, ты предлагала мне выпить.

Почувствовав смертельный ужас Александры, Сьюки старалась говорить утешительно и шутливо и выглядела, надо признать, весьма впечатляюще с рыжими волосами и чуть обезьяням ртом, стоя по самую грудь в зарослях ежевики в элегантном плаще. Но Александра с сожалением отметила, что между ними уже пролегла дистанция; ее милая подруга, очаровательная, хотя и измученная, была еще одним уменьшающимся образом, придорожным рекламным щитом, быстро исчезающим в зеркале заднего вида машины, тронувшейся на зеленый свет светофора.

Одним из нововведений Бренды стали проповеди, с которыми время от времени выступали в церкви члены общины; сегодня была очередь Даррила ван Хорна. Видавшая виды большая книга, которую он разложил на кафедре, оказалась не Библией, а уэбстеровским энциклопедическим словарем.

— «Многоножка, — прочел он странным резонирующим голосом, словно отражавшимся эхом от стен. — Любой представитель класса (Chilopoda) длинных плоских хищных членистоногих, имеющих по паре ног в каждом сегменте, передняя из которых превратилась в ядовитые усики».

Даррил поднял голову; на носу у него сидели очки-лунки для чтения, что усугубляло впечатление склонности лица, как будто сшитого — причем не очень гладкими швами — из отдельных лоскутов.

— Вы ведь не знали о ядовитых усиках, правда? Вы никогда не заглядывали в глаза многоножке, не так ли? Ведь не заглядывали, вы, счастливые люди?

Гудящим баритоном ван Хорн обращался всего лишь к дюжине голов, рассеянных над церковными скамьями. Стоял удушливо-влажный день

позднего августа; унылое, бесцветное, как оберточная бумага низкого качества, небо заглядывало в высокие окна.

– Вы только подумайте, – умоляюще возвал он, – подумайте об эволюции, которую на протяжении бесконечности сменяющихся эонов проделали эти ядовитые усики. Кстати, вам не кажется отвратительным слово «бесконечность»? Такое впечатление, что каждый раз, когда какой-нибудь тупой придурок произносит: «Бесконечность», все должны пасть на колени. Догадываюсь, что, произнося его, я и сам превращаюсь в еще одного такого же тупого придурка, но чем еще, черт возьми, можно его заменить? Так вот, подумайте о корчах той микроскопической борьбы, которая происходила в клоаках, в подвалах, в зарослях и которая заканчивалась у этого хищного членистоногого – недурная получилась фраза, не правда ли? – у этого хищного членистоногого во рту (если это можно назвать ртом, поскольку он ничуть не похож на наши рубиновые губы), пока этим двум передним ногам каким-то образом не пришла идея стать ядовитыми и безотказные старухи – цепочки ДНК не подхватили ее, а многоножки продолжали совокупляться, производя на свет все новых отпрысков, и в конце концов их передние лапки превратились-таки в усики. Ядовитые усики. Уф! – Он вытер губы большим и указательным пальцами. – И это – эта бессмысленная мука – называется Творением!

Тема проповеди, составленная из смешных белых букв на доске объявлений снаружи, была обозначена так: «ЭТО УЖАСНОЕ ТВОРЕНИЕ».

Рассеянные по церкви головы безмолвствовали. Даже старая деревянная обшивка старинного помещения не потрескивала, как обычно. Бренда молча сидела рядом с кафедрой в профиль к пастве, наполовину закрытая от нее гигантским букетом гладиолусов и папоротников в пластмассовой вазе, выставленным в это воскресенье в память о мертворожденном пятьдесят лет назад сыне Фрэнни Лавкрафт. Она была бледна и казалась безразличной; большую часть лета Фрэнни испытывала недомогание. Видимо, дело было в нынешней нездоровой сырой погоде.

– Вы знаете, что делали с ведьмами в Германии? – громко спросил с кафедры Даррил так, словно мысль эта только сейчас пришла ему в голову, – впрочем, вероятно, так оно и было. – Их сажали на железный стул и разжигали под ним костер. Из них калеными щипцами вырывали куски живой плоти. Расплющивали пальцы тисками. Вздергивали на дыбе. Пытали испанским сапогом. Список можете продолжить сами. И все это проделывали в основном с простодушными старыми женщинами. – Фрэнни Лавкрафт наклонилась к Роуз Холлоубред и зашептала что-то

громко, но неразборчиво. Ван Хорн уловил беспокойство аудитории и, будучи человеком легко уязвимым и обидчивым, принялся неловко защищаться. – Хорошо! – закричал он, обращаясь к собранию. – Ну и что? Вы хотите сказать, что такова уж людская природа? Такова человеческая история. И какое, мол, это имеет отношение к Творению? Что этот чокнутый нам тут плетет? Да, человеческие существа всегда прибегали к чудовищным пыткам под священными знаменами той или иной формы религии. Китайцы медленно сдирали кожу с живых людей, в средние века они заживо выпустили одному парню кишку, а потом отрезали и затолкали ему в глотку собственный член. Простите, что выкладываю вам все это так откровенно, но я очень развлоновался. Суть в том, что все это, вместе взятое, даже помноженное на миллионы, не идет ни в какое сравнение с жестокостью, которую органическая природа, наш дружелюбный Творец, проявляет по отношению к собственным созданиям с тех самых пор, как первое несчастное, сбитое с толку соединение аминокислот выбилось из гальванизированной слизи. Женщины, никогда не подозревавшиеся в ведьмовстве, очаровательные куколки-блондинки, ни разу в жизни косо не взглянувшие даже на многоножку, каждый день умирают в мучениях, не уступающих по силе и уж точно гораздо более длительных, чем те, что доставлял старый добрый «ведьмин стул», сплошь усеянный огромными тупыми гвоздями, – не знаю уж, какой принцип термодинамики там использовался. И не хочу больше об этом думать, уверен – вы тоже. Суть, полагаю, ясна. Это было ужасно, ужасно; господи Иисусе, как ужасно! – Очки сползли у него на кончик носа; чтобы водрузить их на место, Даррил ткнул пальцем в переносье, отчего, как показалось, все его лицо прогнулось. Кое-кто в зале заметил, что щеки у него мокры от слез.

Дженни в церкви не было; она снова попала в больницу с непрекращающимся внутренним кровотечением. И это служило подтекстом проповеди. Отсутствовал сегодня также и Рей Нефф, – приняв приглашение профессора Холлоубреда, он отправился с ним в Мелвилл на только что приобретенной Артуром яхте «Херресхоф-12», оборудованной для гарпунной охоты. Грета, однако, была здесь, сидела в одиночестве. Про Грету никогда нельзя было сказать, о чем она думает, чего хочет. Хотя ее акцент на самом деле был вовсе не так ужасен, как кое-кто в издевку изображал, немецкое происхождение заковало ее душу в железную решетку, сквозь которую никому не удавалось заглянуть внутрь. Женщина с коротко подстриженными прямыми тусклово-соломенными волосами и удивительными глазами цвета оставшейся после мытья посуды голубовато-грязной воды за старушечьими очками, она никогда не пропускала

воскресных служб, но это могло быть просто данью не размышляющей добросовестности, свойственной ее расе, германской расе, этой великолепной машине, вечно ожидающей, чтобы бразды правления ею взял в свои руки некий романтический демон.

Ван Хорн молча, неловко, будто руки у него были в толстых перчатках, листал словарь. Теперь стало слышно, как старая миссис Лавкрафт, наклонившись к миссис Холлоубред, отчетливо прошептала:

– Зачем он произносит эти грязные слова?

Роуз Холлоубред – высокая женщина с маленькой головкой, утопающей в гнезде пегих тугих завитушек, – казалась преувеличенно заинтересованной. Ее маленькое лицо цвета ореховой древесины было вдоль и поперек изборождено морщинами, являвшимися результатом многолетнего солнцепоклонства. Что она прошептала в ответ, разобрать не удалось. По другую руку от нее сидела Заря Полански; у девушки были очаровательные монголоидные скулы, словно подкопченная кожа и непроницаемо-бесстрастное, спокойное выражение лица, свойственное людям, не признающим никаких законов. Между ней и Роуз скопилась немалая психическая энергия.

Ван Хорн снова уловил смутное брожение, моргая, поднял взгляд, поправил очки и извиняющимся тоном произнес:

– Я понимаю, что отнимаю у вас время, но вот здесь, на этой странице, я только что наткнулся на слова «ленточный червь» и «тарантул». «Тарантул: любая разновидность больших волосатых пауков, которые обычно весьма инертны. Их укус хоть и болезнен, но не слишком опасен для человека». Спасибо и на этом. А вот что пишут о его гибком приятеле: «Представитель многочисленного семейства ленточных червей (цистодов), паразитирующих во взрослом состоянии в пищеварительном тракте человека или иных позвоночных». Многочисленного, заметьте. Не пара эксцентричных особей, притаившихся в уголке мироздания, как может кому-то ошибочно показаться, а множество разновидностей – воплощение чудовищной идеи, кому-то пришедшей в голову. Не знаю, как остальных собравшихся здесь и, вероятно, ждущих не дождущихся, когда же я наконец заткнусь и сяду на место, но меня паразиты всегда завораживали. В отрицательном смысле слова завораживали. Как варьируются их размеры: от вирусов и бактерий вроде милашки бледной спирохеты, являющейся возбудителем сифилиса, до ленточных червей, достигающих тридцати футов в длину, и аскарид, таких больших и жирных, что они способны заблокировать весь тонкий кишечник. Кишечник – их любимое пристанище, там они чувствуют себя счастливыми. Угнездиться в

слякотной грязи, заполняющей чьи-то потроха, для них – самое милое дело. Вы ведь совершаете за них весь процесс пищеварения, им даже желудки не нужны – только рты и анальные отверстия, анусы, простите мне мой французский. Бог мой, какую же изобретательность проявил этот старый дед – Великий Творец, когда щедрой рукой создавал этих ничтожных дьяволят. Я вот тут нацарапал кое-какие заметки, выписки из «ан-си-клопедии», как произносил это слово Джимини Крикет^[67], если только я разгляжу их при этом хилом освещении. Бренда, как вам удается читать здесь каждую неделю? Я бы на вашем месте объявил забастовку. Ладно, шутки в сторону.

«Средняя аскарида достигает размеров графитного карандаша и откладывает яйца в фекалии носителя» – это просто. Потом не спрашивайте меня, как – в мире за пределами Иствика существует масса мест с антисанитарными условиями – эти яйца попадают вам в рот и вы их глотаете, хотите вы того или нет. Крохотные личинки вылупляются в вашей двенадцатиперстной кишке, сквозь ее стенки проникают в систему кровообращения и мигрируют по ней в легкие. Но не думайте, что там они собираются успокоиться и жить до самой пенсии. Нет, сэр. Эта будущая аскарида прогрызает стенку легочного капилляра, попадает в альвеолы, карабкается по тому, что принято называть респираторно-дыхательной системой до гортанной щели, где вы и глотаете ее снова! Вы можете поверить в то, что мы настолько глупы? Совершив повторный рейд по вашим внутренностям, она наконец обживается в кишках и становится вашим «домашним» среднезрелым отцом аскаридного семейства.

Или возьмем – одну минутку, мои заметки беспорядочны, – возьмем трогательно маленькую особь, которая называется легочная trematoda. Ее яйца попадают в воздух с мокротой, когда человек кашляет. – Ван Хорн покашлял для наглядности. – Оказавшись в воде, которой полно в подобных захолустьях, напоминающих своего рода «третий мир», они вылупляются и вселяются в определенный вид улиток, которых обожают, – теперь уже в форме личинок, эти самые легочные trematodes, вы следите за ходом моей мысли? Пожив внутри улиток, они выплывают наружу и проникают через мягкие ткани в речных раков или крабов. И когда японцы, или кто там еще, едят раков или крабов сырьими или недоваренными, как они любят, эти настырные trematodes попадают в их внутренности и прогрызают себе путь через кишки и диафрагму в старое доброе легкое, где заново начинают откладывать яйца в мокроте. Еще одна разновидность подобных прилипал – *Diphyllobothrium latum*, если я правильно это произношу. Этих маленьких плавающих эмбрионов поедают водяные

блохи, которых в свою очередь поедают мелкие рыбешки, которых поедают более крупные рыбы, и, наконец, съедая рыбу, человек проглатывает эту пулью; при этом никто не переваривает этих крохотных монстров, они пробуравливают все слои слизистой оболочки желудка, выходят наружу и процветают как ни в чем не бывало. Уф, ну и ну! Таких историй миллионы, но я не хочу вас утомлять и, понимаете ли, перегружать свой рассказ. Однако еще минутку. Это вы должны узнать. Цитирую: «*Echinococcus granulosus* – представитель немногочисленной разновидности ленточных червей, паразитирующих в организме человека. Взрослый червь обитает в кишечнике собаки, в то время как человеческий организм является одним из пристанищ эхинококка в стадии личинки. Характерно, что взрослый червь имеет незначительные размеры – от трех до шести миллиметров, в то время как личинка, известная под названием „эхинококковый пузырь“, может достигать размеров футбольного мяча. Человек инфицируется – обратите внимание! – при контакте с фекалиями зараженной собаки».

Вот вам, пожалуйста: помимо всех этих фекалий и мокроты, человек, сотворенный, как принято считать, по образу и подобию Божьему, когда речь идет о крохотных эхинококках, оказывается лишь перевалочной базой на их пути во внутренности собаки. Не нужно думать, что паразиты не живут друг в друге. Живут. А вот милашка под названием *Trichosomoides crassicauda*, о которой пишут – цитирую: «Женская особь этой разновидности паразитирует в мочевом пузыре крысы, а недоразвитая мужская – в матке этой женской особи». Вот так: недоразвитая, даже энциклопедия признает, что мужская особь – недоразвитая. Эй, а как вам вот это: «Явление, которое можно обозначить термином „половое нахлебничество“, наблюдается также у кровяных trematodов *Schistosoma haematobium*, у которых миниатюрная самка живет в так называемом геникофорическом канале самца, расположенным под брюшной полостью». Здесь, в книге, есть рисунок, я бы хотел, чтобы все вы, добрые люди, его увидели: ротовое отверстие на конце чего-то, похожего на палец, с трубкой, тянущейся вдоль брюха, – все это напоминает банан с полурасстегнутой молнией. Уж поверьте мне, вид мерзейший.

Тем, кто теперь беспокойно ерзал на церковных скамьях (потому что небо, проглядывавшее сквозь верхние секции окон, становилось все ярче, словно там, за окнами, вспыхивал проблесковый огонь маяка, а верхушки штокрозовых кустов кивали и вздрагивали под порывами очищающего ветра, который едва не опрокинул лодку с Артуром и Реем в Восточном проливе неподалеку от острова Дайер: у Артура не было навыка

управления юркой парусной шлюпкой и от испуга с ним случился приступ; птица билась внутри его грудной клетки, а в голове проносилось: «Только не сейчас, Господи, еще не сейчас!»), так вот, всем этим людям показалось, что лицо ван Хорна, то склонявшееся над разложенными на кафедре заметками, то поднимавшееся, когда он устремлял казавшийся невидящим взор на присутствующих, начало растворяться, превращаться в ничто. Он мучительно пытался собраться с мыслями, чтобы перейти к выводам. Наконец его голос снова зазвучал как из глубокого подземелья:

— Итак, подведем итог: дело, видите ли, не только в очаровательных полированных когтях тигра или дружелюбного косматого льва. Дело в том, что нам продают вместе со всеми этими мягкими игрушками. Уложить ребенка в постель с такой игрушкой — все равно что уложить его в постель с живой трematодой или волосатым тарантулом. Все вы едите. То, что вы ощущаете на закате чудесного летнего дня, когда первый за день стакан джина с тоником, или рома с кокой, или «Кровавой Мэри», или тарталетки из крекеров с каким-нибудь вкуснейшим мягким сыром, выложенным, как покерный стрит, на тарелке, стоящей на стеклянном столике где-нибудь на солнечной веранде или возле бассейна, начинают разрыхлять конъюгации ваших хромосом, — это то же самое, что ощущает круглый червь, когда гигантский кусок полупереваренного мяса или му-гу гайпена^[68] шлепается ему в пасть. Он — такое же реально существующее создание, как вы и я. Он — такой же величественный замысел, осуществленный, заметьте, с истинной любовью. Представьте это склоненное великое лицо с прячущейся в бороде улыбкой, эти легендарные пальцы с их ангельским маникюром, наводящие последний лоск на брюшную трубку Schistosoma: вот оно, Творение. А теперь я спрошу вас: не ужасно ли это? Разве вы, обладай вы необходимыми ресурсами, не смогли бы создать что-нибудь получше? Я лично, клянусь, мог бы. Так что в следующий раз голосуйте за меня, хорошо? Аминь.

На каждом приходском собрании обычно присутствует чужак. Сегодня этим одиноким незваным гостем оказалась Сьюки Ружмонт, сидевшая на задней скамье в соломенной шляпе с широкими полями, скрывавшей светло-рыжую копну прелестных волос, и в больших круглых очках — чтобы иметь возможность читать псалтырь и делать пометки на полях отпечатанной на mimeографе программки. Ее грубо откровенная колонка «Глаза и уши Иствика» была восстановлена, чтобы сделать «Слово» более «эротичным». Сьюки уже уловила подтекст светской проповеди Даррила и начала набрасывать репортаж. Со своей позиции на алтарном возвышении Бренда с Даррилом наверняка заметили, как она прошмыгнула внутрь во

время исполнения первого гимна, но ни Грета, ни Заря, ни Роуз Холлоубред не догадывались о ее присутствии, а поскольку Сьюки тихо выскользнула за дверь при первых же звуках гимна заключительного «Хвали, душа моя, Господа», никакой открытой конфронтации между фракциями ведьм не произошло. Правда, Грета начала безостановочно зевать, тусклые глаза Зари бешено зачесались, а ремешки на туфлях Фрэнни Лавкрафт расстегнулись; но все эти факты могли быть отнесены на счет естественных причин, равно как и восемь-девять новых седых волосков, которые обнаружила Сьюки, в очередной раз взглянув на себя в зеркало.

— Итак, она умерла, — сообщила Александре Сьюки по телефону. — Сегодня около четырех утра. С ней был только Крис, но он задремал. Лишь ночная сиделка, войдя в палату, обнаружила, что у нее нет пульса.

— А где был Даррил?

— Уехал домой немного поспать. Бедняга, он честно старался быть преданным мужем, проводил все ночи у ее постели. Это должно было случиться еще несколько недель назад, врачи удивлены, что она протянула так долго. Дженнى оказалась выносливее, чем можно было предположить.

— Да, она была вынослива, — просто сказала Александра, отдавая должное покойной.

Ее сердце, выполненное чувства вины, погрузилось в осеннее уныние, в покой отречения. Разговор происходил вскоре после Дня труда, по всему периметру двора Александры тщедушные дикие астры соперничали с «золотыми розгами» и буйным темно-зеленым чертополохом, отягченнымувесистыми головками цветов. Синие гроздья оплетавшего арку винограда созрели, ягоды, которые не успели склевать дрозды, осипались и образовали мягкий наст на дорожке; они были слишком кислыми, чтобы их есть, а варить повидло у Александры нынче не было ни сил, ни желания: ей даже думать не хотелось о кипячении, процеживании сиропа и горячих банках, к которым невозможно прикоснуться. Соображая, что бы еще сказать подруге, Александра вдруг испытала ощущение, которое в последнее время посещало ее все чаще и чаще: она словно оказалась вне своего тела и рассматривала его во всей его жалкой непрезентабельности, в его смертных параметрах, с близкого расстояния. В следующем марте ей исполнится сорок. По ночам ее по-прежнему мучили загадочные боли и зуд, хотя док Петерсон ничего у нее не находил. Это был пухлый лысый мужчина с широкими мягкими и такими розовыми и чистыми руками, что они казались надутыми.

— Я чувствую себя протухшей, — сообщила Александра.

– Да не волнуйся ты, – вздохнула в ответ Сьюки, и ее голос прозвучал устало. – Люди умирают постоянно.

– Мне просто хочется, чтобы кто-нибудь меня обнял, – неожиданно призналась Александра.

– Радость моя, кому же этого не хочется?

– Это было единственное, чего хотела и она.

– И она это получила.

– Ты имеешь в виду Даррила?

– Да. Но хуже всего то...

– Разве может быть что-нибудь хуже?

– Мне не следовало бы говорить даже тебе, Джейн сообщила мне это под строжайшим секретом... Ты ведь знаешь, что она встречается с Бобом Озгудом, который узнал это от дока Пета...

– Она была беременна, – опередила ее Александра.

– Откуда ты знаешь?

– А что еще может быть хуже того, что случилось? Как это печально, – вздохнула Александра.

– Ну, не знаю. Не хотела бы я быть тем ребенком. Не представляю Даррила в роли отца.

– Что он собирается делать? – Перед мысленным взором Александры всплыла неприятная картинка: зародыш – рыба с тупой головой, – свернувшийся калачиком, как декоративное дверное кольцо.

– Да думаю, в общем, то же, что и прежде. У него теперь новая компания. Я рассказывала тебе о его проповеди?

– Я читала твой памфлет в «Глазах и ушах». Ты представила это как лекцию по биологии.

– Каковой она и являлась. Это была превосходная мистификация. То, что он обожает. Помнишь «Буги соловья с Беркли-сквер»? Я не могла вставить ничего про Роуз, Зарю и Грету, но, честно признаться, когда они сдвигали головы, конус могущества, возникавший над ними, искрился электричеством, это было похоже на северное сияние.

– Интересно было бы посмотреть, как они выглядят голыми, – сказала Александра. Свое тело со стороны она всегда видела облаченным в то, во что была одета в данный момент.

– Наверняка ужасно, – предположила Сьюки. – Грета, безусловно, похожа на одну из тяжеловесных взъерошенных фигур с гравюр этого немца, как там его...

– Дюрер.

– Вот-вот. Роуз – тощая, как метла, а Заря должна выглядеть как

маленькая прилипчивая бродяжка с детским гладким, торчащим вперед животом и без груди. Ну а уж Бренда... Теперь мне кажется, что только из-за Эда я и могла с ней когда-то общаться.

— Я вернулась на то место, — призналась Александра, — собрала все проржавевшие булавки и воткнула их в себя в самых разных местах. Но и это не помогло. Док Пет говорит, что не находит у меня даже доброкачественной опухоли.

— Ох, милая! — воскликнула Сьюки, и Александра поняла, что напугала ее, подруга явно хотела закончить разговор. — У тебя и впрямь появляются странности.

Через несколько дней позвонила Джейн Смарт и пронзительно с возмущением воскликнула:

— Только не говори мне, что ничего не слышала!

У Александры возникало все более отчетливое ощущение, что Джейн и Сьюки общались между собой, а потом, на следующий день или чуть позже, одна из них звонила ей просто из чувства долга. Может быть, они подбрасывали монетку, чтобы решить, кому выполнять эту обязанность?

— Даже Джо Марино тебе ничего не сказал? — продолжала Джейн. — Ведь он один из основных кредиторов.

— Мы с Джо больше не видимся. Честно.

— Как жаль, — сказала Джейн. — Он был такой милый. Конечно, если вам нравятся итальянские эльфы.

— Он любил меня! — беспомощно выпалила Александра, понимая, как глупо это покажется собеседнице. — Но я не могла позволить ему оставить Джину из-за меня.

— Ну что ж, — заметила Джейн, — ради спасения репутации можно и так сказать.

— Наверное, ты права, Джейн-Пейн. Так или иначе, расскажи мне свою новость.

— Это не моя новость, это новость в масштабе всего города. Он уехал. Слинял, сладкая моя. Il est disparu^[69]. — От ее «с-с» было больно уху, ноказалось, что жалили они то, другое тело, в которое Александра могла вернуться лишь во сне.

По личной заинтересованности и гневности тона Александра решила, что речь может идти только об одном человеке.

— Боб Озгуд? — спросила она.

— Даррил, дорогая моя. Очнись наконец. Наш дорогой Даррил. Наш лидер. Наш избавитель от иствикской скуки. И прихватил с собой Криса Гейбриела.

– Криса?

– Ты с самого начала была права – он из этих.

– Но ведь он...

– Некоторые из них могут. Но это для них не подлинная реальность. Они не привносят в это тех иллюзий, которые свойственны нормальным мужчинам.

Har, har, diable, diable, saute ici, saute la. Еще год назад, вспомнила Александра, она стояла там, мечтательно глядя издали на дом, потом, переходя вброд прилив, волновалась из-за своих слишком полных и белых бедер.

– Ну что ж, – промолвила она. – Значит, мы оказались глупыми.

– Я бы сказала – скорее наивными. Да и как мы могли не быть наивными, живя в такой тихой заводи, как наша? Ты когда-нибудь задавалась вопросом: почему мы здесь живем? Потому что наши мужья высадили нас здесь, и мы, как тупые ромашки, продолжаем тут торчать.

– Значит, ты думаешь, что именно Крис...

– Да. Все это время. Это же очевидно. Даррил женился на Дженнини, чтобы держать его при себе. Я бы их обоих убила, честное слово.

– О, Джейн, не смей даже произносить это.

– Ну и из-за ее денег, разумеется. Ему нужны были эти несчастные плевые деньги, которые Дженнини получила за дом, чтобы сдержать кредиторов. А теперь еще подвалили больничные счета. Боб говорит, что это сплошной кошмар, все осаждают банк, потому что Даррил всучил ему закладную на поместье Леноксов. Боб говорит, что, даже если посчастливится найти толковых пользователей, можно будет разве что покрыть убытки; место идеально подходит для кондоминиума, если совет по планированию согласится, конечно. Боб надеется, что Херби Принса удастся убедить, сейчас он на дорогом зимнем курорте.

– А лабораторию свою он оставил? Краска, которая должна была превращать солнечную энергию в...

– Лекса, неужели ты не понимаешь? Там никогда ничего не было. Мы вообще его придумали.

– А как же рояли? И галерея?

– Никто понятия не имеет, что сколько там может стоить. Судя по всему, кое-что за тамошнее имущество получить можно, но большая часть этих так называемых предметов искусства наверняка страшно обесценилась; я имею в виду набивных пингвинов, выкрашенных автомобильной краской, и...

– Даррил любил все это! – перебила ее Александра, все еще преданная

бывшему другу. – Не мог он их подделать. Он был художником и хотел передать нам весь свой художественный опыт. И передал. Взять хотя бы твою музыку, Брамса, которого ты с ним бесконечно играла, пока твой жуткий доберман не сожрал виолончель и ты не стала разговаривать, как какой-то вкрадчивый банкир.

– Ты неисправимо глупа! – резко заявила Джейн и повесила трубку.

Это было к лучшему, потому что слова стали застревать у Александры в горле и голос сделался хриплым от мучительно подступающих слез.

Не прошло и часа, как позвонила Сьюки, что следовало считать последним вздохом былой солидарности. Но единственным, что, судя по всему, она могла сказать, было:

– О боже мой! Этот жалкий слизняк Крис. Он и двух слов-то никогда не мог связать.

– Я думаю, он хотел полюбить нас, – ответила Александра, которая была способна говорить только о Дарриле ван Хорне. – Но ему это просто не было дано.

– Ты думаешь, он хотел любить Дженн?

– Может быть. Она ведь была так похожа на Криса.

– Он слыл образцовым мужем.

– Вероятно, в этом таилась своего рода ирония.

– Лекса, меня все время мучает вопрос: ван Хорн ведь должен был знать, что мы делали с Дженн, не может ли быть...

– Продолжай. Скажи, не бойся.

– ...что мы выполняли его волю, когда...

– ...убивали ее, – закончила за подругу Александра.

– Да, – подтвердила Сьюки. – Потому что после того, как ван Хорн получил ее официально, все стало по-другому, он захотел убрать ее с дороги.

Александра задумалась; века, кажется, минули с тех пор, как ее мозг перестал трудиться, она уже забыла восхитительное, почти плотское ощущение зондирования неосозаемых тоннелей возможного и вероятного.

– Я очень сомневаюсь, – сказала она, – что Даррил был способен на такое планомерное действие. Он импровизировал в зависимости от ситуаций, создаваемых другими, и не умел заглядывать сколько-нибудь далеко вперед. – По мере того как Александра развивала свою мысль, она видела его перед собой все отчетливее, чувствовала его нутро, все его каверны, рубцы, полости. Ее дух перенесся в некое пространство эхом отдающегося одиночества. – Ван Хорн не был творцом, не располагал собственными творческими возможностями; единственное, что он мог, так

это высвобождать то, что заложено в других. Взять хотя бы нас: ведь и до того, как он приехал сюда, у нас был свой союз и у каждой – собственная сила. Я думаю, он хотел быть женщиной, он этого, собственно, и не скрывал, но даже это ему было недоступно.

– «Даже!» – издевательски передразнила Сьюки.

– Да, ты права, нередко женская доля убога. Следует это честно признать. – И снова ком в горле и подступающие к глазам слезы. Но это ощущение, как и медленно возвращающееся желание думать, обнадеживало, сулило пусть трудное, но начало нового. Бессмысленный дрейф Александры заканчивался.

– Может быть, тебе немного полегчает, если ты кое-что узнаешь, – сказала Сьюки. – Дженн, вполне вероятно, не жалела, что умирает. После того как Фидель сбежал вместе с этой парочкой, Ребекка много чего рассказывала в «Немо», в частности она говорит, будто, когда мы перестали бывать в поместье, там происходило такое, от чего у нас волосы встали бы дыбом. Совершенно очевидно, для Дженн не было секретом то, что задумали Даррил с Крисом, во всяком случае, после того, как она так благополучно вышла замуж.

– Несчастное создание, – вздохнула Александра. – По-моему, она была одной из тех идеально прекрасных людей, которым мир по загадочной причине не находит никакого применения. И природа в мудрости своей усыпляет их.

– Ребекка говорит, что даже Фиделя оскорбляло происходящее, – продолжала Сьюки, – но, когда она предложила ему остаться с ней, он сказал, что не желает становиться ловцом лангустов или рассыльным в «Дейтапробе», а ничем иным здешние жители такому латиносу, как он, заниматься не позволяют. Ребекка убита горем.

– Мужчины! – сокрушенно вздохнула Александра.

– Но куда же без них?

– А как все это восприняли такие люди, как Холлоубреды?

– Плохо. Роуз чуть ли не в истерике оттого, что Артур оказался финансово замешанным в жуткую неприятность. Судя по всему, его очень заинтересовали селенные теории Даррила и он даже подписал какое-то соглашение, в соответствии с которым становился его партнером в обмен на экспертные услуги. Это были обычные штучки Даррила, он умел принудить людей подписывать всякие договоры. Со спиной у Роуз, видимо, так плохо, что она спит на матрасе, расстеленном прямо на полу, и заставляет Артура с утра до вечера читать ей вслух макулатурные исторические романы. Он теперь не может вырваться из дома.

– И впрямь какая ужасная занудная женщина, – сказала Александра.

– Подлая, – добавила Сьюки. – Джейн говорит, что у нее голова похожа на печеное яблоко, обернутое пряжей из стальных волокон.

– Кстати, как там Джейн? Скажи честно. Боюсь, сегодня утром я ее раздражила.

– Ну, она говорит, что Боб Озгуд знает какого-то замечательного умельца в Провиденсе – кажется, на Хоуп-стрит, – который сможет заменить всю переднюю стенку ее Черути, не изменив тембра инструмента. Он – один из тех докторов наук, которые примкнули к хиппи и занялись ремеслами, чтобы то ли насолить своим отцам, то ли выразить протест против системы, то ли еще что-то. Но пока Джейн заклеила виолончель скотчем, продолжает играть на жеваном инструменте и утверждает, что ей это нравится, поскольку теперь якобы виолончель звучит человечнее. Мне кажется, она в ужасном состоянии. Очень нервная и склонная к паранойе. Я предлагала ей встретиться в городе, перекусить в кондитерской или даже в «Немо», раз Ребекка больше не винит за все нас, но она отказалась: боится, что ее увидят те, другие. Бренда, Заря или Грета, полагаю. Я их постоянно встречаю на Док-стрит. Я улыбаюсь, они улыбаются. Нам больше нечего делить. И цвет лица у нее стал просто-таки пугающим, – возвращаясь к Джейн, сообщила Сьюки. – Белый, как сжатый кулак, а ведь еще даже не октябрь.

– Уже почти, – возразила Александра. – Малиновки улетели, а по ночам слышен гусиный гогот. В этом году я оставила помидоры гнить на грядках; каждый раз, когда я вхожу в кладовку, бесчисленные банки прошлогоднего соуса смотрят на меня с укоризной. Мои ужасные отпрыски решительно восстали против спагетти, и, должна признать, макароны и впрямь добавляют калорий, в чем я едва ли нуждаюсь.

– Не глупи. Ты действительно похудела. Я на днях видела тебя выходящей из «Бей-Сьюоперетта» – торчала в «Слове», брала интервью у этого неправдоподобно молодого и напыщенного нового начальника порта, он просто ребенок с волосами до плеч, даже моложе Тоби, и выглянула в окно – заметила тебя и сказала себе: «Лекса выглядит просто сказочно». У тебя волосы были собраны в пышный хвост и на тебе был тот парчовый иранский...

– Алжирский, – уточнила Александра.

– ...Алжирский жакет, который ты носила прошлой осенью, и ты вела Коула на длинном поводке.

– Я ездила на пляж, – объяснила Александра. – Это было замечательно. Ни малейшего дуновения ветерка.

Хотя они проговорили еще несколько минут, стараясь вновь разжечь былую близость, ощутить тайное единство, сообщавшее родство их податливым и уязвимым телам, Александра и – как внезапно и безошибочно подсказала ей интуиция – Сьюки тоже с убийственной грустью почувствовали: все, о чем они говорят, уже в прошлом.

Каждый год наступает благословенный момент, когда мы знаем, что косим лужайку в последний раз. По договору Бен, старший сын Александры, зарабатывал карманные деньги работами по двору, но теперь возобновились занятия в школе, а после них он готовился стать новоявленным Лансом Олвортом на ниве футбола – бегал, как спринтер, финтил и подпрыгивал, чтобы испытать сладостное чувство прикосновения кожаного мяча к вытянутым кончикам пальцев в десяти футах над землей. Марси в свободное от учебы время работала официанткой в кондитерской «Укромный уголок», где теперь обслуживали и по вечерам, а кроме того, к огорчению Александры, начала встречаться с одним из тех лохматых и мрачных парней, которые ошивались перед «Бей-Сьюпереттом». Двое младших, Линда и Эрик, пошли соответственно в пятый и седьмой классы, и Александра стала находить под кроватью у Эрика в бумажных стаканчиках с водой окурки сигарет.

Сейчас Александра каталась в своем ревущем и изрыгающем выхлопные газы «торо», в котором не меняли масло с тех пор, как за хозяйством еще следил Оз, взад-вперед по запущенной лужайке, усеянной длинными, как птичьи перья, желтыми ивовыми листьями и изрытой готовившимися к зиме кротами. Нужно было сжечь весь бензин, чтобы его остатки не засорили будущей весной карбюратор. Потом она хотела слить грязное масло, но это показалось ей актом слишком уж высокого профессионализма.

На обратном пути в кухню, миновав кладовку с садовыми инструментами, она задержалась в мастерской, глядя на поставленную в стойло арматуру, и поняла наконец, что та собой олицетворяет: мужа. Каркас из неуклюже сбитых гвоздями и стянутых проволокой брусков один на два и два на четыре своей долговязой угловатостью напомнил ей Оззи, каким он был до женитьбы, пока семейная жизнь не сгладила его углы. Александра припомнила, как в первые годы их брака его колени и локти вонзались в нее, когда он корчился на кровати оточных кошмаров; она любила его за эти кошмары, потому что они служили свидетельством его ужаса перед перспективой жизни и ответственностью, которая маячила на горизонте его ранней мужской зрелости. К концу их брака муж спал

неподвижно, как мертвец, лишь потея и тихо посапывая.

Александра сняла с кухонной полки его многоцветный прах и посыпала им узловатый сосновый брус размером два на четыре дюйма, служивший плечами каркаса. Голова и лицо волновали ее куда меньше, чем ступни; она призналась себе, что конечности в мужчине были для нее важнее всего. Что бы там ни было посередине, идеальный, в ее представлении, мужчина должен обладать тонкими и изящными ступнями – как у Христа на распятии: скрещенные и пробитые гвоздями, с натянутыми сухожилиями, длинными пальцами, расслабленные, словно в полете, – и загрубевшими от работы, широкими ладонями; эластичные, как резина, руки Даррила были самой отталкивающей частью его тела. Александра эскизно воплотила свою идею в глине, использовав для этого последние запасы белого каолина, привезенного из Ковентри, с заднего двора вдовы. Ей достаточно было вылепить одну ногу и одну руку, приблизительность изображения не имела значения; что было действительно важно, так это не конечный продукт, а послание, начертанное в воздухе и предназначеннное для тех сил, которые формировали конечности в малейших подробностях, до мельчайших фаланг и фасций каждого пальца, для сил, которые совершенствовали, доводя до точных анатомических структур, неистовые озарения Творца, выплескиваемые Им, как из рога изобилия. В качестве головы Александра поместила наверху скромных размеров тыкву, купленную в зеленой лавке на шоссе № 4, которая десять месяцев в году выглядела безнадежно заброшенной и захудалой, но в сезон урожая возрождалась к жизни и прихорашивалась. Выпотрошив тыкву, она насыпала внутрь немного праха Оззи – действительно немного, потому что хотела воспроизвести лишь его сущностные супружеские качества. Один из самых важных ингредиентов – землю с запада, пригоршню сухой песчаной почвы, благодатной для произрастания полыни, – было почти невозможно раздобыть в Род-Айленде. Влажный восточный суглинок не годился. Но однажды Александра заметила припаркованный на Оук-стрит пикап с номерным знаком Колорадо, залезла рукой под задний бампер, соскребла с него немного бурой сухой грязи, принесла ее домой и смешала с прахом Оззи. На тыкву было также необходимо надеть ковбойскую шляпу, и ей пришлось ехать в «субару» в Провиденс и искать там магазин, в котором студенты Брауновского университета покупают костюмы для театральных постановок, карнавалов и демонстраций протеста. Очутившись в Провиденсе, Александра вдруг решила записаться в школу изобразительных искусств Род-Айленда в качестве студентки-заочницы;

как скульптор-примитивист она достигла своего потолка. Остальные студенты были ненамного старше ее детей, но один из преподавателей, керамик-индеец из Нью-Мехико, прихрамывающий мужчина с дубленой кожей, далеко за сорок, хлебнувший горя в жизни, привлек ее внимание, а она обратила на себя его внимание здоровой пышностью своих форм, в которых было что-то животное (недаром Джо Марино в моменты близости называл ее своей коровой). После нескольких семестров знакомства и ряда размолвок они поженились, и Джим увез ее и детей обратно на запад, туда, где воздух был восхитительно разреженным, а колдовство оставалось прерогативой исключительно шаманов хопи и навахо.

– Боже мой! – изумилась Сьюки, когда они разговаривали по телефону перед отъездом Александры. – Расскажи, в чем твой секрет?

– Это не для печати! – строго отрезала та.

Сьюки выросла до редактора «Слова» и, шагая в ногу с входящим в моду безапелляционно оскорбительным, бесстыдным духом послевоенной эры, каждую неделю печатала статьи о скандальных происшествиях, откровенные признания, памфлеты, основанные на банальных городских сплетнях, – в общем, все то, что Клайд Гейбриел брезгливо зарубил бы.

– Просто нужно вообразить свою жизнь, – доверительно поделилась с младшей подругой Александра, – и она сбудется.

Сьюки передала этот волшебный совет Джейн, на что милая сердитая Джейн, которой грозило остаться озлобленной и вечно раздраженной старой девой и чьи ученики уже теперь ассоциировали белые и черные клавиши рояля с костями и чернотой преисподней, со всем мертвым, суровым и угрожающим, недоверчиво прошипела что-то в ответ; она уже давно не воспринимала Александру как сестру, заслуживающую доверия.

Но втайне даже от Сьюки она собрала щепки от передней стенки виолончели, замененные преданным движению хиппи реставратором с Хоуп-стрит, завернула их в старый цвета сажи смокинг покойного отца, насыпала в один карман горстку истолченной сухой травы, пучок которой висел в подвале ее дома посмертной сущностью Сэма Смarta, в другой – клочки изорванной двадцатидолларовой купюры (потому что устала, смертельно устала от бедности), окропила все еще блестящие широкие лацканы смокинга своими духами, своей мочой и своей менструальной кровью, упаковала в пластиковый мешок из чистки и положила этот странно пахнущий амулет между матрасом и пружинами своей кровати. На этом испускающем удушающий аромат горбе Джейн и спала каждую ночь.

Однажды, в чудовищно холодные выходные, она гостила в Блэк-Бее у матери, к которой зашел на чашку чая ладный маленький человек в

смокинге и лакированных туфлях, сверкавших, как кипящая смола; он гостил у родителей в Честнат-Хилле и направлялся на гала-концерт в Таверн-клуб. У него были глаза навыкате наивного бледно-голубого цвета, как у сиамской кошки, с тяжелыми веками; его визит оказался не настолько кратким, чтобы он – который никогда не был женат и которого не брала в расчет ни одна претендентка из тех, за кем он мог бы ухаживать, как безнадежно чопорного и абсолютно несексуального даже для того, чтобы заподозрить в нем голубого, – не успел заметить в Джейн чего-то темного, резкого и грязного, что было способно разбудить долго дремавшую романтическую часть его души. Мы просыпаемся в разное время, и самые прекрасные цветы – те, которые расцветают на холоде. Он разглядел в Джейн также умелую и непреклонную потенциальную управительницу антикварной мебелью работы Чиппендейла и Дункана Файфа, изящнейшими китайскими лакированными комодами, глубокими погребами, набитыми марочными винами, ценными бумагами и серебром, которые он когда-нибудь унаследует от родителей, хотя оба они были пока живы, равно как и две его бабки – древние дамы с идеально прямыми спинами, не меняющиеся с годами, словно кристаллы, одна обитала в Милтоне, другая – в Сейлеме. Родовитость семьи, маклерский бизнес, который он вел весьма неуверенно, его деликатное аллергическое естество (молоко, сахар, алкоголь и поваренная соль категорически исключались) – все это требовало забот управительницы. Он позвонил Джейн на следующее утро, когда она уже собиралась умчаться в своем побитом «вэлиенте», и пригласил вечерком выпить с ним в Копли-баре. Она отказалась, но тут сказочная метель обрушилась на окрестности и задержала ее. Позвонив вечером, он предложил ужин в ресторане на верхнем этаже отрезанного от мира снегами отеля «Ритц». Джейн сопротивлялась, как могла, ее убийственный язычок карябал и жег его; но ее интонации были для него убедительнее слов, и в конце концов он заточил-таки ее в свою башенную железорудную фантазию в Бруклине, построенную по проекту ученика Генри Гобсона Ричардсона.

Сьюки насыпала на поверхность своего круглого ручного зеркала столько толченого мускатного ореха, что в нем не стало видно ничего, кроме зеленых глаз с золотистыми крапинками или, если чуть сдвинуть голову, – по-обезьяньи выдающихся вперед, слишком густо накрашенных помадой губ. Этими губами она торжественным шепотом семь раз произнесла страшную богохульную молитву Сернунну^[70]. Потом сняла с кухонного стола поблекшие старые клетчатые пластиковые салфетки и, придя на работу, сложила их в корзинку для материалов очередного

выпуска. На следующий день в редакции «Слова» объявился бойкий мужчина из Коннектикута с волосами песочного цвета, который хотел поместить в газете объявление: он искал породистого веймаранца для случки со своей сукой. Мужчина жил в Саутвике, в арендованном домике, с малолетними детьми (недавно он развелся с женой, которой помог с опозданием поступить на юридический факультет, и первое, что она после этого сделала, – обвинила его в нравственной жестокости); у несчастного животного началась течка, и теперь собака дико мучилась. У этого мужчины были длинный, несколько смещенный относительно центра нос, как у Эда Парсли, аура печальной интеллигентности, как у Клайда Гейбриела, и что-то от профессиональной холдности Артура Холлоубреда. В клетчатом костюме он выглядел излишне настороженным, как мишурный моряк из штата Нью-Йорк или тренъкающий на банджо любитель, неуверенно, бочком выходящий на сцену. Ему, как и Сьюки, нравилось выглядеть забавным. На самом деле он был из Стэмфорда, где работал в восходящей индустрии – продавал и обслуживал широко рекламируемые компьютеры, которые называли электронными редакторами. Что касается Сьюки, то она теперь наспех сочиняла и издавала любовные романы в мягкой обложке, печатая двумя пальцами на машинке пылкие абзацы, заменяя имена действующих лиц и перетолковывая на разные лады стандартные страсти и коллизии.

Сьюки покинула Иствик последней; но отпечаток ее образа – женщины в ворсистой замшевой юбке, с оранжевыми волосами, с мелькающими длинными ногами и руками, отражающимися в сверкающих витринах магазинов, – еще долго маячил на Док-стрит, как бледный призрак, остающийся перед глазами после того, как посмотришь на что-нибудь ослепительно яркое. С тех пор прошло много лет. У молодого начальника порта, последнего, с кем у нее был здесь роман, теперь было брюшко и трое детей; но он по сей день помнит, как Сьюки кусала его плечо и говорила, что ей нравится вкус соли, кристаллизующийся на его коже из морского тумана. Док-стрит заново заасфальтировали и расширили, чтобы повысить пропускную способность для автомобилей; от старой лошадиной поилки до Лендинг-сквер, как ее по привычке продолжают называть, на тротуарах спрямили все зигзаги, срезав выступавшие углы. В городе появились новые жители; некоторые живут в старом поместье Леноксов, которое действительно превратили в кондоминиум. Теннисный корт там поддерживают в хорошем состоянии, хотя провалившийся эксперимент с надувным шатром не возобновляли. Болото осушили, вычистили землечерпалками, построили док и небольшую эспланаду для

привлечения арендаторов. Повсюду видны гнезда снежных цапель. Дамбу нарастили, через каждые пятьдесят ярдов проложили дренажные трубы, теперь ее больше не захлестывает во время прилива, – впрочем, однажды это все же случилось, во время великого бурана в феврале 1978 года. Теперь климат, похоже, стал мягче; ураганы случаются редко.

Дженни Гейбриел покоится вместе с родителями под полированной гранитной плитой, окруженной аккуратно подстриженным газоном, на новом участке кладбища. Криса, ее брата и их сына с ангельским лицом и любовью к комиксам, поглотил нью-йоркский содом. Юристы теперь полагают, что имя Даррила ван Хорна было вымышленным. Хотя несколько патентов, зарегистрированных под этим именем, существует. Жители кондоминиума рассказывали о таинственном хрусте, который издают некоторые наружные подоконники, и об осах, умирающих от удара. Дела о финансовых махинациях покоятся в сейфах и ящиках с архивами, даже за такой короткий промежуток времени они покрылись пылью и никому не интересны. Что действительно интересно, так это то, что остается у нас в памяти, то, что рассеивают в воздухе и оставляют после себя наши жизни. Ведьмы исчезли, растворились; мы были лишь отрезком на их жизненном пути, а они – на нашем. Но пока голубовато-зеленоватый призрак Сьюки продолжает появляться на солнечных тротуарах, а черный силуэт Джейн проплывает по лунному лицу, слухи о временах, когда они во плоти жили среди нас, величественные и творящие зло, будут придавать особый аромат названию города, и с нами, с теми, кто здесь живет, навсегда останется нечто овальное, невидимое и волнующее, чего нам не дано понять. Мы вдруг наталкиваемся на него, завернув с Хемлок-лейн на Оук-стрит; оно сопровождает нас, когда мы бродим по пляжу после окончания купального сезона и Атлантика в своей черноте отражает непроницаемую серую плотность облаков: скандал, жизнь, подобная вьющейся струйке дыма, восходящей в легенду.

notes

Примечания

1

Леди Птичка – прозвище жены президента Линдона Джонсона. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

Имеются в виду дочери президента Линдона Джонсона.

3

Провиденс по-английски означает «предвидение, Промысел Божий».

4

Coal – уголь, уголек (англ.).

5

Oreos – разновидность детского лакомства: два шоколадных печенья, проложенные кремом.

6

Андреа Палладио (1508–1580) – итальянский архитектор.

7

«Молот ведьм» – трактат по демонологии и о борьбе с ведьмами, созданный в XV веке.

8

«Мьюзак» – американский концерн, поставляющий звукозаписи в супермаркеты, рестораны, гостиницы, залы ожидания и прочие общественные места.

9

Парсы – религиозная община зороастрийцев, потомков выходцев из Ирана, в Западной Индии.

10

Что вы сказали? (*nem.*)

11

Дети (*nem.*).

12

Пять (*нем.*).

13

Что касается меня (*phr.*).

14

T. C. Элиот. Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфроука. Перевод Андрея Сергеева. В кн.: *Элиот Т. С. Стихотворения и поэмы*. М., 2000. С. 21.

15

Эскобар Марисоль (р. 1930) – скульптор; француженка венесуэльского происхождения, живущая с 1950 г. в Нью-Йорке.

16

Ники де Сен-Фалль (1930–2002) – француженка, скульптор и график, считающая себя ученицей Анри Матисса.

17

Чиканос – американцы мексиканского происхождения.

18

Артистка (*fp.*).

19

Какой толк, кому это нужно (букв.: много из ничего) (*фр.*).

20

Музыкальные термины, обозначающие манеру исполнения фрагмента (спиккато и деташе – только для струнных инструментов, легато и маркато – для всех).

21

Потрясающе, сказочно (*им.*).

Quel – какой, что за (*фр.*); *Schmalz* – топленое сало, смалец (*нем.*).

23

Готам – название вымышленного города из детского стихотворения. В шутку американцы иногда так называют Нью-Йорк.

24

Мескаль – мексиканская водка из сока алоэ.

25

Моя корова. Моя белая корова (*um.*).

26

От англ. thumb – большой палец.

27

«*Булворт*» – сеть магазинов, получившая название по фамилии основателя, Фрэнка Уинфилда Булворта (1852–1919).

28

Бечевка, веревка (*лат.*).

29

Букв.: комната сопротивления (*фр.*).

30

Многогранность (*nem.*).

31

Паэлья – разновидность плова с морепродуктами.

32

Тамаль – мексиканское блюдо из толченой кукурузы с мясом и красным перцем.

33

Три! (*исп.*)

34

Быстро, живо! (*исп.*)

35

Пит Мондриан (1872–1944) – голландский живописец-абстракционист.

36

Грир Гарсон – популярнейшая киноактриса 1940-х, обладательница премии «Оскар».

«Значит, нам смерть – ничто и ничуть не имеет значения, ежели смертной должна непременно быть духа природа». Лукреций. О природе вещей. Перевод Ф. А. Петровского.

38

Бездонная пропасть (*лат.*).

39

«О природе вещей» (*лат.*).

40

Landing – пристань, причал (англ.). *Лендинг-сквер* – площадь причала.

41

Сверкающие созвездия (*лат.*).

42

Латинская фраза-палиндром, одинаково читаемая как слева направо, так и справа налево, безупречная грамматически, но не имеющая смысла.

43

Jane Pain – можно перевести как *Джейн-мучительница* (англ.).

44

Джокер и Пингвин – отрицательные персонажи цикла комиксов о Бэтмене.

45

Цикл комиксов о *Капитане Марвеле* (Капитане-Чудо) был создан как пародия на Бэтмана, за что его авторы подверглись судебному преследованию.

46

Пауль Хиндемит (1895–1963) – немецкий композитор.

47

Иголочка (*fp.*).

«История упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788) – труд английского историка Эдуарда Гиббона (1737–1794).

49

Sancocho – рагу из мяса и овощей, *mondongo* – требуха, *pollo picado con tocino* – шпигованный салом молодой петушок на вертеле, *souffle de sesos* – суфле из мозгов (*исп.*).

50

Коджак – детектив, заглавный герой популярного телесериала, вечно сосавший леденец на палочке.

51

Арчи Банкер – герой телесериала «Все дома» – громогласный всезнайка, воплощение самоуверенности и нетерпимости к чужим мнениям.

52

Добрый вечер, сеньора, очень приятно видеть вас снова в этом доме
(исп.).

53

Хочу пить! (*исп.*)

54

Газированной воды или шипучки, пожалуйста. Поскорее. Спасибо
(исп.).

55

Воистину вот вам тело мое (*лат.*).

56

Воистину вот вам чаша крови моей (*лат.*).

57

Эй, эй, дьявол, дьявол, прыгай сюда, прыгай туда, поиграй здесь, поиграй там! (*фр.*)

58

Имеется в виду слово «рак», по-английски «cancer». (*Примеч. ред.*)

59

Уильямсберг – город на юго-востоке штата Виргиния, его колониальная столица, восстановленная под старину в первозданном виде.

60

Между нами (*фр.*).

61

Хидеки Тодзио (1885–1948) – японский адмирал, в период Второй мировой войны военный министр Японии, один из главных обвиняемых на суде над военными преступниками.

62

Постепенно замедляя (*ит., муз.*).

63

Куранта – старинный французский танец.

64

Смычок вверх (*нем.*).

65

Смычок вниз (*нем.*).

66

Очень громко (*им., муз.*).

67

Джимини Крикет – персонаж диснеевского мультфильма, снятого по мотивам сказки Карло Коллоди о Пиноккио.

Му-гу гайпена – китайское блюдо кухни южных провинций из цыпленка с грибами, овощами и специями.

69

Он исчез (*фр.*).

Сернунну – языческое божество, которому поклонялись древние кельты.